

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В РАЗЛИЧНЫХ
НОРМАТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ**

Sozialer Konflikt in verschiedenen normativ-semiotischen
Systemen

КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

2012

УДК 316:34
ББК 60.5:67.5
С 69

*Печатается по рекомендации ученого совета Института истории
Казанского (Приволжского) федерального университета
(протокол № 5 от 21 ноября 2012 г.)*

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ и Академии наук
Республики Татарстан. Региональный конкурс «Волжские земли в истории
и культуре России» 2012 – Республика Татарстан (проект 12-13-16503);
Ассоциации юристов России
(Волгоградское региональное отделение)

Научный редактор –

Почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации, доктор юридических наук,
кандидат исторических наук, профессор **В.А. Летяев**

Рецензенты:

доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук
Республики Татарстан, заместитель директора Института истории
им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан **Р.Р. Салихов;**

доктор исторических наук, профессор Института истории
Казанского (Приволжского) федерального университета **Р.А. Циунчук**

С 69 Социальный конфликт в различных нормативно-семиотических системах / под ред. В.А. Летяева. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – 412 с.

ISBN

Коллективная монография посвящена междисциплинарному дискурсу проблематики социального конфликта, разрешаемого в формате различных нормативно-семиотических систем. Междисциплинарные практики позволяют преодолеть естественно складывающуюся специализированность в подходах и расширяют арсенал различных регуляторов.

Для научных и практических работников, специалистов в области права, истории общества, политологии, психологии, педагогики, лингвистики, конфликтологии. А также для студентов вузов, интересующихся проблематикой социального конфликта и его разрешением при помощи регуляторов различных нормативных систем.

УДК 316:34
ББК 60.5:67.5

ISBN

© Казанский университет, 2012

Ubi concordia, ibi victoria
Где согласие – там победа

СОДЕРЖАНИЕ

1. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В ЗЕРКАЛЕ РАЗНЫХ ПОДХОДОВ.....	8
1.1. НАСКОЛЬКО ЭФФЕКТИВНО СОЧЕТАНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПРАКТИК ДЛЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ КОНФЛИКТА? (В.А. ЛЕТЯЕВ).....	8
1.2. О ПОНЯТИЯХ «СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ» И «КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КРИЗИС» (М.Г. ЮНУСОВА).....	32
1.3. ДОБРОСОВЕСТНАЯ, РАЗВИВАЮЩАЯ КОНКУРЕНЦИЯ: ОТ СОПЕРНИЧЕСТВА К СОТРУДНИЧЕСТВУ (И.В. КУРЫШЕВА)	39
1.4. КОНФЛИКТ КАК СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ И ОСНОВА РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ, ЗАЛОЖЕННЫХ В ПРАВЕ (Е.Ю. МАЛИКОВ)	49
2. СОЦИАЛЬНАЯ ДРАМАТУРГИЯ И ЕЕ АКТОРЫ.....	63
2.1. АКТОР КАК АКТИВНАЯ СТОРОНА, СОЗДАЮЩАЯ И ВЛИЯЮЩАЯ НА ХОД СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СВОИХ ИНТЕРЕСОВ (Т.В. ДЕРЮГИНА).....	63
2.2. ОБРАЗ ВРАГА В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (А.И. МАКАРОВ).....	77
2.3. ТРАДИЦИОННЫЙ И «НЕТРАДИЦИОННЫЙ» ИСЛАМ В ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ: ПОЛЕМИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ (Л.И. АЛМАЗОВА).....	92
2.4. СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КОНФЛИКТА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В ТАТАРСКОЙ АССР КОНЦА 1930-Х – НАЧАЛА 1940-Х ГГ. И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ (Е.Г. КРИВОНОЖКИНА, И.И. ХАНИПОВА).....	101
2.5. РАЗЛИЧИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТОВ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В АРГОСЕ V– IV ВВ. ДО Н.Э.) (Е.А. ВЕНИДИКТОВА)	111
3. ВСТУПЛЕНИЕ НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЫ В РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ: ФУНКЦИЯ И ДИСФУНКЦИЯ НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЫ.....	119
3.1. РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В УСТРАНЕНИИ ДИСБАЛАНСА НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ (И.Н. СЕНЯКИН).....	119
3.2. РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛИЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА (Р.А. НАБИЕВ).....	136
3.3. ВНЕДРЕНИЕ КОНФЛИКТОЛОГИИ В УЧЕБНЫЕ ПЛАНЫ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ ВПО ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ (ФИЛОСОФИИ, ПРАВА, ИСТОРИИ, ЭТНОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ, СОЦИОЛОГИИ) (О.В. СИНИЦЫН)	140
3.4. ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТАТАРСТАНА – СРЕДОТОЧИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТИ И ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОСТИ РЕГИОНА (Р.Р. ХАЙРУТДИНОВ).....	149

3.5. МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ (Р.Г. МЕЛЬНИЧЕНКО)	160
3.6. ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО И МУЛЬТИКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ГОРОДСКОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.: КОНФЛИКТ И ДИАЛОГ (С.Ю. МАЛЫШЕВА)	177
3.7. НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ (ПРИМЕР РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН) (А.И. ХАМИДУЛЛИНА).....	190
3.8. МИР КАК АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ (Ю.Ю. ВЕТЮТНЕВ).....	194
3.9. НЕОБХОДИМОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КОНФЛИКТ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ (А.А. ФОМИН).....	203
3.10. ИМПЕРИЯ КАК ФОРМА РАЗРЕШЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ И НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (Н.И. ГРАЧЕВ)	213
3.11. ОБХОД ЗАКОНА КАК СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА (В.А. ВОЛКОВ, В.М. МЕЛИХОВ, М.В. СЕВОСТЬЯНОВ).....	227
3.12. К ВОПРОСУ О ГРУППОВЫХ ИСКАХ В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (Е.И. СЕНЯКИНА)	252
3.13. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ИНТЕРЕСОВ И КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ ПРОЦЕССОВ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ (Т.К. КРАСИЛЬНИКОВА)	256
3.14. ПРОЕКТ «КЛАССНАЯ ДРАМА» (КЛАСС-АКТ) КАК РЕСУРС ДЛЯ «ПРОИГРЫВАНИЯ» КОНФЛИКТА В ПОДРОСТКОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ И СОЗДАНИЯ АЛГОРИТМОВ ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКА (Л.Е. БУШКАНЕЦ)	268
4. ТЕКСТ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ	277
4.1. РЕАЛЬНОСТЬ КОНФЛИКТА В КОНФЛИКТЕ ТЕКСТОВ: ИСТОЧНИКИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XX В. (А.А. САЛЬНИКОВА)	277
4.2. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ПРАВЕ. ДИСКУРСНО- ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КОРПУСНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ЮРИДИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ (ФОГЕЛЬ ФРИДЕМАН)	286
4.3. ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ (С.С. ТАХТАРОВА)	304
4.4. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ (Д.С. ЯГУДИНА).....	315
4.5. ЦВЕТОВАЯ ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КОНФЛИКТА В ЮРИДИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ КАК СПОСОБ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА (В.А. ЛЕТЯЕВ, Г.Г. ЕГОРОВ).....	324
4.6. АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА И РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ (Д.Ю. ЛЮБИТЕНКО).....	340
4.7. ОГРАНИЧЕНИЕ УСМОТРЕНИЯ В ПРАВЕ КАК СПОСОБ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ (А.А. НИКИТИН).....	357
ANMERKUNGEN.....	377
KAPITEL I. SOZIALER KONFLIKT IM SPIEGEL VERSCHIEDENER ANSÄTZE.....	377

1. WIE EFFEKTIV IST DIE KOMBINATION VON INTERDISZIPLINÄREN PRAKTIKEN FÜR DIE INSTITUTIONALISIERUNG DES KONFLIKTS? (V. LETYAV)	377
2. "ZU BEGRIFFEN "SOZIALER KONFLIKT" UND "KULTURELL-HISTORISCHE KRISE" (M. JUNUSOWA)	378
3. GEWISSENHAFTE, ENTWICKELNDE KONKURRENZ: VON RIVALITÄT ZUR ZUSAMMENARBEIT (I.V. KURYSHEVA).....	378
KONFLIKTLÖSUNG ALS GRUNDLAGE FÜR DIE LÖSUNG DER SOZIALEN IM RECHT INNEWOHNENDEN INTERESSENWIDERSPRÜCHE (E.YU. MALIKOV)	380
KAPITEL II. SOZIALE DRAMATURGIE UND IHRE AKTOREN.....	381
AKTOR ALS DIE AKTIVE SEITE, DIE DEN VERLAUF DES SOZIALEN KONFLIKTS JE NACH SEINEN INTERESSEN SCHAFFT UND BEEINFLUSST (T.V. DERJUGINA)	381
2. DAS BILD DES FEINDES IN DEN TERRITORIALEN KONFLIKTEN: METHODISCHE ASPEKTE (A. MAKAROV).....	382
3. TRADITIONELLER UND "NICHT-TRADITIONELLER" ISLAM IN DER WOLGA-URAL-REGION: DISKUSSION UND ARGUMENTATION IM MODERNEN RELIGIÖSEN DISKURS (L. ALMASOVA).....	383
4. GERICHTLICHES ERMITTLUNGSVERFAHREN ALS QUELLE DER FORSCHUNG DES KONFLIKTS ZWISCHEN MACHT UND GESELLSCHAFT IN DER TATARISCHEN AUTONOMEN SOZIALISTISCHEN SOWJETREPUBLIK IN DEN SPÄTEN 1930ER – ANFANG DER 1940ER JAHRE UND PROBLEME SEINES GEBRAUCHS (E. KRIVONOZHKINA, I. HANIPOVA)	384
5. UNTERSCHIEDE IN DEN SOZIALEN INTERESSEN ALS URSACHE FÜR KONFLIKTE (AM BEISPIEL DES SOZIO-POLITISCHEN KAMPFES IN ARGOS V–IV JAHRHUNDERT V.CHR.) (E.A. VENEDIKTOVA).....	384
KAPITEL III. EINSATZ VOM NORMATIVEN SYSTEM BEI DER REGELUNG DER SOZIALEN INTERESSEN: FUNKTION UND DISFUNKTION DES NORMATIVEN SYSTEMS	385
1. DIE ROLLE DER RECHTSSTRUKTUREN BEI DER BESEITIGUNG VON UNAUSGEWOGENHEIT DER NORMATIV-RECHTLICHEN AKTEN (I. SENJAKIN)	385
2. RELIGIÖSE AUSBILDUNG IN MULTI-ETHNO-KONFESSIONELLER UMWELT ALS FAKTOR FÜR EINE NACHHALTIGE GESELLSCHAFTSENTWICKLUNG (R. NABIEV).....	386
3. EINFÜHRUNG DER KONFLIKTFORSCHUNG IN HOCHSCHUL-CURRICULA DER SOZIALWISSENSCHAFTLICHEN FACHRICHTUNGEN (PHILOSOPHIE, RECHT, GESCHICHTE, ETHNOLOGIE, POLITIKWISSENSCHAFT, SOZIOLOGIE) (O. SINIZYN).....	387
4. KULTURELLE ERBE VON TATARSTAN – IM MITTELPUNKT EINER MULTIKULTURELLEN UND MULTIRELIGIÖSEN REGION (R.R. KHAIRUTDINOV).....	388
5. MEDIATION ALS KONFLIKTLÖSUNGSMETHODE (P. MELNITSCHENKO).....	389
6. FREIZEIT-PRAKTIKEN DER MULTI-ETHNISCHEN UND MULTIKONFESSIONELLEN STADTGEMEINSCHAFT RUSSLANDS IN DER ZWEITEN HÄLFTE DES XIX – ANFANG XX JAHRHUNDERTE: KONFLIKT UND DIALOG (S. MALYSCHewa)	390
7. NATIONAL-REGIONALE KOMPONENTE ALS EIN WICHTIGES ELEMENT DES STAATLICHEN MECHANISMUS DER ERHALTUNG UND ENTWICKLUNG DER SPRACHLICHEN VIelfALT (AM BEISPIEL DIE REPUBLIK TATARSTAN) (A.I. KHAMIDULLINA).....	390

8. DIE WELT ALS AXIOLOGISCHER GRUND DER RECHTLICHEN MECHANISMEN ZUR LÖSUNG SOZIALER KONFLIKTE (Y.Y. VETYUTNEV).....	391
9. DIE NOTWENDIGKEIT UND DIE GRENZEN VON STAATLICHEN UND RECHTLICHEN AUSWIRKUNGEN AUF DEN KONFLIKT IN KRISENSITUATIONEN (A. FOMIN).....	392
10. DAS KAISERREICH ALS EINE LÖSUNGSFORM DER REGIONALER KONFLIKTE IN RUSSLAND UND IM POSTSOWJETISCHEN RAUM (N. GRATSCHEV).....	393
11. UMGEHUNG DES GESETZES ALS MITTEL DER KONFLIKTLÖSUNG (V.A. VOLKOV, V.M. MELICHOV, M.V. SEVOSTJANOV).....	394
12. ZUR FRAGE DER GRUPPENKLAGEN IM SCHIEDSVERFAHREN (E. SENJAKINA).....	395
13. DIE POLITISCH-RECHTLICHE INSTITUTIONALISIERUNG DER KORPORATIVEN INTERESSEN UND DIE KONFLIKTTRÄCHTIGKEIT DER PROZESSE IHRER REALISATION: DIE INLÄNDISCHE ERFAHRUNG (T.K. KRASSILNIKOWA).....	395
14. DAS PROJEKT "KLASSENRAUM DRAMA" (CLASS ACT) ALS RESSOURCE FÜR DAS "DURCHSPIELEN" DES KONFLIKTS IM JUGENDLICHEN TEAM UND ENTWICKLUNG VON VERHALTENSALGORITHMEN DES TEENAGERS (L. BUSCHKANEZ).....	396
KAPITEL IV. TEXT UND SOZIALER KONFLIKT.....	397
1. REALITÄT DES KONFLIKTS IM KONFLIKT DER TEXTE: QUELLE DER RUSSISCHEN GESCHICHTE DES XX JAHRHUNDERTS (A.A. SALNIKOVA).....	397
2. SEMANTISCHE KÄMPFE IM RECHT. DISKURSLINGUISTISCHE UND KORPUSPRAGMATISCHE ZUGÄNGE ZU JURISTISCHER SEMANTIK (FRIEDEMANN VOGEL).....	397
3. SPRACHÖKOLOGISCHER ASPEKT DER KONFLIKTKOMMUNIKATION (S.S. TAKHTAROVA).....	398
4. METHODJLOGISCHER KONFLIKT IN HERMENEUTIK (D.S. YAGUDINA).....	399
5. DIE FARBVISUALISIERUNG DES KONFLIKTS IM GESETZESTEXT ALS MITTEL DER VERMEIDUNG VON SOZIALEN KONFLIKTEN (V. LETYAEW, G. EGOROV).....	400
6. ANTIKORRUPTIONSEXPERTISE UND REGULIERUNG VON SOZIALEN KONFLIKTEN (D. LJUBITENKO).....	401
7. ERMESSENSBESCHRÄNKUNG IM RECHT ALS EINEN WEG ZUR VERMEIDUNG DER SOZIALEN KONFLIKTE (A. NIKITIN).....	402
ФОТОРЕПОРТАЖ С КОНФЕРЕНЦИИ.....	403
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	405
INFORMATIONEN ZU DEN AUTOREN.....	409

1. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В ЗЕРКАЛЕ РАЗНЫХ ПОДХОДОВ

1.1. Насколько эффективно сочетание междисциплинарных практик для институционализации конфликта?¹ **(В.А. Летяев)**

Конфликт в социуме – проблема «вечная». Прежде всего потому, что сама история общества демонстрирует нам и историю самих конфликтов, и историю их предотвращения. Наличие конфликта в обществе естественно именно вследствие многообразия интересов, заложенных в нем самом, которые сами по себе противоречивы и постоянно приводят к их взаимодействию, консолидации или проблеме. В дальнейшем это выводит общество на институционализацию существующего конфликта, происходящую в различных форматах. Этот процесс требует социального опыта разрешения конфликтов, который и представляет несомненный научный интерес, удовлетворяемый через форматы, предлагаемые разными отраслями научных знаний.

С точки зрения теории познания большое значение имеет проблема возможности, достаточности и необходимости социального конфликта для развития общественных отношений. Эта проблематика является классической и традиционно привлекает внимание исследователей разных областей научного знания. Очевидна уже сложившаяся специализированность в подходах к данной проблеме, которая объясняется различиями в научном инструментарии. Зачастую исследователи воспринимают только собратьев по своему узкоспециальному научному сообществу, не вникая в то, какие подходы и достижения имеются в других областях научного знания.

Тематика урегулирования конфликтов исследовалась представителями разных наук. Прежде всего, следующими зарубежными социологами: Дж. Бертон, К. Боулдинг, П. Бурдьё, М. Вебер, Д. Галтунг, Э. Гидденс, Р. Дарендорф, Г. Зиммель, Л. Козер, Р. Коллинз, Л. Крисберг, Н. Луман, К. Маркс, Р. Мертон, Р. Парк, Т. Парсонс,

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0955 по теме «Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития (Среднее Поволжье XIX – начала XXI вв.)».

П. Сорокин, М. Фуко, Ю. Хабермас и др., которые заложили методологическую основу современных конфликтологических практик¹.

Прежде всего, отметим три направления исследований. Так, Т. Парсонс, будучи функционалистом, рассматривал конфликт как форму дисфункции в обществе². Р. Дарендорф считал его естественным явлением³. В начале XXI в. появляется социотехнологический подход, разработанный Х. Корнелиусом, Р. Фишером, Ш. Фэйром, У. Юри⁴.

Из российских авторов отметим тех, в работах которых были заложены теоретико-методологические основы современной российской конфликтологии: это А.Я. Анцупов, А.Г. Большаков, В.В. Василькова, А.В. Вишневская, А.А. Деревянченко, А.В. Дмитриев, З.З. Дринка, А.Н. Крестьянинов, В.И. Сперанский, А.К. Зайцев, В.В. Козлов, В.А. Светлов, В.Н. Тренев, Н.И. Чувашова, А.И. Шипилов и др.⁵ В работах этих ученых многие теоретические вопросы были тщательно исследованы.

Вместе с тем именно в практической деятельности конфликт зачастую рассматривается, прежде всего, как явление негативное, а отсутствие его – как позитивное. При этом упускается из внимания то обстоятельство, что любая «живая система» существует и развивается диалектически, то есть при наличии противоречий. Именно они создают энергию движения любой системы.

¹ Мальцев А.А. Конфликт Поппер – Маркс в контексте развития науки // Вестник Казанского ун-та им. Л.Н. Туполева. Казань, 1998. С. 54 – 59; Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000. 467 с. См.: Зборовский Г.Е. История социологии: учеб. М.: Гардарики, 2004. С. 198 – 430; Лапин Н.И. Эмпирическая социология в Западной Европе: учеб. пособие. М.: ИДГУ ВШЭ; Макс Пресс, 2004. С. 266 – 380; Титов В.Ф. Философия: учеб. М.: Высшая школа, 2003. С. 35 – 180.

² Ковалев А.Д. Формирование теории действия Толкотта Парсонса // История теоретической социологии: в 4-х т. М.: Канон, 1997. Т. 3. С. 150–179; Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1997.

³ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147; Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002. 288 с.

⁴ Корнелиус Х., Фэйр Ш. Выиграть может каждый. М.: Стрингер, 1992. С. 12 – 67; Фишер Р., Юри У. Путь к согласию или переговоры без поражений. М.: Паука, 1992. С. 24–45.

⁵ Большаков А.Г., Несмелова М.Ю. Конфликтология организаций: учеб. пособие. М.: Пресс, 2001. 321 с.; Прибыловский В.М. Социальные механизмы управления организационными конфликтами: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008.

Представляется перспективной разработка технологий урегулирования конфликта, построенных на введении правил, ограничивающих конфликтные взаимодействия, поскольку такой подход позволяет использовать различные формы институционализированного разрешения конфликта, в том числе и создание правил, запрещающих искоренять конфликты, несущие позитивные функции¹.

В рамках этого научного направления нам близки взгляды Льюиса Козера на парадигму и институционализацию конфликта, изложенные им в ряде работ, ставшими бестселлерами и социологической литературы XX в.: «Функции социального конфликта» и «Дальнейшие исследования социального конфликта»². В понимании Л. Козера конфликты играют интегрирующую и стабилизирующую роль в обществе. В предисловии к русскому изданию «Функций социального конфликта» он пишет: «...я стремился обосновать тот тезис, что в различных социальных условиях социальные конфликты выполняют позитивные функции. Конечно, не любой и не все социальные конфликты выполняют позитивные функции, но социолог должен выявить те социальные контексты и социальные условия, в которых социальный конфликт помогает скорее выздоровлению, чем загниванию общества или его составляющих»³. В отличие от Т. Парсонса, Дж. Ландберга, Э. Мэйо, Ф. Ретлишбергера, Л. Уорнера, К. Левина, рассматривавших конфликт как дисфункциональное явление, Л. Козер вслед за Г. Зиммелем⁴ понимал конфликт именно как форму социализации. «Анализ различных типов конфликта и социальных структур, – писал он, – привел нас к заключению, что конфликт бывает дисфункционален для тех социальных структур, которые недостаточно или вовсе нетерпимы по отношению к конфликту и в которых сам конфликт не институционализирован. Острота конфликта, грозящего «полным разрывом» и подрывающего основополагающие принципы социальной системы, напрямую связана с жесткостью ее структуры. Равновесию подобной структуры угрожает не конфликт как таковой, а сама эта жесткость, способствующая аккумуляции враждебных чувств и направляющая их вдоль одной оси, когда

¹ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта. С. 142–147; Зиммель Г. Избранное. М.: Юрист, 1996. Т. 2. 607 с.; Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идеф-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 295 с.

² Coser L.A. The functions of Social Conflict. N.Y., 1956; Coser L.A. Continuities in the Study of Social Conflict. N.Y., 1967.

³ Козер Л. Функции социального конфликта. С. 25.

⁴ Зиммель Г. Избранное. Т. 2.

конфликт все-таки вырывается наружу»¹.

Активное изучение различных аспектов конфликта привело к формированию специальных направлений в рамках отдельных научных парадигм – психологической, юридической, этнокультурной, педагогической и речевой конфликтологии².

Изучение проблемы в юридической науке ведет свое начало еще с работ Н.М. Коркунова, Г. Еллинека, Р. Иеринга. Н.М. Коркунов понимал само право как разграничение интересов. Г. Еллинек воспринимал право в его двойственной природе: сущее и должное. Р. Иеринг, также выявляя конфликт в праве, писал об отстаивании своих интересов путем борьбы. В советской юридической науке возникла бесконфликтная концепция развития общества, поэтому и отсутствовала необходимость в конфликтологии – как общей, так и юридической. Позднее в российскую историографию проблемы наибольший вклад внесли В.П. Казимирчук, В.Н. Кудрявцев, Ю.А. Тихомиров и др. На текущий момент в юридической науке сложилось понимание функций юридического конфликта, причин их появления, динамики проявления юридических конфликтов. Существуют дискуссии в части типологии юридических конфликтов, управления конфликтами, способов их разрешения, юридических процедур и механизмов правового разрешения. В качестве способов юрисдикции конфликтов в основном предлагаются: их предупреждение (совершенствование законодательства, укрепление законности и правопорядка, повышение уровня правовой культуры и правосознания, борьба с правовым нигилизмом), локализация, перевод в позитивную форму, создание третейских и медиативных процедур, переговорный, консенсуальный процесс, прогнозирование. Сама юридическая конфликтология в современном юридическом понимании также воспринимается как междотраслевое, междисциплинарное направление правовой мысли. Однако до сих пор как предмет, так и понятийный инструментарий юридической конфликтологии слабо разработаны. Наиболее хрестоматийным определением конфликта можно считать следующее определение: «Конфликт – это нормальное проявление социальных связей и отношений между людьми, способ взаимодействия при столкновении несо-

¹ Зиммель Г. Избранное. Т. 2. С. 184.

² Подробнее об этом: *Летяев В.А., Тахтарова С.С.* Введение. Разрешение конфликта в различных нормативных системах: право, дискурс, философия, психология, история // Институционализация конфликта как средство обеспечения юридической и социальной безопасности: под ред. В.А. Летяева. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011. Глава 1. С. 6.

вместимых взглядов, позиций и интересов, противоборство взаимосвязанных, но преследующих свои цели двух или более сторон»¹.

Традиционно в юриспруденции принято выделять конфликты, возникающие как из противоречий в самих правовых нормах и актах, так и конфликты, возникающие в общественной жизни, не регулируемой правовыми нормами, но приобретающими впоследствии юридическое значение и маркированность. Без сомнения, юридические конфликты, как и иные конфликты, имеют не только отрицательный, но и позитивный эффект, являясь естественным, закономерным элементом социального развития. Формат стресса без дистресса, родившийся в психологии, применим и к юридическим конфликтам, которые должны вовремя обозначить проблему и стать стимулом для оптимизации правового регулирования в кратчайшие сроки. В связи с выявленной логикой развития юридического конфликта (возникновение, развитие и разрешение) в юридической науке обычно выделяют и три его стадии: предконфликтную, конфликтную, постконфликтную.

Очевидно то обстоятельство, что следует на междисциплинарном уровне с использованием инструментария различных гуманитарных наук подойти к сходному определению общих научных понятий о природе и специфике конфликтов, в том числе юридических. Также на междисциплинарном уровне будет полезно рассмотреть саму возможность, необходимость и целесообразность правового регулирования целого ряда социальных конфликтов. Очевидна недостаточная разработанность технологий нормативной институционализации конфликта или, в ряде случаев, его смягчения. Но самое важное – этизация проблемы пределов институционализации конфликта. Юридические регуляторы оптимальны в том случае, когда не работают морально-этические, психологические и дискурсивные.

В некоторых современных работах (Е.Ю. Сурвилло) стала предлагаться эффективная для организаций «социотехнология урегулирования конфликта, построенная на введении правил, ограничивающих конфликтные взаимодействия и одновременно запрещающих искоренять конфликты, несущие позитивные функции».² Полагаем, что подобные работы имеют существенное значение для контекстуального

¹ *Ворожейкин И.Е., Кибанов А.Я., Захаров Д.К.* Конфликтология: учеб. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 36.

² *Сурвилло Е.Ю.* Социальная технология урегулирования организационных конфликтов в коммерческих организациях розничной торговли: дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2009. 170 с.

понимания предлагаемых нами подходов, учитывая также то обстоятельство, что мы не претендуем на то, чтобы представить все публикации, связанные с нашим исследованием.

В теоретическом плане имеют существенное значение также классические работы в области семиотики, прежде всего Ю.М. Лотмана¹.

Наша задача заключалась в том, чтобы не только подтвердить возрастающий научный интерес к междисциплинарности исследования этой проблемы, собрав представителей различных наук для дискуссии за одним столом, но и попытаться услышать друг друга с надеждой на то, что взгляд со стороны поможет увидеть и другую сторону и, возможно, изменить отношение к проблеме, которое сложилось в их отрасли научного знания. Мы исходили также из того, что такие междисциплинарные дискуссии пока не привлекали должного внимания. Хотя в последние годы исследователи и были близки к нашему пониманию методологии исследования социального конфликта именно как междисциплинарной проблемы.

Междисциплинарность исследования социального конфликта имеет потенциал и может определить некоторую динамику самих публикаций в части поиска совместных междисциплинарных подходов исследования проблемы. Поэтому, в 2011 – 2012 гг. нами были организованы две международные конференции по этой тематике. В 2011 г. в Волгограде была организована конференция, посвященная институционализации конфликта как средству юридической и социальной безопасности², а в 2012 г. в Казани, в федеральном университете, конференция была посвящена теме «Социальный конфликт в различных нормативно-семиотических системах». Наша задача заключалась в исследовании согласительного ресурса социального конфликта, чтобы перевести позитивный потенциал конфликта в обществе в конструктивное русло. Особое место заняла проблема исследования мультикультурности как стабилизирующего фактора исторического развития в регионе Среднего Поволжья и роль межкультурной коммуникации и права в разрешении конфликта интересов. Когда логичным и обоснованным становится «вступление» права в разрешение конфликта, использование «ресурса права» в его институционализации? А когда лучше разрешить проблему конфликта ин-

¹ Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992.

² Институционализация конфликта как средство обеспечения юридической и социальной безопасности: под ред. В.А. Летяева. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011.

тересов при помощи ресурсов других нормативных систем?

Поэтому среди участников конференции уже традиционно присутствовали представители разных наук, которых привлекает эта проблема – юристы, историки, психологи, этнологи, культурологи, лингвисты, педагоги и политологи.

Дискуссиям, прошедшим на конференции в Казани, и посвящена предлагаемая вашему вниманию монография, в которой предпринята попытка применить предлагаемые модели.

В данной главе нашей целью является представление реализованных на конференции методологических подходов, которые привели к концептуальному сближению наших мнений, повлияли на формирование исследовательской программы этой монографии.

Остановлюсь на методологии самой дискуссии на конференции. Наш замысел заключался в том, чтобы вначале обсудить представленные участниками материалы по проблемам, порождающим социальные конфликты, и по способам их разрешения. Учитывая то обстоятельство, что в каждой из наук, которые представляют участники, сложились свои подходы, было предложено обсудить в рамках мастер-классов этапность и оптимальность включения каждой из нормативных систем в разрешение конфликта.

Так, в течение первого дня работы конференции ее участники представили для обсуждения подготовленные ими материалы по тематике социального конфликта, предприняли попытку определить предметное поле обсуждения, ответив на основной вопрос – что же такое социальный конфликт в зеркале разных подходов? Во время общей дискуссии в первый день работы конференции были обсуждены вопросы драматургии конфликта и моделей его разрешения в различных нормативно-семиотических системах и в истории общества. Кто являются акторами социального конфликта? Разрешим ли социальный конфликт? Естественно ли возникновение и существование конфликта в обществе? Конфликтогенность в категориях закономерностей и случайности в истории общества. Развитие конфликта и понимание этого процесса в различных нормативных системах. Вступление нормативной системы в регулирование конфликта: функция и дисфункция нормативной системы при его институционализации. Предотвращение конфликта: исчерпана ли проблема различия интересов? Текст и социальный конфликт.

Во второй день всем были предложены три мастер-класса. Первый мастер-класс был ориентирован на не-юридические способы ин-

ституционализации конфликта. То есть *всегда ли необходимо формально-юридически «регулировать» конфликт?* С этой целью состоялось представление Л.Е. Бушканец уникального проекта «Классная драма» (Класс-акт) как ресурса для «проигрывания» конфликта в подростковом коллективе и создания алгоритмов поведения подростка.

Следующим этапом началась подготовка будущего текста монографии. *С целью использования метода «сократического диалога» для создания и презентации текста* монографии о социальном конфликте с мастер-классом выступил его модератор А.И. Макаров. Тема: «Сократический диалог» и его конвенциональный (согласительный) ресурс. Его задача заключалась в том, чтобы убедить участников: конфликт зачастую начинается и детонируется оттого, что мы «не слышим» друг друга, не умеем понимать собеседника. В качестве способа понимания друг друга предложена методология того, как правильно задавать вопросы, для того чтобы выяснить истинное намерение друг друга.

Завершил второй день *мозговой штурм «Формирование исследовательской программы коллективной монографии по проблематике разрешения конфликта в различных нормативных системах»*. Его провел модератор Ю.Ю. Ветютнев. В его задачи входили *создание общего предметного поля и проблематизация темы усилиями исследовательского коллектива*. В процессе дискуссии участники на основе уже совместно обсужденных в первый день работы конференции проблем предприняли попытку заново ответить на следующие вопросы. Что такое социальный конфликт? В чем различие конфликта и конфликтологии? Возможно ли развитие общества без конфликтов? Как соотносятся конкуренция и конфликт? Каковы виды социального конфликта?

Отвечая на вопрос о том, *кто является актором социального конфликта и кто сильнейший в конкурентной борьбе*, были сформированы следующие варианты ответов: носитель духовной силы; способный к сотрудничеству; тот, кто ее не начинает; тот, у кого больше ресурсов; тот, кто победил; невидимая рука рынка; координатор; подстрекатель; Бог; Дьявол.

Перейдя к проблеме начала конфликта, участники дискуссии предложили свои версии того, с чего начинается конфликт, какие он проходит стадии. Были сформулированы следующие варианты ответов: формирование предпосылок, зарождение, экспозиция, осознание конфликта, выход на сцену акторов, эскалация конфликта, противостояние, планирование, переговоры, медиация, принуждение, развяз-

ка, постпозиция, оформление результатов.

Разрешим ли социальный конфликт? Всегда ли социальные нормы способствуют разрешению конфликта? Каковы способы профилактики конфликта? Способы разрешения конфликта? В качестве вариантов предложены: консенсус, применение правового механизма, уступка, уничтожение одной из сторон, уничтожение обеих сторон, уничтожение предмета конфликта, невмешательство, замораживание, игровое взаимодействие, подкуп, обход закона, иск, запрет.

Проведенная в ходе конференции работа по поиску институциональных способов разрешения конфликта позволила участникам подготовить итоговые выводы, представленные ими для публикации в коллективно созданной монографии.

Так, *М.Г. Юнусова*, обратившись к характеристике понятий «социальный конфликт» и «культурно-исторический кризис», привлекла внимание к значению этих понятий в контексте философских, социологических, культурно-исторических дискурсов эпохи модерна. Она представила наиболее значимые (в данном контексте) концептуальные оценки понятий «социальный конфликт», «социальное противоречие», «противоречие как антиномия». *М.Г. Юнусова* поставила вопрос о возможности исторической типологии социальных конфликтов и культурно-исторических кризисов, привлекла внимание к необходимости (и проблематичности) выделения т.н. «плодотворных» конфликтов, «плюс-конфликтов» и конфликтов деструктивных, т.е. ведущих в первом случае к социальной конвергенции, во втором – социальной деструкции. Она обратила внимание к тому, что в наши дни социальные и межгосударственные противоречия парадоксальным образом «упаковываются» в религиозную форму, а также возрастает общее количество конфликтов «искусственных», спровоцированных не без участия средств массовой коммуникации.

И.В. Курьшева обратилась к добросовестной, развивающей конкуренции, которая институционализирует конфликт, переводя его в другой формат: от соперничества – к сотрудничеству. В психологии понятие «конкуренция» рассматриваются через категорию социальной ценности. Однако с целью смягчения негативных последствий конкуренции желательно придавать ей гуманистическую направленность. Между конкуренцией и конфликтом существует определенное различие. И конкуренция, и конфликт являются формами борьбы. Конкуренция при этом непрерывна и безлична, а конфликт – носит временный и личностный характер. Деление конкуренции на добросовестную и не-

добросовестную имеет юридическую и этическую подоплеку. Функционирование любых предприятий, организаций, учреждений в соответствии с критериями добропорядочности и добросовестности в деловой практике опирается одновременно на формальные и неформальные основания. Поэтому конкуренция, как это ни парадоксально, предполагает сотрудничество, соблюдение общих договоренностей, гражданских правил, этических и моральных принципов ведения конкурентной борьбы в целях повышения конкурентоспособности.

Е.Ю. Маликов рассмотрел конфликт как основу разрешения противоречий социальных интересов, заложенных в праве. Структура конфликта, считает он, формируется в зависимости от различных социальных интересов субъектов, что дает возможность проследить взаимодействие внутренних и внешних факторов в зарождении и развитии конфликта, а также выработать основные средства и пути его минимизации и (или) полного устранения. В качестве причин возникновения конфликтов с точки зрения права он назвал отсутствие правового регулирования тех или иных правоотношений, коллизионность, пробельность в регулировании и т.п.). Он также рассмотрел роль права по созданию условий, способствующих нивелированию конфликта интересов различных субъектов и их групп, создающих устойчивую основу для развития общества. *Е.Ю. Маликов* проанализировал влияние интересов на формирование норм объективного права и на осуществление субъективного права, способность права воздействовать на формирование одних интересов и противодействовать другим, рассмотрел проблемы недопущения осуществления своего интереса во вред другим субъектам правоотношений, соотношения частного и публичного интереса, правовые средства (ограничения, пределы, стимулы и т.п.), применение которых способно разрешить правовые конфликты.

Кто же является актором социального конфликта? *Т.В. Дерюгина* увидела актора как активную сторону, создающую и влияющую на ход социального конфликта в зависимости от своих интересов. Ею представлен социальный конфликт через взаимодействие акторов, их роли в процессе создания, развития и минимизации и (или) устранения конфликта. Также выявлена зависимость между интересами актора и причинами возникновения конфликта, исследованы понятия актора, предлагаемые в разных общественных науках (политологии, социологии и т.п.). Проведен анализ интересов как основного источника возникновения конфликта: осознание актором своих интересов

или интересов социальной группы, которую он представляет, осмысление наличия противоположных интересов, по поводу которых стороны готовы вступить в конфликт, роль правомерных и неправомерных интересов в его формировании. Выявлено влияние мотивации актора на возникновение, развитие и подавление конфликта, рассмотрен конфликт интересов и когнитивный конфликт. Рассмотрено соотношение понятий «участник конфликта» и «актор», стратегии поведения актора в конфликтной ситуации (приспособление, избегание, компромисс, соперничество, сотрудничество). Сделан вывод о позитивной роли актора в конфликте, которая направлена на поиск правовых средств, помогающих устранить возможные социальные конфликты, обеспечить порядок в обществе, стабильность и устойчивость общественной системы.

А.И. Макаров обратился к образу врага в территориальных конфликтах, позиционируя его как актора конфликта. Онтологический статус конфликта он определяет с помощью анализа эмпирики и прагматики конфликтологии. Предложенная им гипотеза разрешения конфликтов состоит в следующем: в человеческом обществе, поддерживающем ценность мирного разрешения территориальных конфликтов, агрессия может и должна быть превращена в территориальный конфликт, а этот вид конфликта – в территориальный спор, территориальный спор – в юридическое и политическое обсуждение аргументов сторон, приводящее либо к компромиссному решению, либо к замораживанию конфликта. Все эти стадии – агрессии, территориального конфликта, территориального спора, обсуждения аргументов сторон и решение – сопровождает образ врага, меняющийся по мере перехода от стадии к стадии. Образ врага функционально необходим конфликтующим сторонам для работы политического и этического воображения, формирования мотивов поведения. В задачи *А.И. Макарова* входили прояснение ключевых концептов этой схемы (через наведение между ними понятийных границ) – территориального конфликта, территориального спора, дать типологию образов врага и выявить функционально-семантические связи между типами образов другого-чужого и концептом «наша территория».

Во время дискуссии была рассмотрена проблема различия социальных и национально-конфессиональных интересов как предпосылка возникновения конфликта. Модель мультикультурности в Среднем Поволжье и Приуралье как политическое средство предотвращения конфликта. Так, Л.И. Алмазова обратилась к соотношению традици-

онного и «нетрадиционного» ислама в Волго-Уральском регионе в современном религиозном дискурсе. Она отметила то обстоятельство, что во многих странах мира весьма остро стоит вопрос о взаимоотношениях между представителями различных религиозных культур. Зачастую конфликт возникает не только в рамках двух разнородных религиозных традиций, но и среди сторонников одной и той же религии, как, например, противостояние католиков и протестантов в Северной Ирландии, алавитов и суннитов в Сирии. Теперь этот список может дополнить Волго-Уральский регион. На основании проведенных в 2009 – 2012 гг. исследований делается вывод о том, что в Татарстане и Башкортостане можно говорить о двух основных противостоящих друг другу направлениях в исламской умме: ханафитах, защитниках местных традиций ислама (включающих также и суфийское наследие), и салафитах – сторонниках нетрадиционной для региона формы ислама. Главные взаимные претензии обоих направлений – суфиев и ханафитов-традиционалистов, с одной стороны, и салафитов – с другой, можно разделить на четыре группы: а) догматические противоречия; б) различия в подходах к фикху; в) обрядовые разногласия; в) этические несоответствия. Этот особый отвлеченный богословский дискурс в современном исламе, как впрочем и веками ранее, приобретает явный политический оттенок, поскольку определяет, на какую школу и, соответственно, страну будут ориентироваться верующие, к какому центру силы принадлежит та или иная территория. По мнению *Л.И. Алмазовой* традиционалистское направление более адаптировано к жизни в условиях поликультурного общества, в то время как салафизм, импортированный из стран с мусульманским большинством, менее приспособлен к компромиссам и принятию разнообразия религиозных дискурсов. Попытки дискредитации и отсутствие диалога с умеренным крылом салафизма со стороны официального духовенства и российских властей могут привести лишь к еще большей конфронтации и переходу части сторонников салафизма к более радикальным формам религиозных убеждений.

Разрешим ли социальный конфликт?

И.Н. Сенякин привлек внимание к роли юридических конструкций в устранении дисбаланса нормативно-правовых актов. Российское законодательство, отметил он, представляет собой огромный нормативно-правовой массив, в котором встречаются различного рода несогласованности, разночтения, противоречия и неточности. Дублирование и рассогласованность правовых норм порождает такое

явление, как законодательный дисбаланс. И.Н. Сенякиным обоснованы внутренние и внешние формы выражения законодательного дисбаланса, раскрыты вертикальные и горизонтальные формы его проявления, показана видовая характеристика законодательного дисбаланса: он может быть отраслевой и межотраслевой, федеральный и региональный, законов и подзаконных актов, дисбаланс в содержании правовых институтов и т.д. Он раскрыл причины законодательного дисбаланса: федерализм российского законодательства, перекосы в соотношении федерального и регионального законодательства, его чрезмерная дифференцированность, коллизийность, несовершенство юридической техники и т.д., дал определение законодательного дисбаланса. В качестве способа и средства устранения законодательного дисбаланса И.Н. Сенякиным предложена юридическая конструкция. Имея многоаспектный характер, конструкция нормативно-правового акта, с одной стороны, представляет структуру содержательной части нормативного акта, а с другой – конструкцию лингвистической структуры указанного акта. При создании конструкции нормативно-правовых актов применяются такие структурные единицы, как преамбула, примечание, приложение, сноска. Автором раскрыто понятие нормативно-правового акта, его назначение, виды и влияние на сбалансированность законодательства, пояснено, что изучение нормативно-правовых актов с точки зрения их конструктивных особенностей играет большую роль в устранении дисбаланса правотворческой и правоприменительной деятельности.

Р.А. Набиев вновь возвращает дискуссию в русло межконфессиональных отношений, рассмотрев религиозное образование в полиэтноконфессиональной среде как фактор устойчивого развития общества, пути повышения его роли в развитии межкультурной толерантности и диалога. Он определил важные направления повышения качества и эффективности религиозного образования, которое осуществляется в правовом поле. Среди них: создание единых учебных программ, обеспечение учебных структур традиционного характера учебными пособиями и адаптированных к местным традициям педагогическими кадрами, совершенствование взаимодействия государственных и религиозных структур в сфере образования и т.д. Расширение социальной базы устойчивого развития общества происходит также за счет формирования толерантных межрелигиозных отношений, в том числе в сфере образования путем конкретных методик и практик в процессе обучения и воспитания. Он привлек внимание к проблеме преподавания знаний о ре-

лигии в светской школе в условиях полиэтноконфессиональной среды, требующей учета интересов различных групп населения, поскольку межконфессиональное согласие и создание атмосферы взаимоуважения формируется на основе традиций, исторической памяти и взвешенной научно обоснованной политики.

О.В. Синицын предлагает активно внедрять конфликтологию в учебные планы направлений подготовки высшего профессионального образования по общественным наукам (философии, права, истории, этнологии, политологии, социологии). По его мнению, создание системы сдержек и разрешения конфликтов не является самопроизвольным, оно есть результат целенаправленных образовательно-воспитательных педагогических воздействий, в первую очередь на молодое поколение. Это имеет прямое отношение к формируемым компетенциям выпускников высших учебных заведений. Исходя из этого им обосновывается необходимость включения в действующие учебные планы ФГОС в вариативную часть гуманитарного, социального и экономического цикла в структуре ООП бакалавриата по направлениям подготовки по общественным наукам таких дисциплин, как «введение в конфликтологию», «история конфликтологии», «философия конфликта и мира», «общая конфликтология», «технологии урегулирования конфликтов и укрепления мира», «введение в историю и теорию институтов конфликто разрешения». Наиболее приемлемым в настоящее время представляется курс «Общая конфликтология».

Р.Г. Мельниченко рассуждает о таком известном способе разрешения конфликтов, как медиация, которая в России после принятия соответствующего федерального закона стала интенсивно развиваться. Важной вехой развития медиации в России стало появление курсов профессиональных медиаторов. В ходе проведения подобных курсов, пояснил он, был выявлен ряд ключевых моментов, влияющих на развитие медиации в России: степень правового регулирования допуска в профессию медиатора, особенность имплементации лиц отдельных профессий в профессию медиатора (юристы, психологи, врачи). Обоснована потребность в наличии у профессионального медиатора следующих компетенций: идентификации конфликта, идентификации модуса мышления, идентификации целей. Рассмотрены проблемные медиационные институты: медиационная тайна, коучинг, правовое оформление медиационных процедур.

Следующим блоком рассмотренных и обсужденных вопросов были следующие. *Естественно ли возникновение и существование*

конфликта в обществе? Конфликтogenность в категориях закономерностей и случайности в истории общества. Развитие конфликта и понимание этого процесса в различных нормативных системах. Вступление нормативной системы в регулирование конфликта: функция и дисфункция нормативной системы при его институционализации. Предотвращение конфликта: исчерпана ли проблема различия интересов?

С.Ю. Малышева при исследовании проблемы конфликта и диалога обратилась к досуговым практикам многонационального и мультиконфессионального городского сообщества России II половины XIX – начала XX в. На примере многонационального и мультиконфессионального городского сообщества губернского города Казани она рассмотрела условия, в которых протекали процессы становления и трансформации досуговых практик горожан во второй половине XIX – начале XX в. С.Ю. Малышевой показано, что интенсивные межкультурные коммуникации в этой сфере ввиду социально-классовой, национально-конфессиональной, культурной неоднородности российского городского сообщества рассматриваемого времени нередко приобретали форму конфликта (игрового либо реального). Однако этот межкультурный диалог в значительной степени способствовал сближению досуговых практик горожан, их демократизации и гомогенизации.

А.И. Хамидуллина рассмотрела проблематику социального конфликта через тему полиэтничности в республике Татарстан. Национально-региональный компонент она рассматривает как важный элемент государственного механизма сохранения и развития языкового многообразия. Как известно, введение национально-регионального компонента государственного образовательного стандарта в образовательный процесс в 1992 г. вызывало в татарстанском обществе неоднозначную оценку, так как наиболее зримым изменением стало введение в учебную программу дисциплины по изучению татарского языка и литературы. Автор отметила, что судебные разбирательства, связанные с реализацией НРК, носят прецедентный характер, судебная практика не отражает негативного восприятия населением поликультурного и полилингвального образования, а скорее демонстрирует существующие проблемы в политике, законодательстве и правоприменении. На основе материалов судебной практики автор пришла к следующим выводам: проводимая в советский период языковая политика на современном этапе трансформировалась из идеи «интернационализма» в приоритет

конкурентоспособности; положения нормативно-правовых актов и федеральных государственных стандартов ставят под угрозу гарантию реализации права обучения на родном языке не русскоязычного населения; эмпирические данные свидетельствуют о позитивных изменениях в восприятии национально-регионального компонента как части образовательной программы и успешной реализации проводимой политики в Татарстане, что говорит о необходимости корректировки госстандартов третьего поколения.

Ю.Ю. Ветютнев рассмотрел «мир» как аксиологическое основание правового механизма разрешения социальных конфликтов, как один из аксиологических вопросов права. Во многих философских и теоретико-правовых учениях, отметил Ю.Ю. Ветютнев, подчеркивается особая ценность мира как цели права и государства. Ряд источников права содержит прямое указание на мир как ценность. Преамбула Конституции Российской Федерации утверждает гражданский мир и согласие наряду с правами и свободами человека. Если война – это взаимодействие насильственное, основанное на взаимном подавлении и вытеснении, вплоть до уничтожения, то есть полного лишения ресурсов, то мир, по контрасту, – это отношения взаимного признания. Мир означает, что участники отношений считаются с существованием друг друга и готовы продолжать общение на основе уважения каждым жизненного пространства своего контрагента. Роль права в мирном процессе – предоставление соответствующих речевых форм и средств для его поддержания. Многие из правовых форм специально рассчитаны на достижение и поддержание мира. В особенности это относится, например, к такой правовой форме, как договор. Здесь присутствуют признаки мирного состояния в его развитом виде – совместная деятельность, создание речевой среды, демонстрация обоюдного признания субъектности. Ценность мира проявляется и в такой правовой форме, как состязательная судебная процедура.

Необходимость и пределы правового воздействия на конфликт при чрезвычайных обстоятельствах рассмотрены *А.А. Фоминым*. Государственное управление в условиях кризисных ситуаций сопряжено со значительными трудностями и требует решительных, порой жестких, но обязательно регламентированных правом мер. Отсутствие эффективных правовых механизмов приводит к несвоевременным и ошибочным решениям, чрезмерным разрушениям и социальной напряженности в обществе, в целом осложняет возврат к нормальной жизни. Поэтому кризисные ситуации, сколь бы внезапными и траги-

ческими они ни были, требуют постоянного мониторинга источников угроз, их природы и причин возникновения, непрерывного правового осмысления и выработки путей и средств, которые помогали бы их предотвращать, а если все же они возникнут, то преодолевать, причем наиболее быстрым и эффективным образом. Речь идет об оптимизации накопленного правоприменительного опыта разрешения социальных конфликтов, выстраивании новой схемы взаимоотношений государства и личности, совершенствовании действующих положений и т.д. Особо остро стоит проблема определения пределов применения правовых мер безопасности в условиях кризисных ситуаций. С одной стороны, их использование позволяет в русле права преодолевать те или иные конфликты интересов, которые не могут быть устранены нормальным конституционным путем. С другой – необходимо твердо гарантировать, чтобы концентрация власти, столь необходимая при этом, не использовалась в ущерб конституционному правопорядку, чтобы ссылки на особые, чрезвычайные обстоятельства не привели к устранению из жизни общества государственно-правовых демократических институтов.

Империя как форма разрешения региональных конфликтов в России и на постсоветском пространстве рассмотрена *Н.И. Грачевым*. Тенденции развития мировой политической системы свидетельствуют, что в условиях глобализации происходят реновация имперской государственности, реставрация идеи империи и имперского суверенитета. Реформа федеративной системы, проведенная в 2000-х гг. Президентом Путиным, позволила сохранить и укрепить российское государство, но не смогла решить многих проблем, как внешних, так и внутренних. Во вне – это вызовы своей целостности и суверенитету со стороны геополитических противников, нерешенные вопросы статуса целого ряда территорий ближнего зарубежья (Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия), экспансионистские устремления различных государств по отношению к бывшим советским республикам, границы которых фактически являются рубежами Российской империи. Решение этих проблем лежит в плоскости нахождения и строительства оптимальной модели государственно-территориального устройства, способной обеспечить России территориальную целостность, внутреннюю и внешнюю безопасность и суверенитет. Сквозь призму этой модели следует рассматривать и политику России по отношению к республикам постсоветского пространства. Россия не утратила своей имперской специфики. Само ее существование в качестве суве-

ренного государства предполагает имплантацию имперских форм и методов в ее государственную организацию, что лишний раз было подтверждено легкостью построения новой властной вертикали, имперской по форме и назначению. Существует и естественное пространство для расширения сферы политического влияния России – республики бывшего СССР. При целенаправленном формировании интеграционных процессов здесь в полной мере могут быть задействованы принципы федерализма и конфедерализма, которые являются важным организационно-правовым инструментом возрождения и наращивания потенциала России при образовании евразийского союза.

Категории «обход закона» и его конфликтологическому содержанию было посвящено выступление *А.В. Волкова, В.М. Мелихова и М.В. Севостьянова*. Авторами предложено в ст. 10 ГК РФ ввести понятие «обход закона», которое существовало еще в римском праве. В российском гражданском праве этот термин появился в ГК РСФСР 1922 г., но с принятием ГК РСФСР 1964 г. от этого понятия отказались. В действующем ГК РФ «обход закона» рассматривается как притворная сделка. Авторы доказывают, что «обход закона» – это всегда вид притворных сделок, это самостоятельное правонарушение, совершаемое через притворные сделки. Обход закона – это полностью самостоятельная категория незаконных сделок, однако не связанная с традиционным институтом недействительности сделок. Обход закона – это разновидность злоупотребления правом; правомерное действие, связанное с допустимым усмотрением субъектов права; частный случай правоприменительных позиций при толковании правовых норм. Это одна из сложнейших форм злоупотребления правом. На основании изложенного делается вывод о том, что злоупотребление гражданским правом вообще – это особый вид гражданского правонарушения, связанного с умышленным выходом управомоченного лица в ситуации правовой неопределенности за внутренние пределы (смысл, назначение) субъективного гражданского права (определяемые в том числе критериями разумности и добросовестности) для достижения своей незаконной скрытой цели с использованием формализма и недостатков гражданского права: абстрактности, узости, пробелов, оговорок, ошибок, противоречий правовых норм и договорных условий и т.д.

Е.И. Сенякина рассмотрела групповые иски в арбитражном судопроизводстве как один из способов защиты гражданских прав, применяемых с целью разрешения конфликта. Групповые иски пред-

ставляют собой сравнительно новую разновидность исков для арбитражного процессуального права. Их появление обусловлено развитием рыночных отношений, предпринимательской деятельностью и отсутствием должной законодательной базы, в полной мере соответствующей их содержанию. Автором рассмотрен ряд проблемных моментов, касающихся данных исков; высказаны предложения по совершенствованию арбитражного законодательства, затрагивающие вопросы групповых исков; проанализирована зарубежная практика их использования.

Т.К. Красильникова обратилась к рассмотрению корпоративных интересов и конфликтогенности их реализации на основе отечественного опыта. Ею раскрыто, каким образом в условиях традиционной для России модели властных отношений реализация политико-правового обеспечения корпоративных интересов, образование и конкуренция множества политических, предпринимательских, религиозных и иных корпораций, закрепление за институтами публичной власти функции арбитража, обеспечивающего для устойчивого развития общества баланс корпоративных устремлений и потребностей, будут иметь конфликтогенный характер.

Следующая проблематика была объединена в рубрику *Текст и социальный конфликт*. *А.А. Сальниковой* предложено определение и авторское понимание конфликтогенного текста в источниковедении, дифференцированы понятия реально и потенциально конфликтогенного текста, показано соотношение конфликта текстов и конфликта интерпретаций, выявлены факторы, способствующие или ослабляющие степень конфликтогенности источников. В качестве примера конфликтогенных текстов рассмотрены «детские» тексты, созданные в переломную эпоху революций 1917 г. и гражданской войны в России.

Фридеман Фогель (ФРГ) рассмотрел семантическую борьбу в праве, дискурсивный и корпусно-прагматический подходы к рассмотрению правовой семантики на примере немецкоязычной юрислингвистики.

Основное внимание уделяется пониманию того, что «правовая деятельность» есть институционализированная и комплексная форма правовой «текстовой работы», при которой спорные вопросы сначала проходят «языковую подготовку» (Jeand'Heur 1998), и только затем по ним принимается решение. Юрислингвистическая экспертиза направлена на рассмотрение реализуемых в этом процессе процедур оязыкования и текстуализации как на диалогическом (микроуровень), так и на

дискурсивном уровне (макроуровне), при этом особое внимание уделяется непрофессиональным vs юридическим знаниям. В контексте лингвистического анализа дискурса иллюстрируются два выбранных подхода к рассмотрению правовой семантики. В основе данного исследовательского подхода лежит теория дискурса Фуко, прежде всего понятие «семантической борьбы» (Fields, 2006), которая представляет собой языковой и аргументативный процесс, в котором конфликтующие субъекты и группы пытаются доминантно отстаивать свое понимание мира в правовом дискурсе. На примере нормативного генезиса так называемого «онлайн-поиска», нового инструмента вмешательства немецких служб безопасности с 2009 г., обнаруживаются в рамках качественного исследования (Vogel 2012) языковые стратегии, с помощью которых защитники и противники данного явления пытаются формировать предмет обсуждения в соответствии со своей собственной перспективой. Фридеман Фогель предлагает более современный подход «правовой корпус-прагматики», т.е. компьютеризированные, количественные методы анализа правовой семантики, на примере доктринально-правового дискурса на тему так называемого «человеческого достоинства» (статья 1, пункт 1 Конституции Германии).

С.С. Тахтарова рассмотрела коммуникативное поведение собеседников в ситуациях конфликта. Она исходила из потенциальной конфликтогенности любого коммуникативного акта, детерминированного различиями в «прагматике говорящего и слушающего», а также целым рядом других факторов, и поэтому можно говорить о спонтанной, немотивированной, и интенциональной, целенаправленной, конфликтогенности речевой интеракции. В ситуациях интенциональных коммуникативных конфликтов действия одного или обоих коммуникантов направлены на сознательное причинение ущерба собеседнику, на формирование у него чувства фрустрации. В этой связи особое значение приобретают в последнее время лингвоэкологические исследования, посвященные анализу экосистемы человека с языковых позиций. К основным характеристикам «экологичного» коммуникативного поведения *homo loquens* С.С. Тахтарова отнесла доброжелательность, толерантность, коммуникативную эмпатию, обеспечиваемые в общении определенными стратегиями и тактиками.

Д.С. Ягудина рассмотрела методологический конфликт в герменевтике, а именно: понятие конфликта интерпретаций, пространство, в котором он возникает, а также условия и причины его возникновения. В качестве одного из объяснений данного явления ею предложен

конфликт способов интерпретации, возникающий ввиду неоднородности герменевтики, которая включает в себя различные методы и направления. Она обратила внимание на такие парадигмальные подходы, как «разоблачительная интерпретация» и «подготовка для лучшего понимания», связанные с доверием/недоверием тексту, а также рефлексивную и интуитивную герменевтику. Проведено различие понятий «интерпретация» и «понимание», раскрыто значение непонимания для рефлексивного метода интерпретации, и описывается так называемый метод «странных мест». Описан механизм экспликации символических и мифологических смыслов через «странные места» на примере «петербургского текста» русской литературы с его фантазмагоричностью, которая может являться причиной мифологического мышления и, следовательно, может быть истолкована символически. Раскрыто понятие так называемой «правильной интерпретации», которое носит локальный дискурсивный характер. Рассмотрен механизм фильтрации смыслов через контексты речи и личного опыта читателя, а также способы и причины нарушения его работы, например сознательное закладывание автором множественности интерпретаций в структуру текста.

В.А. Летяев и Г.Г. Егоров обратились к цветовой визуализации конфликта в юридическом тексте как способу профилактики и предотвращения социального конфликта. Речь идет о возможности «определения температуры» конфликта путем цветовой маркированности угрозы качеству нормы права при проведении правовой экспертизы нормативного правового акта. Цвет и его возможности как ресурса эмоционального воздействия еще в первобытные времена люди наделяли свойствами, имеющими символическое значение, в том числе использовали его как ресурс позитивной институционализации конфликта через сакральную сферу. Помимо этого, цвет применялся и в противоположных целях – как ресурс детонации конфликта, его преобразования в знамя конфликта. Цветовая визуализация используется как в правотворческой, так и в правоприменительной деятельности и сейчас и может быть расширена на другие сферы правовой регламентации, например на качество нормы права, через цветовую маркированность коррупциогенных угроз. Визуализация коррупциогенных угроз качеству самой нормы права позволяет определить при проведении такой экспертизы «температуру» социального конфликта путем цветовой маркировки уровня угрозы качеству нормы права. Для этого предложен следующий критерий цветовой маркированно-

сти уровня коррупциогенных угроз: «нормальная/незначительная» – зеленый (до 10%); «повышенный» – синий (от 10% до 25%); «высокий» – желтый (от 25% до 50%); «критический» – красный (более 50%). Введение цвета в качестве визуализации коррупциогенных угроз имеет адресатом не столько правотворческие органы, сколько институты гражданского общества, которое вправе рассчитывать на эффективность борьбы с коррупцией. На основании исследования принятых в Волгоградской области нормативных актов по направлениям «землепользование», «жилищный фонд», «окружающая среда и природопользование», «градостроительство и архитектура» сделаны выводы о степени коррупциогенности угроз качеству норм права в исследованных актах. Обоснована методика цветовой маркированности степени коррупциогенных угроз качеству нормы права. На основе предложенной методики представлена динамика факторов в зависимости от предмета правового регулирования и временных критериев.

Д.Ю. Любитенко привлек внимание к конфликтогенности антикоррупционной экспертизы в контексте проблемы правовой определенности. Поскольку блага существуют в ограниченном количестве, вокруг их распределения постоянно возникают конфликты. В этой связи антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов может рассматриваться как экспертиза «антиконфликтогенная». Д.Ю. Любитенко считает, что выявление коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах и их проектах, которое должно осуществляться в рамках антикоррупционной экспертизы, в первую очередь, способствует устранению внутриличностных конфликтов – конфликтов интересов правоприменителя. Будучи нацеленной на ограничение дискреции должностного лица, антикоррупционная экспертиза снижает риски его девиантного поведения и является способом регулирования конфликтов с выраженным «профилактическим действием». Нередко эксперт может столкнуться с непониманием результатов антикоррупционной экспертизы тем лицом, от которого зависит принятие решения, выражающего согласие или несогласие с данными результатами. Это может привести к внутреннему конфликту у самого эксперта – между возложенными на него обязанностями и желанием скрыть те коррупциогенные факторы, устранение которых он видит маловероятным или невозможным. Внедрение антикоррупционной экспертизы в правотворческую сферу, по мнению автора, не вводит принципиально новых требований к качеству правовых текстов, поскольку к ним и

так предъявляются уже известные доктринальные требования юридической науки. Однако проведение антикоррупционной экспертизы возводит данные требования в более высокий ранг. Участники правотворческого процесса нередко выражают свое несогласие с результатами антикоррупционной экспертизы, вступая в конфликты. Данные конфликты могут быть обусловлены различными причинами, в том числе стремлением органов исполнительной власти «замкнуть» на себе не только правоприменительные, но и правотворческие функции, неудачной попыткой автора проекта нормативного правового акта преодолеть несовершенство или коллизии законодательства. Кроме того, заключения, подготовленные по результатам антикоррупционной экспертизы, могут содержать ошибочные выводы и тем самым также порождать конфликты.

Раскрывая позитивный ресурс представляемого проекта «Классная драма» (Класс-акт) как ресурса для «проигрывания» конфликта в подростковом коллективе и создания алгоритмов поведения подростка, *Л.Е. Бушканец* отметила то обстоятельство, что категория конфликта является центральной для литературоведения при изучении поэтики драмы как рода литературы. Благодаря этому драматические произведения и театральное искусство выполняют не только эстетическую функцию – для них характерны также функция психотерапевтическая и социологизирующая, включение в процесс обсуждения современной системы ценностей. Именно поэтому на стыке литературоведения, литературного творчества – драматургического – и театра родился проект «Класс-акт», рассчитанный на подростков. Идея проекта возникла в театре «Траверс» (Шотландия) и с 1990 г. успешно воплощается в шотландских школах, затем проект был реализован в России: подростки под руководством профессионального драматурга пишут мини-пьесы (10–15 минут) на свободную тему, которые затем составляют основу большого сводного спектакля, создаваемого профессиональными режиссерами и актерами. Авторы проекта видят свою цель в подготовке «профессионального зрителя» и в социальной адаптации трудных подростков. На наш взгляд, проект важен и с точки зрения того, что его участники учатся видеть конфликты в обществе и искать пути их разрешения. В подростковых текстах мир четко делится на добро и зло, причем главный герой является носителем добра, а окружающие – носителем зла. И в этом плане показательно, что сам процесс создания драмы, в которой два участника конфликта и каждый по-своему прав, способствует преодолению односторонности в восприятии мира. Ос-

мысление конфликта средствами драматургии позволяет, по мнению Л.Е. Бушканец, формировать толерантное отношение к миру, дает возможность адаптироваться в обществе, видеть правоту противоположной стороны, которая до этого воспринималась только как враждебная, то есть формирует более сложную картину мира. Конфликт нельзя избегать, его нужно уметь проживать и решать – этот незаменимый опыт (помимо эстетического) дают проекты, подобные проекту Class-Act.

Обсуждения и выводы. В целом результаты показывают, что наличие разных подходов к разрешению конфликта не означает того, что оптимален какой-либо из них. Они представляют ресурс вариативности или предлагают разные этапы разрешения социального конфликта. Важным является также обсуждение проблемы пределов институционализации конфликта в рамках какой-либо одной нормативной системы. Только нормативно-правовые регуляторы не всегда являются оптимальными для решения социальных проблем. «Вступление» права в разрешение конфликта оптимально тогда, когда не эффективны иные нормативно-семиотические ресурсы, когда не работают морально-этические, психологические и иные регуляторы. Вместе с тем возможно и сочетание регуляторов для достижения позитивного результата. На наш взгляд, использование формата круглых столов с участием представителей разных областей научного знания, во время которых происходит сближение научных позиций, позволяет оптимизировать представления о пределах, возможности, достаточности и о необходимости социального конфликта для развития общественных отношений. Междисциплинарный формат обсуждения демонстрирует свою плодотворность особенно в тех случаях, когда такие «большие» научные проблемы длительное время исследуются узкоспециально. Это зачастую приводит к локализации выводов и созданию регуляторов в рамках нормативных систем, исследуемых каждой отраслью науки по отдельности. Между тем сам конфликт индивидуален и требует разрешения именно комплексными инструментами и с применением регуляторов разных нормативно-семиотических систем. Междисциплинарные практики позволяют преодолеть естественно складывающуюся специализированность в подходах и расширяют арсенал таких регуляторов. Результаты проведенного исследования приводят нас к мысли о плодотворности предлагаемой методологии, подтверждают наше предположение о том, что эти практики могут быть востребованны и в дальнейшем.

1.2. О понятиях «социальный конфликт» и «культурно-исторический кризис» (М.Г. Юнусова)

Любая историческая эпоха может быть описана с помощью определенного набора понятий и дефиниций, отражающих как устойчивые, универсальные черты исторического бытия, так и то специфическое, особое, что отличает данную эпоху от другой. В ряду ключевых понятий нашего культурно-исторического времени особое место занимают понятия «культурно-исторический кризис» и «социальный конфликт».

Несомненно, существует определенная смысловая связь этих понятий, ибо «время смутных ожиданий» погружает человека в состояние аномии и стимулирует социальный конфликтогенез; с другой стороны, по Гегелю, в конфликте, в противоречии нечто существующее либо гибнет, либо «уходит в основания» («zu Grunde gehen») и в свою очередь предопределяет кризисность.

Денотат и концепт понятий «кризисность» и «социальный конфликт», а также типология самих кризисов и конфликтов обсуждались и обсуждаются исследователями как на общефилософском, социологическом, политологическом уровнях, так и на уровне психоанализа и психологии истории. При этом обнаруживаются удивительная диверсификация и разночтения в истолковании исторического смысла явлений, охватываемых этими понятиями; особенно наглядно мы можем продемонстрировать наличие этой диверсификации при обращении к историческому денотату понятия «социальный конфликт», рассматриваемому в данном случае как противоречие, как продукт противоречия.

Например, Гегель утверждал, что «всемирная история не есть арена счастья. Периоды счастья являются в ней пустыми листьями, потому что они являются периодами гармонии, отсутствия противоположности»¹, «противоречие – вот что на самом деле движет миром», а «движение есть само существующее противоречие»². По Ф. Ницше, называвшего Гегеля одним из последних великих немцев³, «высшие

¹ Антология мировой философии: в 4 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3. С. 358.

² Там же. С. 319 – 322.

³ Нас спрашивают: а есть ли у вас теперь-то хотя бы один гений европейского масштаба? Такой, какими были ваш Гете, ваш Гегель, ваш Генрих Гейне,

интересы жизни, восходящей жизни, требуют самого решительного подавления и вытеснения жизни вырождающейся»¹, и поэтому «любой сильной эпохе свойственно наличие пропастей, разделяющих людей и сословия»². В ином методологическом ключе, но не менее жестко определяет сущность противоречия-конфликта Г. Зиммель: «Одни только филистеры могут полагать, что конфликты и проблемы существуют для того, чтобы быть разрешенными... Ни один конфликт не существовал напрасно, если время не разрешит его, а заменит его по форме и содержанию другим... Так выполняется настоящее предназначение жизни, которое есть борьба», спасительно заменяющая «старую проблему новой, один конфликт другим»³.

Абсолютно противоположное суждение мы обнаруживаем у П. Сорокина в его знаменитой «Социологии революции». П. Сорокин утверждает, что «только несведущий человек или витающий в облаках фантазер может полагать, что ...порядок, выстроенный столетиями», при отсутствии борьбы «представляет собой нечто призрачное»⁴; по П. Сорокину, хотя «репрессированные инстинкты» есть причина социальных конфликтов, тем не менее замена эволюции революцией «есть худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс»⁵. В свою очередь, антитезой сорокинским предпочтениям «сил выравнивания»⁶ звучат утверждения Г. Маркузе о том, что в «одномерном» обществе «унификация противоположностей посредством технологической рациональности должна быть, при всей своей реальности, иллюзорной унификацией, которая не устра-

ваш Шопенгауэр? И, узнав, что нет в нынешней Германии ни одного философа, не устают удивляться (*Ницше Ф.* Сумерки кумиров, или как философствуют молотом // *Ницше Ф.* Стихотворения. Философская проза. СПб.: Художественная литература, 1993. С. 578).

¹ Там же. С. 603.

² Там же. С. 606.

³ *Зиммель Г.* Конфликт современной культуры // *Культурология. XX в.: антология.* М.: Юрист, 1995. С. 396 – 397.

⁴ *Сорокин П.* Социология революции // *Сорокин П.* Человек, цивилизация, общество. М.: Издательство политической литературы, 1992. С. 294.

⁵ Там же. С. 270. В то же время П. Сорокин не отрицает, что «непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения», репрессированных инстинктов (там же. С. 272).

⁶ *Сорокин П.* Социальная и культурная мобильность // *Сорокин П.* Человек, цивилизация, общество. С. 351.

няет ни противоречие между растущей производительностью труда и ее репрессивным использованием, ни настоятельную потребность в разрешении этого противоречия»¹.

Более того, Г. Маркузе в 50-е гг. XX в. в контексте обсуждаемой проблемы возвращается к учению З. Фрейда и констатирует наличие в современной ему эпохе еще одного непреодолимого противоречия, каковым является конфликт между культурой, цивилизацией и человеческими потребностями (квинтэссенцией последних являются, конечно же, Эрос и Танатос)². Согласно З. Фрейду, человеческое существование пребывает в «сетке» конфликтов; эта «сетка» возникает при пересечении «горизонталей» противоречий («человек – дерущееся животное») и противоречий «по вертикали» (Эрос, Танатос, агрессия – цивилизация)³.

Подобный достаточно произвольный набор фрагментов – дискурсов, разнообразно трактующих философско-исторический денотат понятия «социальный конфликт», «социальное противоречие», позволяет задаться следующим вопросом: насколько плодотворно исследование социального конфликта в его исключительно унифицированной, базовой форме? Не следует ли обратиться к социально-исторической, культурно-исторической типологии конфликтов как таковых; возможна ли постановка вопроса о закономерностях развития социального сюжета в т.н. «плодотворном конфликте», «плюс-конflikте», противопоставляемых конфликтам деструктивным.

В связи с этим небесполезно вспомнить об истолковании наиболее значимых конфликтных и кризисных ситуаций в истории Европы, предложенных М. Бубером и П. Сорокиным. Как известно, фигурами, олицетворяющими четыре великих культурно-исторических кризиса (культурно-исторических конфликта) в Европе, для М. Бубера стали Августин, Паскаль, Кьеркегор и Ницше. В этих фигурах-символах

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. С. 336.

² Marcuse H. *Triebstruktur und Gesellschaft*. Frankfurt a. M., 1971. S. 9.

³ З. Фрейд рассуждает также о линии конфликтогенеза «Эрос – Танатос»: «На основе теоретических, опирающихся на биологию размышлений мы предположили наличие инстинкта смерти, задачей которого является приводить все органически живущее к состоянию безжизненности; в то же время Эрос имеет целью осложнять жизнь все более широким объединениям рассеянных частиц живой субстанции... Возникновение жизни было... таким образом, причиной дальнейшего продолжения жизни и одновременно... причиной стремления к смерти...» (Фрейд З. «Я» и «Оно» // Фрейд З. «Я» и «Оно»: труды разных лет. Тбилиси: Мерани, 1991. Кн. 1. С. 375.

воплощены для немецкого мыслителя смысл и ценностные ориентиры величайших переломных периодов всей европейской культурной истории: исход античности и становление средневековья (Августин); преодоление посредством Ренессанса христианско-средневековых ценностных ориентиров и вызревание нововременного уклада жизни (Паскаль); романтическое «предъявление счета» обещанному, но не сбывшемуся в рамках постпросветительской культуры (Кьеркегор) и, наконец, венчающее этот процесс «отторжение человека от его творения» на рубеже XIX – XX вв., имевшее итогом ситуацию, когда, по словам М. Бубера, «человек... не может совладать с миром, который есть создание его рук»¹. Трагизм этого нового противостояния, по М. Буберу, воплотил в своем творчестве Ф. Ницше.

В свою очередь, в известной работе П. Сорокина «Социокультурная динамика», имеющей весьма симптоматичный подзаголовок «Кризис нашего времени», несколько раз также упоминаются четыре великих кризиса, имевшие место за последние три тысячи лет истории греко-римской и западной цивилизации². При этом П. Сорокин постоянно подчеркивает, что происходящая на его глазах ломка ценностей «чувственной евро-американской культуры» – явление гораздо большего масштаба, нежели предшествующие культурно-исторические катаклизмы.

Несмотря на внешне очевидный пессимизм историософских рассуждений обоих авторов (особенно это касается М. Бубера), и М. Бубер, и П. Сорокин делают весьма оптимистические выводы относительно исторической роли самих кризисов и конфликтов указанных периодов. М. Бубер считает возможным различение в истории эпох «обустроенности» (*Behaustheit*) и «бездомности» (*Hauslosigkeit*)³, т.е. ведет речь об историческом бытовании т.н. «оптимистических» и «пессимистических» культур; причем «пессимистическими», по М. Буберу, являются т.н. переходные эпохи в истории человечества, выполняющие роль *prolegomena*, исторического преддверия к состоявшейся, самоопределившейся, целостной культуре.

¹ Этот мир, – продолжает М.Бубер, – сильнее своего творца, ...а человек не знает заклинания, которое могло бы сделать нового Голема кротким и послушным (Бубер М. Проблема человека. Кризис и его проявление // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 193).

² Сорокин П. Социокультурная динамика. Кризис нашего времени. С. 435.

³ Бубер М. Проблема человека. Кризис и его проявление. С. 165.

В свою очередь, у П. Сорокина понятиям «кризис», конфликт культур достаточно часто сопутствуют слова «зарождение», «модификация». В следующем фрагменте из «Социодинамики культуры» причины столь парадоксального сопряжения этих понятий сформулированы предельно четко. П. Сорокин заявляет, что кризисное «изменение, сколь бы болезненным оно не было... является необходимым условием для любой культуры, чтобы быть творчески созидательной на всем протяжении ее исторического развития... Все великие культуры, сохранившие свой творческий потенциал, подвергались как раз таким изменениям... Культуры и общества, которые не изменяли форму... стали инертными, мертвыми и непродуктивными. Немезида таких культур – стерильность, ...прозябание»¹.

Подобное истолкование исторической роли кризисов и социальных конфликтов могут быть экстраполированы на европейскую историю «дотехногенного» времени. Однако ныне на смену «плюс-конфликтам» и «prolegomena-кризисам» пришло иное: усиливается конфликт-противоречие между техногенной цивилизацией и природой; т.н. органичные конфликты вытесняются искусственными (конфликтами-провокациями); избыточный либерализм осложняет социальную конвергенцию и стимулирует социально-личностную деструкцию.

Меняется и социальная стратификация участников конфликтов. Например, А. Турен утверждает, что на смену традиционному – в марксовом понимании – социально-классовому конфликту эпохи модерна пришел конфликт профессионалов-технократов, т.н. «люмпенов от элиты» и служащих чиновников и экспертов; Ф. Фанон видит главный конфликт и противоречие времени в противостоянии богатого Севера и нищего Юга, белой состоятельной Евро-Америки и бедной цветной Афро-Азии; Г. Маркузе также называет третий мир «внешним пролетариатом», «внешним аутсайдером». Участники движения антиглобалистов, «зеленые» пытались призвать Запад к «этике самоограничения», иронично констатируя, что чем раньше богатые страны будут помогать бедным, тем дешевле это обойдется для первых.

Сегодня конфликт «богатый Север» – «бедный Юг» из дихотомии перерастает в бинарную оппозицию и начинает представлять собой один из главных факторов риска современной цивилизации. Особую роль начинает играть постепенное переоформление этой бинарной оппозиции в противостояние арабо-мусульманского и западного

¹ Сорокин П. Социокультурная динамика. С. 433.

миров. В связи с этим необычайную важность приобретает уяснение коррелятивной связи между *сущностью* конфликта как такового, *формой* его воплощения и *способами* его разрешения. В свое время К. Маркс полагал, что только исчерпание религиозной формы социальных конфликтов создает возможность перехода к исключительно политической ее форме; европейская история XIX – первой половины XX вв., казалось, полностью соответствовала этому предположению К. Маркса. Что касается второй половины XX – начала XXI вв., то возможно, догоняющий характер развития современных цивилизаций Востока и т.н. «симуляция сознания»¹, обусловленная насильственным навязыванием культурной и политической воли Запада Востоку, предопределяют собственно религиозную форму наполнения социального конфликта со стороны арабо-мусульманского мира; к тому же, как известно, «форма» зачастую маскирует «содержание».

Поскольку осмысление понятия «социальный конфликт» предполагает рассмотрение не только исторических форм конфликтности, но и исторически модифицирующихся способов разрешения самих конфликтных ситуаций, то небезынтересно будет вспомнить, что еще в 60-е гг. XX в. (в связи с событиями 1968 г. во Франции) марксисты говорили о возможности (и даже необходимости) исчерпания иррациональных способов разрешения социального конфликта. В наши дни становится очевидным усложнение задачи в целом, ибо зачастую неизвестно, что сложнее: разрешить острое социальное противоречие или «упаковать» его в не-латентную и не-иррациональную форму разрешения. Возникает необходимость осмысления того, как, говоря словами Ю.М. Лотмана, коррелируют между собой нормативная система (призванная способствовать сохранению социального status quo) и меняющаяся реальность социального конфликта; как (при стремлении к status quo) социальная «система, оставаясь собой, может развиваться»².

Пользуясь терминологией Ю.М.Лотмана и экстраполируя ее (возможно, не совсем корректно) на взаимоотношения «мира системы» и «внележащей запредельной реальности» («вне-системы»), мы можем выйти на характеристику способов разрешения социальных и межгосударственных конфликтов в т.н. «сетке» диалогических отношений, предлагаемой специалистами по межкультурному взаимодействию. Парадоксально, но в этой типологической «сетке»

¹ *Шемякин Я.* Как история становилась всемирной // Три каравеллы на горизонте. М.: Международные отношения, 1991. С. 103.

² *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. С. 7.

присутствуют крайние, предельно конфликтные варианты межкультурного, межэтнического, межконфессионального взаимодействия, истолковываемого, тем не менее, как диалог: это и «негативная преэмптенность», и т.н. «прополка» (Н.Я. Данилевский)¹, и «отрицание» (отрицание как «снятие» и как тотальное деструктивное отрицание)², и т.н. «симуляция сознания» (Я. Шемякин), и даже – война.

К сожалению, надежда на исчерпание иррациональных способов социальных конфликтов достаточно призрачна. Еще более актуальной становится ныне проблема т.н. «искусственных», спровоцированных социальных противоречий. У социолога И.Г. Ясавеева есть исследование с весьма симптоматичным названием: «Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации»³. Эта работа имеет самое непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме и к методике анализа т.н. спровоцированных социальных конфликтов. Намного раньше, еще в 60-е гг. XX в., историк Б. Поршнев, анализируя роль средств массовой коммуникации, рассматривал два основных типа вербального «заражения» публики: подражание и внушение (суггестия)⁴. По Б. Поршневу, следует иметь в виду, что в подобных ситуациях велика роль контр-суггестии – психологического механизма отторжения внушения; этот механизм позволяет сохранить исторически-состоятельное *status quo* или осуществить необходимые исторически-состоятельные социальные изменения.

Завершая рассмотрение наличествующих в историко-философских и культуроведческих исследованиях (взятых, конечно же, далеко не во всей их полноте) интерпретаций сущности, форм и способов разрешения социальных противоречий и конфликтов, следует подчеркнуть, что наши суждения по этому поводу носят весьма предварительный характер. Известно, что новейшая история социальных конфликтов, современная философия и социология конфликта как такового, методология и методика их анализа, не будучи све-

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 98 – 99.

² Шемякин Я. Как история становилась всемирной. С. 96 – 97.

³ Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань: Издательство Казанского университета, 2004. С. 73–79, 146–153

⁴ Поршнев Б.Ф. Контрсуггестия и история // История и психология. М.: Наука, 1971. С. 11–12. Ученый особо отмечал, что суггестия более властна над группой людей, чем над одиночкой. А также если она исходит от человека, как-то олицетворяющего группу, общество и т.п., или от непосредственных словесных воздействий группы людей.

денными в единую систему, зачастую редуцируют само понятие «конфликт» применительно к ситуации конца XX – начала XXI вв., а также оставляют простор для самых взаимоисключающих толкований¹. Тем не менее актуальность конфликтологических исследований в наши дни только возрастает, а явная недостаточность их результатов лишь стимулирует исследовательский процесс. Еще в конце XIX в. датский профессор Г. Ланге констатировал, что социальные конфликты «погубили больше человеческих жизней, опустошили больше стран, чем ураганы; их поток разрушил больше городов, чем наводнения. Поэтому нам должно казаться очень странным, что человек не прилагал больших усилий для изучения характера и сущности» этих сложных и важных для истории человечества процессов. В начале XXI в. эти слова звучат не менее актуально.

1.3. Добросовестная, развивающая конкуренция: от соперничества к сотрудничеству (И.В. Курышева)

Во все времена люди были вовлечены в конкурентные отношения, которые довольно часто приводили к острым и длительным, а порой и неразрешимым конфликтам. Многоаспектность феномена

¹ Следует отметить еще одно обстоятельство, затрудняющее анализ проблематики социальных конфликтов. Целый ряд исследователей полагает, что современная конфликтология не отвечает ни одному требованию, предъявляемому к научным теориям. Она разделена на множество ничем, кроме общего названия, не связанных друг с другом частных конфликтологий (политическую, экономическую, юридическую и т.д.), не имеет универсальных законов, точно очерченного круга решаемых проблем и специализированных методов их решения. Современная конфликтология использует понятие конфликта, основанное на здравом смысле, поэтому ее выводы умозрительны и большей частью не общезначимы. Она замкнута исключительно на проведении переговоров и посредничестве, не имея серьезного теоретического обоснования этого вида деятельности. Современные конфликтологи зачастую игнорируют существование социально-психологических концепций, объединенных в настоящее время в одно общее направление «Социальный сетевой анализ». Наконец, они пренебрегают не только математическим обоснованием своих выводов, но и адаптированными для массового применения методами и компьютерными программами моделирования и анализа (см. об этом: *Светлов В.А.* Конфликт: модели решения, менеджмент. СПб.: Питер, 2004; *Светлов В.А.* Конфликт и эволюция: от генетических конфликтов к конфликту поколений. М.: Либроком, 2012 и др.).

конкуренции отмечает А.И. Юрьев в своей монографии «Введение в политическую психологию» (1992): «Понятие конкуренции далеко выходит за пределы одной экономики. Она проявляется во всех сферах жизни (личной, профессиональной, материальной) и в любых формах: от самых приемлемых, пробуждающих к жизни инициативу, решительность, изобретательность, самостоятельность, до самых отвратительных, включая войну»¹.

Понятие конкуренции в отечественной психологической литературе принято рассматривать как одну из основных форм организации межличностного взаимодействия, характеризующегося достижением индивидуальных или групповых целей, интересов в условиях противоборства с добивающимися этих же целей и интересов других индивидов или групп². Конкуренцию обычно отличают сильная персональная вовлеченность в борьбу, активизация субъекта действия, частичная деперсонализация представлений о противнике.

К вопросу о возникновении конкурентных отношений обращались многие авторы. Так, биологические предпосылки конкуренции проявляются, согласно Дарвину, в половом отборе, зависящем от преимуществ, которые определенные особи получают перед другими особями того же пола и вида.

Классики психоанализа (З. Фрейд, К. Хорни) однако считают, что конкуренция сама по себе не является биологически обусловленным явлением, а есть результат данных культурных условий и, более того, соперничество стимулируется в жизни человека с колыбели до самой смерти.

Феномен конкуренции как социального явления, одного из возможных видов взаимодействия (помимо конфликта, оппозиции, соперничества, соревнования, сотрудничества, кооперации, согласия и т.п.) отражен в работах К.А. Абульхановой-Славской, 1991; Г.М. Андреевой, 1994; А.Г. Асмолова, 2003; В.М. Бехтерева, 1994; А.А. Бодалева, 1983; А.В. Брушлинского, 2002; Н.В. Гришиной, 2003; А.И. Донцова, 1984; А.А. Ершова, 1992; А.Л. Журавлевой, 1988; А.Г. Здравомыслова, 1996; Г. Лебона, 1998; Х. Маккея, 1991; Е.Б. Поповой, 2002; Г.Г. Почепцова, 2000; Ю.П. Платонова, 1990; Я. Рейковски, 1993; А.Л. Свенцицкого, 2003; R. Burt, 1993; M. Deutch,

¹ Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб.: СПбГУ, 1992. С. 72.

² Психология: словарь: под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.

1973; R. Frank, 1995; A. Piskoppel, 2001; D. Katz, R. Schanck, 1938. Исследователи выделяют семантическое поле понятия «конкуренция» и рассматривают его как социальную ценность, способствующую прогрессу всего общества. Однако обращают внимание на то, что необходимо смягчать негативные последствия конкуренции, выражающиеся в несправедливом разделении людей на богатых и бедных, исключении взаимопомощи, порождении антагонизма между соперниками. Для этого желательно придавать конкуренции цивилизованный характер и гуманистическую направленность.

Классификация процесса конкуренции, разработанная Д.С. Котиковой, осуществляется по следующим критериям¹:

1) по объектам конкуренции (за экономический ресурс, за уважение, за оценку и т.п.);

2) способам конкурирования (добросовестная и недобросовестная);

3) субъектам конкурирования (например: между педагогами, между педагогом и учащимися, между учащимися, между образовательными учреждениями и т.п.);

4) уровню проявления (явная и скрытая);

5) результатам влияния на личность и коллектив (разрушительная и созидательная, развивающая);

6) актуальности (потенциальная и реальная);

7) количеству участников (межличностная, межгрупповая, личностно-групповая);

8) истинности целей конкурирования (истинная (достижение собственных целей, удовлетворение личностных потребностей) и ложная (подавление конкурента)).

К. Хорни была убеждена, что современная культура экономически основывается на принципе индивидуального соперничества². Победа одного – это чаще всего поражение другого или даже многих других. Результатом подобной ситуации в психологическом плане являются некая напряженность, враждебность между людьми, готовность к разворачиванию конфликта.

¹ Котикова Д.С. Формирование конкурентоспособности личности студента в образовательном процессе вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Н. Новгород, 2010. 30 с.

² Холодцева Е.Л. Конкурентоспособность в системе разноуровневых характеристик личности работников социальной сферы: дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2006. 214 с.

В данной работе мы понимаем социальный конфликт как один из основных типов конфликта, субъектами которого выступают элементы социальной общности (отдельные личности, социальные группы, государства); конфликты, возникающие в различных сферах на разных уровнях общественных отношений¹. А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов выделяют основные виды социального конфликта: межличностный конфликт; конфликты типа «личность – группа»; конфликт между малыми, средними и большими социальными группами; межгосударственный конфликт; конфликт между коалициями государств. В широком смысле социальный конфликт – это постоянно присутствующий и не поддающийся полному устранению динамический тип социальных взаимоотношений, связанных с потенциально возможным или реальным столкновением субъектов на почве тех или иных противоречиво осознаваемых интересов и ценностей.

Наряду с понятием конфликта используются близкие по смыслу, но не тождественные по содержанию термины враждебность, соперничество.

Враждебность, по определению С.Б. Давлетчиной, – это фиксированная психологическая установка, готовность к конфликтному поведению. Враждебность не всегда выливается в конфликт, также как не обязательно в конфликте доминирует враждебность².

Краткий психолого-филологический словарь представляет понятие враждебности как сильной неприязненности к кому-л., в том числе ненависть, зложелательность³.

Враждебность по отношению к оппоненту будет, скорее всего, способствовать ориентации человека на стратегию соперничества в конфликте, конкурентных отношениях. Соперничество – стратегия поведения оппонента в конфликте, состоящая в ориентации на свои интересы, в навязывании другой стороне предпочтительного для себя решения, открытой борьбе по реализации своих интересов⁴. Более формализованный и мирный тип соперничества – соревнование, при котором четко определены и записаны формы и цели соперничества.

¹ Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. 2-е изд. СПб. Питер, 2006. 528 с.

² Давлетчина С.Б. Словарь по конфликтологии. Волгоград: ВСГТУ, 2005. 100 с.

³ Филиппов А.В., Романова Н.Н., Летягова Т.В. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь. М.: Флинта, 2011.

⁴ Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога.

Между конкуренцией и конфликтом существует определенное различие. Это две формы взаимодействия, но конкуренция – борьба между индивидами или группами индивидов, которые не находятся обязательно в контакте или в коммуникации; а конфликт – состязание, в котором контакт является необходимым условием. Конкуренция, явная и бесконтрольная, как у растений и как великая жизнь-борьба человека со всем человеческим родом и живой природой в целом, бессознательна. Конфликт же всегда осознан; он вызывает самые глубокие эмоции и самые сильные страсти, он мобилизует огромную концентрацию внимания и усилий. И конкуренция, и конфликт являются формами борьбы. Конкуренция при этом непрерывна и безлична, а конфликт – носит временный и личностный характер¹.

Конкуренция – это борьба за местоположение в экономическом порядке. Распределение населения в мировой экономике, организация промышленности в национальной экономике, занятость индивида в разделении труда – все это в конечном счете обусловлено конкуренцией. Статус индивида или группы индивидов в социальном порядке, с другой стороны, обусловлен соперничеством, войной или более утонченными формами конфликта.

Понятие конфликта так же, как и его факт, уходит корнями глубоко в человеческую природу. Когда бы и где бы ни принимала борьба форму конфликта между расами, или между государствами, или между отдельными людьми, она неизбежно захватывала и удерживала внимание зрителей. И эти зрители, не принимающие участия в драке, всегда принимали чью-либо сторону. Именно этот конфликт «непричастных» делает общественное мнение, а общественное мнение всегда играло важную роль в борьбе людей. Именно оно возвысило войну от простой игры физической силы до трагического морального борения, конфликта между добром и злом².

Итак, можно сказать, что конкуренция становится осознанной и личностной в конфликте. По ходу дела конкуренты превращаются в соперников и врагов. Тем не менее в своих высших проявлениях конфликт становится безличным; он переходит в борьбу за установление и сохранение законов справедливости и морального порядка. В этом случае речь идет уже не только о благополучии отдельного человека, но сообщества в целом.

¹ Антология: в 2 ч.: под общ. ред. С.П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. 424 с.

² Там же.

Самосознание индивида формируется во время контактов и конфликтов личности с другими личностями. Оно проявляется весьма разнообразно: в гордыне и смирении, суетности и достоинстве, скромности и заносчивости, жалости и презрении, равно как и расовых предрассудках, шовинизме, классовых и кастовых различиях¹. Именно из реакций, вызванных социальными контактами и взаимовлияниями, развивается личность индивида и определяется его статус. Именно из усилий сохранить этот статус или улучшить его, защитить личность, увеличить ее достояние, расширить ее привилегии и сохранить ее престиж возникает конфликт.

В случае культурного и политического конфликта функция конфликта в социальной жизни становится понятной и приемлемой. Ментальные конфликты в жизни индивида имеют целью приспособление к изменяющимся ситуациям и усвоение нового опыта. Именно в процессе конфликта между противоположными импульсами к действию индивид приходит к заключениям или принимает решение. Только там, где есть конфликт, поведение осознанно и самосознательно; только в этом случае есть условия для рационального поведения.

Доминирующим в изучении межличностных конфликтов является мотивационный подход. Его основоположниками являются М. Дойч, Л. Козер, Г. Зиммель, К. Ледерер, Дж. Бертон, К. Митчелл, Н. Таузард, Н. Тимашев, К. Райт и др. При мотивационном подходе к изучению межличностных конфликтов широко применяют понятие «конкуренция». Конкуренция предрасполагает к конфликту, хотя не обязательно приводит к нему.

В соответствии с этим подходом межличностный конфликт – это форма конфронтации, или антагонистических взаимосвязей, социальных сущностей, т.е. противоборство несовместимых индивидуальных намерений, целей, мотивов, интересов, направляющих поведение конфликтующих сторон. Сущность антагонизма, или конфронтации, рассматривается в двух планах: как эмоциональная враждебность; как конкурентная борьба за достижение взаимоисключающих целей, в ходе которой конфликтующие стороны наносят друг другу ущерб или вред.

Конкуренция, таким образом, понимается как характеристика ситуации взаимодействия, внешне заданный тип взаимосвязи сторон,

¹ Антология. Ч. 1.

предполагающий негативную взаимозависимость целей: один выигрывает только в том случае, если проигрывает другой.

Конфликт, объективным признаком которого является столкновение несовместимых действий, является характеристикой не ситуации, а межличностных отношений. Решающее условие вхождения в межличностный конфликт – не столько несовместимость действий, сколько перцепция несовместимости. Психологической реальностью конфликт становится только тогда, когда воспринят как конфликт.

Представители мотивационного подхода различают две базовые модели поведения участников конфликта¹:

– кооперативную, когда участники содействуют друг другу в достижении целей, обмениваются информацией для обоюдного и партнерского решения проблемы, дружелюбны, оказывают взаимную поддержку в работе;

– конкурентную, когда участники препятствуют друг другу в достижении поставленных целей, с подозрением воспринимают взаимную информацию как призванную ввести соперника в заблуждение относительно путей достижения этих целей, формируют негативные установки друг на друга. Такое поведение наиболее адекватно в ситуации, когда вероятности достижения цели обратно взаимосвязаны – успех одного с необходимостью влечет поражение другого.

Добросовестная и недобросовестная конкуренция

Деление конкуренции на добросовестную и недобросовестную имеет юридическую и этическую подоплеку. Юридически добросовестными признаются любые действия экономических субъектов, которые не предполагают использования запрещенных законом приемов соперничества (именно они обычно трактуются как приемы недобросовестной конкуренции) и монополистической деятельности (монополистической практики).

Под недобросовестной конкуренцией понимаются действия экономических субъектов, направленные на введение потребителей, контрагентов, общества в заблуждение относительно деятельности данных субъектов, на дискредитацию конкурентов, незаконное копирование достижений конкурентов, добычу коммерческих секретов и разглашение конфиденциальной информации. Например, инструментами недобросовестной конкуренции на рынке образовательных услуг являются приемы переманивания абитуриентов и сотрудников,

¹ Антология. Ч. 1.

методы антирекламы, контрпропаганды и черного PR в отношении конкурентов, публикации проплаченных рейтингов, демонстрация близости вуза к органам управления образованием, капитализация чужих брендов и др.¹

К монополистической практике относятся, например, различные формы сговора экономических субъектов, направленные против конкурентов, а косвенно – против потребителей: соглашения о разделе рынков, о недопущении конкурентов на рынки, согласование цен на одноименные товары и услуги и др.

В процессе квалификации методов поведения экономических субъектов как недобросовестных и/или монополистических в зарубежной правоприменительной практике во внимание принимается также этическая оценка совершаемых конкурентных действий. Добросовестным признается соперничество ответственных участников рынка, действия которых опираются на закон, правила добропорядочности, разумности, обычаи делового оборота, этику деловых отношений, стремление сторон к отстаиванию своих законных интересов в рамках правового поля.

Будучи добросовестной, конкуренция не перестает быть соперничеством, основанном на конфликте интересов, и не превращается в соревнование по олимпийскому принципу, в котором важна не победа, а участие. Но соперничество ответственных участников рынка базируется на предусмотренные законом и этикой деловых отношений гарантии соблюдения их законных интересов, например на гарантии качества товаров и услуг, при условии, что каждая из заинтересованных сторон ведет себя добросовестно.

Сотрудничество – наилучшая стратегия, так как приводит к взаимной выгоде. Немецкие социологи К. Хоман и Ф. Бломе-Дрез делают вывод, что моральные проблемы при конкуренции имеют в системном смысле коллективную природу и поэтому не могут быть решены отдельным действующим актором, а только коллективно. Требуется коллективное самообязательство на пользу всех. Моральные ценности необходимо в правилах игры делать значимыми, одинаково действительными для всех конкурирующих сторон, иначе моральное поведение будет наказываться, а неморальное поведение – поощряться. Таким образом, мораль, понимаемую как коллективное самообя-

¹ Лукашенко М.А. «Конкуренция» на рынке образовательных услуг // Высшее образование в России. 2006. № 9.

зательство, можно объяснить исходя из обычных, экономических интересов конкурентов¹.

Алфи Кон развенчивает четыре популярных мифа о конкуренции:

1. Конкуренция – неотъемлемая часть человеческой природы.

2. Конкуренция более продуктивна, чем сотрудничество, в достижении успеха.

3. Конкуренция приятнее.

4. Конкуренция укрепляет характер.

А. Кон определяет конкуренцию как любую ситуацию, где успех одного человека зависит от неудачи другого. Иными словами, в конкурсе две или более сторон преследуют цели, которые не могут быть достигнуты всеми. Он наглядно демонстрирует, что конкуренция (соревнование) в действительности вызывает чувство тревоги, себялюбия, сомнения в своих силах и обедняет коммуникацию. Конкуренция также портит взаимоотношения между людьми. И Кон не говорит о чрезмерной, нездоровой конкуренции, он говорит обо всех видах конкуренции, выстроенных по принципу выиграл/проиграл. Он обосновывает выводы о том, что самое простое сотрудничество делает людей счастливее, развивает ощущение безопасности, способствует продуктивности.

На протяжении всей истории бесчисленные большие и малые достижения человечества, базировались на простом желании человека сделать лучше без всякой мысли о победе над другими. Такое стремление к мастерству не может быть спутано с конкуренцией.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что конкурентная борьба управляется не только биологическими или экономическими законами, но и участвующими в ней людьми, то есть нельзя исключить из этого процесса свободу морального и этического выбора каждого. Поэтому конкуренция, как это ни парадоксально, предполагает сотрудничество, соблюдение общих договоренностей, гражданских правил, этических и моральных принципов ведения конкурентной борьбы в целях повышения конкурентоспособности.

Созидательная, развивающая конкуренция? Разрушительная?

Как пишет В.М. Бехтерев в книге «Коллективная рефлексология»: «Каждое общество не может избежать ни конкуренции, ни со-

¹ *Холодцева Е.Л.* Конкурентоспособность в системе разноуровневых характеристик личности работников социальной сферы: дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2006. 214 с.

перничества и борьбы, но в этом заключается залог его будущих успехов и совершенствований». Такая состязательная установка сознания основывается на предположении, что оппозиция – лучший способ достижения результата: оспаривать любую идею, рассматривать все новости с полярных точек зрения, подавать на человека в суд и демонстрировать свою способность мыслить, критикуя и атакуя на все подряд. К сожалению, люди автоматически скатываются с построения аргументации в пользу или против какой-либо точки зрения на спор друг с другом. В результате разрушается наша духовность, страдает качество получаемой нами информации.

Обратимся к трудам зарубежных исследователей, в которых рассматривается взаимосвязь соревнования и сотрудничества.

Адам Бранденбургер и Барри Нейлбафф в своей книге «Co-opetition» (1996) указывают, что в мире бизнеса долгосрочная прибыльность не требует банкротства других. В этом мире люди могут менять правила, игроков, границы и саму игру. Используя несколько примеров из практики крупных корпораций, Бранденбургер и Нейлбафф объясняют, что, комбинируя преимущества как сотрудничества, так и соревнования, организации не только выигрывают, но и делают возможным рост всей отрасли. В своей книге авторы предлагают интересную структуру ценностей, позволяющую проанализировать, как организация взаимодействует со своими конкурентами, партнерами, клиентами и поставщиками.

В книге «The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems» Джеймс Ф. Мур (1996) использует экологическую метафору, иллюстрирующую, что компании не могут больше конкурировать за превосходство продукта или доминирование в отрасли. В будущем, которое, по мнению автора, характеризуется организованным хаосом, предприниматели будут интегрировать технологии и культивировать новые рынки радикально различными способами. Мур показывает, как IBM, Microsoft и Intel конкурируют друг с другом в одних случаях, сотрудничают в других и работают независимо в третьих.

Харви Роббинс и Майкл Финли (1998) в книге «TransCompetition: Moving Beyond Competition and Collaboration» подчеркивают, что между крайностями хищничества победил/убил и мученичества потерял/погиб пролегает трансконкурентная зона. В этой зоне можно использовать подход «выиграл, нацеливаясь на победу и игнорируя судьбу других». Но можно также использовать подход «победил вопреки

стандартам, нацеливаясь на преодоление установленных рекордов (включая собственный)», как на Олимпийских играх. Или использовать подход «выиграл-выиграл», помогая каждому достичь взаимной выгоды. Еще один вариант – использовать агрессивный подход «выиграл-выиграл-или-ничего», в котором никто не движется вперед до тех пор, пока каждый не найдет способ выиграть.

В заключении отметим, что определяющей и конституирующей основой жизни человека является духовность. Именно она позволяет выстраивать конструктивные взаимоотношения как с партнерами, так и с конкурентами в любых самых сложных и неожиданных ситуациях межличностного общения и взаимодействия; проявлять ответственность и доброжелательность, твердо следовать стратегии добросовестной, развивающей конкуренции и взаимовыгодного сотрудничества.

1.4. Конфликт как способ взаимодействия субъектов и основа разрешения противоречий социальных интересов, заложенных в праве (Е.Ю. Маликов)

Социальные отношения характеризуется тем, что всегда существует борьба между людьми, социальными группами за свои интересы, потребности и ценности. Вследствие этого, для правовой науки важнейшей целью является согласование различных интересов с целью смягчения конфликтов в обществе. Таким образом, право способствует достижению консенсуса через конфликт, оно выражает волю общества в целом и направлено на охрану и защиту интересов отдельных субъектов, социальных групп, координацию их интересов, выполняет функцию арбитра в разрешении конфликтов между людьми и их коллективами.

Правовое регулирование – это важнейший способ согласования противоречивых общественных, групповых и индивидуальных интересов. Создавая правила поведения, общеизвестные и обязательные для всех, право помогает определить модель поведения в тех или иных случаях. Оно рекомендует идеальный в данных обстоятельствах вариант поведения, способствующий нивелированию конфликта интересов различных субъектов и их групп, создающий устойчивую основу для поступательного развития всего общества.

Отсутствие правового регулирования тех или иных правоотно-

шений, коллизии и пробельность в регулировании неизбежно приводят к росту числа социальных конфликтов.

Правомерное осуществление субъективных прав протекает в рамках, очерченных нормами объективного права, где между интересом и правом существует тесная связь. Интерес выступает одной из важнейших предпосылок формирования норм объективного права. Однако право не является лишь пассивным отражением интересов. Оно способно воздействовать на формирование одних интересов и противодействовать другим, чем препятствует возникновению конфликтов. Поэтому одной из важнейших проблем юридической науки являются проблема соотношения права и интереса, влияние интереса на осуществление субъективного права, недопущение осуществления своего интереса во вред другим субъектам правоотношений. Решение этих проблем предотвращает возникновение конфликта прав и интересов, что способствует стабильному развитию общества.

В основе любого конфликта лежат объективные и субъективные причины. С объективной стороны возникновение конфликтов связано с различными факторами экономического, политического, социально-культурного характера, которые влияют на возникающие общественные отношения. Изменение материального положения различных групп населения приводит к быстрой и радикальной трансформации прежней социальной структуры. Это обстоятельство порождает конфликты государства с различными социальными группами, конфликты между социальными группами и отдельными субъектами.

Объективным фактором, влияющим на возникновение конфликта, является также наличие разнообразных форм общественных отношений, определяющих несоответствие правовых статусов субъектов, их интересов и потребностей. Эти объективные источники конфликтов чаще всего детерминируют противоречия между различными социальными группами, а равно и между всеми иными субъектами.

Обстоятельства объективного характера не зависят от воли субъектов отношений и объективно вытекают из сложившейся ситуации, в которой столкнулись интересы каждой из сторон. При этом с юридической точки зрения значение имеет не столько конкретная ситуация, а в целом состояние правового регулирования данного отношения. И в первую очередь, имеет значение совокупность правовых средств, использованных в данном случае законодателем.

Важнейшая функция правовых средств – обеспечение беспрепятственного осуществления субъектами и их объединениями своих

прав и законных интересов. Они предлагают правовые способы устранения конфликтов. Так, важную роль для предотвращения конфликтов играют правовые стимулы и правовые ограничения. Правовые стимулы направлены на мотивирование субъекта реализовывать свои интересы в рамках правовых установлений. Правовые ограничения, напротив, устанавливают границы, в пределах которых не допускается возникновение правовых конфликтов. В том же случае, если противоречия интересов все же возникают, то правовые нормы содержат способы их нивелирования или полного устранения.

Право – это сложное, многоотраслевое формирование, в котором имеется масса конфликтующих или конкурирующих норм и институтов.

Объективными факторами, влияющими на формирование и развитие конфликта, следует считать: наличие противоречий между нормативными правовыми актами; наличие пробелов в правовом регулировании; несоблюдение установленного порядка подготовки и принятия нормативных правовых актов; высокий уровень расплывчатости и неопределенности прав и обязанностей субъектов, дублирование полномочий органов государственной власти, их структурных подразделений, государственных служащих; отсутствие либо недостаточность реальной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей.

Те расхождения или противоречия между отдельными нормативно-правовыми актами, воздействующие на одни и те же либо смежные общественные отношения, а также противоречия, возникающие в процессе правоприменения и осуществления прав и обязанностей субъектами права, порождают конфликт интересов, что в свою очередь влечет нестабильность общественного развития.

Таким образом, объективные факторы порождают субъективные, влияющие на возникновение конфликта.

С субъективной стороны конфликты связаны с противоречием реализуемых интересов, заложенных в праве; процессами идентификации граждан, осознания ими своей принадлежности к социальным, этническим, религиозным и прочим социальным группам, что определяет понимание ими своего места в социальной системе; расхождением людей (их групп и объединений) в базовых ценностях, в оценках событий, а также в других субъективно значимых представлениях о правовых явлениях; противоречиями между различным толкованием правовых норм и т.п. Субъективные причины конфликта лежат не

только в сфере существования собственных интересов, но и в сфере целеполагания и мотивации собственного поведения.

Конфликт интересов – это противоречие различных интересов различных субъектов и социальных групп. Очевидно, что при таком понимании конфликта его ядром становятся субъективные интересы конкретных лиц и их групп.

Всякое право существует ради охраны интересов¹. Интерес непосредственно отражает сложившиеся в данном обществе отношения. В интересах выражается социальное положение индивидов, что обуславливает их роль как важнейших побудительных стимулов действия и движущих сил общественного развития. Именно интересы оказывают решающее влияние на активность как отдельного индивида, так и социальных групп. Интерес есть причина действия или поступка. Соответственно, интерес есть причина, вызывающая процесс осуществления прав.

Понятие «интерес» является предметом изучения разных наук. Неоднозначное толкование интереса говорит о многоаспектности и сложности данного понятия.

Учение об интересе играло важную роль в различных философских направлениях. Философы Древнего мира рассматривали интересы как стремление к благу, обусловленное природой человека. В период феодализма интересы рассматривались как божественные установления. Ранние представители буржуазной идеологии, отбрасывая теологическую трактовку интересов (Макиавелли, Гроций, Гоббс и др.) и возвращаясь к воззрениям древних ученых, выводили их из «природы» человека. Философы видели в интересе причину и основной стимул деятельности индивидов и социальных общностей (класса, нации, профессиональной группы), определяющую их социальное поведение². «Интерес есть начало всех наших мыслей и всех наших поступков», – писал К.А. Гельвеций. П. Гольбах рассматривал интерес как единственный мотив человеческих действий³. «Ничто не осуществляется помимо интереса», – писал Г. Гегель⁴. Классики марксизма-ленинизма представляли интерес как движущую силу общественного развития.

¹ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1898. С. 165–183.

² Философская энциклопедия: под ред. Ф.В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4. С. 116.

³ См.: Гольбах П. Избранные философские произведения. М., 1963. Т. 1. С. 311.

⁴ См.: Гегель Г. Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3. С. 321.

«Экономические отношения каждого данного общества, – писал Ф. Энгельс, – проявляются, прежде всего, как интересы»¹.

Ученые-экономисты рассматривают интерес сугубо с точки зрения существующих потребностей. «Интерес – это исторически конкретная форма отношения социального субъекта к своим потребностям»².

Социологи делают акцент на том, что интерес – это категория, неразрывно связанная с различными социальными факторами³. Социологическая наука вкладывает в понятие интереса свойство той или иной социальной общности – класса, нации, профессиональной или демографической группы и т.д., которое существенным образом воздействует на поведение данной общности, предопределяет ее важнейшие социально значимые акции⁴.

Представители психологической науки видят в интересе форму выражения потребности, различая не столько сами интересы, сколько потребности, лежащие в их основе. «Интерес – форма проявления познавательной потребности, обеспечивающая направленность личности на осознание целей деятельности и тем самым способствующая ориентировке, ознакомлению с новыми фактами, более полному и глубокому отражению действительности»⁵.

Традиционно в юридической литературе интерес понимается как явление, с одной стороны, объективное, а с другой – субъективное⁶. В основе понятия интереса как объективного явления лежит так называемая социологическая концепция интереса, основным посту-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 18. С. 271.

² Бондаренко Л. Интерес как категория политической экономии // Экономические науки. 1970. № 8. С. 19.

³ См.: Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика. М., 1991. С. 149–168.

⁴ См.: Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. С. 75.

⁵ Психология: словарь: под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990. С. 146; Джидарьян И.А. О месте потребностей, эмоций и чувств в мотивации личности // Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974. С. 146–147.

⁶ Необходимо отметить, что существуют позиции, отрицающие либо объективную, либо субъективную составляющую интереса. См., например: Михайлов С.В. Интерес как общенаучная категория и ее отражение в науке гражданского права // Государство и право. 1999. № 7. С. 87–88; Сабикенов С.Н. Об объективном характере интересов в праве // Советское государство и право. 1981. № 6. С. 38.

латом которой выступает утверждение, что интерес – явление, «связанное исключительно с бытием предмета и не сводящееся к сознанию и воле»¹. В основе понятия интереса как субъективного явления лежит психологическая теория, рассматривающая интерес как продукт деятельности мозга, проявление законов психического отражения природной и общественной реальности². Как сочетание объективного и субъективного интерес рассматривали Г. Гегель, И. Кант³, В.Г. Нестеров. Последний, в частности, указывал, что «интерес есть явление общественное, представляющее собой единство объективного и субъективного, поскольку, с одной стороны, он имеет материальные основы (объективно существующие потребности личности, группы, общества в целом), а с другой – всегда, так или иначе, более или менее глубоко, правильно или неправильно отражается в сознании и оформляется в нем в виде определенных мыслей»⁴.

Взаимообусловленность объективного и субъективного проявляется в самой природе интереса. Интерес – это не только положение субъекта в социальной группе (объективное), но положение, выраженное в сознании этого субъекта (субъективное), а также осознание потребности (субъективное), переходящее в действие (объективное). Следовательно, интерес опосредует переход объективного в субъективное и субъективного (внутреннее) в объективное (внешнее).

Влияние на формирование интереса оказывают внешние условия существования субъекта. В первую очередь, это экономические отношения. Смена приоритетов интересов проявилась особенно ярко в 80-е – 90-е гг. XX в. при переходе от социалистической к капиталистической общественно-экономической формации.

Намерения субъекта обусловлены его объективным положением, которое определяется исходя из уровня развития его потребности и меры ее удовлетворения. Поэтому внешними факторами по отношению к формированию интересов выступают также условия разви-

¹ См.: *Гак Г.М.* Общественные и личные интересы и их сочетание при социализме // Вопросы философии. 1965. № 4. С. 19, 21; *Мерлин В.С.* Лекции по психологии мотивов человека. Пермь, 1971. С. 11.

² См.: *Додонов Б.И.* О сущности интересов и подходе к их исследованию // Советская педагогика. 1971. № 9. С. 10; *Шукина Г.И.* Проблема познавательного интереса в педагогике. М., 1971. С. 20.

³ *Кант И.* Критика чистого разума: пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. С. 468–469.

⁴ *Нестеров В.Г.* О соотношении общественного и личного интереса при социализме // Ученые записки ВЛШ при ЦК КПСС. М., 1959. Вып. 1. С. 77.

тия личности в данном обществе (культура, ее национальные особенности, идеология и политика, мораль, обычаи и т.д.). Особое влияние на формирование интересов конкретного субъекта оказывают также его семейное положение, условия воспитания в семье, уровень образования, профессия, возраст. Причем влиянию возраста на формирование интереса придается одно из ведущих значений.

Огромное значение имеют и внутренние факторы, формирующие личность. Это внутренние представления субъекта о добре и зле, справедливости и несправедливости и т.д. Субъективный момент интереса заключен и в восприятии своего собственного социального положения. Побудительные силы, формирующие интерес, – это чувства, желания, эмоции и т.д., так называемые психологические факторы. Помимо этого, сильным внутренним фактором выступает и идеология (идеи, принципы и т.д.). Существующие в обществе представления о чести, достоинстве, разумности, справедливости и иные идеи по отношению к каждому отдельному субъекту выступают объективным моментом, они независимы от индивидуального сознания. Но, с другой стороны, они формируют внутреннее сознание, субъективное отношение субъекта к тому или иному явлению. Следовательно, специфика внутренних факторов такова, что формируются они под воздействием внешних факторов, именно поэтому мы говорим об интересе как единстве объективного и субъективного.

В основе любого интереса лежит потребность.

Во-первых, потребность – это предпосылка интереса, исходный внутренний стимул, который зависит не только от внутренних факторов, но и от внешних условий (объективного фактора). Все человеческие действия осуществляются ради реализации потребностей. Индивид осознает свои потребности и формирует субъективное отношение к ним, что выражается в интересе. В качестве осознания потребности интерес выступает как единство объективного и субъективного моментов: объективного – действия – и субъективного – осознания необходимости действия (мотивы, установки, желания, ценностные ориентации). Следовательно, потребность проявляется в интересе, направленном на получение блага. Интерес же реализуется посредством субъективного права. Следовательно, интерес возникает раньше субъективного права. Более того, интерес возникает независимо от наличия или отсутствия субъективного права, так как формирование интересов есть результат, с одной стороны, психической дея-

тельности субъекта, с другой – социальной деятельности, но не результат юридического закрепления его в законодательном акте.

Во-вторых, любой интерес имеет цель – достижение того или иного блага. В основе блага лежит потребность. Следовательно, потребность опосредованно через благо есть объект интереса. Если интерес отождествлять с потребностью, то в конечном итоге получится, что он имеет объектом самого себя.

Однако мы не можем говорить только об индивидуальных потребностях, реализуемых в интересах, помимо них существуют и общественные потребности, которые оформляются в интересы и закрепляются в нормах объективного права. И здесь крайне важно разрешение вопроса о соотношении публичных и частных интересов.

Соотношению частного и публичного интересов посвящены труды многих философов. Одни представители философской науки рассматривают публичный интерес как сумму частных интересов¹. Другие считают, что публичные интересы – это абстракция. «Есть интересы определенных категорий людей, которые они маскируют под государственные»². Большинство высказываются за то, что «частный интерес почти всегда находится в противоречии с общественным» (Жан Жак Руссо, Мишель де Монтень, Фридрих Ницше и др.)³. «Общественный порядок – результат пожертвований частных интересов интересу общественному», – развивает эту мысль П. Буаст⁴.

Идея приоритета общественного интереса перед индивидуальным легла в основу реализма (Платон, О. Конт, Э. Дюргейм и др.). Номинализм, в свою очередь, опирается на приоритет индивидуального интереса, на понимание социальных явлений как результат реализации целей, установок, мотивов поведения отдельных индивидов (Аристотель, Г. Зиммель, Г. Тард, М. Вебер и др.)⁵.

В юридической литературе мы можем выделить два основных направления в понимании соотношения интереса частного и публич-

¹ См.: Антология мудрости: сост. В.Б. Шойхер. М.: Вече, 2007. С. 357.

² *Зиновьев А.* Светлое будущее: собрание сочинений. М.: Центрполиграф, 2000. Т. 2. С. 430.

³ См.: *Руссо Ж.-Ж.* Избранные сочинения: в 3-х т. М.: ГИХЛ, 1961. С. 32; *Монтень М.* Опыты: в 3 кн. Калининград: Янтарный сказ, 1997. Кн. 1. С. 259–260; *Ницше Ф.* Собрание сочинений. М.: Издание М.В. Клюкина, 1902. С. 34.

⁴ Антология мудрости. С. 357.

⁵ См.: *Спасибенко С.Г.* Социальная типология человека: теоретический подход // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 3. С. 104.

ного. В первом случае общественный интерес понимается как совокупность частных: «...общее благо разлагается на сумму частных интересов... С другой стороны, частные интересы находят поддержку в праве и защиту лишь тогда и настолько, когда и насколько преследование их соответствует общему благу»¹.

Во втором случае интерес публичный рассматривается как интерес определенной социальной группы. «Публичный интерес – это признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит гарантией ее существования и развития»².

Публичный интерес – это обобщение частных интересов в целое. Но во всяком обществе на основе существующих внутренних противоречий складывается определенная иерархия интересов. Более значимые интересы с позиций данного общества имеют первоочередное закрепление и удовлетворение. И частные, и публичные интересы представляют собой одну сторону социальной действительности, и те, и другие вовлекают в сферу своего воздействия социальные группы. Но публичный интерес мы не можем рассматривать как совокупность частных интересов отдельных субъектов и социальных групп. Публичный интерес не действует вне жизненных интересов конкретных субъектов. Все субъекты (в идеале) или отдельные социальные группы (как правило) должны воспринимать публичный интерес как свой собственный. Если же связь между публичными и частными интересами прерывается, то следует, что публичный интерес перестает отвечать общественным потребностям.

В объективном праве находят отражение и интересы общества как совокупности его членов, и интересы каждого в отдельности. Государство является выразителем интересов наделившего его соответствующими полномочиями общества. Одним из признаков государства является возможность самостоятельно устанавливать правила поведения (нормы права), обязательные не только для иных субъектов права, но и для самого государства в целом. Следовательно, государство в лице своих органов выступает, с одной стороны, субъектом

¹ Шершеневич Г.Ф. Понятие о гражданском праве. Казань, 1898. С. 8.

² Кряжков А.В. Публичный интерес: понятие и виды // Государство и право. 1999. № 10. С. 95. Сходные определения даны в других научных трудах. См.: Костин А.В. Интерес публично-территориальных образований в гражданском праве // Законодательство. 2002. № 3–4. С. 55; Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. С. 27.

правоотношений, с другой стороны, оно формируют нормативно-правовую базу, правовую основу этих отношений, правопорядок. В ряде случаев органы государства выступают и как органы, контролируемые субъектов, участвующих в данных правоотношениях. Следовательно, конкуренция частного и публичного интересов прослеживается с начальной стадии возникновения общественных отношений.

Учитывая указанные аспекты общественного развития, законодательство различных стран использует категорию «интересы» в качестве особого регулятора. Не является исключением и Российская Федерация. Конституция РФ в ч. 2 ст. 36, ч. 3 ст. 55, ГК РФ в ст. 1 законодательно закрепляют зависимость осуществления субъективного права от интересов других лиц. Свобода гражданских прав, представленная субъектам правовыми нормами, не может быть безграничной, она ограничивается интересами других лиц – физических и юридических, а также интересами общества. Отсюда следует, что интерес – это не только цель существования права, но и предел осуществления субъективного права.

Все субъекты права приобретают и осуществляют свои права своей волей и в своем интересе. Но эта воля и свой интерес зависят и от воли и интересов других лиц – участников правоотношений. Следовательно, интерес не только вызывает к жизни те или иные правоотношения, он также устанавливает пределы осуществления субъективных прав.

Субъективные права, принадлежащие конкретным субъектам, являются средством удовлетворения интереса. В этом видится основная цель права.

В литературе высказывается точка зрения, что субъективное право – это средство защиты интереса¹. Анализируя данную позицию, необходимо учитывать, что субъективное право является структурным элементом правоотношений, которые, в свою очередь, могут быть регулятивными и охранительными. Когда мы говорим о регулятивных правоотношениях, субъективное право не может выступать средством защиты интереса, в силу того, что речь идет о регулировании поведения

¹ *Братусь С.Н.* О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1949. № 8. С. 34; *Чечот Д.М.* Проблема защиты субъективных прав и интересов в порядке неисковых производств советского гражданского процесса: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Л., 1969. С. 10; *Малеин Н.С.* Охраняемый законом интерес // Советское государство и право. 1980. № 1. С. 27.

субъектов. Юридические нормы, лежащие в основе возникновения регулятивных отношений, направлены на создание условий удовлетворения интересов субъектов. Но можем ли мы утверждать то же самое, когда речь идет об охранительных правоотношениях?

Охранительные правоотношения возникают на основе охранительных норм и направлены на защиту ненарушенных или нарушенных прав и интересов, восстановление правового положения, существовавшего до нарушения. Следовательно, логическая цепочка в этом случае выглядит следующим образом. Субъективное право есть элемент охранительного правоотношения. Охранительное правоотношение возникает до или при нарушении субъективного права, являющегося элементом регулятивного правоотношения. В регулятивном правоотношении реализуются интересы субъектов правоотношений. Из чего можно сделать вывод, что в охранительных правоотношениях субъективное право выступает средством защиты интереса. Безусловно, охранительные правоотношения направлены на защиту в первую очередь субъективного права, входящего в состав регулятивного правоотношения, и лишь во вторую очередь – интереса, который породил это регулятивное отношение. Таким образом, субъективное право опосредованно выступает средством защиты интереса. Использование данного механизма направлено прежде всего на предотвращение не только правовых, но и иных социальных конфликтов.

Подводя итог, мы можем констатировать, что интерес представляет собой предпосылку возникновения и цель осуществления субъективного права. Он не входит в содержание субъективного права. Основными критериями для установления пределов удовлетворения интересов конкретного лица служат интересы других лиц, в том числе общественные и государственные. Следовательно, интерес выступает пределом осуществления субъективного права. Кроме того, субъективное право выступает средством реализации интереса в регулятивном правоотношении и средством защиты интереса в охранительном правоотношении.

Интерес есть единство объективного и субъективного, поскольку, с одной стороны, он является следствием общественно-экономического развития данного общества, оказывающего непосредственное влияние на уровень развития потребности личности и меры ее удовлетворения, а с другой – отражается в сознании субъекта, формирует цели и мотивы поведения и, в свою очередь, воздействует на течение объективного процесса и формирование права. Интерес – это единство публичного и

частного, так как в объективном праве находят отражение и интересы общества как совокупности его членов, и интересы каждого в отдельности. Интерес есть предел осуществления права, так как свобода, представленная субъектам правовыми нормами, не может быть безграничной, она ограничивается интересами других лиц – физических и юридических, а также интересами государства в целом.

Можно выделить два основных пути устранения конфликта.

Первый – реформирование социально-экономических оснований деятельности конкурирующих субъектов.

Второй – своевременный пересмотр правовых норм, использование различных средств правового регулирования, устранение коллизий в праве, пробелов и т.п.

На этом этапе важное значение имеет установление императивных норм, позволяющих зафиксировать статус конфликтующих субъектов, определить дистанцию между ними и тем самым обеспечить упорядоченность в данном правоотношении, обеспечивающую ее внутреннюю эффективность.

Для минимизации предпосылок развития конфликтов в правовой сфере активно применяются ограничивающие средства. Речь идет об установлении ограничений и пределов осуществления прав.

Необходимость установления ограничений в праве осознавалась во все времена. Уже в римском праве возникновение ограничений обуславливалось интересами общества и необходимостью предотвращения конфликтов¹.

Часть 3 ст. 55 Конституции РФ провозглашает: права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан и других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

По сути, ограничения выполняют ту же основную функцию, что и пределы, – охраняют право от нарушения путем установления запретов. Нормы, содержащие ограничения, так же как и нормы, содержащие пределы, имеют превентивную направленность, то есть направлены, в первую очередь, на предотвращение правовых конфликтов.

И пределы осуществления, и ограничения имеют общую цель – баланс интересов. Однако ограничения права устанавливаются для

¹ См.: Новицкий И.Б. Основы Римского гражданского права. М.: Юрид. лит., 1960. С. 92.

предупреждения нарушения жизненно важных прав и законных интересов человека, общества, государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, п. 2 ст. 1 ГК РФ). Более того, те ограничения, о которых говорится в Конституции РФ и п. 2 ст. 1 ГК РФ, направлены на защиту, как правило, публичных интересов.

Пределы осуществления в большинстве своем имеют целью сбалансировать частные интересы конкретных обладателей субъективных прав.

Установление пределов осуществления прав и ограничений не могут повлиять на содержательную характеристику предоставленного лицу права. Если собственник обладает триадой правомочий по владению, пользованию и распоряжению вещью, то в результате установления ограничений или пределов осуществлений он не утрачивает свои правомочия. Однако сужается объем предоставленных возможностей внутри этих правомочий. Так, согласно п. 1 ст. 288 ГК РФ, для собственника жилого помещения установлено ограничение, связанное с запретом на изменение назначения жилого помещения. Вследствие этого собственник, сохраняя все свои правомочия по владению, пользованию и распоряжению жилым помещением, не вправе производить действия, направленные на изменение предназначения данного объекта. Тем самым предотвращается конфликт с другими собственниками жилых помещений.

То же самое можно сказать и о пределах осуществления права. Например, субъект вправе владеть, пользоваться и распоряжаться предприятием, находящимся в его собственности, но при этом его деятельность не должна приводить к ограничению конкуренции, что в противном случае приведет к конфликту.

И пределы осуществления, и ограничения устанавливаются посредством запрета. Законодатель перечисляет то, что субъект не может делать. Ни в первом, ни во втором случае от субъекта не требуется совершения кого-либо действия в пользу третьего лица. Он должен лишь воздержаться от определенных действий. Обладатель права вследствие ограничения либо установления предела осуществления лишается возможности совершать определенные действия в отношении объекта права. Например, п. 3 ст. 288 ГК РФ устанавливает ограничение на возможность размещения в жилых домах промышленных производств; п. 3 ст. 260 ГК РФ ограничивает изменение целевого назначения земельных участков, предоставленных для сельскохозяйст-

венных нужд: не допускает причинения вреда в процессе осуществления прав (п. 1 ст. 10 ГК РФ) и т.д.

Однако запреты, устанавливающие пределы осуществления прав, касаются конкретного обладателя субъективного права и, следовательно, являются запретом для того, кто его осуществляет, – для субъекта права. Ограничения же адресованы неопределенно широкому кругу лиц. В отличие от пределов осуществления они всегда известны, так как основанием их установления является федеральный закон.

Поскольку ограничения изначально заложены только в федеральном законе, они объективны, так как сужают границы права на стадии включения нормы права в законодательный акт и не относятся ни к какому конкретному субъекту, а адресованы неопределенному кругу лиц. Объективность ограничений имеет следствием то, что они не могут вводиться, изменяться или прекращаться по воле субъектов правоотношений. В отношении же пределов осуществления применяются два приема. Отдельные виды пределов осуществления строго предусмотрены в объективном праве, в отношении же других в объективном праве предусмотрены возможности их возникновения, существования и прекращения. Пользуясь такими заложенными в объективном праве возможностями, стороны могут устанавливать в договорах или иных сделках собственные пределы осуществления своих субъективных прав. Пределы осуществления устанавливают пределы осуществления конкретного субъективного права конкретного субъекта права.

Отсюда следует немаловажный вывод. Пределы осуществления могут устанавливаться по воле субъекта, а ограничения всегда независимы от воли.

Следовательно, ограничения определяют границы объективного права (они определяются на стадии правотворчества и не могут быть установлены или изменены по воле сторон), а следовательно, направлены на предотвращение потенциальных (предполагаемых) конфликтов на стадии правотворчества. Пределы осуществления устанавливают границы субъективного права, тем самым предотвращают конфликты между конкретными субъектами конкретных правоотношений.

Приведенная субъективно-объективная структура конфликта в зависимости от интересов субъектов, заложенных в правовых нормах, дает возможность проследить взаимодействие внутренних и внешних факторов в зарождении и развитии конфликта, а также выработать основные средства и пути его минимизации и (или) полного устранения.

2. СОЦИАЛЬНАЯ ДРАМАТУРГИЯ И ЕЕ АКТОРЫ

2.1. Актор как активная сторона, создающая и влияющая на ход социального конфликта в зависимости от своих интересов (Т.В. Дерюгина)

В процессе реализации различных социальных интересов формируются два основных типа взаимодействия между людьми и социальными группами: конфликт и сотрудничество. В первом случае субъекты имеют полярные интересы, приводящие к возникновению конфликта (конфликт может быть вызван, например, стремлением к обладанию определенным материальным благом, стремлением занять одну и ту же должность и т.п.). Во втором случае, напротив, – это действия, способствующие организации совместной деятельности, например объединение капиталов в целях создания юридического лица, ведения предпринимательской деятельности и извлечения прибыли.

Жизнь отдельного человека, социальных групп, общества в целом представляет собой бесконечную цепь конфликтов, сопровождающихся психологическим стрессами, духовными и материальными потерями. Поэтому конфликт, в первую очередь, – это отношение между людьми. Конфликтовать, не вступая во взаимоотношения, не возможно. А следовательно, конфликт – это общественное отношение между различными субъектами.

Среди участников конфликта особое место занимают акторы. Различные общественные науки, по сути, тождественно определяют данных субъектов. Так, в социологии актер – действующий субъект (индивидуальный или коллективный); индивид, социальная группа, организация, институт, общность людей, совершающих действия, направленные на других. Например, государство является главным политическим актором на поле политики и ведущим социальным актором в обществе¹. Либо актер определяется как участник преобразований, движимый собственными мотивами и обладающий для этого соответствующим опытом. Акторы могут иметь неоднозначные мотивы².

¹ Анцупов А.Я., Шитлов А.И. Структура конфликта // Конфликтология. М.: ЮНИТИ, 1999. С. 239.

² Кудрявцев В.Н. Современная социология права. М., 1995. С. 75.

В политологии актор – это участник мировой политики, который может влиять на процессы, происходящие в мире¹.

В конфликте актор стремится занять позицию, несовместимую и противоположную по отношению к позиции другой стороны. К тому же акторы в конфликте вступают в особое взаимодействие, которое возникает при их несовместимых взглядах, позициях и интересах.

Активность – это важный признак актора конфликта. Однако речь идет только о той активности, которая синонимична понятиям «борьбы» и «противодействия». Поэтому, если мы имеем биполярность интересов, которая порождает противостояние, но не содержит противодействия, а лишь имеет внутренний потенциал противоречия, то это не означает столкновения или борьбы, а значит, не несет в себе конфликта. Вместе с тем не каждое противоречие приводит к конфликту. Противоречие перерастает в конфликт, когда индивид или социальная группа сознают противоположность интересов, когда складываются соответствующие мотивации и типы поведения, проявляющиеся в прямом столкновении².

При этом надо учитывать, что само по себе противодействие без взаимодействия с противоположной стороной не приводят к конфликту. Конфликтующих сторон как минимум должно быть две.

Таким образом, актор – это активный участник конфликта, создающий его, влияющий на его ход, способный не только провоцировать конфликтные ситуации в зависимости от собственных интересов, но и свести конфликт до минимума и (или) устранить его.

Действия актора всегда активны. Дело в том, что бездействие может порождать отрицательные правовые последствия только в том случае, если на лице лежит обязанность активно действовать в данной ситуации. Но это именно обязанность. Актор же, вступая в конфликт или иницируя его, имеет определенные интересы, которые он стремится реализовать. В свою очередь, удовлетворять интересы призваны субъективные права лица, а не его обязанности. Таким образом, активность актора как субъекта конфликта предполагается.

¹ См.: подробнее: *Дмитриев А.В.* Конфликтология: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2003. 320 с.; *Козырев Г.И.* Введение в конфликтологию: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 176 с.; *Соколов С.В.* Социальная конфликтология: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 327 с.

² *Кикоть В.Я.* Конфликтология. Введение в теорию и практику управления конфликтами. СПб., 2000. С. 79.

При этом активность актора невозможна без некоторого импульса, задаваемого осознанием ситуации со стороны субъекта конфликта.

Акторы конфликта вступают в отношения по поводу определенных интересов. Акторы юридического конфликта дискутируют по поводу объема или характера субъективных прав, материальных и нематериальных благ и их перераспределения и т.п. Важным результатом юридических конфликтов является наступление юридически значимых последствий (возникновение прав, наделение обязанностями, изменение их объема и пр.). Акторы политического конфликта полемизируют по поводу властных полномочий, степени влияния на политические отношения, за доступ к принятию общезначимых решений, распоряжение ресурсами и т.п.

Актор конфликта может выступать как от собственного имени и защищать свои индивидуальные интересы, так и от имени определенной социальной группы и представлять ее интересы. Актор конфликта может также выступать от имени государства и представлять не только интересы государства, связанные с разрешением конфликта, но и интересы отдельных субъектов, социальных групп и общества в целом.

Но всегда ли акторы осознают интересы, которые представляют? Ряд авторов полагает, что интерес всегда предполагает его осознание¹. Но в литературе имеется и множество точек зрения ученых, выступающих за существование неосознанных интересов (С.Н. Братусь, Б.Я. Гершкович, Г.Е. Глезерман, Р.Е. Гукасян и др.²). Однако мы не можем согласиться с данной позицией по следующим основаниям.

Не существует интереса, не нашедшего отражения в сознании. В противном случае, если представление об интересе еще не сформировалось, то мы говорим о возникшей потребности. Но как только индивид оформит ее в своем сознании, происходит трансформация потребности в интерес. Можно возразить, что не всегда субъект действует в своем интересе. Например, действуя в интересах коллектива

¹ См.: Матузов Н.И. Личность. Право. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 210; Малько А.В., Субочев В.В. Законный интерес и юридическая обязанность: аспекты соотношения // Юридический мир. 2007. № 3. С. 5.

² См.: Братусь С.Н. О пределах осуществления гражданских прав // Правоведение. 1967. № 3 С. 5; Гершкович Б.Я. Экономические интересы и их реализация. Пятигорск, 1999. С. 12; Глезерман Г.Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973. С. 89.

или общества, человек нарушает свои интересы. Однако и в данном случае речь идет либо об осознанном нарушении своих интересов, либо о наличии далеко идущих интересов, ради которых можно поступиться сиюминутными.

Таким образом, во-первых, любая деятельность человека имеет под собой интерес. Осуществление прав при отсутствии интереса не возможно. Интерес может не лежать на поверхности, например, когда право реализуется либо в интересах другого лица (эти случаи лежат в основе ряда статей Гражданского кодекса РФ (ст. 36, 41, п. 3 ст. 53, 971, 990, 1012, 1135 и др.), но и здесь есть интерес (причем он может выражаться не только в имущественной сфере), либо временный отказ от своих интересов принесет в будущем более ощутимые результаты, что тоже есть суть интерес.

Во-вторых, интерес всегда осознан субъектом деятельности. Более того, осознан должен быть не только свой интерес, но и интерес другой стороны, а так же то, что осуществление своего интереса ставит актора в противодействие с другими субъектами. Тем самым активный участник конфликта должен осознать не только интересы, но и саму конфликтную ситуацию.

В-третьих, все субъекты, действуя в своем интересе, имеют определенные цели. Эти цели являются производными от существующих у актора интересов, тем самым опосредованно влияют на возникновение конфликта.

Можно выделить два случая вступления субъектами в конфликт по поводу своих интересов. Первый случай, когда интерес противоправный. Противоправный интерес осуществляется тогда, когда: лицо действует или бездействует при отсутствии на то права и (или) избирает такие способы осуществления права, которые запрещены конкретными правовыми нормами, либо закон содержит конкретные обязанности действовать таким образом.

Но и правомерные интересы могут конфликтовать с правомерными интересами других лиц. В свое время еще римские юристы (Гай, Цельс, Помпоний¹) обратили внимание, что формула *qui iure suo utitur, neminem laedit* (тот, кто пользуется своим правом, никому не причиняет вреда) не вполне соответствует действительности. Заключение в ней принцип свободной реализации своих интересов при осуществлении субъективных прав вступал в противоречие с существованием иных

¹ Памятники римского права: Законы XII таблиц, Институции Гая, Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. С. 158–159.

интересов других участников правоотношений. Более того, свободное поведение управомоченного лица по осуществлению собственных интересов могло причинить вред другим субъектам правоотношений.

Конфликт правомерных интересов происходит тогда, когда лицо действует в рамках предоставленного ему субъективного права, то есть правомерно, но при этом избирает такие способы осуществления права, в результате применения которых может быть причинен вред другим субъектам правоотношений, однако прямые запреты на использование таких способов осуществления в законе отсутствуют.

В научной литературе правомерный интерес определяют как «интерес, получивший признание со стороны закона путем предоставления его носителю субъективного гражданского права как средства удовлетворения этого интереса»¹.

Большинство авторов² исходят из того, что, во-первых, законный, правомерный интерес формально не закреплен, а во-вторых, формально не защищен. Однако мы не можем с этим согласиться. Что касается формальной закреплённости, то опровержение этому утверждению мы находим, например, в п. 2 ст. 1 ГК РФ: «...гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц...». Упоминание законных интересов содержится в ст. 13 ГК РФ, п. 3 ст. 209 ГК РФ, ч. 2 ст. 38 Федерального закона от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе»³, в п. 1 ст. 22 Налогового кодекса РФ от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ⁴, ст. 21 Трудового кодекса РФ от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ⁵ и др. Следовательно, законодатель рассматривает законный интерес как самостоятельную правовую категорию. На наш взгляд, именно это является главным доказательством того, что интерес не является элементом содержания субъективного права. Приняв противоположную точку зрения, мы не могли бы вести речь об иных законных интересах и не смогли бы разделить субъективное право и интерес. Отсюда мы можем сделать еще один вывод: интерес формально закреплен в законодательстве. Следовательно, все право-

¹ Крашенинников Е.А. Интерес и субъективное гражданское права // Правоведение. 2000. № 3 С. 133.

² См.: Малько А.В., Субочев В.В. Указ. соч. С. 8.

³ Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

⁴ Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

⁵ Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1) Ст. 3.

мерные интересы субъектов, в том числе и акторов конфликта, тем или иным способом отражены в законодательстве.

С позиции защиты законного интереса построены нормы ст. 13 ГК РФ, указывающей, что нормативно-правовой акт, нарушающий законные интересы лиц, может быть признан судом недействительным. В соответствии с п. 8 ст. 49 Закона РФ от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах в Российской Федерации»¹ любой акционер вправе обжаловать в суде решение, принятое общим собранием акционеров с нарушением требований закона и устава, если указанным решением затронуты его права и законные интересы. Можно привести и другие примеры. Процессуальное законодательство указывает, что задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан (ст. 2 ГПК РФ). Аналогичную норму мы встречаем в ст. 2 АПК РФ.

В литературе выделяются две точки зрения относительно возможности защиты законного интереса. Одни полагают, что его защита не возможна: если интерес есть, но он не признается правом, то таковой не подлежит судебной защите².

Другие считают необходимым и возможным защиту законного интереса: «законный интерес суть явление правовое, иногда выступающее в качестве самостоятельного предмета юрисдикционной охраны, для всестороннего и полного изучения которого создается сложный судопроизводственный механизм»³.

Мы полагаем, что интерес, не обеспеченный государственными мерами защиты, перестает быть юридическим явлением. Каждый может его нарушить, что создает невозможность его осуществления. Поэтому законодатель в ряде случаев указывает на возможность защиты не только субъективного права, но и законного интереса.

Основанием для реализации законного интереса выступает его незапрещенность законом. Если субъективное право либо прямо за-

¹ Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

² См.: Рожкова М.А. Мировое соглашение в арбитражном суде: проблемы теории и практики. М., 2004. С. 153–155; Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М., 2006. С. 53.

³ Афанасьев С. Эволюция юридического интереса как предпосылки права на обращение в суд гражданской юрисдикции (теоретико-правовой обзор) // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 10. С. 45.

креплено в законе, либо закреплена возможность его осуществления посредством установления обязанности конкретных субъектов, либо широкого круга лиц, то осуществление законного интереса осуществляется сообразно с общими принципами права. Следовательно, законный интерес и субъективное право отличает специфика правового регулирования, заключающаяся в основании возникновения правоотношения и степени конкретизации правомочий. Законодатель вводит понятие законного интереса, сознавая невозможность закрепить все интересы лиц в субъективных правах. «Законные интересы» выступают своего рода страховкой возможных пробелов законодательства в отношении субъективных прав.

Введение термина «охраняемый законом интерес» в нормативно-правовые акты является следствием развития теории интереса в доктрине. Опасаясь, что в ряде случаев правомерные интересы не смогут быть удовлетворены при помощи субъективных прав, законодатель прибегнул к такому приему, обозначив, помимо субъективных прав, еще и «охраняемый законом интерес». Подтверждает данный вывод, на наш взгляд, и непоследовательность законодателя при регулировании данного вопроса. В статьях 11, 12, 14 ГК РФ, говоря о судебной защите, способах защиты, самозащите, законодатель упоминает лишь возможность защиты прав. А в пункте 1 ст. 13 ГК РФ, где речь идет об одном из способов защиты, упоминаются и права, и интересы. По нашему мнению, при осуществлении защиты субъективного права и охраняемого законом интереса их различия очевидны. В первом случае необходимо доказать наличие права, а во втором – наличие интереса.

Таким образом, акторы конфликта могут полемизировать по поводу правомерных интересов. В свою очередь, правомерные интересы могут являться основанием для правовых конфликтов.

С позиции причин возникновения все конфликты в научной литературе делят на объективные, т.е. вызванные внешними обстоятельствами, и субъективные, зависящие главным образом от особенностей характера и поведения их участников¹.

Позволим себе не согласиться с возможностью существования объективных конфликтов в чистом виде.

Как нами неоднократно указывалось выше, любая деятельность человека имеет под собой интерес. Следовательно, осуществление

¹ Основы конфликтологии. М., 1997. С. 51.

деятельности при отсутствии интереса не возможно. Соответственно, акторы конфликтов обладают определенными интересами, по поводу чего и вступают в определенные отношения. Интерес же конкретного лица всегда субъективен. Следовательно, отсутствие субъективного интереса в конфликте исключает возможность для актора выступать стороной конфликта. Таки образом, существование объективных конфликтов в чистом виде (без субъективного начала) сомнительно.

Помимо интересов акторов, важной составляющей любого конфликта является его мотивация. В зависимости от мотивации различают конфликт интересов и когнитивный конфликт¹.

При конфликте интересов цели одной группы (индивида) оказываются достижимыми таким образом, что делают невозможным для других групп (индивида) реализацию собственных целей. Мотивация конфликта интересов может подтолкнуть одного из субъектов к противоправным действиям, направленным на подавление интереса другого субъекта.

В основе когнитивного конфликта, как правило, находится спор о знании, правоте или неправоте его участников по поводу каких-либо утверждений, соображений, фактов, постулатов².

Мотивация актора формируется на предконфликтной стадии, то есть стадии, предшествующей конфликту. Именно на этой стадии происходит осознание конфликтующими сторонами побудительных мотивов конфликта. Если в мотивации конфликта имеется правовой аспект, то уже на этой стадии он характеризуется как юридический.

На то, что основанием правового конфликта является интерес, мотивы поведения актора, указывает большинство ученых. Однако, на наш взгляд, правовой конфликт может порождаться не только интересами и мотивами, но и способами, посредством которых акторы стремятся осуществить свои интересы.

Осуществление субъективных прав основано на свободе выбора управомоченным субъектом любого варианта (способа) поведения, обусловленного содержанием субъективного права.

Однако свободное осуществление прав не предполагает отсутствие пределов и полную бесконтрольность осуществления. Причем пределы осуществления лежат не только в правовой плоскости. Надлежащее осуществление означает поведение лица, которое соответствует не

¹ См.: *Дмитриев А.В.* Социальный конфликт: общее и особенное. М., 2002. С. 468–469.

² См.: там же. С. 469.

только правовым, но и нравственным нормам, признаваемым в обществе. В свою очередь, при помощи правовых средств осуществление прав ограничивается для обеспечения и защиты важнейших социальных ценностей и поддерживается принудительными мерами государства.

Осуществление может выражаться как в использовании, так и в неиспользовании своего права, то есть оно может быть как активным, так и пассивным. Например, в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон, молчание (то есть бездействие) признается выражением воли совершить сделку (п. 3 ст. 158 ГК РФ).

Только в исключительных случаях законодатель говорит о необходимости активно осуществлять право (например, осуществляя право на застройку, необходимо начать действия, сопряженные со строительством, не позднее трех лет с момента выдачи разрешения на строительство).

Помимо сказанного, диспозитивность означает наличие альтернатив в возможных действиях субъектов. Данные альтернативы должны быть охвачены соответствующей правовой моделью. Поэтому, осуществляя право, субъект не только выбирает: действовать ему или бездействовать, но и в случае выбора активных действий находит необходимую ему модель поведения из массы возможных. При этом основным постулатом такого поведения должно являться ненарушение интересов других лиц, другими словами невступление с ними в конфликт.

Субъект отношения всегда имеет возможность свободного выбора того или иного способа осуществления права. Но эти способы не могут быть любыми. Способы осуществления права не должны быть противоправны; не должны нарушать прав и интересов третьих лиц; не должны выходить за пределы субъективного права; не должны причинять вред третьим лицам и т.д.

В юридической литературе выделяют три элемента в осуществлении права: активный, пассивный и рефлексивный¹. Активное действие права обращено к управомоченному лицу – это возможности его собственных действий для удовлетворения своих интересов. Пассивная сторона действия субъективного права связана с активной, но противопоставляется ей в том смысле, что состоит в отсутствии активного использования. Что касается рефлексивного действия, то этот термин означает, что лицо, пользуясь своим правом, производит

¹ См.: Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. СПб., 1911. Т. 1, часть общая. С. 398.

побочный эффект, не зависящий от его воли и желания, выгодный либо вредный для третьих лиц.

В большинстве случаев именно таким рефлекторным действием субъективного права может быть причинен вред лицам, непосредственно не участвующим в конфликте. Но защититься от такого действия права нельзя, так как лицо, которому причиняется вред, не обладает субъективным правом в данном правоотношении.

Таким образом, субъект, действуя в своих законных интересах и осуществляя свое законное право, тем не менее может вступить в конфликт с другими субъектами по поводу избираемых им способов осуществления права, которыми он наносит вред их интересам.

На выбор способа осуществления своего интереса влияют: внешние (объективные) условия осуществления прав и внутренние (субъективные) – те факторы, которые зависят от самого управомоченного субъекта¹.

Свобода выбора способа осуществления интереса достигается двумя различными средствами: во-первых, через формирование внутренних пределов самосознания самого субъекта (это представления о справедливости, разумности, нравственности и т.д.); во-вторых, через формирование внешних пределов. Здесь свобода ограничена правом, где целью ограничений является соблюдение общественных интересов, прав и свобод всех субъектов права. Внешнее содержание права установлено в нормативно-правовых актах путем использования управомочивающих, запрещающих, обязывающих норм. Помимо этого установлены и так называемые внутренние требования, которые влияют на осуществление субъективного права конкретного субъекта.

Соответственно формирование актором конфликта зависит не только от внешних условий, его интересов, но и способов достижения этих интересов. В свою очередь, выбор способов зависит от внутренних установок субъекта, его моральных качеств.

От внутренних, нравственных качеств акторов зависит и основная форма, в которой реализуется психологический механизм конфликта, – противодействие.

На формирование и развитие конфликта, а также на положение актора в конфликте влияют, помимо его внутренних качеств, его социальный статус, совокупность средств, которыми может воспользо-

¹ См.: *Тархов В.А.* Осуществление гражданских прав // Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства. Саратов, 1962. С. 56.

ваться субъект конфликта, и социальная среда (социальные условия, в которых развивается конфликт).

Акторами правового конфликта являются разнообразные субъекты. В настоящее время этот вопрос получил достаточное отражение в нормативных актах. Так, в соответствии со ст. 19 Федерального закона от 27 июля 2004 № 79-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹ акторами конфликта интересов на гражданской службе являются гражданский служащий и (или) граждане, организации, общества, субъекты Российской Федерации, Российская Федерация. На основании ст. 11 Федерального закона от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «О противодействии коррупции»², ст. 14.1 Федерального закона от 2 марта 2007 № 25-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «О муниципальной службе в Российской Федерации»³ акторами конфликта могут являться государственные или муниципальные служащие. Федеральный закон от 24 июля 2002 № 111-ФЗ (ред. от 30.11.2011) «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации»⁴ устанавливает возможность быть акторами конфликта должностных лиц и их близких родственников, имеющих отношение к инвестированию средств пенсионных накоплений.

Законодательство допускает возможность, когда в качестве акторов конфликта выступают юридические лица, общественные организации и т.п. Так, в соответствии со ст. 8 Федерального закона от 1 декабря 2007 № 315-ФЗ (ред. от 03.12.2011) «О саморегулируемых организациях»⁵ акторами конфликта, с одной стороны, являются лица, входящие в состав органов управления саморегулируемой организации, ее работники, действующие на основании трудового договора или гражданско-правового договора, а с другой стороны, саморегулируемая организация как самостоятельный субъект права. На основании ст. 27 Федерального закона от 12 января 1996 № 7-ФЗ (ред. от

¹ Собрание законодательства РФ. 2004. № 31, 2 августа. Ст. 3215.

² Собрание законодательства РФ. 2008. № 52, 29 декабря. Ч. 1. Ст. 6228.

³ Российская газета от 7 марта 2007. № 47.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, 29 июля. Ст. 3028. Аналогичная норма содержится в Федеральном законе от 7 мая 1998 № 75-ФЗ (ред. от 03.12.2011) «О негосударственных пенсионных фондах» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 19, 11 мая. Ст. 2071.

⁵ Российская газета. 2007. 6 декабря, № 273.

16.11.2011) «О некоммерческих организациях»¹ акторами конфликта могут быть руководитель (заместитель руководителя) некоммерческой организации, лицо, входящее в состав органов управления некоммерческой организацией или органов надзора за ее деятельностью, если указанные лица состоят с этими организациями или гражданами в трудовых отношениях, являются участниками, кредиторами этих организаций либо состоят с этими гражданами в близких родственных отношениях или являются кредиторами этих граждан. На другой стороне конфликта выступает некоммерческая организация.

Не во всех случаях все участники конфликта признаются акторами. Например, в случае массовых беспорядков акторами конфликта являются только организаторы беспорядков либо наиболее активные участники. Именно этот принцип ответственности отражен в действующем уголовном законодательстве.

Помимо акторов конфликта, выделяются участники конфликта, которые либо сознательно принимают участие в конфликтах, либо случайно или помимо своей воли вовлечены в конфликт. Участники конфликта могут как преследовать в конфликте свои интересы, так и не иметь собственных интересов. Влияние участников на конфликт различное. По направлению указанного влияния участники конфликта можно разделить на положительные доминанты, которые тяготеют к подавлению конфликта, принимают меры, направленные на минимизацию конфликта и (или) его прекращение, и негативные – которые провоцирует конфликт, способствуют его развитию. Помимо этого, участники могут поддерживать одну из сторон конфликта.

В современной конфликтологии выделяют пять стратегий поведения актора в конфликтной ситуации²:

¹ Собрание законодательства РФ. 1996. № 3, 15 января. Ст. 145. Аналогичные нормы содержатся в Федеральном законе от 20 августа 2004 № 117-ФЗ (ред. от 28.06.2011) «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34, 23 августа. Ст. 3532; Федеральном законе от 18 июля 2009 № 190-ФЗ (ред. от 30.11.2011) «О кредитной кооперации» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29, 20 июля. Ст. 3627.

² *Анцупов А.Я., Шипилов А.И.* Структура конфликта С. 239; *Пель М.* Приглашение к медиации: практ. рук. о том, как эффективно предложить разрешение конфликта посредством медиации. М., 2009. С. 42 – 43. В литературе высказываются и иные точки зрения по поводу поведения акторов в конфликте. Так, С.В. Лазарев выделяет три стратегии поведения: 1) избегание конфликта; 2) открытую борьбу, направленную на уничтожение или подчинение; 3) осоз-

– приспособление – один из акторов во всем соглашается с другой стороной, но имеет свое мнение, которое опасается высказывать. Этот стиль поведения актора конфликта характеризуется стремлением сохранить положительную динамику взаимоотношений с другой стороной;

– избегание – уход от конфликтной ситуации. По мнению современных исследователей конфликта «у людей современной цивилизации самая первая, иными словами, первобытно-инстинктивная модель поведения в случае конфликта – это бегство»¹. Конструктивность использования такой модели весьма условна, так как в данном случае конфликт не разрешается, а лишь отодвигается во времени;

– компромисс – совместное решение, в большей или меньшей степени удовлетворяющее обе стороны. Компромисс характеризуется стремлением в какой-то мере соблюсти интересы обеих сторон, что, как правило, приводит к тому, что ни один из участников конфликта не достигнет того, чего желает, в полном объеме.

Здесь важную роль играет убеждение как метод внешнего регулирования действий человека через его внутренние побуждения. Акторы используют переговоры, в результате которых спорные вопросы ликвидируются. На стадии поиска компромисса активно используется посредничество. Посредник способствует улучшению взаимопонимания между конфликтующими сторонами, организует процесс переговоров, а участники сами принимают решение. В юридическом конфликте такими посредниками могут выступать различные суды (общей юрисдикции, арбитражный суд, третейский суд), медиаторы и т.п.;

– соперничество – активное противодействие другой стороне. Противодействие может быть различным – применение силы, сопротивление, фактические действия или бездействие и т.д. Противодействие может быть явным или скрытым. Но даже в случае скрытого противодействия конфликт все равно присутствует, он может лишь прикрываться лицами, оказывающими противодействие. Наличие элементов борьбы и противодействия в процессе конфликта отражает психические механизмы поведения участвующих в нем лиц, отстаивающих различные интересы. В данной стратегии активно применя-

вание бесперспективности борьбы и достижение соглашения. См.: *Лазарев С.В.* Основы судебного примирения. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 56.

¹ *Шварц Г.* Управление конфликтными ситуациями: диагностика, анализ и разрешение конфликтов. СПб., 2007. С. 204.

ется принуждение – метод воздействия на внутренние побуждения человека через его действия;

– сотрудничество – попытка прихода к совместному решению. Здесь происходят выявление и учет взаимных интересов сторон, достижение взаимовыгодного соглашения. Акторы конфликта, избравшие этот стиль устранения противоречий, стремятся найти решение, которое наиболее соответствует интересам обеих сторон.

Однако в чистом виде стратегии поведения акторов в конфликте существуют редко. Так, конфликты, отражая соперничество тех или иных акторов с одними силами, как правило, выражают их сотрудничество с другими, стимулируя формирование коалиций, союзов, соглашений.

При конфликте акторы могут задействовать различные ресурсы: коммуникативные (переговоры), психологические (угрозы, агрессия, шантаж), физические (посягательства на жизнь и здоровье).

Среди позитивных свойств конфликта следует отметить то, что он является основой для поиска сторонами, участвующими в нем, компромисса. Таким образом, акторы могут использовать конфликт для построения достаточно эффективной стратегии, которая может привести к сотрудничеству с ними.

Инициация акторами конфликта способствует выявлению и разрешению противоречий, накопившихся в обществе. В состоянии конфликта субъекты лучше осознают свои интересы и интересы противоположной стороны, выявляют проблемы, существующие в обществе. При помощи конфликта происходит взаимодействие различных групп в социальных отношениях, субъекты одних групп интегрируются в другие группы. Таким образом, акторы конфликта увеличивают количество социальных связей, что придает обществу динамичность, способствует общественному прогрессу.

Позитивная роль актора в конфликте направлена на поиск правовых средств, помогающих устранить возможные социальные конфликты, обеспечить порядок в обществе, стабильность и устойчивость самой общественной системы.

2.2. Образ врага в территориальных конфликтах: методологические аспекты (А.И. Макаров)

Темы территориального конфликта и образа врага довольно хорошо освещены в современной конфликтологической литературе. Вместе с тем необходимо продолжать поиски новых научных подходов в целях адекватного понимания этих изменчивых и опасных реалий. Обратимся к философской рефлексии этих феноменов, методологической стороне конфликтологического анализа. Особая ценность философского способа рефлексии в том, что он позволяет поставить вопрос об онтологическом статусе конфликта, без ответа на который нельзя осуществить полноценный системный анализ. При этом важно, чтобы философский анализ не оказался оторван от эмпирики и прагматики. Ведь именно вокруг прагматической задачи урегулирования конфликтов вращается сегодня вся проблематика конфликтологии. Однако прагматике конфликта должна предшествовать феноменология конфликта. Общее для конфликтологов-юристов и конфликтологов-политологов убеждение, что конфликт есть столкновение интересов, только указывает на некоторую особую онтологическую сферу, проскальзывая мимо нее. Тогда как именно в ней, считает украинский феноменолог А.Т. Ишмуратов, нужно искать определение конфликта как специфического феномена. «После этой смутной метафоры (столкновение интересов. – А.М) обычно переходят сразу к обсуждению полезности или вредности конфликта как некоего еще не определенного «икса», и, например, *социология конфликта* как прагматика конфликта должна основываться на уточненном представлении о *социальном конфликте как феномене*»¹. В этом исследовании рассматривается образ врага в территориальном конфликте с точки зрения философской антропологии в ее феноменологической интерпретации.

Совершая традиционный экскурс в историю философии, конфликтологи обычно ссылаются на Гераклита, который в своем диалектическом учении о Логосе высказал идею о космическом всеприсутствии распри. Борьба пронизывает не только антропный слой реальности, но и весь космос. Бытие человека и социума принципиаль-

¹ *Ишмуратов А.Т.* Феноменология конфликта // Феноменология и гуманитарное знание, 1998. С. 66.

но конфликтно. Онтологическая укорененность распри делает ее опасной, а при утрате меры губительной, но функционально необходимой для поддержания космического порядка: подобно взаимоотношениям тетивы и лука, конфликтующие стороны нужны друг другу для осуществления общей цели – поддержания динамики жизни (например, в современных теориях высказывается мысль об адаптогенной функции конфликта). С этими тезисами Гераклита генетически связаны конфликтологические концепции ценностной амбивалентности любой конфликтной ситуации: единство положительного и отрицательного момента конфликта. Линию на признание принципиальной конфликтности человеческого бытия развивали в европейской философии такие мыслители, как Бл. Августин, Т. Гоббс, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, К. Лоренц, Б. Поршнев. Интересна идея о продуктивности конфликта для жизни языка и культуры, на которой П. Рикер строит концепцию «конфликта интерпретаций»¹. Сходные идеи встречаем и у отечественного мыслителя Ю.М. Лотмана².

Развитие конфликтологии в XX в. двигалось в основном в направлении эмпирических социологических, политологических и психологических исследований³. Поэтому содержание категорий этой науки наполнено в основном юридическим и психологическим содержанием. С этими же дисциплинами связывают и поиски способов и средств нейтрализации социальных и личностных конфликтов. Вместе с тем для системного анализа социального конфликта можно и нужно обратиться к философии культуры и социальной антропологии как к наукам, накопившим большой объяснительный потенциал социально-культурных явлений.

Феномен территориального конфликта в данном исследовании рассматривается с феноменологической точки зрения. Феномен – это явление, которое, с одной стороны, существует объективно, а с другой – его существование детерминировано концептуальной схемой сознания (психология говорит о паттернах психики). Другими словами, языковой концепт конфликта позволяет его различить, идентифицировать как ту или иную форму конфликта. Без концептуально-когнитивной

¹ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике: пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. М., 2002.

² Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 12–43.

³ Особняком стоит историческая наука, которая имеет дело с таким количеством конфликтогенных ситуаций, что они выступают для нее обыденным фоном для ее обширной научной проблематики.

схемы сознания люди не могли бы не только искать выход из конфликта, но даже опознать его. Правда, в таком случае они не смогли бы и развязать его, что не исключает возможности агрессивного взаимодействия. Отличие понятия агрессии от конфликта в том, что агрессия – это неосознанное поведение, а конфликт – осознанное.

Особый интерес представляет конфликт за территорию. Видение геофизического нерасчлененного пространства как отдельной территории, с которой идентифицирует себя личность и общество, опирается на когнитивную схему, генерирующую соответствующие стереотипизированные образы коллективной памяти. При подключении рационального осмысления образы коллективной памяти принимают форму концептов в массовом сознании и понятий и терминов в научно-теоретическом сознании экспертов. Ниже я коснусь истории формирования идеи территории для иллюстрации того, как под воздействием социокультурной динамики трансформируются видение мира и язык его описания.

Предлагаемая к рассмотрению гипотеза разрешения конфликтов состоит в следующем: в человеческом обществе, поддерживающем ценность мирного разрешения территориальных конфликтов, *агрессия* может и должна быть превращена в *территориальный конфликт*, такой конфликт – в *территориальный спор*, территориальный спор – в юридическое и политическое *обсуждение аргументов сторон*, приводящий либо к компромиссному *решению*, либо (будем реалистами!) к замораживанию конфликта. Все эти стадии – агрессии, территориального конфликта, территориального спора, обсуждения аргументов сторон и решение – сопровождается образ врага, меняющийся по мере перехода от стадии к стадии. Образ врага функционально необходим конфликтующим сторонам для работы политического и этического воображения, формирования мотивов поведения. Задачи предлагаемого исследования: прояснить ключевые концепты этой схемы (через наведение между ними понятийных границ) – территориальный конфликт, территориальный спор, дать типологию образов врага и выявить функционально-семантические связи между типами образов Другого-чужого и концептом «наша территория».

Когнитивная оснастка мышления образами Другого-своего и Другого-чужого позволяет производить идентификацию ситуации как конфликтной, проблематизацию и принятие решений. Эти образы – часть общественной и государственной идеологии. Поэтому конфликтология – это не только научная дисциплина, но и система опре-

деленных функциональных концептов, идеология. Что первично, концептуально-когнитивная схема, укорененная в коллективных слоях памяти и психики, или факт конфликтного взаимодействия индивидов, не имеет значения при феноменологическом подходе. Ведь как само понятие феномена означает сущностную неотделимость явления материального мира и образа психики: феномен как бы растягивается между миром интерпретаций, имеющим языковую природу, и миром чувственно воспринимаемых фактов. Имея идеально-материальную природу, феномен стягивает эти миры в сопряженное единство акта сознания. Это – некая *конективная структура*, действующая связующим образом сразу в двух измерениях – индивидуальном и коллективном. Как «символический мир смысла» она связывает человека с его современниками, образуя общее пространство опыта, ожиданий и деятельности, чья связующая и объединяющая сила устанавливает взаимное доверие и возможность ориентации¹.

Идентификация и проблематизация порождают смыслы, исходя из которых субъекты конфликта принимают решения. При этом вся совокупность решений и поведенческих реакций детерминирована смыслогенерирующим воздействием концептов и образов сознания. Концепт территории и образ врага – это нематериальные (или символические) факторы, влияющие на этнотерриториальные конфликты. «Государства продолжают воевать за территории, хотя их процветание и безопасность все менее зависят от территориального фактора», – читаем в современной зарубежной монографии, посвященной рассмотрению территориальных конфликтов в эпоху глобализации². За этой фразой просматривается некоторое удивление тому, что символические факторы довлеют над материальными. Но это факт: с развитием отчужденных форм речи – письма и особенно медиасферы – возникают условия усиления идеологического измерения мироустройства. Сегодня образы приобретают силу оружия, поэтому вполне обоснованно введение в последнее время в научный оборот концептов «информационные войны», «символическое насилие», «смысловая агрессия».

Ситуационный враг и онтологический враг

Начиная разговор об образе врага в аспекте территориальных конфликтов, прежде всего нужно отметить распространенность в

¹ *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 15.

² *Territoriality and Conflict in an Era of Globalization: ed. by Miles Kahler and Barbara F. Walter.* New York: Cambridge University Press, 2006. P. 288.

языках народов мира слов «друг» и «враг». Это объясняется особенностями филогенеза человека. Когнитивные процедуры распознавания «своего» и «чужого» присущи всем живым существам. Бактерия классифицирует химические компоненты среды на аттрактанты и репеленты и реализует по отношению к ним две стереотипные поведенческие реакции; гуси знают, что «все рыжее, большое и пушистое очень опасно», замечает этолог К. Лоренц¹. Слово «враг» несет ярко выраженную негативную коннотацию. Почему?

Враг – это агрессивный и опасный Другой-чужой. Чужеродность – заведомый источник страха. Страх, согласно информационной теории П.С. Симонова, порождается недостатком информации об объекте. Чем опаснее сосед, тем больше о нем требуется информации для обеспечения безопасности, и наоборот, чем меньше информации, тем больше ощущение исходящей опасности. Правда и любопытство к Другому связано с недостатком информации, но без попадания в зону дискомфорта. Поэтому недостаточность информации о Другом можно сделать как основой враждебности, так и основой исследования. На первый взгляд, может показаться странным соседство исследовательского интереса и враждебности. Страх как негативная эмоция требует преодоления, а процесс преодоления может протекать как в форме изучения, рассматривания, так и в форме уничтожения, вытеснения, репрессирования объекта страха. Яркий пример второму варианту развития процессов изживания страхов приводит К. Леви-Строс в своей знаменитой книге «Печальные тропики». Он нашел вопросник, который предлагали колонистам для того, чтобы выяснить, способны ли индейцы жить собственными трудами, подобно крестьянам Кастилии. Все колонисты ответили отрицательно: «В крайнем случае, может быть... К тому же индейцы столь порочны, что и это сомнительно». Какие приводились доказательства? «Они избегают испанцев, отказываются работать без вознаграждения, а их извращенность доходит до того, что они дарят свое добро, не отвергают своих товарищей, которым испанцы отрезали уши». И в качестве единодушного заключения: «Для индейцев будет лучше стать людьми в рабстве, нежели оставаться животными на свободе»².

Этот пример К. Леви-Строса иллюстрирует функциональную необходимость для колонистов превращения неизвестных и потому

¹ Савельев А. Образ врага. Расология и политическая антропология. URL: <http://savelev.ru/books/content/?b=16>

² Леви-Строс К. Печальные тропики. М., 1984. С. 29–30.

страшных как животные индейцев в рабов, о которых колонисты знают. Образ примитивного человека, подобного животному, – это образ сознания, мотивирующий на мобилизацию индивидов и групп, отвоевывающих (или вынужденных защищать) жизненное пространство. С одной стороны, образ врага необходим для формирования коллективной идентичности, а с другой – он опасен для нее тем, что может вызвать изоляцию от соседей. Поэтому в идеологии образуются типа образов врага: метафизический или ситуационный враг и онтологический.

Ситуационный образ врага отличается слабой устойчивостью при сильной интенсивности воздействия на чувства. Эти две характеристики находятся в обратно-пропорциональном отношении друг к другу: чем выше интенсивности воздействия на чувства, тем кратковременнее пребывание образа врага в общественном сознании. Этот вывод не противоречит мнемотехнической идее о том, что яркие образы запоминаются лучше. Дело здесь в том, что интенсивный образ врага запоминает лучше индивид, из активной памяти коллектива он через некоторое время вытесняется. Об этом писал Ян Вансина. Этот исследователь памяти ввел в научный оборот понятие «дрейфующей лакуны» (the floating gap), указывающее на феномен разрыва уровней исторического сознания: «историческое сознание работает только на двух уровнях: время истока и недавнее прошлое... Люди, входящие в соответствующую общность, часто не осознают этого пробела, но исследователю он бросается в глаза».

«Дрейфующую лакуну» живой народной памяти приходится заполнять элите, формирующей идеологическую доктрину о прошлом: мифологическую для народных масс, научно-историческую для научно-экспертного сообщества и мифо-историческую для политической элиты. Это делается с помощью социальной технологии закрепления образов коллективной памяти на внешних носителях по отношению к психике. Такими носителями являются письменные тексты. Важнейшей составляющей памяти о прошлом является нарратив об опасном Другом-чужом, бывшем и значит потенциальном враге. За счет рециклического обращения текстов в общественном сознании происходит стереотипизация «образа врага», что позволяет по немногим критериям распознавать Другого-своего и врага. Стереотипный образ врага, как любой стереотип, экономит время и энергию на выработку новой информации для психологической и социальной адаптации в меняющемся мире. В этом его объективная ценность. В человеческом сообществе символизация информации о мире позво-

ляет составить иерархическую пирамиду ценностей, связанную не только с индивидуальным выживанием, но и с социумом в целом. Именно поэтому у людей стереотипизация врага, формирование его образа приводят не только к выделению разного рода этнических статусов (по внешнему облику, образу поведения и т.п.), но и к обозначению врага через определенный тезаурус, применяемый им в полемике по поводу конфликтных для данного общества вопросах.

Закрепление средствами письма и идеологии образа врага переводит этот образ из ситуативного в *онтологического врага*, который предполагает теоретическую рефлексию. Он формируется интеллектуальной элитой как элемент идеологии для мобилизационных целей.

В конфликте происходит расчеловечивание противника. Метафизический враг – это частный случай расчеловечивания за счет операций абстрагирования (у интеллектуалов) или демонизации, гипертрофирования негативных черт конкретных образов чужого в индивидуальном сознании масс. Для этого используются сравнения противника с различными злыми силами (например, дьяволом, демонами, оборотнями, волколаками и т.п.), животными, вызывающими отвращение (например, крысами, шакалами, гиенами, стервятниками, гадами и т.п.).

Рассмотрим культурно-исторические корни формирования модели метафизического и ситуационного образа врага. Культурологический анализ ментальности показывает, что первый тип образов характерен в большей степени для западноевропейской ментальности, а второй – для русской¹. При этом нужно оговориться, что и там, и там можно найти обе модели Другого-чужого; речь идет лишь о степени их присутствия в коллективной памяти. Эти типы образов врага проявляются в народном сознании в моменты кризисов, и особенно при этнотерриториальных конфликтах. Сравним специфику глубинных образов Другого-чужого в западноевропейском и русском народном сознании.

Демонизация как способ создания эмоционально сильного образа врага опирается на экзальтацию сознания, имеющую религиозное происхождение. В науку было даже введено понятие «западный страх». Причины «западного страха» европейцев исследователи видят в специфике влияния религиозных элит на сознание еще средневекового европейца. А.Я. Гуревич, исследовавший практику пропо-

¹См.: *Аръес Ф.* Человек перед лицом смерти: предисл. А.Я. Гуревича. М., 1992; *Гуревич А.Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989; *Хейзинга Й.* Осень Средневековья. М., 1989; *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М., 2001. С. 150–180.

ведей с ярких примерами адских мук, делает вывод: они «воздействовали на психику народных масс в неблагоприятном направлении, порождая напряженность и страхи»¹. Нужно отметить, что не только на психику масс, но и интеллектуалов Запада. Так, образы бесов, мучающих грешников в аду, выведены в «Божественной комедии» Данте (сохранившего теснейшую связь с ортодоксальной католической традицией) настолько ярко и убедительно, что до сих пор способны впечатлять читателя. В Западной Европе начиная с XV в. устрашающие картины бесовщины приобретают в искусстве особую популярность (произведения М. Шонгауэра, И. Босха, М. Грюневальда, Яна Госсарта, Л. Кранаха Старшего, Лукаса Лейденского, П. Веронезе, Х. Голциуса и др.). Если картины рая оставались смутными и не проясненными, то картины ада и народное воображение, и живопись, и литература западноевропейского средневековья рисовали с большой наглядностью. Ад был намного реальнее рая.

Если на Руси черт представлялся смешным (Н.В. Гоголь хорошо выразил эту тенденцию народной традиции), то в Западной Европе бесы, количество которых позднесредневековые «Дьяблерии» насчитывали тысячами, были воплощением абсолютного зла, войска Сатаны. Сатану мыслят как всемогущего соперника Бога, как «князя мира сего». С идеей о постоянном и всестороннем вмешательстве в жизнь человека нечистой силы смыкалось представление о близящемся конце света. Усиление всемогущества дьявола – показатель того, что перед завершением земной истории он выступит в роли Антихриста. Готовясь к финальной, всемирно-исторической драме, он собирает все свое воинство, включающее и людей (!), которые вступили в ним договор. Именно с этим травматическим опытом лицезрения в своей фантазии Сатаны связана чисто западноевропейская практика поиска и уничтожения ведьм и колдунов. Это расценивалось как борьба против Антихриста, доводя людей до глубоких фобий, передающихся по каналам традиции.

Массовые фобии достигли своего пика в XV – XVI вв. Для нашего исследования представляет особый интерес тот факт, что в этот период возникает огромное количество произведений искусства, посвященных теме смерти и козней дьявола. Это были ужасающие картины фантастики страха. В изобразительном искусстве Запада появляются целый жанр *la danse macabre* (пляска смерти). Особый интерес

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. С. 26.

для этого исследования представляет то, что пляшет не мертвец, а некое «мертвое Я» – неразрывно связанный с живым человеком его мертвый двойник. *Danse macabre* разыгрывались актерами на площадях, собирая толпы горожан и поселян. Этот вид зрелища принял истинно массовый масштаб. В XV в. благодаря книгопечатанию и гравюрам воздействие образов смерти на сознание обывателей усилилось. И. Хейзинга связывал искусство *macabre* с последствиями страхов во время разгула чумы и жестокостей Столетней войны. «В представление о смерти вторгается новый, поражающий воображение элемент, содрогание, рождающееся в сферах сознания, напуганного жуткими призраками, вызывавшими внезапные приступы липкого, леденящего страха. Всевластная религиозная мысль тут же переносит все это в моральную сферу, сводит к *emento mori*, охотно используя подчиняющую силу страха, основанную на представлениях, окрашенных ужасом перед привидениями»¹. В книге А. Гуревича «Культура и общество средневековой Европы глазами современников» приводится типичный случай: «Никогда я не думал, что Господь столь строг, – сказал некий цистерцианец, явившийся с того света другому монаху. – Он помнит все мелочи»². Страх перед Судьей был так велик и не выносим, что в народе сложился культ Девы Марии, которая, наоборот, представлялась заступницей, снимающей в какой-то степени страх вины. А. Гуревич одну главу книги называет «Религия вины» – это о католицизме и западноевропейской культуре³. Дальнейшее развитие «культура вины и страха» получила в эпоху Реформации. Ф. Арьес связывает «культуру страха» с Реформацией и такой страх называют «страхом Лютера»⁴.

Восточная ветвь христианства гораздо спокойнее относилась и к смерти, и к демонологии. Сатана в народной культуре никогда не принимал облика князя мира сего (этот сюжет больше характерен для эзотеричной монашеской традиции). На Руси к смерти относились, как к чему-то должному. Сама встреча со смертью представлялось как дело обычное и привычное. Анализ русских народных поговорок, собранных В. Далем, показывает, что смерть и проблема спасения души занимали большое место в мыслях и чувствах людей. К смерти

¹ Хейзинга Й. Осень Средневековья. С. 157.

² Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. С. 156

³ Там же. С. 147–160.

⁴ См.: Арьес Ф. Человек перед лицом смерти.

относятся с юмором. В смерти человек не одинок, он чувствует поддержку близких людей («От смерти не спрячешься», «Тяни лямку – пока не выкопают ямку!») (живи и работай – пока смерть не придет), «Умирать – не лапти ковырять: лег под образа, да выпучил глаза, и дело с концом», «Помрешь, так прощай белый свет и наша деревня», «На миру и смерть красна», «Кабы до нас люди не мерли, и мы бы на тот свет дороги не нашли»).

Анализ культурологического материала, касающегося русского народного сознания, показывает, что особенностью русской культуры является то, что образ врага очень часто носит ситуационный характер. В связи с этим отношением к смерти, а значит, к опасности как таковой, образ врага в народном сознании русских никак не может приобрести ужасающих черт. Ужас (terror) – это понятие западноевропейской античной (terror antiquus) и средневековой традиции, плохо поддающееся переводу на русский язык. А отсутствие развитой рационалистической метафизической философии на Руси является причиной затруднения метафизической интерпретации образа врага (так же как и образ друга) и делает его ситуационным. Другими словами враг и друг – это какие-то вполне конкретные люди, народы. Конечно, интеллектуальные элиты периодически пытались метафизировать эти образы, но у них это довольно плохо получалось; традиционно русский народ не очень доверяет властным и интеллектуальным элитам (за исключением писателей и священнослужителей. Не случайно мы наблюдаем сетования интеллектуалов на то, что русский народ не видит угрозы, исходящей от враждебных коллективов, наций, народов). «Пока гром не грянет, русский мужик не перекрестится». В русском народном сознании образ врага чаще – это образ гада, шакала, а не демонических сил.

Ситуационный образ врага возникает в момент непосредственного зримого удара. Только тогда начинает включаться мобилизационное сознание, как долго спящий медведь из берлоги. Оно включается ускоренно и поэтому для стороннего наблюдателя такая быстрая и мощная по интенсивности мобилизация кажется чудом или природной агрессивностью (и то и другое – это мифы стороннего наблюдателя). Такой тип мобилизации, когда образ Другого-чужого почти мгновенно трансформируются в образ врага, можно назвать *реактивной мобилизацией*. Она может привести к потере преимущества в военном и иных конфликтах. Да, это так. Но обратной стороной реактивной мобилизации, использующей ситуационного врага, является

то, что психотип русского человека включает в себя установку на вытеснение образов зла и врага-зверя из сознания (в данном случае термином «русский» обозначается не славянская этничность, а принадлежность к национальной культуре, языку). Отсюда такая черта национального характера как незлопамятность, короткая память на катастрофы, войны и иные формы зла, несущие смерть. Это специфика памяти порождена восточно-христианским учением о роли забвения и смерти для спасения души. В национальном сознании отзывается утверждение Плотина «Добрая душа забывчива». Смерть попущена Богом («У Бога людей много») и, значит, не является абсолютным метафизическим злом, как, например, в манихейской картине мира или в картине современного атеистического человека, для которого за границей жизни разверзается мрачная бездна. Смерть – это только переход из одного мира в другой.

Понятно, что описанная особенность коллективной психики может приводить как к позитивным, так и к негативным последствиям в жизни коллектива.

Резюмируя можно сказать, что феномен «западного страха» способствовал укоренению в западном сознании образа метафизического врага, который можно дезавуировать с помощью рационализации, на что и была сделана ставка социальной философией Просвещения с ее концепцией толерантности. Однако это же означает и то, что хранящийся в подсознательном западного человека (загнанный туда рациональными рассуждениями) образ метафизического врага может быть извлечен с помощью пропаганды (как, например, в случае мобилизации народных масс фашистами в 30-е годы XX в.) или спонтанно (как в случае массовых истерий в США во время обострения антикоммунистической антироссийской пропаганды).

Ситуационный образ врага возникает в ситуации вызова судьбы, угрозы коллективной (а не индивидуальной) идентичности. Когда возникает такая угроза идентичности? При территориальном конфликте, когда угроза принимает не метафизический, а наглядно физический характер, например при вторжении на территорию малой родины или отечества.

Территориальный конфликт и территориальный спор

Враждебность в человеческом обществе лишь отчасти опирается на общебиологические механизмы, в основном же распознавание «своего» и «чужого» происходит через соотнесение с символами «родственник» и «не родственник» или «у-род». Каков критерий, от-

деляющий родственника как Другого-своего от уroda как Другого-чужого? Критерием своего, родственника является соотнесенность объекта с понятием «наш мир», «наше пространство», т.е. общее место жизни (ср.: «со-в-местная жизнь»). Например, жена, которую берут из другого рода, не является кровной родственницей мужа и его рода, но она становится родственницей (не в современном смысле слова) потому, что брак вписывает ее в пространство деревни. Именно жизненное пространство делает родственников родственниками. Физическое и социальное пространства взаимопроникают друг в друга. Социальное пространство изначально было процессуальным: оно конституировалось в ритуальном действии, внутри живого звучащего тела рода, в коллективе поющих и танцующих людей. «Социальное пространство – это не сколько-нибудь устойчивое состояние, а огромный комплекс ни на мгновение не останавливающихся процессов, понимаемых как поток событий¹. При кочевом образе жизни, который вели первобытные племена, социальное пространство было слабо связано с геофизическим пространством. Речь, звучащая в ритуальном действии, сообщала ему качество «своего», освоенного мира.

Такие концепты как «наше местопребывание», «наш мир», «мы», могут появиться только по комплиментарному признаку, отражаясь от понятия «они», «не мы». Б.Ф. Поршневым даже была высказана гипотеза, что понятие «они» возникает прежде понятия «мы». «В тот миг, когда первобытный человек отделил себя от представителей иного племени как от «чужих» и «непонятных», он стал воспринимать сородичей как «своих», как «друзей» и впервые осознал себя частью могущественного целого – «мы», способного защитить его от «врагов»².

Идентичность человека родовой культуры теснейшим образом связана с языком рода. На этом этапе истории чуждость Другого связывается не с принадлежностью к территории как пространству чужой страны, чужого мира-космоса, а другим языком, вернее с отсутствием понятного языка. Другой-чужой распознается как немой враг. Говорящие на другом языке – немые (немцы) и потому чужие. Представители этих культур чуждость осознают как принадлежностью к чужому миру-языку, вернее даже будет сказать, что чужой мир-язык – это не мир (хаос) и не язык (немота и глухота). В этом смысле интересен случай т.н. «ослушников», членов рода, которые нарушают ритуальные установления. Становясь ослушниками, они переходят в разряд у-родов, выпав-

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 26.

² Савельев А. Образ врага. Расология и политическая антропология.

ших из родового языка. Это выпадение из языка не сопровождается немотой в прямом медицинском смысле, это социальная немота, возникающая вследствие непослушания, результата постигшей их по причине одержимости злыми духами глухоты, неспособности слышать голос Первопредка, от которого исходят нормативные импульсы, упорядочивающие мир, создающие в море хаоса островок «нашего, т.е. мирного пространства». В глазах первобытного общества ослушники – это именно у-роды, но не преступники. Понятие «преступник» еще не появилось; пространственная метафора «преступать» (преступать границы) связана с переходом к оседлости, к государственному строительству и изобретению «территории».

Слово территория (от лат. *territorium* – область, территория, земля вокруг города) происходит от берущего истоки из праиндоевропейского языка слова *terra* – «почва, земля». Территория появляется, когда в результате неолитической революции кочевые общества переходят к земледелию и государственной организации. Это ставит перед властной элитой задачу объединения племен и блокирования закона кровной мести. Территория – результат собирания земель племен и языкового закрепления ценности единства разнообразных оседлых родовых культур. Собираение начинается с завоевания или договора о взаимопомощи, а завершается реформой языка, в котором понятие «кровный родственник» заменяется понятием «подданный государя», понятие «земля для кочевки» – понятием «территория государства». Территория – символ составления общего социо-геополитического пространства из отдельных локусов: троп для кочевков и земель, занимаемых родовыми стойбищами. Территория – это локус геофизического пространства, отграниченный от остального пространства особым образом. Это отграничение опирается на символические и материально-функциональные средства конституирования «своего мира». Территория образуется как привязка земли (*terra*) к привилегированной реперной точке – столице государства, осуществляющего власть над этими собранными землями. Поэтому базовыми признаками территории являются центр земель и граница, образующая т.н. «круг земель государства» и государственный правопорядок, средство контроля территории.

Право первоначально видимо выступает как средство закрепления конфигурации единого ансамбля земель родов и как средство регулирования территориально-политических отношений родовых элит и столичной элиты во главе с императором. Право нужно прежде все-

го для внутригосударственного культурно-идеологического строительства, формирования новой системы образов коллективной памяти. Теперь в нее должен быть помещен образ Других-своих не как родственников, а как соотечественников, подданных единого властного центра, общего отца отцов родов («отца народов»). В соответствии с этим модифицируется и образ Другого-чужого: теперь чужой – это потенциальный или актуальный враг государства и территории. Это – враг народов территории.

Народ же долгое время представляет собой неустойчивый конгломерат родов; и только появление в Западной Европе политического концепта нация в XVIII – XIX вв. и национализма стало причиной превращения в конце XIX – начале XX в. конгломерата народов в некий народный монолит¹. Так как этот конгломерат, особенно в первых империях, все время грозит распасться, то образ врага нужен как психологическое средство сплочения. Обратной стороной этого средства является международный конфликт, который может быть очень опасен для целостности из-за слабой предсказуемости последствий. Поэтому могут быть выработаны стратегии минимизации рисков использования образа врага, например за счет использования его только во внутривластных целях. Это делается либо посредством т.н. «двойных стандартов» (когда для населения государства рисуется образ врага, но на международной арене государства открещиваются от него), либо когда конструируется т.н. «внутренний враг» (предатели, ослушники, бунтовщики и т.п. концепты). Образ внутреннего врага гораздо менее опасен в международном отношении. Однако для функционирования в качестве солидаризирующего фактора он требует больших риторических ухищрений по его демонизации.

Здесь нужно отметить, что история показывает: стратегия поиска и демонизации внутреннего врага использовалась не только как инструмент властного центра, но и как инструмент оппозиционных центральной власти сил. В этом случае на роль внутреннего врага выдвигался сам властный центр. Структурно стратегия борьбы за власть центральной власти и маргиналов – одна и та же; она преследует своей целью сплочение, только в случае государственной власти цель сплочения территориального коллектива масштабнее.

Территориальный конфликт – это борьба за влияние на определенной территории, и прежде всего, за символический контроль этой

¹ В этом отношении показательно философское приключение категории немецкой классической философии «дух нации».

территории. В связи с этой высказанной идеей о символическом аспекте действий по занятию территории я бы хотел сделать важное для конфликтологии концептуальное различие понятий «территориальный конфликт» и «территориальный спор». Территориальный спор – это частный случай территориального конфликта, юридический режим функционирования этого феномена. Спор предполагает более или менее аргументированную риторику, в идеале – юридизированные речи сторон конфликта. Следовательно, территориальный спор может возникнуть только на стадии выхода субъектов конфликта в публичное пространство. В этом смысле не может быть имплицитного, никем и никогда не артикулированного территориального спора.

Вместе с тем территориальный конфликт как более широкое понятие включает в свое содержание термин «скрытый, или потенциальный, конфликт». Скрывается такой территориальный конфликт как в материальных (экономических, геополитических) условиях существования территориально-политических объединений людей, так и в их мировоззрении, коллективной памяти, языке описания миропорядка. Две этих плоскости – объективно-материальная и символически-ментальная – пересекаются и взаимопроникают друг в друга в феномене национальной и/или этнической идентичности. Поэтому разрешение конфликта предполагает нахождение прежде всего объяснительной риторической модели сути конфликта и его путей разрешения, одинаково убедительной для всех акторов конфликтной ситуации. Причем если на разных фазах конфликта могут меняться средства для его снятия, то одно средство универсально для все фаз и стадий – это речь, артикуляция не только позиций сторон, но и результатов рефлексии чужой позиции (проверка понимания друг друга). Речь идет о потенциале диалогического способа коммуникации.

Проекты урегулирования территориальных конфликтов должны опираться на анализ символического и эмоционального измерения территориальной привязанности народов. «Прежде чем может иметь место торг на уровне материальных, конкретных измерений переговорного процесса, необходимо обратиться к характеристикам игры с нулевой суммой»¹. С этим суждением Ньюмана нельзя не согласиться. Следует добавить, что игра с нулевой суммой – это диалог конфликтующих сторон о единстве и разделенности в целях поиска гармонизации этих двух начал. Единство и разделенность – это символы,

¹ Territoriality and Conflict in an Era of Globalization: ed. by Miles Kahler and Barbara F. Walter. New York: Cambridge University Press, 2006. P. 100.

и собеседники должны отдавать себе в этом отчет и открыто признавать идеологическую составляющую своих материальных интересов. Любая политическая стратегия сегодня, даже стратегия в стиле *Realpolitik*, – это игра с символами посредством символов.

2.3. Традиционный и «нетрадиционный» ислам в Волго-Уральском регионе: полемика и аргументация в современном религиозном дискурсе (Л.И. Алмазова)

Если в 90-е гг. XX в., когда религиозные институты и религия в целом только начали свое возрождение на руинах атеизма эпохи СССР, людям казалось, что возвращается некий общий для всех мусульман ислам, то в начале второго десятилетия XXI в. в каждом из мусульманских регионов бывшего Союза достаточно четко выкристаллизовались силы, выступающие за то или иное видение того, как они представляют себе «истинный ислам». При этом, научный интерес представляют процесс того, как разные мусульманские республики формируют свои наборы исламских толков и направлений, и что именно включается в одноименные понятия в разных ареалах распространения ислама.

Дело в том, что зачастую в научной литературе и популярных изданиях используются термины салафизм, суфизм, традиционализм, модернизм и т.д. Однако, как пишет А. Кныш: «Подобные дискурсы имеют тенденцию истолковываться как воплощенный и ясно определяемый объект, каким-то образом независимый от тех обществ и культур, в которых он функционирует. Однако как только этот теоретический конструкт оставляет узкие ограничения теологического или академического дискурса и вступает в сферу публичного достояния, он обретает свою собственную жизнь и начинает облачаться в те формы, которыми простые люди думают и говорят о различных используемых ими религиозных верованиях и практиках»¹. В силу этой особенности данная работа (которая наряду с анализом местной мусульманской публицистики за последние годы включала в себя также и полевые исследования в Казани, Набережных Челнах, Уфе, Нижнем Новгороде) основана на интервью с лидерами различных мусульман-

¹ *Knysh Alexander*. Contextualizing the Salafi/Sufi conflict (from Northern Caucasus to Hadramawt) // *Middle Eastern Studies*. 2007. Vol. 43, №. 4, july. P. 527.

ских движений. Тема бесед преимущественно концентрировалась вокруг следующей проблематики: в каких вопросах религии имеются расхождения между группой, к которой причисляет себя респондент, и их оппонентами. На настоящий момент¹ времени опрошены около 40 мусульманских лидеров. Отбор респондентов совершался на основании 2 принципов: а) обладания определенной руководящей должностью в религиозных структурах (муфтият, медресе)²; б) авторитетности в религиозных кругах³ (если мусульмане сами указывают на ту или иную персоналию как на наиболее известную).

Исследования свидетельствуют, что в Татарстане и Башкортостане на сегодняшний день можно говорить о трех основных направлениях: ханафитах, защитниках местных традиций ислама; суфиях-традиционалистах/неотрадиционалистах⁴ и салафитах. Все три направления, каждый со своим набором дискурсивных практик, имеют существенное влияние на формирование религиозных позиций в регионе⁵.

Если использовать типологию Шепарда, то в нашем случае два первых направления – ханафиты и суфии – входят группу неотради-

¹ Исследования находятся еще в начальной стадии сбора материалов, и данная работа представляет собой попытку анализа лишь весьма ограниченного спектра данных.

² Так, были записаны многочасовые интервью с муфтием РБ Нурмухаммедом (Уфа), Муфтием Нижегородской области Гаяхом Закировым, председателем совета старейшин ДУМНО Умаром Идрисовым, в то время (2010 г.) заместителем председателя ДУМНО Дамиром Мухутдиновым, директором медресе им. М. Султановой Ильдаром Малаховым (Уфа), проректором по учебной работе РИУ им. Р. Фахретдинова Арифом Якуповым, заместителем муфтия РБ Русланом Саяховым, руководителем Молодежного отдела ДУМ РБ Маратом Адзитаровым. В разное время также были взяты менее обширные интервью у заместителя муфтия ДУМ РТ Валиуллы Якупова, ректора РИИ Рафика Мухаметшина и др.

³ Так, наибольшую информативную ценность представляют собой интервью с лидером мусульманского движения в Уфе Ишмурадом Хайбуллиным, выпускником Мекканского медресе Рамилем Бикбаевым, имамом-суфием Махмутом Шарафутдиновым (Мечеть Шамиль, Казань) и врачом-терапевтом, имамом и суфием Тулкын-хазратом (Мечеть Хамза, Уфа).

⁴ *Shepard William E. Islam and Ideology: Towards a Typology // International Journal of Middle East Studies. 1987. Vol. 19, № 3. P. 307–335.*

⁵ Кроме того, имеются несколько ученых-модернистов/либералов, а также ряд сообществ, имеющих меньшее влияние на мусульман региона: группы суфиев различных толков, включая нурсистов, топбашевцев, представителей запрещенных организаций Хизб ат-Тахрир, Таблиг-и Джамаат.

ционалистов, чьей основной характеристикой является принятие «позитивной ценности местных традиций, а также значимости местных традиций в противостоянии как Западным ценностям, так и унитаристским исламским моделям, предлагаемым радикальными исламистами. Неотрадиционалист вполне отдает себе отчет в том, что некоторые местные традиции несовременны и не являются собственно исламскими по своему происхождению, однако все же высоко их ценит»¹ в качестве адаптивного пути ислама как религии, «живущей» в конкретной местной культурной среде.

Что касается второго крупного течения – салафизма, то в литературе имеется огромное количество определений, однако не все они подходят для характеристики того явления, которое удалось выявить в процессе исследования. Речь идет о некоем умеренном варианте салафизма, ненасильственного, представляющего собой идеологию освобождения одновременно и от неисламского западного влияния, и от местных искажений «изначально чистых» религиозных представлений времен пророка Мухаммада. Салафитские авторитеты в регионе имеют основательное зарубежное религиозное образование, выступают за методы убеждения оппонентов, их критика не носит оскорбительный характер, хотя в целом набор порицаемых нововведений вполне сопоставим с тем, что обычно цитируется: осуждение культа святых и посещения могил, занятия суфийскими практиками зикр, рабита, сама', вера в чудеса, амулеты и заговоры и др.² Местные салафиты не против отождествления своего движения с салафизмом, при этом они считают его синонимом «ахл ас-сунна ва-л-джамаа», однако предпочитают именоваться просто «суннитами» или «мусульманами»³.

Переходя к собственно изложению позиций различных групп относительно друг друга, следует отметить сближение ханафитов-традиционалистов и суфиев-традиционалистов по своей основной характеристике (см. вышеприведенную трактовку неотрадиционализма по типологии Шепарда) в неантогонистическое единство, поскольку, хотя между ними и имеются отличия, они благосклонно относятся друг к другу: Нух-хазрат из мечети Гуфран в Уфе говорил: «Хотя нашу мечеть и называют суфийской, но нам далеко до суфиев – ведь это люди, которые ни на минуту не отвлекаются от Аллаха, не предаются мирскому». (Интервью от 5 августа 2011 г.). Валиулла-хазрат (Ка-

¹ *Shepard William E.* Islam and Ideology: Towards a Typology. P. 319–320.

² *Knysh A.* Islam in Historical Perspective Peason. 2011. P. 420.

³ Интервью с Ишмурадом Хайбуллиным. 4 августа 2011 г. Уфа.

заны) в своей последней книге посвящает целый раздел Тасаввуфу, где пишет о необходимости привлечения духовного потенциала суфизма в качестве ориентира для активной исламской молодежи, которая не укладывается «в официальное поле Ислама»¹. Сами суфии также дружелюбны по отношению к своим собратьям традиционалистам-ханафитам, говоря, что на суфийский путь можно становиться исключительно по зову души, и лишь после полного усвоения и упрочения на этапе шариата². Духовные лидеры, позиционирующие себя как суфии (Тулкын-хазрат, имам мечети Хамза в Уфе, Махмут Шарафутдинов – имам мечети Шамиль в Казани, сотрудник ДУМ РТ), вполне вписаны в официальные мусульманские структуры и не испытывают сложностей с трудоустройством.

Главные взаимные претензии обеих групп – суфиев и ханафитов-традиционалистов, с одной стороны, и салафитов – с другой, можно разделить на четыре группы: а) догматические противоречия; б) различия в подходах к фикху; в) обрядовые разногласия; г) этические несоответствия.

Казалось бы, область догматики – это особый отвлеченный богословский дискурс, однако в современном исламе, как впрочем и в ми ранее, он приобретает явный политический оттенок, ибо определяет, на какую школу и, соответственно, какую страну будут ориентироваться верующие, или, говоря шире, какому центру силы принадлежит та или иная территория. Именно поэтому споры по ряду вопросов и разбирательства по многим мелким кажущимся несущественными деталям становятся зачастую столь ожесточенными.

Так, центральным пунктом несогласия в области догматики является проблема толкования божественных атрибутов. Валиулла-хазрат от имени официального ислама пишет: «...человек может даже соответствовать в своем поведении общемусульманскому стереотипу благочестия, однако на деле поклоняться не Аллаху, а ваххабитской троице, состоящей из телесного ваххабитского божества, сидящего на троне, который укреплен на небе»³. Таким образом, наиболее расхожим обвинением в адрес салафитов является обвинение в антропоморфизме. Когда одному из лидеров салафизма был задан вопрос: «Действительно ли Вы воспринимаете Бога телесно локализованным на небе?». Ответ был следующий: «Это полный бред насчет телес-

¹ Якупов В. Ислам сегодня. Казань: Иман, 2011. С. 276–277.

² Интервью с Тулкын-хазратом от 3 августа 2011 г., Уфа.

³ Якупов В. Ислам сегодня. С. 253.

ности Аллаха, лживые слова. Салафитская акыда предполагает понимать Аллаха так, как понимал его пророк и салафы (первые мусульмане. – *Прим. автора*). Коренное различие в понимании атрибутов – это рука, глаза Аллаха и Его утверждение на троне. Для нас ясно, что Аллах слышит и видит, но не так как мы, Его знание также отлично от нашего. Если сказано Аллахом в Коране, что он создал Адама своими двумя руками (при этом обе руки правые), то это так надо и принять, не уподобляя Аллаха человеку и не меняя ничего, что написано в Коране, не интерпретируя и не истолковывая. Суфии заменяют руку Аллаха Его Милостью, и говорят – что в этом плохого? Тогда весь Коран надо заново переписать»¹; «Проблема этих людей в том, что у них изначально было уподобление – они нашли выход через аннулирование. Мы же говоримэ, так бесконечно аннулировать невозможно – надо говорить так, как есть, если даже не понятно как именно»². Проблема истолкования началась с цивилизационного столкновения мира ислама и других цивилизаций и культур, в результате чего мусульмане начали использовать логические приемы и методы доказательства и возникли школы калама. Салафиты отрицают значимость достигнутых в рамках калама интерпретаций соотношения Аллаха и его атрибутов.

В целом, можно сказать, что собственно обвинения в антропоморфизме со стороны традиционалистов в общем-то несостоятельны, они лишь обозначают различия подходов к пониманию Священного текста: салафиты предлагают отказаться от позднейшей эволюции ислама в области толкования догматики, представить, как будто ее не было; традиционалисты принимают эту эволюцию и воспринимают ту же проблему атрибутов через призму исторического развития. По сути, оба подхода имеют право на существование, так как окончательное решение вопроса об «истинности» в религии не достижимо в принципе.

Второй уровень различий между салафитами и традиционалистами относится к проблемам фикха. Традиционалисты обвиняют салафитов в использовании для доказательства своих положений хадисов, не отличающихся достоверностью (в частности, хадисов мункар); салафиты, в свою очередь, обвиняют традиционалистов в ошибке «конкретизации общего и обобщения частного», например обосновании суфиями танцев тем, что когда пророку Мухаммаду сообщили какую-то радостную весть, он пустился в пляс, соответственно танцы санкционированы

¹ Полевые материалы. Уфа. 4 августа 2011 г.

² Полевые материалы. Казань. 17 августа 2011 г.

самим пророком. Помимо проблемы выведения решений в фикхе, салафиты выступают за объединение мазхабов, поскольку, по их мнению, это естественный процесс эволюции фикха. Респондент из числа салафитов предположил, что школы мусульманского права появились из-за отсутствия средств коммуникации в прошлом, и что теперь, когда всегда можно позвонить или связаться по Интернету с любой частью мира, унификация фикха неизбежна. В свою очередь традиционалисты говорят о мудрости предков, избравших ханафитскую школу права: «Веками наш народ шел по мазхабу Абу-Ханифы, для которого была ключевой не столько формальная сторона богословия, хотя она тоже была важна, а сколько его внутреннее содержание. Сейчас же нас натаскивают на то, чтобы в первую очередь мы слепо соответствовали неким формальным критериям»¹. Салафиты же критикуют традиционалистов за выборку лишь того, что им кажется ханафитским. Оппонент от салафизма привел пример, что Абу Ханифа крайне отрицательно относился к тем, кто брил бороду, называл их подобными женщинам и даже запрещал общаться с подобными людьми. Нигде в книгах Абу Ханифы не написано о необходимости празднования маулида и отправления поминальных застолий в честь почившего на 3, 7, 40 день после смерти. В этом пункте мы уже переходим к следующему уровню расхождений между салафитами и традиционалистами – мусульманской обрядности.

Здесь также имеются взаимные претензии. Традиционалистов обвиняют во внесении новшеств в религию (бид'а), как то уже упоминавшиеся поминки, маулиды, использование амулетов, суфийских практик зикра, сама', рабита, практики исцеления больных и пр. По поводу всего этого у салафитов имеется четкая опора на «принцип шариата – в поклонении запрещено все, кроме того, что разрешено, а в мирском разрешено все, кроме того, что запрещено». Соответственно, убеждение традиционалистов, что коранические медждисы или другие формы обрядности несут духовную пользу народу встречает жесткий канонический отпор. В свою очередь, традиционалисты ссылаются на тот факт, что в ханафитском фикхе разрешено использовать местные обычаи (адат), если они не противоречат Корану и сунне². При этом обряды поминовения умерших, празднование рож-

¹ Батров Рустам Абу Ханифа бесконечно любил свой народ. URL: <http://ислам-россия.рф/%D1%80%D0%B0%D0%B8%D1%81/category/%d1%84%d0%b8%d0%ba%d1%85%d0%b1%d0%be%d0%b3%d0%be%d1%81%d0%bb%d0%be%d0%b2%d0%b8%d0%b5/>

² Полевой материал. Казань. 9 ноября, 2011 г.

дения пророка Мухаммада и др. рассматриваются не как собственно канонические акты поклонения ('ибадат), а как дополнительные мероприятия, во время которых читается Коран, идет проповедническая работа. Соответственно, все это служит делу распространения и упрочения ислама.

Традиционалисты осуждают салафитскую манеру чтения намаза, как то громкое произнесение *аминь* после Фатихи (Марат Адзитаров: «Когда рядом с ними стоишь, что после слова «даалиин» слышно, как они всей грудью набирают воздух в грудь и так потом кричат, что дрожат стекла в мечети»), привычку широко расставлять ноги при совершении намаза, шевеление указательным пальцем при произнесении молитвенной формулы («один наш бабай так рассердился, что даже сломал палец своему соседу за это»¹). Салафиты на это отвечают, что во время их обучения за рубежом, несущественные отличия в чтении намаза в мечетях, где много прихожан выходцев из разных стран, не были совершенно препятствием в отправлении религиозного культа, и нетерпимость, которую проявляют местные мусульмане, по меньшей мере кажется странной в мечети, куда люди приходят вознести мольбу Всевышнему².

Еще одной проблемой, связанной с исполнением обрядов в мечети, является проблема языка пятничной проповеди. Традиционалисты выступают за сохранение и поддержание национальной идентичности: «И хотя около 80% прихожан-мужчин в соборной мечети Нижнего Новгорода не татары, а выходцы из средней Азии и Кавказа и все прихожане владеют русским языком, мы читаем пятничную проповедь и на татарском, и на русском языках, чтобы они знали, кто тут хозяева»³. В большинстве мечетей Татарстана проповедь идет только на татарском языке. Салафиты же говорят, что надо использовать тот язык, который понятен большинству верующих: «Если проповедь идет в татарской или башкирской деревне, то говорить там на русском языке бесполезно и вредно, тебя там никто даже слушать на русском не будет, в городах же для того, чтобы донести истину ислама до большего количества людей, уместно проводить проповедь на русском»⁴. Салафиты против возвращения чувства национальной

¹ Полевой материал. Уфа. 2 августа 2011 г.

² Полевой материал. Уфа. 4 августа 2011 г.

³ Интервью с имамом Соборной мечети в Нижнем Новгороде от 1 июля 2010 г.

⁴ Полевой материал. Уфа. 4 августа 2011 г.

гордости: «Нет никакого смысла говорить, что человек лучше только потому, что он татарин или башкир»¹.

И последнюю группу разногласий составляют взаимные претензии в сфере этики. Оба направления обвиняют друг друга в крайней невежественности: «Многие из муфтиев имеют очень слабые познания в исламе, муфтиями становились люди, которые просто умели читать по-арабски»² vs «У нас любой муфтий много лет учился, а у них он полгода назад ислам принял, а уже других учит – этот полугодовалый мусульманин – и еще приводит далили»³. Еще взаимны обвинения в сотрудничестве с определенными властными структурами – российскими или зарубежными: «подпевалы властей»⁴ vs «Все союзники США из числа мусульманских стран резко активизировали свои мусульманские сетевые структуры для создания внутри России групп симпатизантов»⁵.

Раздражение у традиционалистов вызывает салафитская манера одеваться, произносить арабские эквиваленты вместо привычных татарских/башкирских или русских приветствий, формул благодарности (баракаллаху фикум), благопожеланий и др. Все это рассматривается как «показушность»⁶, мало имеющая общего с обретением истинной веры.

Салафиты со своей стороны критикуют практику бритья бороды, отдельные цветовые предпочтения в одежде (например, целиком красная), рекомендуют женщинам полностью закрывать никабом лицо, мотивируя это тем, что подобным образом мужчины чувствуют себя более спокойно и их мысли не отвлекаются на женщин совсем. Кроме того, салафитам запретными представляются занятия на всех музыкальных инструментах, кроме бубнов, песнопения не на религиозную тематику и танцы.

Материалы, собранные с ходе исследования, позволяют частично согласиться с выводом А. Кныша, сделанным в отношении других исламских регионов: «В определенном смысле мы можем утвер-

¹ Полевой материал. Уфа. 4 августа 2011 г.

² Интервью с представителем движения салафизма. Уфа. 4 августа 2011 г.

³ Интервью с представителем молодежной организации при ДУМ РБ. Уфа. 2 августа 2011 г.

⁴ Полевой материал. Уфа. 4 августа 2011 г.

⁵ Якупов В. Современный ислам. Казань: Иман, 2011. С. 271.

⁶ Интервью с представителем молодежной организации при ДУМ РБ. Уфа. 2 августа 2011 г.

ждать, что салафизм/ваххабизм доказал, что он обладает эффективной и модной идеологией протеста, благодаря своей простоте, прямолинейной логике и рационалистическому отрицанию чудесного и всего фантастического. Их позиция хорошо согласуется с рациональным мировоззрением, присущим веку постмодерна»¹.

Рациональность мировоззренческой системы салафизма выражается в отказе от мистических воззрений, проявляющихся в вере в амулеты, магическую силу дополнительных религиозных обрядов. Вместе с тем хотелось бы заметить, что не следует и переоценивать салафитский рационализм: так, один из представителей данного движения, ссылаясь на хадис, заявил, что души умерших пророков обитают где-то в виде зеленых птиц и до них доходят благопожелания (*салават*). Аргументом в принятии или отрицании тех или иных религиозных положений является не разум как таковой, а авторитет Корана и признаваемой ими сунны. Поэтому салафитская картина мира может представляться более рационалистической лишь в сравнении с близким к языческому представлением, связанным с местными обрядами и обычаями, вплетенными в исламский быт мусульманских народов.

Салафитская система предлагает также более четкую картину запрещенного и разрешенного, что существенно отличается от призыва близкого к традиционалистским кругам Рустама Батрова учитывать некий «дух религии», а не ее букву². Как поделилась своими впечатлениями одна русская новообращенная мусульманка, после принятия ислама ей стало в сотни раз легче жить: нет необходимости самостоятельно принимать решения – все уже предписано и определено.

И наконец, салафизм разрушает уже ставшую привычной за 20 лет систему иерархии религиозной власти в виде муфтиятов, муктасибатов и казыятов, тем самым импонируя мусульманам открытостью и прозрачностью своей структуры. Лидеров салафитов зачастую не принимают на работу ни в мусульманские структуры (Рамиль Бикбаев был вынужден покинуть ДУМ РТ, Ишмурад также уже не является имамом мечети Фаляк в Уфе), ни в светские, что придает им дополнительный ореол бескорыстного служения истине ислама.

С другой стороны, поддержка российскими властями традиционалистских структур, борьба за сферы влияния и внутренняя непрозрачность официального духовенства лишает его привлекательности в глазах многих мусульман. Отсутствие живых местных авторитет-

¹ *Knysh A.* Contextualizing the Salafi/Sufi conflict. P. 524.

² См.: *Батров Р.* Вместо реформы. Нижний Новгород: Медина, 2007.

ных шейхов в Поволжье и на Урале также является фактором, не способствующим широкому распространению суфизма в регионе.

Представляется, что попытки дискредитации и стремление задать умеренное крыло салафизма со стороны как официального духовенства, так и российских властей может привести лишь к еще большей конфронтации и переходу части сторонников салафизма к более радикальным формам религиозных убеждений.

2.4. Судебно-следственные дела как источник изучения конфликта власти и общества в Татарской АССР конца 1930-х – начала 1940-х гг. и проблемы его использования **(Е.Г. Кривоножкина, И.И. Ханипова)**

Долгие годы вопросы, характеризующие различные аспекты взаимодействия властных структур и общества, фактически регламентировались правящей партией и подконтрольными ей цензурными инстанциями. Как правило, при изучении данной темы в основном рассматривалась деятельность органов власти и комитетов ВКП(б), причем исключительно в позитивном свете. Реакция же населения на проведение властных инициатив, тем более негативные стороны их взаимоотношений, конфликты, возникавшие между обществом и властью, оставались за гранью научных исследований.

На сегодняшний день ситуация принципиальным образом изменилась: тема взаимоотношения властных структур и социума относится к разряду наиболее востребованных, причем применительно ко всем периодам нашей истории. Исследователи все чаще обращают внимание на такой вид источников, как судебно-следственные дела. Безусловно, они имеют свою специфику и использовать их нужно с крайней осторожностью. Во-первых, никто на сегодняшний день не может гарантировать достоверность их возбуждения: мы знаем, что в обозначенные нами годы широко использовались доносы и искусственная фабрикация дел. Во-вторых, огромный пласт подобного рода дел хранится в спецхранах, структура и содержание которых неизвестны широкому кругу специалистов. Именно поэтому значительный ряд историков находит их использование не столько полезным, сколько вредным.

Анализ изучаемых авторами материалов показывает, что состав и содержание судебно-следственной документации во многом зависели от уголовного и уголовно-процессуального законодательства, что, в свою очередь, было непосредственно связано с господствовавшей правовой концепцией. Основу доказательства составляло признание вины обвиняемым. Поэтому ведущая роль принадлежала следствию: следственная документация преобладает количественно и качественно над судебной.

Однако мы считаем возможным и нужным использование следственных документов (хотя крайне взвешенно и осторожно): они дают представление об образе жизни и мышления, стереотипах, сложившихся в обществе, помогают понять как внутренний мир конкретного человека, так и специфику складывания массового сознания населения в определенный период.

Рассматриваемые нами судебно-следственные дела, относящиеся к концу 1930-х – началу 1940-х гг., были возбуждены по статье 58-10 УК РСФСР – контрреволюционная деятельность. К уголовной ответственности привлекались граждане, задержанные за распространение слухов о надвигающейся войне или негативные высказывания в адрес советской власти; отрицательно отзывающиеся о государственной политике, колхозной жизни, высказывающиеся в поддержку фашистской Германии и ожидающие скорого падения советской власти. В своем большинстве высказывания отражают реальное положение дел.

К причинам появления таких дел можно отнести:

1. Недовольство реалиями колхозной жизни, полуголодное существование, нехватку элементарных повседневных вещей, неустроенность быта, а также политику сталинского руководства. «Вредителями», «контрреволюционерами» и «распространителями провокационных слухов» были рядовые колхозники, крестьяне-середняки, высказывающие свое мнение о современной им жизни.

Так, еще в июне 1938 г. И.Г. Асафьев, 1878 г. р., зажиточный крестьянин из Рыбно-Слободского района, работавший конюхом конторы Прикамского лесничества, возмущался: «По радио все передают: комсомольцы, комсомольцы, хвалят их. Их бы вот затянуть в войну, какая была в 1914 г., тогда бы они знали, как воевать. Хоть бы скорее была война». В октябре 1938 г., ведя разговоры среди охранников Заготзерно, заявлял: «По радио все бренчат, что в фашистской Германии обдирают народ, вранье все это. Не найдешь ни одну капиталистическую страну, где так бы обдирали народ, как это обдирает

советская власть, но долго она не просуществует, ее свергнут, так как советской властью народ недоволен». В марте 1939 г. он уже заявлял: «Скоро война будет. Эх, скорее бы она была, я бы бочку браги сварил и напоил бы всех в Урахче с радости, только бы от этой проклятой жизни избавиться. Сталин о крестьянстве не заботиться, никаких уступок не дает. Вон, посмотри, у крестьян последнюю корову отбирают. Сталин ничего не понимает. Пастух он...»¹.

Я.А. Ивонин, 1888 г. р., бывший владелец кондитерской мастерской в г. Елабуга, в июне 1941 г. говорил: «Хозяйство нашей страны, в частности сельское хозяйство, доведено, что называется, до ручки, иначе говоря, пришло в полный упадок. А что касается сельскохозяйственной выставки, то это только показная сторона, а фактически дела ни к черту не годятся. Вот если бы Сталин сам лично бы побыл хотя бы в одном из районов и посмотрел, как живут «зажиточные» колхозники, тогда бы он понял, что дальше двигаться некуда.

Положение в сельском хозяйстве может выправиться только тогда, когда будет признана частная собственность. Когда колхозы будут распущены, а крестьянин сделается частным собственником, и тогда через год все измениться, всего будет в изобилии»².

Источники довоенного периода истории ТАССР показывают, что, действительно, сельское хозяйство республики находилось в тяжелом положении: нехватка кормов приводила к гибели поголовья скота, неурожаи в течение нескольких лет подряд – к страшному голоду³.

Недовольство властью непосредственно на местах выражалось в том числе персонифицированным восприятием «власти большой», не менее виноватой в бедах рядовых колхозников. В следственных делах имеются такие примеры: «Демидов Леонтий Федотович, 1924 г. р., уроженец с. Б.-Никольское Акташского района, русский, беспартийный, образование низшее, до ареста работавший свиноматом в колхозе, днем 11 марта 1940 г. зашел в сельскую школу при с. Б.-Никольском и на портретах вождей ВКП(б) и советской власти, находящихся на стенах школы, написал нецензурную антисоветскую похабщину и порвал их в нескольких местах»⁴.

¹ Национальный Архив Республики Татарстан (в дальнейшем – НА РТ). Ф. Р-6948. Оп.1. Д. 206. Лл. 18–18об.

² НА РТ. Ф. Р-6948. Оп. 1. Д. 254. Л. 96.

³ См.: НА РТ. Ф. Р-6948; ЦГА ИПД РТ. Ф. 15; ГА РФ. Ф. А-374 и др.

⁴ НА РТ. Ф. Р-6948. Оп. 1. Д. 155. Лл. 2, 5.

В материалах судебно-следственных дел также нашли отражение размышления некоторых сельчан о своих гражданских правах. Такого рода разговоры и рассуждения крестьян воспринимались как антисоветская и кулацкая кампания, и, как правило, «рассуждавшие» осуждались по статье 58-10¹.

Тауфик Хайрутдинов, 1900 г. р., грамотный, татарин, из крестьян-кулаков, уроженец д. Утямышево Больше-Тархановского района, 29 июня 1941 г. в помещении колхозной фермы после сообщения Шайдулова (одного из колхозников) о сводках Информбюро заявил: «...мы уже хорошо знаем, что из себя представляет Германия. Немцы во главе с Гитлером являются самым храбрым и хитрым народом, не как советские люди. Вот Германия, когда воевала с Францией, сначала тоже не наступала на Францию, а потом внезапно окружила с двух сторон и сразу захватила даже Париж. Германия так и будет делать с Советским Союзом.

До начала войны Гитлер заключил договор с Советским Союзом, выкачал все его богатство, оставив нас голодными. Наши руководители, боясь Гитлера, отправили ему все, что только можно было отправить. Поэтому я считаю Гитлера очень умным и хитрым человеком, не как наши боязливые руководители». И тут же добавил: «Вот я лично жду победы Германии, если победит Германия, то я согласен работать у богатых батраком, чем погибнуть при советской власти»².

Иван Осипович Кузьмин, 1905 г. р., русский, уроженец д. Савочкино Ново-Письмянского района, по происхождению из крестьян, уже находясь в камере «за распространение провокационных слухов», продолжал разговоры среди заключенных; 24 августа 1941 г. завел разговор о Германии: «Советская власть никогда не сообщает правду. В газетах пишут исключительно ложь. В настоящее время идут военные действия между Германией и СССР – печать сообщает только о потерях Германской армии, а о наших потерях Советское правительство старается скрыть от масс. ...Советский Союз ведет войну с Германией, СССР в этой войне понесет поражение, потому что в СССР техника очень слабая, последние автомашины и тракторы угнали на фронт, народ советской властью недоволен – он голодает. ...Кто доволен советской властью? Возьмите колхозников, почти

¹ См. также: *Султанбеков Б.Ф., Хакимзянов Р.Г.* Политические репрессии 30-х годов. Законы, исполнители, реабилитация. Казань, 1999. 114 с.

² НА РТ. Ф. Р-6948. Оп. 1. Д. 346. Лл. 17, 19.

пятьдесят процентов недовольны. Они только ждут переворота и перемены власти, а сказать ничего нельзя, как скажешь, так и попал»¹.

2. Сравнение жителей ТАССР своей жизни с представлениями о жизни в Германии.

Как правило, «положительные» воспоминания о Германии высказывали те граждане, которые служили в царской армии рядовыми и побывали в Германии в плену.

Так, уроженец Тюлячинского района, безграмотный крестьянин М.М. Данилов, работавший до ареста в колхозе охранником, в октябре 1939 г. в разговорах с колхозниками сравнивал жизнь в СССР и Германии, рассказывая, что «советская власть долго существовать не будет, потому что она разоряет крестьянские хозяйства и издевается над народом. В Германии издевательства над народом нет, там все живут хорошо, едят хорошо и работают по часам... У нас в Советском Союзе работают день и ночь, а хлеба не дают, колхозники сидят голодные и ходят голые»².

С.И. Ильясов 5 июля 1941 г. делился в разговорах с колхозниками: «Люди в Германии едят хлеба с вареньем, там сколько угодно белого и черного хлеба из разных сортов. ...Нашей деньги кило хлеба стоит 28 к., а черного 27 к.»³. Рядовой колхозник колхоза «Алга» («Вперед») Дубьязского района ТАССР, уроженец д. Б. Битоман С.Х. Хакимуллин, бывший с 1914 по 1918 гг. в плену в Германии, 5 июля 1941 г. в канцелярии сельского исполкома д. Б.Битоман в присутствии группы колхозников говорил: «В Германии жизнь хорошая там, народ живет хорошо, культурно и богато, у немцев много мяса и жиров – поэтому все они здоровы, там правительство помогает крестьянам, а здесь у нас советская власть не только не помогает крестьянам, а наоборот, с каждого крестьянина дерут по 32 кг мяса, хотя и нет у тебя ничего, не признают – отдай и все». 11 августа 1941 г. в канцелярии сельского исполкома д. Б.Битоман, будучи вызван по вопросу погашения задолженности, С.Х. Хакимуллин говорил: «Вы с нас сдираете последнюю шкуру, мы работаем в колхозе, денег взять нам негде, здесь жизнь для нас плохая, а я вот был четыре года в плену в Германии, там крестьяне так не страдают, а живут культурно, каждый бедняк в Германии имеет по 3–4 головы коров и большое ко-

¹ НА РТ. Ф. Р-6948. Оп.1. Д. 259. Л. 62.

² Там же. Д. 155. Лл. 76, 77.

³ Там же. Д. 254. Л. 11.

личество овец и свиней. В Германии народ живет хорошо, ни о чем они не заботятся»¹.

3. Представления жителей республики о мировой политике, о политической ситуации накануне и вначале войны. Сведения в периодической печати о развитии событий в Европе, о деяниях фашистов вызывали у сельчан логичный вопрос: а что будет дальше? Многие пытались по-своему трактовать сложившуюся на международной арене расстановку сил, предугадать ход взаимоотношений СССР и Германии.

Еще в 1937 г. Дьячков, житель Свияжска, кустарь-кузнец, 1880 г. р., говорил: «Германия самая культурная и сильная страна, у них развита химическая промышленность, а ее правитель Гитлер один из умнейших людей. Скоро он пойдет войной на Советский Союз, Советской власти не устоять, и не будет коммунистов, а будет такой же строй, как в фашистской Германии, и мы тогда увидим хорошую жизнь»².

Г. Билалов, 1892 г. р., Рыбно-Слободского района из крестьян-середняков, татарин, грамотный, беспартийный, член колхоза, в январе 1940 г. у правления колхоза говорил: «... в газетах все пишут, что Красная армия берет финские укрепления, заберут какую-нибудь яму, а в газетах пишут укрепления, пишут, сколько убито финнов, а не пишут, как мерзнут и гибнут красноармейцы»³. В марте 1940 г. он же говорил: «Вот Германия разобьет Англию и Францию, а потом пойдет войной на СССР и советскую власть свергнут»⁴.

Ахметзян Мухаметвалиевич Ахмеров, 1867 г. р. уроженец д. Ср. Балтай Апастовского района ТАССР, по происхождению из семьи середняка, бывший кулак и мулла, в сентябре 1940 г. в д. Средний Балтай «вел пораженческую агитацию»: «Немцы в настоящее время находятся на территории Польши. После установления порядка в Польше пойдут на СССР. Германия с Советской властью возиться долго не будет – покончит скоро».

В декабре того же года в той же деревне говорил: «Германия потеряла свою прежнюю мощь, теперь Англия направляет против

¹ НА РТ. Ф. Р-6948. Оп. 1. Д. 346. Лл. 60–61. Позднее автор этих высказываний был расстрелян. См. там же. Л. 70.

² Там же. Д. 155. Л. 53.

³ Там же. Д. 147. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 11об.

нас Турцию. Скоро кончится советская власть, турки вернут нам старую власть»¹.

Уроженец д. Урсы Ютазинского района ТАССР Загит Хафизов, 1906 г. р., татарин, грамотный, колхозник из крестьян-середняков, работавший на момент ареста охранником при кустарной артели швейной фабрики, 9 июля 1941 г. во время работы по постройке складских помещений Ютазинской заготконторы райпотребсоюза говорил: «Вы еще не знаете, вот Молотова немцы приглашали в гости в Германию, и тогда немцам Молотов оставил план нападения на Советский Союз и по этому плану немцы сейчас нападают на Советский Союз, а поэтому Молотова сняли со своего поста и на место его назначили другого человека»².

Г.В. Иванов, 1888 г. р., счетовод Булдырского сельпо, грамотный, беспартийный, житель с. Булдырь Чистопольского района, 16 декабря 1940 г. около Булдырского сельпо рассказывал: «В газетах пишут, что мы стали большими политиками, на весь мир кричали о фашизме, считали Гитлера первым врагом, Гитлер обошел нас кругом и мы оказались не политики, а люди, ничего не знающие. Вот вам и мы дурачье, да Россия никогда не имела руководителей, а теперь тем паче не имеет. Поняли?»³.

Галиулла Рахматуллин, 1888 г. р., татарин, уроженец д. Утямышево Больше-Тархановского района, встретившись с вышеназванным Хайрутдиновым в начале июля 1941 г., завел разговор о Германии: «А что ты думаешь, немцы с нами будут играть что ли? Они уже свою храбрость и боеспособность показали в войне 1914 года, захватив сразу 12 губерний. Немцы и сейчас уже захватили много городов и наверное думают окружить с двух сторон, захватить Москву и другие города Советского Союза. В скором времени Гитлер все равно свое сделает». И потом добавил: «Ясно каждому, что победа в этой войне будет на стороне Германии, а Советы они все равно разобьют. Тогда мы начнем жить по старому. Если победил бы Советский Союз, опять стали бы строить социалистический строй и нам пришлось бы тогда погибнуть с голоду, вот поэтому я ожидаю победу Германии»⁴.

4. Расхождение представлений советских людей о фашистах с информацией, отраженной в прессе того времени.

¹ НА РТ. Ф. Р-6948. Оп.1. Д. 206. Л. 88.

² Там же. Д. 346. Лл. 46, 51.

³ Там же. Д. 257. Л. 11.

⁴ Там же. Д. 346. Лл. 17об., 19.

В одном из интервью с ветераном трудового тыла, который, будучи подростком, находился под немецкой оккупацией, мы услышали: «...когда началась война с Германией, которая для нас была странной высокой культуры (Шиллер, Гете и т.д.) и устроенного быта, что сведения советского информбюро и газет о зверствах немцев казались настолько придуманными, будто специально, чтобы запугать наш народ, что мы хотели сами почувствовать – а какая она, оккупация, так ли все на самом деле, как говорят и пишут в газетах. Тем более вестей с фронта – об истинном положении дел – мы не имели. Все вымарывалось цензурой...»¹.

Война, давшая выход эмоциям людей, копившимся в течение многих лет, вызвала немало высказываний против советской власти и в поддержку действий фашистской Германии.

Например, работник Тюрнясевского совхоза Тельманского района Нигматуллин после выступления по радио В.М. Молотова 22 июня 1941 г. говорил односельчанам: «Скоро придет Гитлер, возвратит нам старую жизнь, а что пишут в газетах и сообщают по радио, этому не верьте, это все врут. Германия очень сильна, и ее никто не победит, немцы над пленными не издеваются, а издеваются над коммунистами и комсомольцами, нашего брата они не трогают»².

3 июля 1941 г., выслушав по радио обращение Сталина к народу, путеобходчик ст. Шумерля Лиликин высказал свое отношение следующим образом: «Советская власть уже не терпит, стали призывать народ к помощи. Вот скоро придет Гитлер и напорет как следует»³. А житель д. Тукбаево Мензелинского района Хамидуллин заявил: «Если в Советском Союзе не хватает [сил] воевать с Германией, пусть не воюет и к нам не обращается за помощью, а мы ему помогать не будем»⁴.

Уже летом 1941 г. стали приходиться первые письма из действующей армии, в которых солдаты писали об истинном положении дел на фронте. Красноармеец Морозов из с. Старое Пальчиково Заинского района сообщил своим родителям об ожесточенных боях на Холмском направлении, в которых погибло много его односельчан. Это письмо стало известно всем жителям села, что, естественно, подействовало на

¹ По желанию интервьюируемого его фамилия не указана. Весна 2012 г. Из личного архива И. Ханиповой.

² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 129. Л. 10.

³ Там же. Д. 143. Л. 104.

⁴ Там же. Д. 147. Л. 102.

людей угнетающе и отразилось на работе колхоза в целом. Секретарь Татарского Обкома ВКП(б) Мухаметов в этой связи послал начальнику Политического Управления РККА Мехлису секретное сообщение, в котором назвал это и подобные письма результатом неудовлетворительной работы органов военной цензуры. При этом Мухаметов указал, что местные партийные организации республики уже провели среди населения соответствующую разъяснительную работу¹.

5. В условиях, когда большая часть правдивой информации в целях спокойствия граждан властями тщательно скрывалась, широкое распространение в Татарской АССР получали слухи.

6 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издает Указ об ответственности за распространение ложных слухов, вызывающих тревогу среди населения. Виновным грозило тюремное заключение на срок от двух до пяти лет, если только их действия не влекли за собой по закону более тяжкого наказания². Руководствуясь указом, только за период с 20 июля по 10 августа 1941 г. органы Прокуратуры Татарской АССР возбудили 13 уголовных дел³. Наиболее характерные из них такие.

В Больше-Тархановском районе единоличница Матвеева рассказывала женам мобилизованных, что Германия подходит к Москве, «для взятия Москвы осталось только переправиться через реку». Жительница с. Лебедино Алексеевского района Нуянзина говорила: «Наши передовые части РККА разгромлены, немцы не дошли до Москвы 230 км. В Казани диверсанты пытались взорвать пороховой завод и железнодорожный мост». Обе женщины были преданы суду⁴. Как нам сейчас известно, данные высказывания имели под собой основу, и называть их ложными вряд ли уместно. Вообще в практике было немало случаев неосновательно возбуждения дел, связанных с распространением слухов⁵. Однако в любом случае важно было сохранять спокойствие на местах и не допускать паники.

¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 147. Л. 36.

² Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг.: под ред. И.Т. Голякова. М.: Изд-во юридич. лит-ры, 1953. С. 416.

³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 147. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Там же. Лл. 15–16 Неосновательность возбуждения дел подтверждается тем, что из двадцати дел, возбужденных с 6 июля по 1 октября 1941 г., ровно половина была впоследствии прекращена из-за неосновательного возбуждения (см.: там же. Д. 473. Л. 41).

4 октября 1941 г. Военный Прокурор НКВД ТАССР Семикозов под грифом «Совершенно секретно» направил секретарю Татарского обкома ВКП(б) Матвееву донесение следующего содержания: «За последнее время среди населения как города Казани, так и районов ТАССР распространились различные слухи о том, [что] якобы маршал Советского Союза тов. Тимошенко перешел на сторону врага. ...Военной Прокуратурой за распространение этих провокационных слухов уже преданы суду Военного Трибунала 12 человек, однако дела этой категории продолжают возникать, и, как видно, эти слухи принимают характер более распространенный». Семикозов считал, что только судебными мероприятиями добиться прекращения этих слухов невозможно. Поэтому он предложил секретарю Обкома обязать редакторов газет «Красная Татария» и «Кзыл Татарстан» поместить в газетах такие статьи, которые бы положили конец этой «гнусной провокации»¹.

Все граждане, задержанные за негативные высказывания в адрес Советской власти или в связи с распространением слухов, привлекались к ответственности по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР за контрреволюционную агитацию. Как правило, по данной статье проходили одиночные обвиняемые. Количество групповых дел было незначительным².

Наиболее суровые меры наказания, предусмотренные статьей 58-10 (в зависимости от квалификации преступления в части 1-й или 11-й), – 10 лет лишения свободы или расстрел. В условиях военного времени доля приговоренных к высшей мере наказания увеличилась. Если среди осужденных за контрреволюционные преступления с апреля по июнь 1941 г. к расстрелу был приговорен один человек, то с июля по сентябрь 1941 г. их число выросло до 16 человек, а с октября по декабрь 1941 г. – до 144 человек³. В процентном соотношении к наиболее суровым мерам наказания (10 годам лишения свободы или расстрелу) с апреля по июнь 1941 г. были приговорены 50,6% осужденных, с июля по сентябрь 1941 г. – 60%, а с октября по декабрь 1941 г. – 80,9% осужденных⁴.

На наш взгляд, применение столь суровых мер было связано исключительно с неспособностью власти переломить ситуацию, взять ее под свой контроль. Государству нужна была идейная консолида-

¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 147. Л. 71.

² Там же. Д. 829. Л. 83.

³ Там же. Д. 474. Л. 16.

⁴ Там же. Лл. 15–16.

ция граждан, иначе бы пришлось вести войну на два фронта: не только на реальном театре военных действий, но и на идеологическом фронте внутри страны. К сожалению, невозможность в полном объеме мобилизовать необходимые фронту ресурсы, вызванная тяжелым экономическим положением в селах республики, а также недовольство части населения существующим строем, которое с началом войны из экономической плоскости все чаще переходило в политическую, решались с помощью попыток найти и осудить «крайнего».

Как правило, практически во всех обвинительных заключениях имелась формулировка: «в совершенном им преступлении виновным себя не признал, но в достаточной мере изобличается показаниями свидетелей и очными ставками». Из этого можно сделать вывод, что часть общества была вовлечена в репрессии косвенно, будучи свидетелями и доносителями. Причин тому много. Одни люди доносили, чтобы «подсидеть» начальника и занять его место, другие заражались «шпиономанией», третьи поддавались массовой истерии и в любой аварии видели вредительство, четвертые стремились обезопасить себя, продемонстрировав свою «бдительность». Были и штатные «стукачи». На наш взгляд, одна из главных причин – непонимание происходящего, закрытость информации, стремление выговориться, получить разъяснения о сложившейся ситуации, дать волю эмоциям.

В целом мы считаем, что судебно-следственные дела как исторический источник необходимо использовать в работе исследователей. Вопрос заключается в правильной их интерпретации, выработке методик работы с ними. Полагаем, это должно быть результатом коллективных усилий, предметом специального обсуждения исследователей, применяющих подобного рода документы в своей практике.

2.5. Различие социальных интересов как предпосылка возникновения конфликтов (на примере социально-политической борьбы в Аргосе V–IV вв. до н.э.) (Е.А. Вендиктова)

Различие социальных интересов, как правило, является предпосылкой возникновения конфликта. История пестрит многими примерами. Не является исключением и история Аргоса (древнегреческого полиса). Так, в Аргосе после битвы при Сепее, которая привела к ис-

треблению значительной части граждан, начались важные социально-политические процессы, отражавшие соотношения сил в полисе в пользу прежде неполноправного населения. Пытаясь сохранить свои позиции, выжившие представители аргосской аристократии нашли социальную опору в лице наиболее известных недорийских родов Аргоса. По всей вероятности, власть новообразованного демоса была достаточно прочной: целое поколение дорийцев было лишено возможности управлять Аргосом, как это было заведено ранее, и только тогда, когда слой дорийской знати значительно укрепился, она была ликвидирована силой. Геродот говорит об изгнании «рабов» сыновьями погибших при Сепее (Hdt. VI. 83), однако подробности этого неизвестны. Полагают, что «рабы» покинули Аргос в результате компромиссных соглашений с дорийской знатью, взамен за уход, получив в свою власть Тиринф¹. Между тем отсутствие политической стабильности, экономический и политический упадок аргосского полиса как следствие резкого сокращения численности населения определили направление всего дальнейшего исторического развития Аргоса. С подрывом господства дорийцев в Аргосе начался необратимый процесс демократических преобразований, сформировавших облик демократического полиса V–IV вв. до н.э.² Эти демократические реформы могли быть непосредственно связаны с распространением гражданских прав на прежде неполноправное население Аргосской долины за счет проведения политики синойкизма.

Отражением демократических тенденций в Аргосе было принятие закона об изгнании посредством остракизма, ставшего важным орудием в руках демоса в борьбе с любыми притязаниями на верховную власть, но первоначально носившего антиаристократическую направленность (Arist. Pol. V. 2. 5 p. 1303b; Schol. Aristoph. Equ. 851)³. Однако о реальном применении этого закона никаких конкретных фактов нет (не обнаружены также и остраки).

Прямым следствием демократизации политического строя Аргоса было обострение социальных отношений, которое сопровождалось олигархическими переворотами. По словам Аристотеля, олигар-

¹ Seymour P.A. The “Servile-Interregnum” at Argos // JHS. 1922. Vol. 42. Part. 1. P. 25; Willetts R.F. The Servile Interregnum at Argos // Hermes. 1959. Bd. 87. P. 499.

² Рунг Э.В., Вендиктова Е.А. Синойкизм и возникновение демократии в Аргосе // Вестник древней истории. 2010. № 1. С. 22.

³ Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 443–444.

хическим строем правления следует называть такой, при котором власть находится в руках людей богатых и благородного происхождения и образующих меньшинство. Но при этом нужно учитывать, что борьба двух политических группировок, олигархов и сторонников демократического строя, была тесно связана и с внешнеполитической ситуацией в древней Греции. А именно аргосские сторонники демократического строя находили себе поддержку внутри аргосского общества, а также ориентируясь во внешней политике на Афины, в то время как представители олигархической группировки в полисе ориентировались исключительно на Спарту¹.

Первый переворот произошел в 417 г. до н.э., вследствие которого в Аргосе было установлено олигархическое правление. О данном перевороте становится известно из сообщений Энея Тактика, Аристотеля, Фукидида, Диодора, Плутарха. Переворот произошел после поражения аргосцев в союзе с афинянами, мантинейцами и элейцами в битве при Мантинее против лакедемонян. Согласно Аристотелю, знатные, прославившиеся в Мантинейской битве, попытались упразднить демократию (Arist. Pol. V. 3. 5). По словам Фукидида (V. 67. 2), в битве при Мантинее принимали участие тысяча «отборных» аргосцев, обучавшиеся военному делу с детства за государственный счет. Кроме этого, из сообщения историка становится известным, что в Аргосе уже существовала дружественно расположенная к лакедемонянам группировка, желавшая ниспровергнуть демократию, которая позже склонила аргосцев к отказу от союза с мантинейцами, элейцами и афинянами, к заключению мирного и союзного договора с лакедемонянами (Thuc. V. 76. 2; 79). Но и на этом сторонники олигархического правления не остановились. Согласно Фукидиду, лакедемоняне и аргосцы, выставив по тысяче воинов с каждой стороны, выступили в поход и, соединившись, низвергли демократию в Аргосе, установив там олигархическое правление (Thuc. V. 81. 2). Плутарх (Plut. Alc. 15. 3) также говорит о том, что «тысяча» совместно с лакедемонянами свергла демократию в Аргосе. Диодор дополняет сообщения Фукидида, Аристотеля и Плутарха: «тысяча» аргосцев, решила ликвидировать демократию и установить аристократию. Заговорщики схватили лидеров демоса и предали их смерти, отменили законы и

¹ *Венидиктова Е.А.* О характере социально-политической борьбы в Аргосе в конце V – первой трети IV вв. до н.э. // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 1. С. 143–149.

взяли управление полисом в свои руки (Diod. XII. 80. 3). Под «тысячей» Диодор также подразумевает отборный отряд, состоящий из юношей, которые обязаны были постоянно упражняться и были освобождены от других дел. Таким образом, вследствие народного попечения и упорных занятий они сделались искусными в воинских делах (Diod. XII. 75. 4–7). Павсаний (Paus. II. 20. 1) сообщает, что аргосцы решили содержать отборный отряд в 1000 человек и называет их начальником Брианта, который совершил много насильственных поступков по отношению к народу¹. По мнению Д. Кэгэна, аргосцы создали отряд из тысячи юношей из числа аристократов с целью противостоять лакедемонским гоплитам, тем самым продемонстрировав свое доверие и преданность аргосским олигархам. Однако данная инновация оказалась опасной не столько для лакедемонян, сколько для самих демократов².

Особый интерес вызывает сообщение Энея Тактика, который рассказывает о заговоре олигархов в Аргосе, не давая датировки этого события. Во время всенародного праздника у аргосцев происходило шествие молодых людей с оружием, к которому примкнули многие из заговорщиков. И когда большая часть народа сложила оружие возле храма и пошла на молитву, некоторые из заговорщиков остались возле оружия, другие же встали около представителей власти и выдающихся граждан с кинжалом в руках. Далее Эней сообщает, что покончив с этими, некоторые из заговорщиков поспешили с оружием в город. Другие же, оставшиеся в городе, с помощью гоплитов захватили важные места (Aen. Tact. XVII. 2–4). Очевидно, этот олигархический переворот успешно завершился, так что, скорее всего, Эней описывает именно события 417 г. до н.э., так как это был единственный удавшийся переворот в Аргосе в V – начале IV в. до н.э. Кроме этого, Эней говорит, что заговорщиками были убиты должностные

¹ Павсаний (Paus. II. 20. 1) приводит следующий рассказ: «Бриант девушку, которую вели к жениху, отнял у провожающих и обесчестил. С наступлением ночи, подстерегши, когда Бриант заснул, девушка ослепила его. Когда наступил день и открылся ее поступок, она прибегла к помощи народа, моля его о защите. Так как народ не согласился выдать ее на расправу «тысячникам» и когда из-за этого между ними и народом началась битва, то народ, победив их, в своем гневе не оставил в живых ни одного из своих противников».

² Kagan D. Argive Politics and Policy after the Peace of Nicias // CPh. 1967. Vol. 57. № 4. P. 211.

лица – то есть, видимо, те самые лидеры аргосского демоса, об убийстве которых сообщает и Диодор¹.

Однако вскоре приверженцам демократического строя удалось свергнуть олигархов. Согласно сообщениям древних авторов, демократическая группировка сплотилась, почувствовала уверенность в себе и напала на олигархов во время празднования Гимнопедии в Спарте. Именно по этой причине лакедемоняне не подоспели на помощь аргосским олигархам. В результате битвы, которая произошла в городе, сторонники демократического строя одолели представителей олигархической группировки, одни из олигархов были перебиты, другие же изгнаны из Аргоса. Далее Фукидид повествует о том, что сторонники демократического строя, опасаясь лакедемонян, снова стали стремиться к союзу с афинянами, ожидая от него больших выгод и соорудили длинные стены до моря (Thuc. V. 82. 5; Diod. XII. 80. 3). Плутарх также сообщает, что сторонникам демократии удалось свергнуть олигархов, которые упрочили свое положение благодаря Алкивиаду, так как именно он внушил аргосцам мысль воздвигнуть длинные стены, соединив город с морем и тем самым окончательно связав его с афинской державой² (Plut. Alc. 15). Исходя из вышесказанного можно предположить, что олигархический режим в Аргосе находился в шатком положении, многие, по-видимому, были недовольны действиями олигархов, что в конечном итоге и привело к их свержению. А чтобы укрепить свое положение приверженцы демократии заключили союз с афинянами, тем самым обеспечив себе защиту от сторонников олигархической группировки, а также лакедемонян. Р.А. Томлинсон предполагает, что союз с афинянами, которые имели первенство на море, обеспечил аргосцам защиту от нападения лакедемонян³. Д. Кэган же считает, что олигархический переворот был обречен к провалу из-за того, что аргосская демократия, существовавшая уже два поколения, пустила корни среди аргосского населения. Кроме этого, политика олигархов не была популярной среди аргосцев, что привело к свержению олигархического режима и к установлению демократической формы правления⁴.

¹ В пользу этого мнения: *David E. Aeneas Tacticus, 11.7–10 and the Argive Revolution of 370 B.C.* // *AJPh.* 1986. Vol. 107. № 3. P. 346.

² О дружественных отношениях аргосцев с Алкивиадом см.: Thuc. V. 43–46; VIII. 86. 8; Plut. Alc. 19.1.

³ *Tomlinson R.A. Argos and the Argolid from the End of the Bronze Age to the Roman Occupation.* London, 1972. P. 124.

⁴ *Kagan D. Op. cit.* P. 217.

Тем временем аргосские олигархи, не желавшие смириться с поражением, отправили послов в Лакедемон, и после продолжительных переговоров лакедемоняне признали виновными находившихся в городе аргивян. После этого лакедемоняне, узнав о сооружении стен аргосцами, выступили в поход против Аргоса во главе с царем Агисом (Thuc. V. 82. 4; 83. 1–2). Однако их надежды на помощь аргосских олигархов не оправдались, так как в самом Аргосе начались репрессии, направленные против представителей олигархической группировки. Данное суждение следует из того, что уже в 416 г. до н.э. 300 аргивян, находящихся в подозрении и, по-видимому, державших сторону лакедемонян, были взяты в плен Алкивиадом, прибывшим в Аргос на 20 кораблях, и вывезены на ближайшие острова, зависимые от афинян (Thuc. V. 84. 1). Затем зимой 415 г. до н.э. лишь сборы лакедемонян в поход на аргосскую землю дали повод аргосцам в подозрении некоторых лиц, находящихся в Аргосе, в результате чего некоторые из заподозренных были схвачены, другие спаслись бегством (Thuc. V. 116. 1). В этом же году, после того как Алкивиад был обвинен афинянами в попытке свергнуть демократию, в Аргосе друзья Алкивиада были также заподозрены в покушении на демократию. Поэтому афиняне выдали на расправу аргосскому народу содержащихся на островах заложников (Thuc. VI. 61. 3). И действительно, согласно Диодору, лица, связанные с Алкивиадом узами личного гостеприимства, замыслили ниспровергнуть демократию в Аргосе, однако все были перебиты гражданами. (Diod. XIII. 5. 1). А это говорит нам о том, что в этот период в аргосском обществе царил страх постоянного ожидания олигархического переворота, который привел к сплочению сторонников демократического строя и ужесточению контроля во всех сферах деятельности.

Именно по этой причине лидеру аргосской демократии удалось предотвратить следующий олигархический переворот, который Эней Тактик называет «вторым нападением богатых на демос». Однако точную дату данного события установить невозможно. Хотя, Л.П. Маринович предполагает, что рассказанный Энеем эпизод, неизвестный из других источников, относится к 370-м гг. до н.э.¹ В то же время Э. Дэвид относит данное событие к периоду между 386 и 371 гг. до н.э.²

¹ *Маринович Л.П.* Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975. С. 201.

² *David E.* Op. cit. P. 348.

Согласно Энею, богатые, которые намеривались предпринять свое выступление против народа, привлекли на помощь наемников. Однако глава народной партии, предчувствуя наступающие события, установил тайно дружеские отношения с двумя представителями из готовящихся нападение, от которых получал информацию о планах заговорщиков. Когда богатые были уже готовы ввести наемников, и дело должно было совершиться, предводитель народа созвал немедленно народное собрание, на котором велел всем аргосцам в ближайшую ночь быть при оружии и находиться в своей филе. Если же кто-нибудь появится с оружием в другом месте, то с таким следует обращаться как с предателем, замышляющим против народа. Данное мероприятие было необходимо для того, что бы находящиеся в разных филах богатые не могли собраться в одном месте и совершить нападение с наемниками (Аен. Тас. XI. 7-10).

Из сообщения Энея Тактика становится очевидным тот факт, что олигархическая группировка в данный период была ослаблена, так как знатные пытались совершить переворот при помощи наемников, не рассчитывая на свои силы и поддержку лакедемонян.

Все же олигархическая группировка не теряла надежды вновь захватить власть в свои руки. И уже в 370 г. до н.э. олигархи в очередной раз составили заговор с целью свержения демократии, который вылился в настоящее бедствие для полиса. Толчком к данному перевороту, который вошел в историю как «аргосский скитализм»¹, послужили события 371 г. до н.э., когда лакедемоняне потерпели поражение в битве при Левктрах. По мнению Э.Д. Фролова, в 370 г. до н.э., в разгар смут, охвативших Пелопоннес после поражения спартанцев в битве при Левктрах, в Аргосе в ответ на антидемократические происки местных аристократов народ, подстрекаемый демагогами, учинил избиение дубинами граждан².

Согласно Диодору, основными причинами переворота являлись притеснения богатых, которые в конечном итоге решили составить заговор, чтобы уничтожить сторонников олигархического строя. Однако их замыслу не было суждено свершиться, так как заговор был раскрыт и некоторые из них были схвачены приверженцами демократического строя и подвергнуты пытке. Остальные же, боясь пыток, покончили жизнь самоубийством. И лишь только один, не выдержав

¹ Данное название с древнегреческого языка переводится как «палка».

² Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001. С. 50.

мучений, решил указать демагогам на других знатных людей, которые по его словам были причастны к заговору, тем самым освободив себя от пыток. Далее Диодор говорит о том, что в городе начались массовые избиения знатных граждан без какого-либо расследования. В результате убив 1200 человек, народ не пощадил и самих народных вождей. После чего в городе наступила относительно спокойная обстановка (Diod. XV. 57.2 – 58.3).

Отголоски данного события дошли и до более поздних авторов. О нем упоминает Дионисий Галикарнасский, который сравнивает междоусобную борьбу среди римлян с распрями, случившимися у керкирян, аргосцев, милетян и сицилийцев (Dion. Hal. Ant. Rom. VII. 66. 5). Плутарх сообщает о том, что в результате данного мероприятия в Аргосе было убито 1500 человек, а народное собрание афинян постановило принести очистительную жертву (Plut. Praes. ger. R.P. 814 B).

Рассмотренный выше отрывок Диодора показывает, что в Аргосе в этот период отсутствовал лидер, который возглавлял бы аргосскую демократию, как это было раньше. Э. Дэвид справедливо замечает тот факт, что в Аргосе шла борьба за власть между несколькими народными вождями, которые, потеряв контроль над ситуацией, были обвинены в предательстве демократии, что в конечном итоге привело к их смерти¹. По мнению Л.П. Маринович, аргосский скитализм 370 г. до н.э. является проявлением обострения социальной борьбы в греческих полисах в 370-х гг.²

Таким образом, из представленного выше материала по аргосскому полису становится очевидным, что конфликт в Аргосе между сторонниками демократического строя правления и представителями олигархической группировки возник не только из-за осознания ими различий в интересах, но также в результате активного противостояния друг другу. В обществе после битвы при Сепее создается напряженная ситуация, постепенно перетекающая из пассивной стадии в активную, которая материализуется в социальных ожиданиях, позициях групп, их действиях. Появляется лидер, способный инициировать конфликтную ситуацию, который находит поддержку среди единомышленников. А это в очередной раз доказывает, что одной из предпосылок для конфликта на любой стадии исторического развития человеческого общества является потенциальная напряженность, вызванная социальными разногласиями в обществе.

¹ David E. Op. cit. P. 345.

² Маринович Л.П. Указ. соч. С. 201.

3. ВСТУПЛЕНИЕ НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЫ В РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ: ФУНКЦИЯ И ДИСФУНКЦИЯ НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЫ

3.1. Роль юридических конструкций в устранении дисбаланса нормативно-правовых актов (И.Н. Сенякин)

Состояние системы российского законодательства характеризуется крайне сложными и противоречивыми процессами. Это отчасти объясняется тем, что экономические, политические и социальные реформы, проводимые в Российской Федерации, требуют интенсивного правотворчества, его всестороннего и эффективного воздействия на происходящие в стране преобразования. Речь идет не только об улучшении законодательства или его реконструкции, но и о формировании принципиально новых правовых институтов, соответствующих реальным условиям рыночной экономики, критериям правового государства, международным стандартам защиты прав и свобод личности.

Российское законодательство, будучи федеральным, представляет собой огромный нормативно-правовой массив, в котором имеются многочисленные несогласованности, разночтения, различные подходы к вопросам учета особенностей регионов и центра. В нем одновременно действуют акты разного уровня и юридической силы, протекают процессы специализации и унификации, переплетаются вертикальные и горизонтальные связи и тенденции.

На практике постоянно возникают ситуации, нуждающиеся в регламентации ряда правовых предписаний, которые порой противоречат друг другу и конфликтуют между собой или, пересекаясь в одном правовом срезе и конкурируя, претендуют на регулирование одних и тех же отношений¹. В этой связи нередко наблюдается их несогласованность и дублирование.

Налицо такое явление правовой действительности, как законодательный дисбаланс. В юридической науке данный феномен изучен слабо. Практически нет публикаций, затрагивающих его правовую природу и содержание.

¹ См.: Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 204.

Этимологически дисбаланс означает неуравновешенность частей какого-либо механизма. Социальный дисбаланс представляет собой прежде всего рассогласованность подходов, суждений, взглядов и связей между субъектами в процессе их взаимодействия по каким-либо вопросам, требующим единого понимания и решения. Социальный дисбаланс может проявляться в сфере экономики, политики, управления, права и т.д.

В области законодательства понятием «дисбаланс» охвачены такие его характеристики, как несогласованность, асимметричность, противоречивость, тавтологичность, несовершенство юридической техники и т. д.

Важнейшим фактором дисбалансированности российского законодательства является социально-экономическая и, как следствие, правовая дифференциация. С одной стороны, она способствует выявлению особенностей, своеобразия и специфики общественных отношений, а с другой – ведет к их рассогласованности, коллизии, нарушению взаимосвязей и т. д.¹ Следовательно, дифференциация всегда должна иметь свои пределы, за чертой которых начинается процесс чрезмерной конкретизации, негативно влияющий на возможность сбалансированного функционирования российского законодательства.

Законодательный дисбаланс может иметь внутреннюю и внешнюю формы своего выражения. Внутренняя форма дисбаланса затрагивает его строение, организационную структуру, нестыковки в содержании нормативно-правовых актов. Если обратиться к главе седьмой Конституции РФ, то именно здесь наблюдается такой дисбаланс статей 125–127. В них нет упоминания о конституционных (уставных) судах субъектов РФ, о судах общей юрисдикции данных субъектов и арбитражных судах субъектов Российской Федерации. Из содержания указанных статей не ясна и компетенция указанных судебных органов. Изменить положение можно только путем внесения поправок в статьи 125–127 Конституции РФ².

Подобный дисбаланс просматривается и в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) между санкциями за преступления против личности и преступления в сфере экономики. Так, УК РФ приравнивает

¹ См.: *Этингоф Е.В.* Усиление социально-экономической дифференциации как фактор дисбалансированности социального развития России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. С. 3.

² См.: *Ярошенко Н.И.* Дисбаланс статей 125–127 Конституции Российской Федерации // Современное право. 2011. № 3.

по степени общественной опасности убийство матерью новорожденного ребенка и неправомерное завладение автомобилем (до пяти лет лишения свободы); устанавливает за грабеж более тяжелое наказание, чем за убийство в состоянии аффекта (до четырех и до трех лет лишения свободы соответственно) и т. д.¹

Неоправданная перегруженность действующего законодательства различного рода терминами также порождает дисбаланс в структурном содержании нормативно-правовых актов. К примеру, ст. 268 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) «Пределы рассмотрения дела арбитражным судом апелляционной инстанцией» в части первой гласит: «При рассмотрении дела в порядке апелляционного производства арбитражный суд по имеющимся и дополнительно представленным доказательствам повторно рассматривает дело». Далее, в части второй данной статьи, отмечается, что «дополнительные доказательства принимаются арбитражным судом апелляционной инстанции, если лицо, участвующее в деле, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, в том числе в случае, если судом первой инстанции было отклонено ходатайство об истребовании доказательств и суд признает эти причины уважительными».

С точки зрения юридической техники данная норма сконструирована достаточно тяжело, так как включает в себя несколько обязательных элементов оценочного характера и не ставит знака равенства между «причинами, не зависящими» и «причинами уважительными»². Налицо дисбаланс законодательной терминологии.

С появлением в системе российского законодательства большой группы новых кодексов обозначился и некоторый дисбаланс между их нормами и нормами других правовых актов, возникли языковые разночтения в регламентации родственных общественных отношений.

Так, в статье 20 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) место жительства определяется как место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает. В части 2 ст. 2 Закона РСФСР «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»

¹ Подробнее об этом см.: *Тасалов Ф.А.* УК гуманизируется, дисбаланс остается // *ЭЖ-Юрист.* 2011. № 26.

² Подробнее об этом см.: *Серегина Н.* Дисбаланс терминологии // *Новая адвокатская газета.* 2011. № 3, февраль.

это термин дифференцирован более обязательно¹. Им охватывается жилой дом, квартира, служебное жилое помещение, специализированные дома (общежитие, гостиница-приют, специализированный дом для одиноких престарелых, дом-интернат для инвалидов, ветеранов и др.), а также иное жилое помещение, в котором гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника.

Думается, что авторам ГК РФ не стоило идти по пути упрощения дефиниции «место жительства» и использовать определение, которое на тот момент уже было в ранее принятом законе. Кроме того, это позволило бы избежать дисбаланса в структурном содержании данного явления.

Внешняя форма законодательного дисбаланса нередко проявляется в нарушении правил законодательной техники и, как следствие, в рассогласованности, асимметрии, несоответствии не только между нормами правовых актов, но и самими этими актами.

Зачастую законодательный дисбаланс возникает в силу непродуманной правовой политики регионов и центра. В недавнем прошлом такое положение встречалось довольно часто, когда законодательство субъектов РФ носило произвольный, во многом противоречивый характер и строилось без учета интересов и требований федерации в целом. Такое положение закономерно вело к разбалансированию всего законодательного массива Российской Федерации, создавало трудности в механизме правоприменения.

С учетом федеративных начал законодательный дисбаланс может иметь вертикальную и горизонтальную формы своего проявления, затрагивающие как иерархическую структуру законодательства, так и его внутреннюю систему.

Разнообразна и видовая характеристика законодательного дисбаланса: отраслевой и межотраслевой, федеральный и региональный, законов, подзаконных актов, законов и подзаконных актов, дисбаланс в содержании правовых институтов и т. д.

Важно отметить перманентный характер законодательного дисбаланса, отражающего динамизм и своеобразие регулируемых общественных отношений. Достичь полного равновесия и согласованности в механизме такой регламентации весьма сложно.

К причинам законодательного дисбаланса можно отнести: федерализм российского законодательства, перекосы в соотношении фе-

¹ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1227.

дерального и регионального законодательства, его чрезмерную дифференцированность, коллизионность, несовершенство юридической техники, просчеты в правовой политике государства и т. д.

Законодательный дисбаланс оказывает негативное воздействие на правоприменительную практику, так как создает брешь в механизме правореализации, расширяет пределы судебного усмотрения, ведет к нарушению законности и правопорядка.

Таким образом, законодательный дисбаланс – явление собирательное, которое можно определить как обусловленную практикой общественного развития асимметричность, рассогласованность действующего законодательства, выражающуюся в различного рода расхождениях и коллизиях как в его содержании, так и форме, создающих затруднения и ошибки в правовом урегулировании общественных отношений.

Одним из важнейших средств устранения дисбаланса нормативно-правовых актов являются юридические конструкции.

В литературе термин «юридическая конструкция» понимается неоднозначно. Ее определяют как прием научного исследования¹, средство познания правовых явлений и одновременно средство юридической техники², процесс логической дедукции³, теоретическое положение⁴, способ регулирования общественных отношений⁵, средство юридической техники⁶.

Наиболее правильной, на наш взгляд, является позиция, согласно которой юридическая конструкция представляет собой многоаспектное явление, которое следует рассматривать с позиции двух подходов: широкого и узкого. С точки зрения широкого подхода в качестве юридических конструкций выступают практически все правовые явления, имеющие определенную структуру, строение, характеризующиеся признаком «конструкционности». Такое понимание позво-

¹ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 353–354.

² См.: Черданцев А.Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 12.

³ См.: Ушаков А.Л. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 73.

⁴ См.: Мальцевич В.В. Об одной правовой конструкции // Вопросы философии. 1965. № 6. С. 139 – 141.

⁵ См.: Ерошенко А.А. Гражданско-правовая защита личной собственности в СССР // Советское государство и право. 1968. № 6. С. 106–110.

⁶ См.: Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1906; Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 275–277.

ляет говорить о конструкции права, отрасли права, правового института, нормы права, правосознания и т.д. В узком смысле юридическая конструкция определяется как средство правотворческой техники, заключающееся в моделировании, определенном логическом построении нормативного материала, одновременно выступающее методом познания и толкования норм права¹.

Юридическая конструкция представляет собой наиболее высокий уровень технико-юридического выражения воли законодателя, отражающей характер (модель) связи между элементами и сторонами логических норм; специфическое построение нормативного материала, соответствующее определенному типу или виду сложившихся правоотношений, юридических фактов, их связи между собой². Конструкции отражают внутреннее строение нормативного материала. В юридической конструкции наиболее наглядно, по сравнению с другими приемами законодательной техники, проявляется тесное переплетение законодательной техники с логикой закона, со структурой права.

Правовая действительность богата различного рода юридическими конструкциями. Однако хотелось бы более подробно рассмотреть такой вид юридической конструкции, как нормативный правовой акт. Его конструктивный характер выявляется путем анализа основных параметров, к которым относятся: 1) системная организация определенного множества заданных элементов; 2) определенная закономерность связей в отношении системно организованных элементов; 3) относительная устойчивость, стабильность системно организованных элементов, их связей и отношений; 4) целостное системное единство организованного множества элементов; 5) способность этих элементов к системному и межсистемному функционированию³.

Изучение конструкции нормативного правового акта представляет большое практическое значение, поскольку его целью является формирование правил юридической техники, которые обеспечивают создание правовых актов, обладающих такими свойствами, как точное соответствие системе права, единство, системность, целостность, сбалансированность, логическая завершенность, стабильность, доступность для

¹ См.: *Чевычелов В.В.* Юридическая конструкция в современном российском праве (проблемы теории и практики): под ред. В.М. Баранова. Н.Новгород, 2007. С. 76 – 87.

² См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права. С. 273–274.

³ См.: *Законодательная техника: научно-практическое пособие: под ред. Ю.А. Тихомирова.* М., 2000. С. 104.

правоприменителей. К сожалению, современное законодательство далеко не всегда отвечает вышеперечисленным требованиям.

Практический интерес представляет выявление видовой принадлежности конструкции нормативного правового акта.

В зависимости от функционального назначения юридические конструкции классифицируют на технико-юридические и теоретико-юридические или нормативные и теоретические¹. Поддерживая эту позицию, В.М. Баранов и Ю.Л. Мареев указывают, что «конструкции могут выступать результатом нормотворческой деятельности (нормативные), но чаще всего в них формулируются результаты теоретического моделирования (теоретические конструкции)»². Между нормативной и теоретической конструкциями, разумеется, нет грани, которая полностью отделяла бы одну от другой. Нормативная юридическая конструкция находит выражение в конструкциях юридической науки, и, наоборот, теоретические конструкции могут превратиться в нормативные.

Говоря о конструкции нормативного акта как разновидности юридической конструкции, следует отметить, что в настоящее время определение ее видовой принадлежности зависит от того, в каком смысле ее рассматривать: широком или узком. С точки зрения широкого подхода конструкция любого закона и подзаконного акта имеет нормативный характер, поскольку любой из указанных актов обладает нормативно закрепленной структурой. С точки зрения узкого подхода, а именно с позиции рассмотрения конструкции как идеальной модели, можно говорить о ее существовании только на теоретическом уровне, поскольку до настоящего времени закон, содержащий унифицированные нормы, регламентирующие модель конструкции нормативного правового акта, не принят. Большинство специалистов считает такую ситуацию не отвечающей требованиям реальности. Следует отметить, что за рубежом достаточно широко распространен опыт принятия нормативных актов, содержащих нормы, регулирующие юридическую (законотворческую) технику. Так, например, в Ватикане еще в 1929 г. был принят Закон об источниках права.

В числе факторов, указывающих на необходимость принятия нормативного правового акта, регулирующего правила законотворче-

¹ См.: Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. С. 150.

² См.: Баранов В.М., Мареев Ю.Л. Юридические конструкции, сценарий компьютерного урока // Проблемы юридической техники: сб. статей: под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 726–735.

ской техники, в том числе и конструирования структуры закона, Т.Н. Рахманина справедливо называет следующие: а) тенденцию к единству регулирования правотворческих работ; б) повышение требований к законопроектным работам в современных условиях; в) проведение работы по обновлению российского законодательства в связи с реформированием важнейших сторон жизни российского общества в постконституционный период; г) потребность в более четкой координации работы по подготовке проектов нормативных правовых актов; д) необходимость учета перспектив дальнейшего развития, систематизации и кодификации российского законодательства¹.

Проект Федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации» был разработан и даже рассмотрен в первом чтении в ноябре 1996 г. Законопроект предусматривал специальную главу, где излагались основные правила законодательной техники, в том числе были сформулированы требования к его реквизитам и структуре. Данный законопроект вряд ли можно назвать удачным. Во всяком случае указанная глава, на наш взгляд, нуждается в существенной доработке. Вместе с тем такого рода закон, безусловно, нужен. Остается лишь сожалеть, что он до сих пор не принят, поскольку закрепил бы своеобразную модель технического построения нормативного правового акта с учетом правил юридической техники, обязал бы субъектов правотворчества стремиться к ней, обеспечил бы единообразие в конструировании законодательства.

Следует отметить, что конструкция нормативного акта имеет многоаспектный характер. С одной стороны, можно говорить о конструкции структуры содержательной части нормативного акта, с другой – о конструкции лингвистической структуры указанного акта.

Что касается конструкции структуры содержательной части нормативного акта, то к ней применима классификация в зависимости от так называемой «архитектурной» формы на ступенчатые (когда все элементы строго взаимно последовательны) и суммарные (состоят исключительно из слагаемых компонентов). С этой позиции мы можем говорить о том, что структура нормативного правового акта на макроуровне подразделяются на унитарные (простые) и сложно-составные. Унитарный (простой) способ конструирования нормативного правового акта обеспечивает создание правового акта, в структурном отношении состоящего из одного целостного текста, т.е. не

¹ См.: Рахманина Т.Н. Кодификация законодательства. М., 2005. С. 40–41.

имеющего элементов, прилагаемых к этому тексту, и характерен для законов. Сложносоставной способ конструирования нормативного правового акта направлен на создание правового акта, в структурном отношении состоящего из основного правового акта (основного текста) и производных от него одного или нескольких правовых актов и (или) приложений, не являющихся правовыми актами, и характерен в основном для актов подзаконного уровня.

Структура унитарного акта носит на макроуровне суммарный характер, сложносоставного акта – ступенчатый. При этом на микроуровне структура как унитарного, так и сложносоставного акта может иметь ступенчатый характер. На сегодняшний день можно говорить о том, что сложилась практика иерархического соподчинения элементов структуры нормативного акта. Статьи (пункты) правового акта могут объединяться в главы; главы в необходимых случаях могут включать параграфы, состоящие из статей (пунктов) и т.д. Части, разделы, подразделы, главы, параграфы правового акта должны включать в себя не менее двух структурных элементов текста следующего за ними уровня. К сожалению, в настоящее время данное требование выполняется не всегда. Примером может послужить структура Трудового кодекса РФ¹ (далее – ТК РФ), ч. I, II, IV–VI указанного кодифицированного акта состоят из одного раздела. Лишь ч. III включает большее количество разделов. Представляется, что в таких случаях целесообразно ч. I, II, IV–VI сразу делить на главы. Такой прием вполне допустим. Аналогичная ситуация наблюдается в Гражданском кодексе РФ² (далее – ГК РФ).

При создании конструкции нормативных правовых актов применяются так же такие структурные единицы, как преамбула³, примечание, приложение, сноска.

Особым элементом в конструкции нормативного акта являются отсылочные предписания. Отсылки могут быть обращены как к внутреннему законодательству (акту, в котором находится норма, со-

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1. Ст. 3.

² Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Подробнее об этом см.: *Баранов В.М., Лутова Л.К.* Преамбула нормативного правового акта (проблемы теории и практики). Н. Новгород, 2012.

держашая отсылку, иному нормативному акту, праву в целом), так и к международному праву.

Важнейшим свойством юридической конструкции нормативного акта является его соответствие требованиям реальности и системе регулируемой отрасли, подотрасли, института права. В этом плане особая роль, безусловно, принадлежит такому виду нормативных правовых актов, как кодифицированные акты. Как правило, они регулируют обширную область общественных отношений, направлены на преодоление несогласованности и дублирования разрозненных однородных норм, а также устранение пробелов в законодательстве, связаны с его существенным пересмотром в той или иной отрасли права, имеют значительный объем и сложную структуру.

При конструировании кодифицированных нормативных актов объективно существующая система права и изменения в ней служат предпосылкой, лежащей в основе всей кодификационной работы, и выступают как определяющая категория. Исследование системы конкретной отрасли права предполагает определение места ее элементов (правовая норма, субинститут, институт, подотрасль, отрасль) в структуре данного кодифицированного акта с точки зрения выполняемых ими функций и предмета регулирования.

Норма права, правовой институт, подотрасль находят свое отражение в конструкции кодифицированного акта, как правило, в виде составного элемента (статьи, раздела, главы).

Однако в нормотворческой практике нередки случаи несовпадения конструкции кодифицированного акта в системе регулируемой отрасли права. Такого рода несовпадения имеют весьма разнообразные проявления. В частности, нередко даже в крупных кодифицированных актах отсутствует деление кодифицированного источника права на Общую и Особенную части.

Довольно часто нормы какой-либо из отраслей права располагаются вне отраслевого кодифицированного акта, в других источниках материального и процессуального права. При этом связи между основным кодифицированным источником конкретной отрасли права и иными источниками в одних случаях проявляются в виде нормативной правовой базы для дополнения основного кодифицированного акта новыми предписаниями, а в других – в виде специальных предписаний, содержащихся в тексте иного источника права, не относящегося к рассматриваемой отрасли права.

Так, среди положений, служащих предпосылками для образования процессуальных норм, в ГК РФ в первую очередь следует отметить ст. 11 «Судебная защита гражданских прав», ст. 12 «Способы защиты гражданских прав», ст. 27 «Эмансипация», ст. 29 «Признание гражданина недееспособным», ст. 30 «Ограничение недееспособности гражданина», ст. 42 «Признание гражданина безвестно отсутствующим», ст. 45 «Признание гражданина умершим», ст. 44 «Отмена решения о признании гражданина безвестно отсутствующим», ст. 46 «Последствия явки, гражданина, объявленного умершим», ст. 148 «Восстановление ценной бумаги», ст. 151 «Компенсация морального вреда», ст. 152 «Защита чести, достоинства и деловой репутации». К такого же рода нормам можно отнести ст. 13 ГК РФ о признании судом недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления.

С другой стороны, как уже было сказано, в нормах источников материального права нередко содержатся процессуальные нормы. В частности, из 15 статей гл. 17 Семейного кодекса РФ¹ (ст. 106–120) (далее – СК РФ), регулирующей порядок уплаты и взыскания алиментов, только в одной статье (ст. 110) не упоминается суд или документ, выдача которого производится по правилам гражданского судопроизводства. Процессуальный характер имеют и некоторые другие статьи СК РФ. Например, ст. 70 «О порядке лишения родительских прав», ст. 72 (ч. 2, 3, 4) «Восстановление в родительских правах», ст. 78 «Участие органа опеки и попечительства при рассмотрении судом споров, связанных с воспитанием детей», ст. 79 «Исполнение решений суда по делам, связанным с воспитанием детей», а также гл. 19 «Усыновление (удочерение) детей».

Можно назвать и другие варианты соотношения системы права и структуры кодифицированных актов. Так, например, гражданское право как отрасль права включает в себя такую подотрасль, как жилищное право, которая находит свое отражение как в структуре ГК РФ (гл. 18 раздела II ч. 1 ГК РФ «Право собственности и другие вещные права на жилые помещения»), так и в самостоятельном кодифицированном акте – Жилищном кодексе РФ², а также в ряде иных кодифицированных и некодифицированных источниках.

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

² Жилищный кодекс: Федер. закон от 29 декабря 2004 г. № 188 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2005. № 1, ч. 1. Ст. 14.

Конструкция кодифицированного акта призвана отражать систему отрасли права в целом. Совпадение отрасли права с отраслью законодательства представляет собой идеальный вариант (гражданское, уголовное, трудовое, административное право и т.д.). Такой вариант наиболее желателен, так как сближение двух систем, их гармоничное развитие повышают эффективность функционирования всего правового механизма. Достижение указанного результата возможно лишь в случае последовательного применения соответствующих правил юридической техники.

По мнению В.В. Переверзева, создание юридических конструкций в качестве базовых элементов юридической техники строится на основе трех групп правил: 1) языковых (точность, ясность, простота и краткость); 2) гносеологических (точность и адекватность высказывания определяется тем, насколько верно понято разработчиками волеизъявление носителя государственной воли); 3) логических (связность и последовательность изложения материала)¹.

Н.А. Власенко в процедуру подготовки правового акта включает следующие этапы: сбор нормативной предпроектной правовой информации; подготовку концепции нормативно-правового акта; подготовку проекта данного акта; подготовку сопроводительных документов и др.²

На наш взгляд, оправданной является классификация приемов и правил подготовки текста проектируемого нормативного акта в зависимости от их связи с конструированием нормативного акта. Исходя из данного критерия указанные приемы и правила делятся на две группы: 1) приемы и правила, непосредственно применяемые при конструировании нормативного акта; 2) приемы и правила, опосредованным образом влияющие на выбор структуры, как формы выражения его юридической конструкции.

К первой группе относятся следующие правила и приемы: а) определенность и однородность регулируемых нормативным актом отношений, то есть распределение нормативного материала в акте, исходя из предмета и метода правового регулирования; б) унификация (единообразие) формы и структуры нормативных актов, способов изложения нормативного материала.

¹ См.: *Переверзев В.В.* Юридические конструкции в процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 15.

² См.: *Власенко Н.А.* Нормотворческая техника в системе Нормотворческая техника инструментария // *Нормотворческая юридическая техника*: отв. ред. Н.А. Власенко. М., 2011. С. 14.

Ко второй группе относятся следующие приемы и правила: а) максимальная экономичность, оптимальная емкость, компактность изложения нормативного материала в нормативном акте; б) точность и определенность формулировок, выражений и отдельных терминов нормативного акта; в) конкретность регулирования, недопустимость декларативности нормативных актов; г) ясность и доступность языка нормативного акта для адресатов, на которых он распространяет свое действие; д) полнота регулирования соответствующей сферы отношений и некоторые другие¹.

Нарушение выше перечисленных правил ведет к появлению дефектов конструкции нормативного акта. Оптимальность юридической конструкции проверяется в ходе практики применения норм, ее выражающих. Результатами ошибок при этом являются, если так можно сказать, «переборы» и «недоборы» элементов в создаваемых нормативных построениях.

«Недобор» означает, что законодатель не принял во внимание такой элемент технико-юридической конструкции, который необходим для регламентации соответствующего нормативного построения. Так, например, ТК РФ содержит в своей пятой части раздел XIII «Защита трудовых прав работников. Разрешение трудовых споров. Ответственность за нарушение трудового законодательства», многие нормы которого носят гражданский процессуальный характер, устанавливая подведомственность индивидуальных трудовых споров суду (ст. 391 ТК РФ), сроки обращения в суд (ст. 392 ТК РФ), судебные расходы (ст. 393 ТК РФ), правила вынесения и исполнения судебных решений по делам об увольнении и переводе на другую работу (ст. 394, 396 ТК РФ), исключения из общих правил поворота исполнения по таким делам (ст. 397 ТК РФ) и т.д.

Изложенная ситуация свидетельствует о незавершенности процесса кодификации гражданского процессуального законодательства, то есть о «недоборе» элементов юридической конструкции Гражданского процессуального кодекса РФ² (далее – ГПК РФ), и необходимости дальнейшего совершенствования структуры его Особенной части

¹ См.: Барсукова В.Н. Основы структурирования кодифицированных актов: под ред. И.Н. Сенякина. М., 2011. С. 96–97.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

путем переноса в него отраслевых норм с выделением соответствующих разделов, подразделов и глав¹.

Примером «перебора» элементов юридической конструкции является включение в ГПК РФ норм об исполнительном производстве. В настоящее время высказывается обоснованное предложение полностью исключить весь раздел об исполнительном производстве из Особенной части ГПК РФ и перенести нормы о нем в отдельный кодифицированный акт². Сегодня исполнительное производство возбуждается не только в связи с производством в суде, но и на основании решений других органов и должностных лиц, а в таком случае гражданского судопроизводства не существует, то делается вывод о том, что оно не является стадией гражданского судопроизводства, а представляет собой самостоятельное производство³.

Еще одним наглядным примером «перебора» элементов юридических конструкций является ст. 39 Основ законодательства о культуре РФ⁴, регулирующая полномочия органов государственной власти субъектов РФ в области культуры. Указанные полномочия изначально были закреплены в ст. 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁵.

Содержательные дефекты законодательных актов вызваны, с одной стороны, отсутствием нормативного закрепления порядка формирования конструкции нормативного акта, а с другой – недостаточно продуманным использованием законодателем правовых конструкций вообще. Так, в настоящее время на рассмотрении Федерального Собрания РФ находится Законопроект № 617570-5 «О культуре

¹ См.: Барсукова В.Н. Технология структурирована особенной части Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: под ред. О.В. Исаенковой. Саратов. 2010. С. 117–118.

² См.: Валеев Д.Х. Исполнительное производство: учеб. для вузов. 2-е изд., доп. и перерад. СПб., 2010. С. 42, 66–67.

³ См.: Гражданский процесс России: учеб.: под ред. М.А. Викут. М., 2004. С. 427.

⁴ Основы законодательства Российской Федерации о культуре: закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.

⁵ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федер. закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42. Ст. 505.

в Российской Федерации»¹. Несмотря на преодоление некоторых содержательных дефектов ныне действующего законодательства в данной сфере, по-прежнему не устранены многие его конструктивные ошибки. В том числе не устранено дублирование норм Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», кроме того, законопроект, будучи достаточно большим по объему, делится на 11 глав, однако, как и многие современные кодифицированные акты, он не содержит деления на Общую и Особенную части. Общие положения содержатся в I главе. Остальные 10 глав, очевидно противопоставлены первой главе, однако в Особенную часть не объединены, что, безусловно, является нарушением правил формальной логики и отрицательно скажется на последующем правоприменении.

Еще одной формой выражения конструкции нормативного акта является лингвистическая структура текста правового акта. Верно выбранная лингвистическая конструкция нормативного акта позволяет достигнуть таких необходимых качеств указанного акта, как простота и ясность.

Критерий простоты нормативного акта характеризуется такими свойствами, как: отсутствие в тексте нормативного акта громоздких конструкций; отсутствие злоупотребления причастными и деепричастными оборотами; прямой порядок слов (за подлежащим следует сказуемое) и т.д.; признание неуместным использование в нормативно-правовых актах некоторых канцелярских оборотов, бюрократических штампов, архаичных выражений; стандартное расположение материала, нередкая обязательность формы, употребление клише; связность, последовательность, точность мысли и простота; стандартизированность языка, лаконичность и компактность; ярко выраженная композиционность (структурированность) текста.

Критерий ясности характеризуется: необходимостью использования общеизвестных терминов в общеизвестном значении; обязательностью расшифровки значения наиболее важных терминов; употреблением простых и понятных терминов, известных и широко употребляемых оборотов; отказом от злоупотребления иностранными словами².

¹ URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=617570-5&02> (дата обращения: 18.03.2012).

² См. *Сырых Е.В.* Техничко-юридические критерии качества закона // Проблемы юридической техники: сб. статей: под ред. В.М.Баранова. Н.Новгород,

В рамках лингвистической структуры текста нормативного акта терминологические конструкции занимают особенное место. Под юридическим термином принято понимать элемент юридической техники, словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства.

Конструктивные особенности терминов обусловлены, с одной стороны, их структурной композицией, а с другой – местом расположения в нормативном акте.

Исходя из структурной композиции терминологические конструкции принято классифицировать: на однословные, состоящие из одного слова, что предопределяет их основное преимущество – компактность (доначисление, подведомственность, воспрепятствование); термины-словосочетания – двух и более компонентные сочетания, построенные по моделям «прилагательное + существительное», «прилагательное + существительное + прилагательное».

С точки зрения формирования конструкции структуры нормативного акта важен выбор места расположения понятийного аппарата в нормативном акте. Существует несколько способов размещения понятийного аппарата в нормативном акте:

– создание статьи-гlossария, содержащей весь понятийный аппарат нормативного акта (она располагается, как правило, в начале нормативного акта. Такой прием используется, например, в Законе РФ «О государственной тайне»¹, Законе РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»² и т.д.;

– «комплексный» способ определения понятий (терминов), предполагающий определение нескольких «основных» понятий (терминов) в соответствующей статье, расположенной вначале нормативного акта, наряду с определением понятий (терминов) при первом их

2000. С. 173–174; *Мирошников Е.Г.* Ясность и точность как требования к языку закона // Проблемы юридической техники. С. 214–215; *Розенталь Д.Э.* Практическая стилистика русского языка. М., 1969. С. 38; *Доценко Т.А.* Сущность юридических конструкций // Проблемы юридической техники. С. 316–317.

¹ О государственной тайне: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. 13 октября, № 41. Ст. 4673.

² О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. 12 августа, № 32. Ст.1227.

упоминании в тексте нормативного акта (данный прием имеет место в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ и др.);

– определение понятий (терминов) при первом их упоминании в тексте нормативного акта (ТК РФ, СК РФ, ГК РФ, КоАП РФ и т.д.).

На наш взгляд, следует дифференцированно подходить к расположению понятийного аппарата в тексте нормативного акта. Если акт невелик по объему, то целесообразнее использовать способ расположения терминов в начале документа в специальной статье-гlossарии. Если же нормативный акт имеет большой объем, следует использовать способ, когда термины определяются при их первом упоминании в нормативном акте. «Комплексный» способ размещения материала представляется наименее удачным.

Изложенное позволяет сделать некоторые выводы:

– нормативный акт как разновидность юридической конструкции представляет собой, с одной стороны, систему объективно существующих элементов текста данного акта, объединенных устойчивыми связями, обеспечивающими его целостность и тождественность самому себе, то есть сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях, а с другой – как модель логического построения нормативного материала.

– конструкция нормативного акта в силу своей диалектической природы может носить как нормативный, так и теоретический характер в зависимости от того, в узком или широком смысле она рассматривается;

– конструкция нормативного акта выражается в следующих формах: структура содержательных элементов и лингвистическое построение;

– нормативный акт как разновидность юридической конструкции призван отражать систему регулируемой отрасли (подотрасли, института) права.

Таким образом, изучение нормативного правового акта с точки зрения его конструктивных особенностей играет большую роль в устранении дисбаланса правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности.

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. 6 октября, № 40. Ст. 3822.

3.2. Религиозное образование в полиэтноконфессиональной среде как фактор устойчивого развития общества (Р.А. Набиев)

Необходимость развития межкультурного и межцивилизационного диалога в меняющемся и усложняющемся мире востребовала важность постановки новых акцентов в процесс наполнения как содержания, так и обновления существующих практик культурного взаимовлияния народов и государств. В этом плане вовлечение в орбиту воспитания и развития культуры сосуществования и толерантности таких сфер, как образование, религия, мораль, ответственность, представляется весьма актуальным. Полиэтноконфессиональная среда, вытекающая отсюда историческая память народов и своеобразие их культур находят отражение на образовательной площадке. С учетом особенности системы религиозного образования важно особо выделить значимость ее в стабильном и спокойном развитии общества.

Феномен религиозного возрождения тесно переплетен с национально-духовной активизацией народов Волго-Камского региона в 1990-е гг. Взаимосвязь этнического и религиозного в социокультурной жизни национальных республик в эти годы была особенно очевидной. В программах национальных организаций, общественных движений, (например, ВТОЦ, Иттифак, Магариф и т.д.) вопросы возрождения ислама и его значимости в развитии этнического самосознания и национальной идентичности, получили обоснованную оценку. Такая открытая артикуляция данной взаимосвязи и ее проявления в конкретных общественно-политических действиях, публицистике и академических изданиях потребовала взвешенных и продуманных политических шагов в сфере свободы совести и этноконфессиональных отношений. Проблема религии и образования не раз становилась предметом обсуждения с участием представителей научно-педагогической общественности, государственных и религиозных структур¹.

Конституционные нормы, федеральное и республиканское законодательство о свободе совести определяют общие принципы и порядок регистрации и лицензирования образовательной деятельности. Го-

¹ Векторы толерантности: религия и образование. Казань: Магариф, 2006. 239 с.; Диалог, толерантность, образование: совместные действия Совета Европы и религиозных конфессий: материалы заключительного международного семинара «Религия и права человека». Казань: Изд-во КГУ, 2006. 180 с. и др.

сударство заинтересовано в качественном религиозном образовании в силу того, что именно образованный имам или священник – это благо для общества, что дает возможность на высокоинтеллектуальном уровне донести до верующих сакральную сущность религиозных ценностей. В этом плане в республиканском законе «О свободе совести и религиозных объединениях» (1999) положение о том, что государство оказывает поддержку в преподавании светских общеобразовательных предметов в профессиональных религиозных учебных заведениях (ст. 6, пункт 7)¹ было принципиально важным и необходимым. Конкретная и целенаправленная реализация данного положения в силу ряда причин затянулась, но вместе с тем сама реальная жизнь в последние годы ускорила использование этого ресурса широким форматом в образовательной деятельности религиозных организаций.

Исходя из характера многонациональности субъектов федерации, в частности Татарстана, с учетом биконфессионального паритета большинства (ислама и православия) была выработана политико-правовая формула на раннем этапе религиозного возрождения. Социально-политическая практика сама диктовала формулирование такой позиции – соблюдение баланса интересов двух конфессий – ислама и православия – и равенство всех религиозных объединений перед законом. Эта позиция сыграла исключительно важную роль в корректировке усилий в сфере государственно-конфессиональных отношений и повышения эффективности работы в целом. Баланс интересов предусматривал учет интересов при передаче культовых зданий, реставрации и строительстве церквей, мечетей, а также оказание содействия в формировании системы религиозного образования. Важным ресурсным фактором в формировании этноконфессиональной толерантности явилась подготовка кадров в сфере религии в местных условиях, позволяющих воспитывать на традициях российских мусульман. Именно среди татар в конце XIX в. возникает движение джадидизма (обновления), предложившего новый формат развития мусульманского сообщества, который оказался весьма продуктивным в социокультурном развитии татар-мусульман в условиях нового времени. Джадидизм в татаро-мусульманской среде раскрыл огромный потенциал и способность исламской религии отвечать вызовам времени, возможности адаптации норм шариата к изменившимся условиям.

¹ Республика Татарстан: свобода совести и религиозные объединения: словарь-справочник: под общ. ред. Р.А. Набиева. Сер.: Культура, религия, общество. Казань: Арт-кафе, 2001. Вып. 8. С. 123.

Этот огромный накопленный веками опыт может быть применен с учетом современных реалий, в особенности в учебном процессе.

С 1990-х гг. началось формирование системы мусульманского образования, в структуре которой в настоящее время имеется 10 профессиональных медресе и РИУ (РИИ) (Российский исламский университет, институт), где в разных формах (очное, заочное, вечернее, дистанционное) обучаются около 1000 студентов. Наличие РИУ, наряду с ибтадийа (начальное), санавия (среднее), галия (высшее) ступеней образования, предоставляет возможность подготовки специалистов высшей квалификации, причем как со светскими государственными дипломами, так и по чисто религиозному направлению.

Межконфессиональная толерантность является одним из ключевых инструментов в создании широкой социальной базы стабильного развития полиэтнокультурного социума, каковым, например, является ряд субъектов Приволжского федерального округа. В Татарстане начиная с 2000 г. осуществлялись меры в сфере религиозного образования, которые способствовали недопущению восприятия ислама в радикальных его проявлениях, изучению исторических традиций межрелигиозного сосуществования и осмыслению миролюбивого характера и истинной сущности этой религии:

- во-первых, целенаправленно проводилась работа по унификации учебных программ профессиональных исламских учебных заведений;

- во-вторых, проводился анализ и экспертиза обязательной и дополнительной учебной литературы на предмет их соответствия местным традициям и отсутствия материалов экстремистского характера;

- в-третьих, осуществлялся принцип привлечения к преподавательской работе специалистов, окончивших местные учебные заведения или же имеющих дипломы учебных заведений традиционного для мусульман Приволжского региона ханафитского мазхаба.

- в-четвертых, изучение и издание теологического наследия крупных татарских религиозных деятелей, что особенно активизировалось после создания Федерального фонда по поддержке развития исламского образования, науки и культуры. Все эти меры способствуют формированию толерантного сознания у верующих в процессе обучения в мусульманских учебных заведениях.

Традиции и новации в этноконфессиональных процессах относительно их соотношения сохраняют устойчивое измерение в пользу доминирования традиции. Исходя из этого восприятие нового, нетради-

ционного в этнокультурных сообществах, произведенного в силу ряда обстоятельств навязчивыми способами, приводит к нарушению устойчивых привычек, норм поведения и мотивированных обычных форм действия. В религиозной образовательной сфере опора на исторические традиции, язык, культуру и своеобразие искусства является важным составляющим в формировании толерантного сознания, традиционного, например, для татар-мусульман. Отсюда были закономерными рекомендации Совета по делам религии при КМ РТ о включении в учебные программы религиозных учебных заведений таких предметов, как «История России», «История Татарстана», «История Шамаиля» (каллиграфия), «татарский язык» и т.д. Известно, что конструкции с многообразными составляющими более устойчивы, интересны и богаты в жизненных проявлениях. При осознанном подходе и наличии политико-организационной воли и желания религиозных структур реализация таких подходов не представляется затруднительным.

В основе дискуссии и споров в обществе по вопросу преподавания знаний о религии в школе, в первую очередь, лежит ответственность за мир и согласие в полиэтноконфессиональном государстве. Именно этим объясняются обостренное восприятие религиозного дискурса в светской системе образования в Татарстане и однозначная позиция о необходимости преподавания «Истории религий» или «Основ традиционных религий», а также по выбору вплоть до основ светской этики. В целом, в мировой религиоведческой науке подчеркивается смещение проявления религиозного опыта из сферы чистой догматики и сакральности в область социально-духовной жизни, что подтверждается активизацией религиозных организаций в социальном служении и духовно-нравственном воспитании верующих граждан. Другая сторона религиозного дискурса в светской школе вызвана устоявшимися наблюдениями и оценкой, что продуктивность межконфессионального диалога достигается не на попытках универсализации и экуменизации религий, а на знании с феноменологической точки зрения уникальности каждой религии, ее отражения в этнокультурных традициях народов. Поэтому, надо отметить, что школа никоим образом не должна стать площадкой для разъединения людей на основе религии, а обязана служить местом объединения и сплочения молодых граждан на основе общего устремления к достойной жизни и процветания своей страны.

Интеграция религиозных учебных заведений в российское образовательное пространство продолжается, где они в рамках закона об-

ретают свое место в социокультурной жизни общества. Духовно-нравственный потенциал религий, ставших традиционными религиозными системами в нашей стране, способен внести свой позитивный вклад в гуманизацию жизнедеятельности людей и создание атмосферы взаимоуважения в жизни полиэтнокультурного общества. Образование в целом, и религиозное образование в частности, должно быть направлено на воспитание добрых отношений между людьми, сориентировано на утверждение атмосферы дружбы и сотрудничества между народами. Такой подход к образованию, представленный в ст. 26 во «Всеобщей декларации прав человека» (1948) становится принципиально важным и востребованным в сложных условиях развития мировых процессов и поиска пути гармонизации взаимоотношений государств и народов, развития диалога между цивилизациями.

**3.3. Внедрение конфликтологии в учебные планы направлений подготовки ВПО по общественным наукам (философии, права, истории, этнологии, политологии, социологии)
(О.В. Сеницын)**

Каждая социальная группа – семья, школа или бизнес – имеет некую конфликтную ситуацию и систему разрешения конфликтов или споров. Эта система может быть формальной или неформальной, хорошо продуманной или неясной и запутанной, используемой или не используемой. Но так как в средней и высшей школе ежедневно приходится сталкиваться с конфликтами, они должны иметь некоторый тип системы разрешения конфликтов. В традиционной школе это была дисциплинарная процедура. Однако дисциплина не то же самое, что разрешение спора, она является одним из инструментов в общей системе, предназначенной для урегулирования конфликтов.

Соответствующий инструмент разрешения споров зависит от ситуации и характера конфликта. Не все конфликты являются одинаковыми и разрешаются не одним и тем же инструментом. В прошлом многие преподаватели действовали как строгие дисциплинаторы, которые действовали как судьи во всех конфликтах, происходивших в аудитории. Если проблема становилась неразрешимой, то она становилась предметом решения директора или его заместителя. По разным причинам роль судьи сейчас изменилась. От преподавателей

требуется помощь учащимся в формировании умений найти инструменты разрешения собственных конфликтов и решить их собственные конфликты. Очевидны преимущества такого подхода. Учащиеся становятся более ответственными за собственное поведение и менее зависимыми от авторитета учителя. Преподаватель тратит меньше времени на дисциплинарные меры, что позволяет больше внимания уделить образовательным технологиям.

Нельзя заранее считать, что студенты уже обладают этими навыками. Важно, чтобы преподаватели высшей школы научили их этим умениям и процедурам разрешения конфликтов собственными силами. Согласно Федеральному закону РФ «Об образовании» (статья 14, п. 4) «содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений». Поэтому настоятельно необходимо внедрить проблематику и тематику «конфликтологии» в учебные планы направлений подготовки ВПО, особенно по общественным наукам. В результате освоения основных образовательных программ выпускник должен обладать следующими общекультурными компетенциями: знать конфликтные и мирные способы взаимодействия в различных сферах жизни общества, основные закономерности зарождения конфликтов, их динамику, структуру, состояние субъектов конфликтов и технологий урегулирования; владеть технологиями предупреждения, управления, разрешения конфликтов и трудовых споров, сохранения и укрепления социального мира и партнерства; технологиями урегулирования конфликтов посредством переговоров, медиации и фасилитации; владеть альтернативными (ненасильственными, помимо правовых) социальными способами разрешения конфликтов в различных сферах жизнедеятельности общества, такими как миротворчество и миротворческое волонтерство, стратегия культуры мира и т.д.

Для реализации этих задач все основные образовательные программы по общественным наукам (философия, право, история, социология, политология, этнология) в части дисциплин профессионального цикла в свой содержательный компонент потенциально включают необходимый предметно-конкретный материал. Например, по теме «трудовые отношения»: внутренние конфликты в тру-

довых коллективах (специфика, приемы регулирования), по теме «преемственность поколений»: феномен молодежного бунта, по теме «новейшая история международных конфликтов»: источники и сущность «холодной войны» и т.д. В данном случае субъектами реализации поставленных задач должны стать преподаватели-предметники – философы по философской ООП, историки – по исторической ООП, политологи – по политологической и т.д. Это лишь формально-прагматический подход к решению поставленной задачи. Даже самые выразительные сюжеты из политической жизни, исторической действительности или социологического анализа человеческого взаимодействия лишь иллюстрируют накопленный исторический опыт предотвращения и разрешения противоречий.

Необходимо приобщение студентов-обществоведов к сфере особого интеллектуального направления, в котором должен быть сконцентрирован комплекс обозначенных проблем, – конфликтологии. Для этой цели Министерством образования и науки Российской Федерации разработан федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), который представляет собой совокупность требований, обязательных при реализации основных образовательных программ бакалавриата по направлению подготовки 034000 «Конфликтология» (зарегистрирован в Минюсте РФ 22 марта 2011 г. № 20232). В части характеристики профессиональной деятельности выпускников предусмотрена педагогическая деятельность – «преподавать дисциплины конфликтологического цикла, формировать знания о конфликтах и мире, альтернативных технологиях предупреждения, разрешения и управления конфликтами и поддержания мира, умения диагностировать конфликт, владения первичными навыками предупреждения, разрешения и управления конфликтом и поддержания мира» (п. 4.4).

В этом контексте в вариативную часть гуманитарного, социального и экономического цикла в структуре ООП бакалавриата по направлениям подготовки по общественным наукам рекомендуется включить по выбору такие дисциплины, как «Введение в конфликтологию», «История конфликтологии», «Философия конфликта и мира», «Общая конфликтология», «Технологии урегулирования конфликтов и укрепления мира», «Введение в историю и теорию институтов конфликто разрешения».

Наиболее приемлемым в настоящее время представляется курс «Общая конфликтология». В его содержание может быть включен

проблемно-тематический план, основанный на работах В.А. Семенова (Конфликтология: история, теория, методология. СПб., 2008), Э.Р. Тагирова и Л.С. Троновой (Конфликты в обществе: от противостояния к согласию. Казань, 1996), Г.И. Козырева (Введение в конфликтологию. М., 2000), С.М. Емельянова (Практикум по конфликтологии. СПб., 2001).

Учебно-тематический план по дисциплине
«Общая конфликтология»

№ п/п	Наименование тем	Виды занятий (час)			Виды контроля
		ЛК	ПЗ	СРС	
1.	Введение в конфликтологию.	4	2	6	С
2.	Конфликт как феномен общественной жизни.	2	2	4	УО
		2	–	2	УО
3.	Основные направления в конфликтологии.	2	4	6	В
		4	2	6	ПО
4.	Конфликты в обществе.	4	4	8	С
5.	Основы предупреждения конфликтов.	4	4	8	УО
6.	Управление конфликтами.	4	4	8	СР
7.	Основные правила поведения в конфликте.	2	–	4	С
8.	Переговоры.	4	4	8	С
9.	Разрешение конфликтов.	2	–	2	В
10.	Методы диагностики конфликтов.	2	2	2	Д
11.	Методы конфликтологии.	2	–	2	С
12.	Региональные и глобальные конфликты.	2	2	4	Д
13.	Внутриличностные конфликты.	2	2	4	ТЗ
14.	Межличностные конфликты.				
15.	Супружеские конфликты. Социальные конфликты				
Итого		42	32	74	
Форма контроля – 7 семестр – зачет					

Примечание: ПО – письменный опрос, УО – устный опрос, СР – самостоятельная работа, ТЗ – тестовые задания, В – выступления, С – собеседование, Д – доклад.

Образовательный минимум содержания

Основные теории конфликтов. Типология конфликтов. История развития конфликтологии, этапы становления. Понятие и содержание конфликта. Виды конфликтов. Функции конфликта. Структура кон-

фликта. Динамика конфликта. Стили взаимодействия. Конфликты в организациях. Социальные конфликты. Основы предупреждения конфликтов. Профилактика конфликтности. Методы разрешения конфликта.

Основные аспекты тем

ВВЕДЕНИЕ В КОНФЛИКТОЛОГИЮ

Предмет и задачи конфликтологии. Исторические условия возникновения конфликтологии. Связь конфликтологии с другими науками. Современные проблемы развития конфликтологии.

КОНФЛИКТ КАК ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

«Анатомия» конфликта: сущность структура, функции. Типология социальных конфликтов. Социальный конфликт как процесс.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТОЛОГИИ

История зарождения и развития идей социального конфликта. Современные теории конфликта. Отечественная конфликтология: проблемы становления и развития.

КОНФЛИКТЫ В ОБЩЕСТВЕ

Трудовые конфликты как нарастание социальной нестабильности в обществе. Конфликт и преемственность поколений, отчуждение между поколениями и пути его решения. Межнациональные конфликты, специфика, источники, пути урегулирования.

ОСНОВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

Формулы конфликтов. Зависимость конфликтов от конфликтогенов, конфликтной ситуации и инцидента.

УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ

Понятие управления конфликтом. Управление конструктивными и деструктивными конфликтами. Методы управления конфликтом. Стили поведения в конфликте.

ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТАХ

Модели поведения личности в конфликтном взаимодействии и их характеристики. Стратегии поведения личности в конфликте. Типы конфликтных личностей.

ПЕРЕГОВОРЫ

Переговорный процесс, его функции и основное содержание. Модели поведения партнеров в переговорном процессе. Технологии стратегий и тактик в переговорном процессе.

РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТОВ

Стратегия поведения в ситуации конфликта: проблема оптимального выбора. Модели и методы разрешения конфликтов. Конфликт и фигура посредника.

МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ КОНФЛИКТОВ

Специальные методы диагностики конфликтов. Неспецифические методы диагностики конфликтов. Междисциплинарные методы диагностики конфликтов. Понятие о многообразии методов конфликтологии. Групповые и конкретные методы конфликтологии.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Понятие глобальных конфликтов, их причины. Типы глобальных конфликтов. Новая природа международных конфликтов, Понятие о региональных конфликтах, их субъекты и причины. Классификация региональных конфликтов. Конфликтное поле российской политики.

ВНУТРИЛИЧНОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Понятие внутриличностного конфликта. Способы разрешения внутриличностного конфликтов. Психологическая защита. Последствия внутриличностного конфликта.

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Общее понятие межличностных конфликтов. Варианты исхода межличностных конфликтов. Предупреждение и разрешение межличностных конфликтов. Косвенные методы урегулирования межличностных конфликтов.

СУПРУЖЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Семья и брак в историческом развитии. Взаимоотношения супругов в зависимости от различных типов семьи. Социально-психологические и ролевые различия супругов. Потребности, цели, интересы, ценности в супружеской жизни.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Понятие социальных конфликтов. Причины возникновения социальных конфликтов. Структура и классификация социальных конфликтов. Последствия социальных конфликтов. Способы разрешения социальных конфликтов.

Внедрение конфликтологии в учебные планы направлений подготовки бакалавров по общественным наукам должно предусматривать и соответствующий научно-методический инструментарий. Для успешных педагогических технологий обучению общей конфликтологии можно рекомендовать *метод сократического семинара* и *метод структурных академических противоречий*. При использовании метода сократического семинара особое внимание уделяется работе с письменными материалами для выработки своей позиции. Применяя метод структурных академических противоречий, применяют тактику

учебного сотрудничества для того, чтобы структурировать обсуждение противоречащих друг другу спорных вопросов.

Сократические семинары

Идея вовлечения учащихся в активную форму занятия основана на предположении о том, что правильно поставленный вопрос может иметь большое познавательное значение. Он стимулирует активность ученика. И в этой связи вопрос важнее, чем ответ. Название *Сократический семинар* определяет круг применяемых моделей, которые основаны на дискуссии по письменным материалам. Одну из моделей можно описать так: участники должны разобраться в идеях, спорных вопросах и ценностях, найденных ими в изучаемом на семинаре тексте. «Сократическим» он является в том смысле, что ведущий семинара начинает и ведет обсуждение, задавая критические вопросы, побуждая участников анализировать противоположные точки зрения и делать собственные выводы, помогая им в этом. Важна методическая подготовка к семинару:

1. Текст для обсуждения на семинаре должен быть написан ясным языком и четко выражать отношение автора к описываемой проблеме. Материалы, в которых изложены чужие взгляды, такие как, например, учебные тексты, для семинара не подходят. Необходимо использовать тексты постановлений суда, художественные произведения, воспоминания, поэтические произведения, тексты публичных выступлений.

2. Важно, чтобы учащийся перед занятием внимательно прочитал текст. Перед семинаром учащимся раздается задание или список наводящих вопросов для того, чтобы помочь им в чтении и усвоении материала. В задании можно поручить учащимся найти конкретные слова текста и дать их определение, построить диаграмму или нарисовать карту и т.п. Преподаватель тщательно должен подготовить перечень вопросов, направленных на то, чтобы побудить ученика проанализировать предлагаемый текст. Только учащиеся, которые провели эту подготовительную работу, допускаются к занятию.

3. При проведении семинара необходимо соблюдать взаимное уважение. Учащиеся рассаживаются так, чтобы им было легче обмениваться мнениями о проблемах, идеях и ценностях, затронутых в тексте. Преподаватель просит участников придерживаться обсуждаемого текста, оценивает содержание и аргументацию выступлений, объединяя и сталкивая их точки зрения.

4. В конце каждого семинара отводится время на анализ и самооценку участников. Каждый должен высказать свое мнение о семинаре и содержании выступлений. Полезным будет спросить: «Что оказалось эффективным при проведении семинара? Какие улучшения надо внести на следующих семинарах? Что вы чувствовали в ходе занятия? Такое подведение итогов дает возможность ученику оценить собственные возможности, помочь другим участникам.

Следует заметить, что на семинаре ученик не обсуждает отдельно выбранную проблему, а участвует в дискуссии по поводу идей, ценностей и проблем, вытекающих из материалов, с которыми все участники предварительно ознакомились. Для преподавателей семинар представляется не способом получения учащимися новых знаний, а инструментом развития у учащихся критического мышления, общения с другими.

Структурные академические противоречия

Многие учащиеся воспринимают проводимые в классе дискуссии как возможность поспорить, высказать свое мнение без необходимости аргументировать его или даже внимательно выслушать тех, кто придерживается противоположного мнения. В то время, когда некоторые преподаватели уделяют больше внимания развитию навыков ведения дискуссии, другие, варьируя способы проведения занятий, пытаются помочь учащимся преодолеть слабые навыки ведения дискуссии и неумение общаться с другими. Одним из таких подходов и является метод структурных академических противоречий, разработанный Джонсоном и Джонсоном. Он основан на предположении о том, что противоречия (противоположные мнения о предмете обсуждения) при совместной работе над ними несколькими группами учащихся могут иметь положительный познавательный результат. Такие занятия помогают учащимся перейти от простого получения информации к выработке аргументированных суждений о ней. Требуется, по крайней мере, четыре занятия для реализации этого процесса.

Для проведения занятий необходимо:

1. Выбрать тему, по которой подобрать материалы, отражающие два хорошо документированных подхода к ней.
2. Подготовить задания, в которых поставить перед учащимися задачу, способ ее решения и противоречие, которое будет разбираться на занятии.
3. Применить структурный подход к разбираемому противоречию для того, чтобы обеспечить совместную работу нескольких групп.

День 1-й: группы из четырех учеников делятся на две пары. Каждая пара изучает одно из двух противоположных мнений о предмете обсуждения и готовится к защите этого мнения.

День 2-й: по очереди каждая группа из пар аргументированно излагает свою позицию другой паре, которая может делать записи и задавать вопросы, касающиеся не понятых ими мест выступления

День 3-й: обменявшись материалами и своими записями, пары готовят короткие выступления, в которых демонстрируют свое понимание позиции другой пары.

День 4-й: пары принимают участие в общей дискуссии, в которой пытаются найти общие и противоположные положения в позициях обеих пар. Стороны пытаются прийти к некоторому консенсусу хотя бы по отношению к шагам, которые надо предпринять для разрешения противоречий. После этого стороны в письменной форме фиксируют свои позиции.

При подведении итогов занятия необходимо обсудить с участниками то, как они оценивают работу своих пар, и помог ли такой подход более глубокому пониманию обсуждаемой темы.

Разумеется, что педагоги сами определяют, какой из этих методов будет полезнее в их работе.

Всесторонняя характеристика такого сложного социального явления, как конфликт, и также преподавание конфликтологии студентам, обучающимся по направлениям подготовки бакалавриата по общественным наукам, невозможно осуществить без комплексного подхода. Поэтому важен тот специфический вклад, который способен внести весь корпус гуманитарных наук: философия, история, социология, право, политология, экономика, психология, этнология и другие ее составляющие. Каждая из этих наук обнаруживает собственную область интересов в проблематике конфликта, разрабатывает его особые аспекты, чем постоянно обогащает наше представление об этом социальном явлении. Подобный закономерный процесс специализации научного знания вызывает потребность в исследованиях междисциплинарного характера, ведущих к теоретическому воссозданию целостного образа социального феномена конфликта. Этот междисциплинарный принцип должен быть реализован и при внедрении конфликтологии в учебные планы ФГОС направлений подготовки бакалавров по общественным наукам.

3.4. Объекты культурного наследия Татарстана – средоточие мультикультурности и поликонфессиональности региона¹ (Р.Р. Хайрутдинов)

Древняя земля Татарстана всегда славилась особым духом созидания и сотрудничества, всесторонним и органичным диалогом культур и цивилизаций, стремлением к достижению межнационального и межконфессионального согласия. Мы гордимся замечательными традициями бережного и уважительного отношения к вечным нравственным ценностям, общему духовному наследию.

Неповторимую ауру Татарстана образуют исторические, архитектурные и мемориальные памятники, объединяющие культурные достижения народов республики. Уникальные историко-архитектурные и градостроительные ансамбли Татарстана привлекают заинтересованное внимание российской и мировой общественности. В их числе – национальное культурное достояние нашей страны Казанский Кремль, включенный в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, город Елабуга, Свияжские памятники древнего зодчества, археологические памятники Билярского заповедника, и конечно, старейший из существующих в республике Болгарский историко-архитектурный музей-заповедник, сочетающий в себе одновременно уникальные памятники болгарского зодчества и культурный слой с археологическими находками, отражающими жизнь Волжско-Камского региона с древнейших времен.

В 2012 г. отмечается 40-летие принятия Конвенции ЮНЕСКО об охране Всемирного культурного и природного наследия, сыгравшей видную роль в формировании национальной политики в сфере охраны наследия многих стран мира, включая Россию.

Конвенция зарекомендовала себя уникальным международным инструментом выявления и сохранения естественных и рукотворных ценностей, имеющих выдающееся универсальное значение. В течение уже четырех десятилетий она продолжает оставаться одним из наиболее эффективных международных правовых механизмов в сфере наследия.

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0955 по теме «Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития (Среднее Поволжье XIX – начала XXI вв.)».

Для всех, кто так или иначе связан с политикой в области культурного наследия в России, очевидно, что предусматриваемые конвенцией меры остро актуальны и для нашей страны. В одних случаях речь должна идти о существенной активизации осуществляемой деятельности, но в большинстве – о формировании инновационных для нашей страны направлений работы, без которых, как это трактуется в конвенции, невозможно обеспечение надежного сохранения и эффективного использования наследия.

Отмеченные обстоятельства убеждают в важности происходящих на мировой арене событий в сфере формирования идеологии и институциональных основ политики в отношении культурного и природного наследия вообще и по отношению к нашей стране в частности. Ситуация в России в рассматриваемой сфере продолжает оставаться противоречивой.

Основной вывод очевиден: Россия нуждается в сильной, последовательной и эффективной политике в области охраны и использования культурного и природного наследия, основанной на строгих научных рекомендациях и соответствующей ее долгосрочным интересам. И для ее формирования просто необходимы адекватные представления о современных достижениях мирового опыта в рассматриваемой сфере, которые следует выявлять, оценивать и в меру полезности адаптировать к отечественным условиям.

В этой связи важным представляется сегодня и подготовка высококвалифицированных отечественных специалистов в сфере охраны культурного наследия, владеющих всеми достижениями мирового опыта и комплексом современных научных знаний. Известно, что именно на такой позиции находится и ЮНЕСКО, проводящая целенаправленную политику активизации потенциала образования на всех уровнях – от дошкольного до университетского и послевузовского – в целях обеспечения эффективной политики охраны наследия и максимального вовлечения в нее широких слоев общества. В Татарстане такими образовательными центрами стали, прежде всего, Казанский федеральный университет и Казанский государственный университет культуры и искусств.

Необходимо отметить большой вклад, который внесли и вносят ученые Казанского университета в изучение истории Татарстана и в целом средневековой истории Волго-Камского региона. Именно в стенах университета сформировалась и получила самое активное и разносторонне развитие ставшая знаменитой казанская школа архео-

логии. Начиная с создания в 1878 г. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете круг научных интересов исследователей был необычайно широк – от эпохи камня до позднего средневековья. В это же время определилась и специфика казанской археологии – ее ориентированность на изучение одного из крупных средневековых государств Восточной Европы – Волжской Болгарии.

Блестящая плеяда казанских ученых, среди которых С.М. Шпилевский, А.А. Штукенберг, Н.Ф. Высоцкий, Ш. Марджани, П.А. Пономарев, В.Ф. Смолин, М.Г. Худяков, Н.Ф. Калинин, Н.И. Воробьев, А.Х. Халиков и др., значительно обогатила знания о средневековой истории Поволжья, открыла и исследовала сотни археологических памятников; в своих трудах эти ученые ярко показали уникальность материальной и духовной культуры, которая сложилась в средневековых государствах от Волжской Булгарии до татарских ханств. И сегодняшнее поколение археологов университета продолжает эту работу, расширяет круг своих интересов, не ограничиваясь лишь административными границами Татарстана.

Залогом успеха развития науки являются широкий междисциплинарный подход и интеграция деятельности исследовательских структур. В Казанском федеральном университете эти процессы набирают все больший оборот. Гуманитарным направлениям (истории, археологии, музеологии, культурологи) и в образовательном, и в научном аспектах уделяется значительное внимание. Флагманом здесь стал созданный Институт истории Казанского федерального университета, ведущий свою работу в тесном взаимодействии с академическими институтами, образовательными центрами Татарстана и Российской Федерации. В настоящее время отработаны механизмы сотрудничества с научными учреждениями, вовлеченными в реализацию исследовательских задач в области памятниковедения и охраны культурного наследия.

Именно потому в Татарстане самое пристальное внимание уделяется проблемам сохранения, реставрации и популяризации историко-культурного наследия. Республика, находящаяся в самом сердце России, по праву гордится своими архитектурными ансамблями, созданными вдохновением талантливых зодчих, хранящими добрую память о духовном единстве народов, воспевающими красоту и творческую силу человека.

Большая работа, проводимая в республике по охране, изучению и популяризации историко-культурных объектов, хорошо известна не

только в Российской Федерации. Свидетельством тому является из года в год увеличивающийся поток туристов, желающих познакомиться с достопримечательностями Татарстана. Вместе с тем сегодня перед органами государственной власти и управления, широкой общественностью стоят очень серьезные задачи в деле сохранения и использования жемчужин градостроительного и архитектурного искусства, органичного включения их в социально-экономическую жизнь государства.

Проблемы эффективной реконструкции и реставрации, создания полноценной туристической инфраструктуры, обеспечение массовой доступности объектов культурного наследия, их постоянный мониторинг и научное изучение, включения новых объектов в Список Всемирного материального наследия ЮНЕСКО стали предметом пристального внимания как руководителей, специалистов, так и всех тех, кто неравнодушен к истории и культуре нашей страны.

Позитивным примером такого подхода является Казанский Кремль. Внесение Кремля в 2000 г. в список выдающихся культурных и природных ценностей, составляющих достояние всего человечества, определило и большую ответственность по его сохранению. Ключевым положением в обеспечении сохранности Казанского Кремля является выполнение требований, определяемых неизменностью его облика и сохранением окружающей исторической среды.

12 лет назад столица Татарстана – город Казань – стала полноправным членом Организации городов Всемирного наследия. 30 ноября 2000 г. на заседании сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО, проходившем в австралийском Кернсе, историко-архитектурный комплекс Казанского Кремля был внесен в Список Всемирного наследия. Признание уникальности кремлевского ансамбля стало подтверждением той важной роли, которую играли и продолжают играть Казань и другие исторические города республики Татарстан в культурной жизни мирового сообщества.

Казанский Кремль сочетает в себе функции политического, культурного и музейного центра Татарстана. Масштабная работа по реставрации и реконструкции Казанского Кремля, начатая в середине 1990-х гг., усилиями Российской Федерации и Республики Татарстан, сделала его неповторимым символом Казани, реально воплощающим в себе ее древнюю тысячелетнюю историю.

Для Кремля была разработана программа реставрации, объединившая разные источники финансирования и направленная на разви-

тие всех его многообразных функций. Сегодня можно говорить о том, что памятник возродился и соответствует своему высокому статусу.

Казанский Кремль включает в себя несколько исторически сложившихся архитектурно-археологических комплексов: оборонительные сооружения, губернаторский дворец с башней Сююмбике, Благовещенский собор с консисторией и архиерейским домом, бывший Спасо-Преображенский монастырь, юнкерское училище с мечетью Кул Шариф, пушечный двор, присутственные места. Современный Казанский Кремль – репрезентативный центр Татарстана: в губернаторском дворце располагается резиденция президента республики.

Начинался Казанский Кремль в X – начале XI в. с небольшой, но мощной деревянной крепости. Волжские булгары, искусные строители, в XII в. заменили крепость на каменную, которая была снесена в конце XIII столетия и восстановлена новыми казанскими правителями – Улуг-Мухаммедом и Махмутеком. Во время осады и взятия Казани в 1552 году кремль сильно пострадал. Псковские мастера, приглашенные русским государем в Казань для перестройки кремля, сохранили всю функциональную схему крепости ханского периода.

Коренная реконструкция крепости началась в первой половине XVIII века в связи с основанием обширной Казанской губернии. В течение XVIII столетия в кремле появились новые церкви, были надстроены некоторые башни, реконструированы пушечный двор, присутственные места, каменный архиерейский двор, новый облик обрел кафедральный Благовещенский собор. В XIX в. были построены здания казарм и юнкерского училища, губернаторский дворец, новые церковные сооружения.

После 1917 г. многие объекты Казанского Кремля были разрушены или обветшали. К 1990-м гг. большинство сооружений находилось в аварийном состоянии, коммуникации требовали замены. Половина Кремля была просто недоступна для реставраторов и исследователей: ее долгое время занимал казанский гарнизон. Только с его выводом в 1994 г. появилась возможность создать структуру, которая взяла бы на себя приведение всего Кремля в соответствие с его культурно-историческим назначением.

Задача возрождения ансамбля была возложена на музей-заповедник «Казанский Кремль», созданный указом Президента Татарстана 22 января 1994 г. Что сделано на сегодняшний день?

Оборонный комплекс: тщательно отреставрированы половина прясел с укреплением фундаментов и три башни – Преображенская,

Тайницкая, Воскресенская. Основания четырех ранее обрушившихся и разобранных башен вскрыты археологами, выполнены их консервация и музеефикация на месте. Теперь у многочисленных посетителей есть возможность составить впечатление о том, как они выглядели раньше. В комплексе бывшего губернаторского дворца полностью отреставрирован дворец (резиденция президента Татарстана); с возрождением дворцовой анфиладной планировки и парадной площади перед главным фасадом.

Отреставрирована бывшая Введенская церковь, впоследствии ставшая Дворцовой церковью Сошествия Св. Духа, сильно пострадавшая в советское время. Остановлено падение символа Казани – башни Сююмбике, которая отклонилась от оси почти на два метра, с помощью укрепления фундаментов. В этой самой интересной части Кремля консервации с музеефикацией подверглись несколько объектов XV–XVI вв.: археологические остатки одного из представительских зданий из комплекса ханского двора, ханской мечети, усыпальницы казанских ханов – тюрбе.

В комплексе архиерейского двора выполнена работа по реставрации жемчужины православной архитектуры Татарстана – кафедрального Благовещенского собора. Начало работ было сильно осложнено тем, что прежде в соборе располагался Госархив РТ, занимавший весь внутренний объем храма, разбитого для этого на этажи, которые вмещали около полутора миллиона архивных дел. Сейчас в соборе воссоздан иконостас, отреставрированы росписи XIX в., расчищены и закреплены фрагменты фресок начала XVII в.

В комплекс Пушечного двора входят четыре здания, все они отреставрированы в соответствии с разными историческими периодами и являются отражением различных архитектурных стилей. Главный корпус (Восточный) отреставрирован в стиле петровского барокко начала XVIII в. (в нем размещается гербовый зал и кафе). В Южном ризалите планировался к размещению музей пушечного литейного дела. Северный корпус отреставрирован в стиле эклектики начала XIX в., в нем размещен представительский корпус аппарата Президента РТ. Южный корпус является характерным образцом промышленной архитектуры XVII в. (в нем будет открыт музей истории Казанского кремля).

Одним из самых крупных и важных по смысловой нагрузке оказался комплекс Юнкерского училища. Ярким примером воплощения многовековых традиций Казанского Кремля в современных формах яв-

ляется мечеть Кул Шариф. Работы по ее воссозданию начались в 1995 г., причем комплекс мечети был изначально запланирован в качестве не столько культового, сколько культурно-просветительского и мемориального центра. В нижнем этаже здания находится музей исламской культуры. В настоящее время здание мечети, построенное по проекту казанских архитекторов, расположено в западной части комплекса.

Реставрация и реконструкция бывшего Юнкерского училища начала XIX в. позволила разместить в этом огромном здании, сильно деградировавшем в прошлом столетии, когда в нем располагались казармы военной части, целый музейный комплекс под общим названием "Национальная галерея «Хазинэ»". В здании училища уже работают 4 музея: центр «Эрмитаж-Казань», музей-мемориал Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., национальная художественная галерея «Хазинэ», музей естественной истории. В отреставрированном здании бывшего Манежа располагается Кремлевский выставочный зал, а также находится читальный зал с хранилищем древних книг и рукописей «Мирасханэ» ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Реставрация велась на средства правительства Турции.

В юго-западной части Кремля расположен комплекс бывшего Спасо-Преображенского монастыря. После кропотливых и длительных реставрационных работ перед нами предстал в своем первоначальном виде Братский корпус постройки XVII – XIX вв. с монашескими кельями. В настоящее время закончены работы по реставрации бывшей церкви Николая Ратного постройки XVI–XIX вв., которая объединена переходом с другим памятником второй половины XVI в. – цокольным этажом Спасо-Преображенского собора, чудом уцелевшим после взрывных работ в 30-х годах прошлого века. В этом комплексе решено разместить уникальную археологическую коллекцию, которая станет основой музея археологии Татарстана. Много сделано в деле сохранения и реставрации архитектурного и исторического наследия Казанского Кремля, но немало еще предстоит сделать: ждет своих реставраторов корпус бывших присутственных мест, Спасская башня, некоторые прясла Кремля.

Благоустройство и реставрация существующих стен, башен и зданий на территории Кремля ведутся в строгом соответствии с утвержденной органами охраны культурного наследия документацией. В Казанском Кремле действует кафедра ЮНЕСКО, которая осуществляет методическое обеспечение выполнения предъявляемых требо-

ваний. Все это позволяет сохранять Казанский Кремль как уникальный памятник мирового значения.

В современных условиях важнейшей задачей становятся развитие направлений деятельности музея-заповедника, направленных на оптимальное и эффективное использование потенциала Казанского Кремля как объекта туризма и культурно-образовательной деятельности, создание единого музейного комплекса, состоящего из музеев, выставок, открытых экспозиций, призванных наиболее полно отразить культурное, природное и историческое наследие Татарстана.

К объектам Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО предъявляются жесткие требования по обеспечению регламентов в их охранной зоне. Выполнение этих норм находится в компетенции федеральных, республиканских и городских органов власти. Только при их согласовании принимаются решения по использованию и освоению охранной зоны и зоны регулирования. Именно поэтому сейчас очень важно при масштабных работах, проводимых республикой на объектах Болгарского городища и острова-града Свияжск, учитывать богатейший международный и отечественный опыт по сохранению, изучению, реставрации, реконструкции и музеефикации памятников культурного наследия.

Уникальная целостность Болгар и Свияжска, сохранность характерных черт, передающих их потенциальную выдающуюся всемирную ценность, подтверждается тем, что в их границах имеется достаточная территория, включающая все элементы, которые позволяют представить ход и результаты эволюции, жизнедеятельности населения Болгар и Свияжска и их взаимодействие с природой. Они имеют не только общие черты, находясь на р. Волге на расстоянии более 100 км., но в то же время каждый из них уникален по своему, объекты этих комплексов являются подлинниками, не утеряны и не получили значительных повреждений, а самое главное не потеряли своей культурной, археологической, исторической и ландшафтной ценности.

Руководство Татарстана и Российской Федерации, понимая значимость и ценность объектов Болгар и Свияжска, предложило включить эти объекты в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО и делает все возможное, чтобы не только подчеркнуть их значение, но и осуществить конкретные шаги, направленные на обеспечение соответствия этих объектов требованиям ЮНЕСКО и Конвенции об охране культурного и природного наследия. Разработаны и утверждены Концепции сохранения и развития

Болгарского и Свияжского комплексов на 2009 – 2019 гг., решением Правительства РТ от 9.12.2010 утвержден Комплексный проект «Культурное наследие – остров-град Свияжск и древний Болгар» на 2010 – 2013 гг., имеющий целью обеспечение сохранности и эффективного использования этих уникальных достопримечательностей России, их духовного, социально-экономического и культурного возрождения, Правительством Российской Федерации и Татарстана ежегодно выделяется по 400 млн руб. из федерального и республиканского бюджетов. Кроме того, в этом благородном деле активно участвуют меценаты, крупнейшие предприятия и коммерческие фирмы Татарстана, за счет своих средств осуществляющие реставрацию, консервацию, музеефикацию и подготовку к использованию памятников Болгар и Свияжска. Перед осуществлением реставрационных работ проводятся охранно-спасательные археологические работы.

Все вопросы, касающиеся соответствия работы требованиям, предъявляемым к этим объектам, рассматриваются совместно с экспертами ЮНЕСКО, в том числе специалистами Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, которые оказывали и оказывают неоценимую научно-методическую помощь в реализации программы. Координацией работ занимается Фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан, учрежденный по инициативе республики и поддержанный Президентом России В.В. Путиным и Председателем Правительства Российской Федерации Д.А. Медведевым. Деятельность фонда проходит при всестороннем содействии Правительства и Президента Татарстана.

В Послании Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова Государственному Совету Республики Татарстан подчеркнута мысль о сохранении и реставрации памятников Казани, продвижения Болгар и Свияжска в Список Всемирного культурного и природного наследия. Создана Координационная комиссия по подготовке номинаций и продвижению этих объектов для включения в Список. В 2012 г. состоялось специальное заседание Комитета Всемирного культурного и природного наследия по теме «Молодежь и наследие» в г. Казани.

В целом, данный проект представляет собой комплекс мероприятий, призванных обеспечить решение основных задач в области сохранения культурного наследия острова-града Свияжск и древнего Болгара, в том числе памятников, ансамблей и достопримечательных мест, музейных фондов, дальнейшего развития жилищной, турист-

ско-паломнической, музейной, транспортной и инженерной инфраструктуры, благоустройства территорий исторических поселений.

Сегодня мир столкнулся с парадоксом: с одной стороны, культурное наследие находится под угрозой, с другой стороны, никогда раньше оно не вызывало такого большого интереса на муниципальном, национальном и международном уровнях. В свое время Махатма Ганди очень емко охарактеризовал сущность культурного многообразия: «Я не хочу, чтобы мой дом был окружен стенами и не хочу закрывать окна. Я хочу, чтобы все культуры мира окружали мой дом, но ни одна из них полностью меня не поглотила».

Наследие – важный инструмент, способствующий достижению этих целей, связующий прошлое, настоящее и будущее. Культура, включая туризм, является основой развития, но это также средство достижения более открытого интеллектуального, эмоционального, морального и духовного существования. Культурное наследие – один из ключей к пониманию других людей, поскольку оно вносит вклад в непрерывный диалог между цивилизациями и культурами.

К сожалению, в условиях современного технократического общества величайшие памятники истории и архитектуры во всем мире подвергаются опасности уничтожения. Единственный способ спасти от исчезновения в процессе развития общества недвижимые памятники истории, связующее звено между нами и нашим прошлым, – это наладить их надежную охрану и реставрацию.

Кроме деятельности человека у недвижимых архитектурных и археологических памятников старины есть еще и другие серьезные противники: главный из них время, которое неумолимо подтачивает даже самые прочные памятники архитектуры, а также экологическая ситуация и стихийные бедствия, которые также не обходят стороной памятники старины. Сохранение и восстановление культурного наследия наиболее важно для закрытия так называемых «белых пятен» нашей истории, для развития чувства патриотизма и гордости, особенно сейчас, когда памятники открыты для показа туристам со всего мира.

Актуальность сохранения объектов старины, в том числе и на Болгарском городище и острове-граде Свияжск, состоит еще и в том, что памятники эти могут быть и стали (как в Казанском Кремле, Елабуге) объектами туристического показа, ведь нынешняя деятельность заповедников наряду с охраной и поддержкой памятников в надлежащем виде состоит и в пропаганде и привлечении туристов. В связи с превращением многих татарстанских заповедников в туристические

центры большое значение принимают консервация, реставрация и музеефикация объектов культурного наследия с максимальным сохранением их первоначального облика, а также расширение экспозиций для экскурсионного показа.

Развитие историко-культурного туризма в Татарстане должно происходить в контексте междисциплинарного и глобального подхода, в сотрудничестве с общественным и частным секторами, межправительственными организациями, учеными, гражданским обществом и населением.

Успешное развитие туризма зависит от желания и воли политических властей так же, как от поведения путешественников. Туристы должны перейти от пассивного отношения простых потребителей наследия к более ответственному отношению с пониманием того, что становятся хранителями образа жизни и наследия территории, которая принадлежит не только местному населению, живущему там сегодня, но также и остальной части человечества, настоящему и будущему.

Исследования показывают, что большинство туристов в Европе посещают культурные памятники по следующим причинам:

1. Узнать новое;
2. Узнать больше о местной культуре;
3. Почувствовать атмосферу региона;
4. С развлекательной целью.

Культурный туризм является отдельной областью туризма. Его потенциал может быть максимизирован при условии выполнения следующих факторов: сохраненности и управляемости объектов культурного наследия; доступности; партнерстве государственного и частного секторов, особенно между представителями культуры и туризма; отлаженности маркетинга, обеспеченности информацией и коммуникациями; участия местного населения в проектах и разделении получаемого дохода; качественном проведении экскурсий; стратегическом планировании туризма с ограниченными областями или буферными зонами; профессиональном обслуживании; размещении в современных гостиницах и хорошо развитой инфраструктуре; качественных и высокохудожественных сувенирах.

Хорошо сохраненное культурное наследие, материальное и нематериальное, – это необходимое условие для качественного туризма, который подразумевает удовлетворение потребностей туристов, местного населения и туристических компаний. В представлении ЮНЕСКО качественный туризм – это деятельность, которая служит

целям сохранения и продвижения культурного разнообразия и культурного наследия, способствует межкультурному диалогу.

Существует явный общий интерес и основание для сотрудничества между национальными и местными учреждениями культуры и туризма, международными организациями, такими как ЮНЕСКО, и компаниями туристической индустрии. Помимо цели охраны культурного наследия, у туризма есть еще другие важные цели: развитие национального и местного самосознания, создание межкультурного диалога через ясное понимание отличий разных культурных идентичностей, «обучение людей искусству жить вместе», понимание различия культур как богатства, которым можно поделиться с другими народами.

История создает хорошую возможность проследить связь времен и эпох, что особо зримо и впечатляюще прослеживается в культуре и историко-культурном наследии каждого народа. В этой связи необходимость сохранения национальной культуры и культурного наследия, защиты ее своеобразия от любых разрушительных воздействий, особенно в условиях глобализации, является все более актуальной.

3.5. Медиация как способ разрешения конфликтов (Р.Г. Мельниченко)

Социальный конфликт является движущей силой человеческого сообщества. Не случайно различные теории о движущих силах в истории сходны в одном: в основе этого движения лежит конфликт. Фридрих Энгельс видел этот конфликт в конфликте классовых интересов: «Так как основой цивилизации служит эксплуатация одного класса другим, то все ее развитие совершается в постоянном противоречии»¹. Автор цивилизационного подхода Арнольд Тойнби в своей конструкции «вызов-и-ответ» также значительную роль уделяет социальному конфликту, так, говоря о мифах, он указывает: «Их объединяет тема: конфликт между двумя сверхъестественными силами – Зевсом и Прометеем в одном случае и Богом и Сатаной, или Мефистофелем, в другом. В каждом случае этот надчеловеческий конфликт разворачивается вокруг человека или человеческого общества, которое и является в конечном счете не только центром, но и целью борь-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3-х т. М.: Политиздат, 1986. Т. 3. 639 с.

бы»¹. Однако, одновременно являясь движущей силой, конфликт является и силой, разрушающей общество. Если конфликт выходит «за рамки», он из конфликта движущего превращается в конфликт разрушающий. Рассмотрим, какие социальные институты, работающие в качестве клапанов для сглаживания или способов обуздания конфликта, изобретены человечеством.

Становление медиации

Государство как способ обуздания конфликта. При историческом анализе видно, что Русское государство появилось как механизм урегулирования социальных конфликтов между славянскими племенами. Так, например, в Повести временных лет описывается призвание варягов во главе с Рюриком в 862 г. и появления Руси: «...*Въ лето 6370. Изгнаша варягы за море. и не даша имъ дани. и почаша сами в себе аладети. и не бе въ нихъ правды. и въста родъ на родъ. и быша усобице въ нихъ. и воевати сами на ся почаша. и реша сами в себе поищемъ себе князя иже бы владеть нами и рядиль по ряду и по праву*»². Интерпретируем этот текст с позиции конфликтологии. Новгородцы сами захотели управлять своим обществом. Изгнали управленцев – варягов. Однако сами не смогли урегулировать возникший между собой конфликт. Решили призвать князя для урегулирования внутреннего конфликта. Появилось государство как внешняя к социуму сила (судья – властный посредник) для урегулирования социальных конфликтов. Государство пришло на смену архаичному способу разрешения конфликтов – посредничеству, основанному на авторитете стариков, вождей, жрецов.

Дальнейшая история показала, что государство как конструкция для урегулирования конфликтов оказалась довольно удачной, не без издержек, конечно (внешние войны, социальная несправедливость и т.п.). Однако эта система урегулирования конфликтов постепенно стала давать сбои, что подвигло общество к созданию новых способов разрешения социальных конфликтов. И передовой в этом вопросе стала доминирующая в XX в. североамериканская цивилизация. Так, к началу XX в. в стремительно развивающейся американской экономике возникла новая форма конфликтов: борьба между образовавшимися профсоюзами и работодателями за условия труда и размер заработной платы.

¹ Тойнби А.Дж. Постигание истории: пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. 640 с.

² Повесть временных лет. 2-е изд., испр. и доп. СПб, 1999. Ч. 1. Текст и перевод (по списку Лаврентьевской летописи).

Возникла угроза забастовок, массовых увольнений и временного закрытия предприятий. Возможные последствия реализации подобных угроз отчетливо стояли перед глазами американского социума. Тогда государство решило создать специальную службу, которая должна была выступать в качестве нейтрального посредника в конфликтах между работниками и работодателями. Так, в 1947 г. была создана Федеральная служба посредничества (медиации) и примирения.

Следующим этапом по дороге к возникновению медиации было появление в США в конце 1960-х гг. таких организаций, как «Community Mediation» и «Neighborhood Justice Centers». Это локальные негосударственные организации, деятельность которых была направлена на разрешение конфликтов в семьях, между соседями и малообеспеченными лицами. Основной мыслью такой медиации, ориентированной на общественность, была идея предложить определенному кругу лиц, который по финансовым или эмоциональным причинам отказывается от обращения в суд, другую площадку для разрешения споров с более низкими порогами доступа.

Следующей предпосылкой стали особенности американского гражданского процесса, сложившиеся к 1960-м гг. Согласно законодательству США каждая сторона сама оплачивает услуги адвоката независимо от исхода дела. В экономических спорах эти траты достигали значительных сумм, порой превышающих стоимость самого спора.

Медиация идентифицировалась с середины 1970-х гг. в связи с деятельностью научного сообщества. В 1981 г. профессора Гарварда Роджер Фишер и Уильям Ури изложили гарвардскую концепцию «совместных действий», которая основана на разграничении интересов и позиций. Так, в процессе переговоров стороны обозначают свои юридические позиции, которые чаще всего являются диаметрально противоположными, что и ведет к невозможности компромисса. В то же время за жесткими позициями сторон стоят прежде всего определенные потребности (интересы), которые в отличие от позиций не являются противоположными. Если в ходе переговоров удастся определить эти интересы сторон, то будет сделан большой шаг на пути к достижению соглашения. Медиатор строит переговоры таким образом, чтобы на первый план вышли именно интересы сторон. А это значит, что достигнутое соглашение будет взаимовыгодным, не будет победителей и проигравших.

В настоящее время медиация достигла высокого уровня востребованности – к концу 1990-х гг. более 200 крупнейших американских

корпораций и более 250 юридических фирм вошли в соглашение не обращаться в суд до проведения попытки примирения в случае спора. Обращение к медиатору в США происходит в 75–85% случаев конфликтных ситуаций, при этом соглашения, достигнутые в ходе медиации, выполняются в 90–95% случаях¹.

В России альтернативные способы (альтернативные государственному) разрешения конфликтов продолжали существовать даже после появления государства. К ним обращались для улаживания конфликтов как внутри крестьянской общины, так и в высшем обществе, например при помощи института дуэли.

В период правления Екатерины II и Александра I среди судебных учреждений особо выделялся совестный суд, разбирательство в котором происходило с участием посредников. От них требовалось пытаться произвести примирение сторон, освободить общие суды от дополнительной нагрузки по запутанным делам и преступлениям, которые не представляли значительной общественной опасности. Решения совестного суда не обладало в имущественных спорах законной силой, а судьи не имели полномочий приводить решение в действие; в случае отсутствия добровольного согласия фигурантов иск подлежал передаче в суд общей юрисдикции.

В начале XIX в. в Российской империи была создана и эффективно действовала система коммерческих судов, которые в строгом процессуальном смысле таковыми не являлись. Это связано с тем, что не менее половины судей избирались из представителей купечества (не ниже 1-й или 2-й гильдии). А сам процесс в коммерческом суде проходил в форме примирительного разбирательства, и применялись в основном нормы обычного права. В отчетах коммерческих судов Российской империи того времени (середина XIX в.) употреблялся термин «медиатор» и указывалось на полезность разрешения торговых споров с участием медиатора. Из чего можно сделать вывод, что метод, приближенный к методу работы современных медиаторов, существовал и эффективно действовал в указанные времена.

Медиация как инновационное направление стратегий разрешения конфликта стала зарождаться в современной России только после распада Советского Союза, с середины 1990-х гг., когда зарубежные

¹ См. подр.: Лукьяновская О.В., Мельниченко Р.Г. Основы юридической конфликтологии и медиации: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. 96 с.

медиаторы стали делиться своим опытом применения медиации в США и Европе, проводить обучение специалистов.

Чуть позже обнаружилось, что традиционные судебные формы разрешения споров перестали удовлетворять потребности российского общества. Значительное усложнение судебной системы, выросшая на порядок, по сравнению с 1990-ми гг., штатная численность судебного корпуса и обслуживающего его персонала основной своей задачей предполагали «гашение» набирающих силу социальных конфликтов. Однако даже передовое на начало XXI в. в России арбитражное производство со сравнительно высоким профессионализмом судей, наведенным порядком в управлении, активным использованием передовых электронных технологий еще далеко от того, что хотелось бы видеть общество.

Еще одним маркером неэффективности судебной системы является функционирование альтернативно-криминальных способов разрешения конфликтов, например, в бизнес-среде. Не для кого не секрет, что значительная часть бизнес-конфликтов разрешается с использованием неформальных приемов, так называемых «разборок». Отдавая должное скорости и результативности этого подхода к разрешению конфликтов, хочется отметить его особую травмоопасность.

С 2000-х гг. в России ведется активная просветительская работа, нацеленная на распространение информации о доступных и эффективных методах решения спорных ситуаций. Так, созданы специализированные центры – Научно-методический центр медиации и права (Москва), Уральский центр медиации (г. Екатеринбург), Лига медиаторов (Санкт-Петербург) и некоторые другие, которые занимаются просветительской и учебной деятельностью в плане подготовки медиаторов через систему тренингов и семинаров. Кроме того, представители этих организаций, имеющие право осуществлять посредническую деятельность, принимают активное участие в оказании медиативных услуг.

С 2006 г. выходит журнал «Медиация и право». Это первое в России специализированное издание о медиации. Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию – юристов, адвокатов, бизнесменов, политиков, государственных чиновников, социальных работников, и всех, в чьей повседневной деятельности часто приходится иметь дело со столкновением интересов, разрешать конфликты и споры.

Несмотря на появление медиации, де-факто, правовое регулирование медиации фактически отсутствовало до 2010 года. Исключени-

ем являлся Арбитражно-процессуальный кодекс РФ, который упоминал о такой процедуре. В соответствии со ст. 135 АПК РФ «Действия по подготовке дела к судебному разбирательству» ч. 1 пп. 2 судья «разъясняет сторонам их право обратиться за содействием к посреднику в целях урегулирования спора». Статья 138 АПК РФ устанавливает, что арбитражный суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора, в частности стороны могут урегулировать спор, заключив мировое соглашение или используя другие примирительные процедуры.

В этот период принимались неоднократные попытки разработать специальный закон о медиации, однако многочисленные проекты не получали достаточной поддержки. 27 июля 2010 г. он был принят Государственной Думой Российской Федерации. Так Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» легализовал медиацию в России.

Этот закон побудил к появлению специальных курсов по подготовке профессиональных медиаторов. Так, в октябре 2012 г. «Международный центр подготовки кадров» при Волгоградской торгово-промышленной палате первым в Волгоградской области приступил к реализации программы повышения квалификации по направлению «Медиация. Базовый курс». Через некоторое время образовалась и профессиональная группа тренеров-медиаторов. Для того чтобы стать профессиональным медиатором, необходимо не только высшее базовое образование, но и специальные знания и компетенции, которые и получают слушатели курсов. В программу подготовки, которая составляет 120 часов, входят: юридические основы медиации, изучение ее процедур, организация и маркетинг медиационной деятельности, а также большой психологический блок.

Рассмотрим несколько проблемных точек, которые были идентифицированы как в ходе самой медиационной деятельности, так и в ходе преподавания медиационных курсов: фигуру медиатора, идентификацию конфликта и институт медиационной тайны.

Медиатор

Посредник в медиационной процедуре играет ключевую роль. Именно от него во многом зависит благополучное и скорое разрешение конфликта, поэтому цель медиатора – привести стороны к соглашению, так как сам он не принимает решения за своих клиентов, а только помогает им совместно прийти к нему.

В соответствии с Законом о медиации медиатором признается независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами с целью урегулирования их конфликта (ст. 2). Закон оговаривает, что свою деятельность медиатор может осуществлять как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе. Основное отличие состоит в требованиях, которым должен соответствовать посредник.

Если лицо осуществляет медиативную деятельность на непрофессиональной основе, тогда оно должно достигнуть 18-летнего возраста, быть полностью дееспособным и не иметь судимости. Эти требования незначительны, поэтому заниматься медиацией на непрофессиональной основе на территории РФ может большинство граждан, не имея специальной подготовки.

Если лицо осуществляет посреднические услуги на профессиональной основе (профессиональный медиатор), тогда к нему предъявляются дополнительные более серьезные требования:

- 1) достижение 25-летнего возраста;
- 2) наличие высшего профессионального образования;
- 3) прохождение курса обучения по программе подготовки медиаторов, утвержденной Правительством РФ;

Часть 5 ст. 15 ФЗ предусматривает, что медиаторами не вправе быть лица, замещающие государственные должности РФ, субъектов РФ, должности государственной гражданской и муниципальной службы, если иное не предусмотрено федеральными законами.

Независимо от того, на какой основе осуществляет посреднические услуги медиатор, он должен также соответствовать ряду профессиональных требований, благодаря которым его деятельность является максимально эффективной, в частности:

1) быть компетентным – посредник должен быть хорошо осведомлен о процедуре медиации, тем более если он осуществляет эту деятельность на профессиональной основе. Это подразумевает надлежащее его обучение, непрерывное обновление знаний и практики медиации;

2) быть независимым – он не должен состоять в личных или деловых отношениях с одной из конфликтующих сторон, а также не иметь финансового интереса по результатам урегулирования спора;

3) обладать психологической устойчивостью – медиатор должен задавать тон сотрудничества и вежливости, ему необходимо завоевать доверие и уважение сторон. Для того чтобы процесс примирения увенчался положительным результатом, надо уметь находить выходы

из различных тупиковых ситуаций, поэтому медиатор должен обладать необходимыми качествами для создания новых психологических установок у участников конфликта с тем, чтобы достичь конечной цели переговоров.

Возникает вполне резонный вопрос, представители каких специальностей и сфер деятельности составят категорию профессиональных российских медиаторов? Закон о медиации не содержит каких-либо ограничений в заданном направлении, устанавливая лишь, как отмечалось выше, возрастной ценз и квалификационные критерии, к которым относятся наличие высшего профессионального образования и прохождение курса обучения по специальной программе подготовки медиаторов (ч. 1 ст. 16). При этом закон ориентирован на проведение медиации по юридическим спорам (ч. 2 ст. 1), что, в свою очередь, диктует необходимость получения сторонами квалифицированной юридической помощи в целях разработки действительного (законного) и исполнимого соглашения, а также правильной формулировки и надлежащего закрепления достигнутых договоренностей.

Именно в свете данного обстоятельства как теоретический, так и практический интерес представляет осуществление деятельности медиатора на профессиональной основе адвокатом, судьей, нотариусом, психологом. Безусловно, участие юристов и включение закона в процесс медиации в некоторых случаях увеличивает шансы на успех. Считается, что, имея юридическое образование, посредник сможет разобраться во всех хитросплетениях взаимоотношений сторон, что позволит ему наиболее точно установить их интересы.

Таким образом, преимущества выбора в качестве медиатора представителя юридической профессии заключаются в следующем:

- 1) он обладает навыками «процедурной» игры;
- 2) может предвидеть юридические последствия заключенного соглашения.

Считается, что в среде юристов медиативной деятельностью могут заниматься адвокаты, нотариусы, бывшие судьи.

Согласно принятому Всероссийским съездом адвокатов в 2003 г. Кодексу профессиональной этики адвоката предупреждение судебных споров является основной частью оказываемой адвокатом юридической помощи, поэтому адвокат должен заботиться об устранении всего, что препятствует мировому соглашению (внесудебного разрешения спора). Согласно ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокат является независимым профессиональным совет-

ником по правовым вопросам. Это означает, что ему по сути своей профессии близка роль лица, консультирующего других лиц.

Адвокат как независимый юридический советник может не только способствовать приходу к соглашению, но и юридически грамотно его оформить. В отличие от других представителей юридической профессии (судьи, прокурора) адвокату не свойственен обвинительный уклон, он психологически приучен искать и находить положительные аспекты в своем клиенте.

Однако в случае участия адвоката в качестве медиатора должны соблюдаться главные условия – медиатором не может быть адвокат, который ранее защищал интересы одного из участников конфликта; ему необходимо быть абсолютно беспристрастным (так как у него профессиональная предрасположенность о взятии какой-либо стороны под свою защиту), поэтому адвокат-медиатор должен уметь перейти от позиции защитника в соревновательном процессе к оказанию поддержки в рамках сотрудничества.

Бывший судья – хороший медиатор, но ему нужно перестать быть судьей. Раньше он выносил решение, играл главную роль, а здесь не имеет права принимать такое решение, он лишь помогает сторонам прийти к нему совместными усилиями.

В России вопрос о возможности бывшего судьи быть медиатором пока остается открытым, так как судья в отставке имеет такой же статус, как и судья действующий. Значит, на него распространяются запреты, установленные для судьи. Поэтому именно законодатель должен ответить на вопрос: можно или нельзя?

В литературе высказываются предположения об использовании института нотариата для проведения медиации. Если проанализировать основы нотариальной деятельности, то можно увидеть все присущие медиации черты в работе нотариуса, прежде всего его беспристрастность. Нотариус, в отличие от представителей других юридических профессий, не может «работать» только на одну сторону, поскольку обязан учитывать интересы всех лиц, вовлеченных в совершение конкретного нотариального действия.

В российском законодательстве, регулирующем деятельность нотариата, отсутствуют какие-либо специальные указания на возможность нотариусов участвовать в проведении медиации, но это не означает, что такое невозможно. Тем более что потенциал медиации в сфере гражданского оборота непредпринимательского характера уже используется в нотариальной деятельности, когда нотариус, например, при

удостоверении брачного договора, соглашения о разделе совместно нажитого имущества, о разделе наследственного имущества занимается сближением и примирением позиций сторон, так как перед обращением к нотариусу будущих участников этих соглашений имеются разногласия, связанные с непониманием их прав и обязанностей.

Идентификация конфликта

Одной из первых компетенций, «прокачивание» которой происходит на курсах медиации, является компетенция идентификации конфликта. Для того чтобы стороны могли идентифицировать конфликт, необходимо, чтобы подобной компетенцией обладал и профессиональный медиатор.

Как это ни парадоксально, медиаторам довольно часто приходится сталкиваться с ситуацией, при которой одна или несколько конфликтующих сторон не могут идентифицировать свое состояние нахождения в конфликте. Это делает невозможным проведение медиационной процедуры, так как, не идентифицировав конфликт, стороны не могут обладать мотивацией этот конфликт разрешить (нет конфликта – нечего разрешать). Рассмотрим проблематику распознавания конфликтов на примере бизнес-конфликтов.

Существует несколько факторов как психологического, так и социального характера, способствующих появлению не идентифицированных конфликтов. Рассмотрим некоторые из них.

Конфликт – это неприлично. В обществе существует такая ценность, как бесконфликтность. Соответственно, наличие конфликта – это умаление данной ценности, а умаление, т.е. уменьшение ценности, – это зло или неприятность. Например, отчетливо ценность бесконфликтности проявляется в бизнес-отношениях. Если бизнесмен находится в конфликте с партнерами, контрагентами, органами власти, он не обладает такой ценностью, как бесконфликтность, значит, он ненадежный бизнес-партнер. Это побуждает бизнесмена скрывать нахождение себя в конфликте.

Обосновать ценность бесконфликтности довольно просто, достаточно спросить любого респондента: «Конфликтный ли Вы человек?» или, например, спросить бизнесмена: «Часто ли Вы вступаете в конфликт по вопросам своего бизнеса?». С большой долей вероятности можно услышать: «Я человек неконфликтный» или «Я нечасто конфликтую на работе».

Конфликт – это слепое пятно. Если в случае, когда конфликт является неприличным, человек его скрывает осознанно, то в случае,

когда конфликт – это слепое пятно, конфликт скрывается подсознательно. Психологический механизм этого явления следующий: когда подсознание идентифицирует конфликт, оно дает команду сознанию его обойти (не заметить, пропустить, переключиться на другое и т.п.). Получается эффект «проскакивания конфликта»¹.

На занятиях по подготовке медиаторов часто приходится работать с подобными слепыми пятнами. Работа с ними происходит следующим образом. Тренер фиксирует конфликт, например обучающийся возмущен тем, что его заставляют самому делать выводы по предложенной теме. Тренер не замалчивает этот эпизод и не подавляет возмущенного обучающегося, например, фразой: «не все могут понять то, что мы делаем», он заостряет внимание на самом конфликте, например, фразой: «Что вызвало у Вас недовольство?». Затем выделяется время для работы с этим конфликтом, то есть выявляется его содержание. Причем в этой работе принимают участие как конфликтующие стороны, так и вся группа.

Подобное поведение тренера-модератора, как правило, порождает интересную реакцию. Группа начинает утверждать, что тренер их провоцирует. Это психологическая блокировка подсознания выявить конфликт. Подсознание сопротивляется, посылает сознанию импульсы недовольства, приводя психику в состояние тревожности, страха, даже паники. И только продолжительная и упорная работа с конфликтами слепого пятна позволяет подсознанию привыкнуть к необходимости не замалчивать, а исследовать конфликт.

Эмоциональный маркер. Подсознание давно конфликт идентифицировало, но его скрывает. Необходимо «выудить» из подсознания знание конфликта. Проблема «выуживания» уже давно заботит психологов. Например, Зигмунд Фрейд большое внимание уделял снам, через которые происходит просачивание в сознание тревоги по поводу наличия неразрешенного конфликта. То есть, если клиенту снится тревожащий эпизод, его необходимо побудить подумать над ним, может здесь скрывается неразрешенный конфликт. Конечно, этот метод требует практических навыков и времени, да и затруднительно каждый раз ложиться спать, чтобы выудить из подсознания конфликт. Необходимо поговорить с клиентом о том, что происходило в ближайший день или неделю, если что-либо из этого порождает у него негативные эмоции – может быть там и скрывается конфликт. На-

¹ См. подр.: Мельниченко, Р.Г. Бизнес-конфликт: распознавание // Business Аналитик. 2012. № 7. С. 39–40.

пример, мысли клиента о его бизнес-партнере вызывают негативные эмоции. Он не хочет об этом говорить, ускользает. Видно, что ему это неприятно или рождает дискомфорт.

Заикливание. Необходимо спросить клиента о том, о чем он думает в свободное время: в транспорте, когда смотрит в окно, пьет в одиночестве чай и т.п., то есть в том состоянии, которое называют «задумался». Если он задумывается каждый раз обо дном и том же, вполне возможно, что здесь скрыт конфликт. Например, его мысли постоянно «вертятся» вокруг заключенной сделки, хотя вроде бы все прошло успешно.

Еще одним маркером заикливания является наблюдение медиатора, в ходе которого клиент в разговоре постоянно «сворачивает» на определенную тему. Необходимо подумать над тем, почему это происходит, что в этой теме такого волнующего.

Такой прием выявления конфликта, как «клиент на это постоянно сворачивает», часто используется медиатором. Например, один раз к автору пришел бизнесмен, который на протяжении всей беседы говорил о своем компаньоне по ресторанному бизнесу. При обращении его внимание на этот факт, он возразил: «Да нет, у нас все хорошо». Но так как его запрос был по поводу другого конфликта, медиатор не стал настаивать на продолжении разговора о выявленном заикливание. Через некоторое время клиент сообщил, что его конфликт со своим компаньоном перешел сначала в спор, а затем в спор судебный, который, в свою очередь, привел к значительным финансовым потерям для обеих сторон.

После идентификации конфликта необходима дальнейшая стратегия действия. Можно порекомендовать и медиатору, и его клиентам следующие правила.

Не пугаться. Тот факт, что конфликт выявлен до того, как он перерос в конфликт разрушающий, – очень обнадеживающий фактор. Конфликты можно классифицировать на два типа: конфликт созидающий и конфликт разрушающий. Созидающий конфликт – одна из основ социальной деятельности. Конфликт порождает энергию движения. Когда мы видим, например, бесконфликтную семью, бесконфликтный бизнес и т.п., то предполагаем, что это или весьма отлаженное дело, или эти проекты на излете своего существования.

Осознать – значит контролировать. Если конфликт не идентифицирован, он развивается бесконтрольно, если клиент осознает

конфликт, он может взять его под контроль, а значит, тот не вырвется, неся за собой хаос и разрушение.

Обсуди. Наивно думать, что конфликт рассосется сам собой. После выявления конфликта необходимо его обсудить с другой стороной. Этого не надо бояться делать, но надо быть готовым к тому, что наступит временное ухудшение (концепция кризиса выздоровления). Во время разговора с другим участником конфликта последний может вырваться наружу (проявление этого явления – спор), но если делать все аккуратно, результат будет, другая сторона конфликта начнет задумываться над происходящим.

Еще одна ключевая точка медиации – это институт медиационной тайны.

Медиационная тайна является важнейшим конкурентным преимуществом данной альтернативной формы разрешения конфликтов. Конфликты внутри компании, между партнерами по поводу управления или раздела бизнеса, споры по поводу исполнения договора и другие бизнес-конфликты требуют строжайшей конфиденциальности направленных на их разрешение медиационных процедур, так как даже простое обнародование факта наличия подобных конфликтов может повлечь за собой значительные финансовые потери для всех конфликтующих сторон.

Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» содержит в себе довольно мощный механизм, обеспечивающий реализацию института медиационной тайны. Помимо общих фраз о том, что медиатору запрещено разглашать сведения, полученные им в процессе медиации, закон содержит указания на то, что и стороны, и медиатор в ходе судебного разбирательства не вправе ссылаться на информацию:

1) о предложении одной из сторон о применении процедуры медиации, равно как и готовности одной из сторон к участию в проведении данной процедуры;

2) мнениях или предложениях, высказанных одной из сторон в отношении возможности урегулирования спора;

3) признаниях, сделанных одной из сторон в ходе проведения процедуры медиации;

4) готовности одной из сторон принять предложение медиатора или другой стороны об урегулировании спора.

То есть фактически введен институт свидетельского иммунитета медиатора и неприкосновенности его документов, и, хотя он пока не

подкреплен нормой в ГПК РФ и АПК РФ, думается, что это только дело времени и юридической техники.

К сожалению, правоприменительная практика функционирования институтов различных тайн (адвокатской, нотариальной, судебной и т.п.) продемонстрировала факт, что любое даже самое строгое и четкое юридическое закрепление этих институтов ничто, если в самих этих корпорациях у ее членов нет стойкого убеждения в том, что их профессиональная тайна для них «священна». В этой связи показателен пример с адвокатской тайной. Ее правовая природа отлично научно проработана (например, докторская диссертация Ю. Пилипенко), закреплена во всевозможных законах и кодексах, гарантирована институтом профессиональной ответственности адвоката. И что же? Довольно распространены не только «сливы» адвокатами информации, полученной от своих доверителей, но даже на официальном уровне адвокатам было разрешено давать в суде показания против своих клиентов, раскрывая при этом адвокатскую тайну.

В ходе исполнения своих профессиональных обязанностей профессиональный медиатор всегда попадает в самый эпицентр конфликта. Помня о том, что одной из основных обязанностей медиатора является хранение медиационной тайны, ему необходимо обеспечить информационную безопасность своей деятельности. Эти угрозы могут исходить из двух источников: клиентов и третьих лиц.

Один из клиентов или даже оба могут попытаться манипулировать медиатором в целях получения информации о своем оппоненте. Трудность для медиатора в том, что одна из его задач – налаживание между клиентами коммуникационного канала для обмена информацией. Получение дополнительной информации поможет клиентам лучше понять позицию друг друга, а информационная открытость – наладить между ними дружелюбный или, по крайней мере, неагрессивный диалог. Если же медиатор почувствует, что его или саму медиационную процедуру пытаются использовать лишь для «выкачивания» информации, а не для урегулирования конфликта, он обязан соответственно отреагировать. Приведем несколько признаков того, что клиент пытается выкачать информацию:

- молчание – клиент замкнут, немногословен, «цедит» слова.
- подзадоривание – клиент «бросает» в оппонента провокационные высказывания с целью повысить его эмоциональное напряжение и тем самым ослабить рациональный и вербальный контроль.

В случае, если медиатор зафиксировал подобное поведение одного или сразу двух клиентов, он может использовать такой медиационный механизм, как кокус, т.е. уединиться с клиентом-манипулятором и прямо сказать или намекнуть клиенту о том, что его прием «выкачка информации» раскрыт. После этого объясняются все негативные последствия подобного приема для процедуры медиации. Если и после этого клиент или клиенты упорно продолжают свою стратегию, медиатор должен объявить о ней сразу обоим клиентам, а если и это не подействует – прекратить процедуру медиации. Лучше отказаться от попытки примирения, чем допустить усиление позиции одной из сторон за счет информационной открытости другой стороны и медиатора.

В вводном слове медиатор обязан поинтересоваться у сторон, есть ли у них записывающие устройства и предупредить, что их наличие влечет за собой немедленное прекращение процедуры медиации. Особенно на возможное наличие записывающих устройств следует обратить внимание в случае, если спорящие стороны пришли на процедуру медиации со своими адвокатами.

В ходе проведения медиационных процедур нам встречались и попытки третьих лиц получить информацию, озвученную в ходе медиации. К этим лицам относятся журналисты, которые хотели бы получить «горячие» или скандальные новости о бизнес-конфликте, и бизнес-оппоненты спорящих сторон. Вторая категория представляет собой особую угрозу, так как может воспользоваться услугами «компетентных органов»¹.

В современном обществе основным источником утечки информации обычно являются электронные средства связи. Рассмотрим более подробно вопрос об информационной безопасности именно в этой области.

Каждый медиатор должен исходить из того, что его телефонные переговоры и переговоры его доверителей прослушиваются. В России это обеспечивает СОРМ (Система технических средств по обеспечению оперативно-розыскных мероприятий). Эта система состоит из двух частей: комплекса аппаратно-программных средств (АПС), размещенного у телефонной компании, и удаленного пункта управления (ПУ), размещенного в государственной организации. Эта организация в силу своей конфиденциальности, в отличие, например, от органов прокуратуры РФ, не любит огласки и будет в дальнейшем

¹ См. подр.: Мельниченко Р.Г. Медиационные тайны // Business Аналитик. 2011. № 4. С. 41–43.

нами называться «компетентным органом». И хотя ст. 23 Конституции РФ допускает прослушивание телефонных переговоров только на основании судебного решения, электронная аппаратура СОРМ и допущенные пробелы в законодательстве позволяют компетентным органам осуществлять мероприятия в этой области достаточно свободно.

Использование технических средств шифрования телефонных переговоров, предложенных на современном рынке информационной безопасности, в медиационной практике бесполезны. Все эти устройства гарантируют защиту от несанкционированного вмешательства только до АТС. В рассматриваемом случае это лишено смысла, так как АПС установлен именно на телефонной станции, т.е. доступ к телефонному разговору медиатора вышеуказанные органы получают вне зоны действия антипрослушивающих устройств.

Медиатор носит при себе прослушивающее устройство (жучок). Каждый сотовый телефон, в силу особенности своей конструкции, снабжен микрофоном. Этот микрофон находится в активном состоянии, даже когда телефон выключен. Компетентные органы могут осуществлять прослушивание источников звука, расположенных недалеко от сотового телефона. При этом чем современнее и дороже сотовый телефон, тем лучше качество прослушанного разговора. Поэтому в вводном слове медиатор должен предложить клиентам оставить свои сотовые телефоны и другие средства связи в отдельном, специально выделенном для этого, помещении.

С целью сохранения медиационной тайны от возможных недобросовестных работников компетентных органов можно предложить несколько элементарных мер информационной безопасности медиатора.

Во-первых, удаление элементов питания из сотового телефона делает невозможным его использование в качестве прослушивающего устройства. Конфиденциальные разговоры с клиентом лучше проводить, не имея при себе сотового телефона.

Во-вторых, внешние шумы (успокаивающие звуки природы, работающее радио, телевизор) затрудняют прослушивание информации, содержащей медиационную тайну.

В-третьих, использование кодовых слов и выражений может затруднить раскрытие медиационной тайны компетентными органами. Но здесь следует помнить о применении компетентными органами так называемого сканирования. Например, медиатор получает по телефону путем иносказательного разговора какую-либо информацию, например предложение о месте будущей процедуры медиации. Как

правило, он сразу же начинает реагировать на эту информацию и делает несколько звонков по этому вопросу. Компетентные органы, сопоставляя первый и последующие звонки, без труда расшифровывают информацию, полученную от первого ключевого разговора.

В-четвертых, помещение, в котором будет проходить процедура медиации, должно быть проверено на наличие прослушивающих устройств (визуально, а лучше и с использованием специальной аппаратуры), все компьютерные устройства, находящиеся в помещении должны быть отключены от сети или выключены.

Помимо электронной безопасности, медиатор не должен забывать и о традиционных мерах защиты информации. Медиационное дело, в котором хранятся как записи медиатора, так и иные носители информации по делу, должны храниться в месте, затрудняющем несанкционированный допуск.

Все записи медиатора сразу же после окончания процедуры в присутствии клиентов уничтожаются. Все материалы и документы передаются лицу, предоставившему их медиатору, или уничтожаются.

Из помещения, в котором будет проходить процедура медиации, должен быть удален весь обслуживающий персонал.

Все правила информационной безопасности должны войти у медиатора в привычку, подобно правилам личной гигиены. Ведь информационно неряшливый медиатор может легко заразить своих доверителей.

В ходе проведения курсов по подготовке профессиональных медиаторов, которые организованы на базе Волгоградской Торгово-промышленной палаты, вопросам медиационной тайны уделяется особое внимание. Слушателям ни в коей мере не навязывается концепция абсолютности медиационной тайны. В форме свободной дискуссии и мозгового штурма многие сами приходят к твердому убеждению, что хотя в тактическом плане «торговать» медиационной тайной весьма прибыльно, но в стратегическом подобное поведение хотя бы одного медиатора поставит крест на всей медиационной деятельности в Волгоградской области.

Принято решение о создании механизма, позволяющего исключать из реестра профессиональных медиаторов ЮФО лиц, пойманных на торговле медиационными секретами, а также придании огласке каждого подобного факта.

Анализ медиационной деятельности как способа разрешения социальных, в том числе и юридических, конфликтов выявил то обстоя-

тельство, что этот вид деятельности является интеллектуально-насыщенным. А значит, для его развития недостаточно правовой легализации медиации, необходимо появление научных школ и образовательных центров по разработке медиационных подходов и «прокачиванию» медиационных компетенций у профессиональных медиаторов.

**3.6. Досуговые практики многонационального
и мультиконфессионального городского сообщества
России второй половины XIX – начала XX в.:
конфликт и диалог¹
(С.Ю. Малышева)**

Досуг российского горожанина подвергается значительным изменениям во второй половине XIX – начале XX в. Под влиянием быстро набравшего темпы промышленного развития, урбанизации и коммерциализации всех сторон повседневной жизни и досуга и появления на этом рынке все новых предложений происходят количественное расширение сферы отдыха и ее качественное преобразование. Эти процессы протекали небесконфликтно, чему в немалой степени способствовала социально-классовая, национально-конфессиональная, культурная неоднородность российского городского сообщества рассматриваемого времени. Особенно ярко и зримо сложность и неоднозначность процессов становления городского досуга высвечивается на примере таких крупных российских нестоличных городов, как Казань.

Население крупного губернского города с развивавшимися промышленностью и торговлей, научной и культурной жизнью, множеством учебных заведений, в том числе высшего образования, быстро росло. С середины XIX в. до конца первого десятилетия XX в. оно выросло в три раза – с 60 тыс. до 180 тыс. человек. Оно было пестрым

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Германского исторического института в Москве и Фонда Герды Хенкель (Дюссельдорф, ФРГ), при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.A18.21.0955 по теме «Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития (Среднее Поволжье XIX – начала XXI вв.)», и является переработанной частью авторского текста, включенного в монографию «Праздный день, досужий вечер. Культура досуга российского провинциального города второй половины XIX – начала XX в.» (М.: Academia, 2011), изданной при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-01-16163д).

в социально-сословном и национально-конфессиональном отношении. Большинство населения в конце XIX в. относилось к сословию крестьян (52,8%) и мещан (30,8%), дворянство составляло 8,8%, духовенство – 1,9%, купцы – 1,8%, почетные граждане – 1,5%. 71,1% населения города составляли русские (большинство – православные), 21,9% – татары (большинство – мусульмане), 1,2% – поляки, 1% – евреи, 0,8% – немцы. Кроме того, в Казани проживало не менее полутора десятков представителей других национальностей, каждая из которых составляла менее 0,5% населения¹. Наличие значительного мусульманского компонента и расположение в центре многонационального региона на своеобразной «ментальной границе» между российскими «Западом» и «Востоком», «Европой» и «Азией» обусловили смешанную «географическую идентичность» города. Столь же смешанной была «идентичность» Казани и в отношении провинциальности и столичности: выступая в качестве провинциального города перед лицом российских столиц, для более мелких провинциальных городов, в том числе уездных, она воплощала в себе многие качества и стандарты столичного города. Досуговая культура Казани характеризовалась как общими чертами, присущими провинциальному городу, так и особенными, отражавшими ее специфику.

Встреча и диалог представителей различных досуговых культур Казани были обусловлены их ежедневной вовлеченностью в экономическую, общественную, культурную жизнь города. Можно обозначить целый ряд ситуаций, в которых пересекались досуговые миры различных городских групп или происходило «проникновение» в досуговый мир «чужой» группы.

Прежде всего, это ситуации праздника. Праздники – важная составная часть повседневности и досуга любой группы. Естественно, что именно они вызывали любопытство и интерес представителей иных групп горожан.

Коммуникации в ситуации праздника осуществлялись на самых разных уровнях. Во время государственных и общегородских праздников и празднеств тесно контактировали между собой элиты городских групп, занимавшиеся их организацией в составе различных комитетов и комиссий. Организаторами и руководителями городских светских празднеств чаще всего выступали городские думы и создававшиеся ими или при их непосредственном участии комиссии, раз-

¹ Первая всеобщая перепись населения. 1897. Т. 14: Казанская губерния.

личные городские и районные комиссии. Например, при подготовке празднования 300-летия Дома Романовых (20 – 21 февраля 1913 г.) в Казани была создана городская юбилейная комиссия, мусульманская юбилейная комиссия во главе с муллой Галимзяном Галеевым (последняя организовывала и финансировала празднество в татарских слободах города)¹, а также юбилейные комиссии некоторых городских районов – «частей», организовывавшие и частично финансировавшие празднование в этих частях². Кроме того, распорядительный комитет по исполнению официальной части празднования активно общался в процессе его подготовки с сословными и общественными учреждениями города, например с Казанским купеческим старостой³. Городская юбилейная комиссия определяла общую программу празднеств, его формы – торжественные собрания в клубах с представителями сословий (Дворянском, Военном и Новом), парадные бесплатные спектакли в театрах, устройство народных гуляний на площадях (ледяные горки, карусели, фейерверки, детские игры и пр.). Торжества включали и церковное празднование – его порядок определялся циркулярами из Петербурга – панихиды во всех храмах с поминовением всех почивших представителей Дома Романовых, торжественные литургии и благодарственные молебствия, крестные ходы, чтения во всех храмах⁴. Но эта часть празднования находилась вне компетенции светских властей и юбилейной комиссии.

Местные неофициальные праздники финансировались и организовывались городскими комиссиями и благотворительными обществами. Так, татарский праздник «Сабантуй» 3 июня 1916 г. проводился в Казани мусульманским благотворительным обществом, причем Городская комиссия по разумным развлечениям также ассигновала на его проведение небольшую сумму⁵.

Интерес горожан к досугово-праздничной культуре нерусских неправославных земляков пробуждали и поддерживали казанские русские газеты, сообщавшие во второй половине XIX в. – начале

¹ Камско-Волжская речь. 1913. 23 янв.; 7 февр.; 8 февр.; 10 февр.; 14 февр. и др.

² Так, юбилейный комитет из жителей 2-й части Казани добавил к выделенным этой части на празднование 100 руб. «от города» еще 500 руб., собранных им (см.: Камско-Волжская речь. 1913. 17 февр.).

³ См.: НА РТ. Ф. 299. Оп. 1. Д. 354. Л. 8–9.

⁴ См.: Камско-Волжская речь. 1913. 23 янв.; 27 янв.; 30 янв.

⁵ См.: Камско-Волжская речь. 1916. 15 янв.; 1 июня.

XX в. о наступивших татарских праздниках. Так, в них регулярно публиковались сообщения о главных мусульманских праздниках, например о празднике Нового года по хиджре¹, а также объявления о проведении и программе татарского народного праздника Сабантуй, в котором, кстати, уже с 1834 г. в качестве зрителей участвовали и представители нетатарского населения Казани². К концу XIX в. Сабантуй становится фактически городским праздником. Так, в репортаже о Сабантуе 1893 г., напечатанном в русской газете, сообщалось, что в борцовских поединках на празднике участвовали и русские жители. А, описывая четкое соблюдение общественного порядка на празднике, автор заметки буднично фиксировал, что «явившегося в нетрезвом виде на Сабан, будь то татарин или русский, немедленно удаляют»³. Татары и казанцы других национальностей также были хорошо осведомлены о праздничных событиях русских сограждан: «У русских святки кончились», – так начинал одно из своих стихотворений татарский поэт Г. Тукай⁴.

Для городских обывателей самое тесное соприкосновение с «чужой» досугово-праздничной культурой происходило в ситуации «соседского» интереса к укладу жизни живущих рядом представителей иных национальностей и конфессий. Это был интерес прежде всего к их кулинарным и застольным традициям. Эти традиции были самые близкие, понятные, и чаще всего – нейтральные, «неопасные» с религиозной точки зрения⁵. Воспоминания казанцев и жителей других городов России о конце XIX – начале XX в. содержат свидетельства о том, как соседи разных национальностей угощали друг друга блюдами своей праздничной кухни в дни праздников, а для их детей были нередки визиты на угощение в дом соседей в дни их праздников. Казанец вспоминал, что ребенком он очень любил мацу, которой его угощала мама товарища в еврейские религиозные праздники, а

¹ См.: Новый год у мусульман // Камско-Волжская речь. 1913. 19 ноября. Газета сообщала о праздновании казанскими татарами 16 ноября наступления Нового 1332 г., сопровождавшегося концертом, живыми картинами и танцами в Восточном клубе.

² См., напр.: Камско-Волжская речь. 1916. 1 июня.

³ На татарском Сабане // Казанский телеграф. 1893. 1 июня.

⁴ Тукай Г. Мороз // Тукай Г. Избранное: в 2-х тт. Казань, 1960. Т. 1: Стихотворения и поэмы. С. 229.

⁵ Определенные ограничения на этот «соседский» интерес к кулинарным традициям «других» существовали у татар – ввиду запретов шариата. Но в начале XX в. эти ограничения также не соблюдались столь строго.

сам товарищ «с удовольствием уплетал у нас куличи и пасхи»¹. Причем этот бытовой, соседский «обмен» угощениями в дни своих религиозных праздников отмечалось и на материалах других провинциальных городов. Иркутянка Лидия Тамм, повествуя в своих мемуарах о деловых и дружеских контактах своей православной семьи с соседской еврейской семьей, также свидетельствовала: «Мы обменивались угощением. Ирина Исаевна в еврейскую Пасху приносила нам мацу, фаршированную щуку, какое-то особенное варенье из редьки. А мы, в свою очередь, на православную Пасху дарили им кулич, крашеные яйца, сладкую пасху»².

Особый интерес представляет межкультурная досуговая коммуникация представителей татарских и русских торговых слоев, причудливое сочетание замкнутости и взаимопересечения сфер досуга татарских и русских средних слоев. В этом плане интересный материал дает художественная литература и авторская публицистика, например произведения татарского писателя Ф. Амирхана.

С одной стороны, досуговые практики татарских средних слоев были жестко ограничены требованиями шариата. С другой стороны, общие дела в профессиональной сфере (мелкое и среднее предпринимательство) вынуждали татарских купцов, торговцев, мещан тесно общаться с русскими коллегами, в том числе в часы досуга. Такое общение, кстати, было возможным из-за бытовавшего издавна, в том числе среди крестьян, феномена «знакумства». Явление «знакумства» («знакомства») было фактически одной из устоявшихся на протяжении десятилетий и веков моделей бытовых взаимоотношений представителей соседних народов, моделей дружеско-соседских взаимоотношений мусульман и православных в городе и деревне. Поддерживавшие дружеские или добрососедские взаимоотношения «знакомые» или, в татарском варианте, «знакумы» приходили/приезжали друг к другу в гости, оказывали какие-либо услуги. Разумеется, профессиональные и культурные различия накладывали на эти отношения неизбежные ограничения³.

¹ См.: *Адо В.И.* Вспоминая прошлое... Записки русского интеллигента XX в. // Казань. 2000. № 7. С. 56.

² См.: *Тамм Л.* Записки иркутянки. Иркутск, 2001. С. 86.

³ Так, даже при самых дружеских и теплых отношениях татарин не пользовался или даже нередко после совместной трапезы тайком выбрасывал посуду, из которой ел его русский «знакум»: религиозный запрет ислама на употребление свинины исключал возможность дальнейшего использования посуды,

Общались с русскими «знакумами» не только сами представители торговых татарских слоев. Их семьи также нередко тесно общались между собой. Причем женщины – жены и дочери – в какой-то мере выполняли «представительские» функции, общаясь и проводя свободное время с семьями партнеров и коллег мужа/отца. И таким образом они вовлекались в досуговый мир русского обывателя, многие из форм которого (театр, живопись, танцы и пр.) традиционно не практиковались в татарских кварталах, ибо запрещались шариадом.

Иногда такое «параллельное» существование в двух досуговых мирах обескураживало юных татарок, порождая в них кризис идентичности, описанный Амирханом в повести «Хаят». Героиня, с детства проводя много времени в доме русского «знакума» отца, дружа с его дочерью, «росла... испытывая на себе влияние двух прямо противоположных друг другу жизненных укладов. Насыщенная развлечениями жизнь русских привлекала молодое сердце Хаят; на веселых вечеринках у Мясниковых и в других русских семьях она танцевала до трех часов ночи. Но душа ее была в плену представлений и чувств, привитых ей воспитанием в семье, и, утомленная танцами, ложась спать, часа два могла она шептать душеспасительные молитвы. Хаят делила жизнь людей на два вида: одна жизнь – это та, которой живут ее родители и все мусульмане, другая жизнь – та, которой живут Мясниковы и все русские. Хаят жила этими обеими жизнями, однако боялась их смешения, переплетения, отделяла их друг от друга невидимым плотным занавесом. ...Она не в силах была отказаться от развлечений и удовольствий, которые давало ей это общество, но не могла отныне отдаваться развлечениям бездумно, с открытой душой»¹.

В рамках досугового мира русских «знакумов» татарские женщины и девушки могли довольно свободно знакомиться с русскими мужчинами, что было практически невозможно в отношении мужчин-татар. Складывалась парадоксальная, на первый взгляд², ситуа-

которую употреблял человек, не обремененный таким табу. Об этом рассказывала мне моя бабушка – Сахиб-Камал Газизовна Абдулхакова (ур. Набиуллина) (1898–1981), вспоминая о взаимоотношениях в начале XX в. ее сельских родственников со своими русскими «знакумами».

¹ См.: Амирхан Ф. Избранное. Рассказы и повести. М., 1975. С. 245, 259.

² Этот парадокс объяснялся довольно просто: мужчины-немусульмане не воспринимались как возможные брачные партнеры, поэтому на них не распространялись традиционные правила взаимоотношения полов. Хотя в начале XX в. отдельные женщины-татарки (как правило, из высших образованных слоев) отваживались связывать свою судьбу с людьми другой национальности и веры. Хотя в

ция: девушка-татарка могла спокойно (с позволения матери или старшей родственницы) познакомиться с русским юношей, общаться с ним и проводить досуг в публичных местах (правда, татарским обществом это тоже не особо приветствовалось). Однако знакомиться, а тем более общаться в досуговом пространстве с юношей-татарином ей категорически возбранялось. В рассказе Ф. Амирхана «Познакомились оттого, что не были знакомы» русский студент, представляя своего приятеля-татарина знакомой татарской семье (матери, сыну и дочери), предупреждает его: «Я представлю вас как русского. А если я скажу, что вы татарин, так они вообще откажутся знакомиться. В прошлом году в купеческом клубе я представил им молодого татарина, выдав его за русского, и все сошло великолепно. Одному только удивляюсь: почему татарки избегают знакомиться со своими соплеменниками, а с нами, с русскими, нет?». В его же повести «Хаят» героиня-татарская девушка вместе с подругой-татаркой Аминэ и ее матерью Рахимой отправляются в Купеческий клуб: «Потом Рахима-

этих случаях родные невесты требовали от «жениха» принятия ислама. Яркий пример – судьба представительницы двух знатных и уважаемых татарских родов, Ахмеровых и Алкиных, Сары Шагбазгиреевны Ахмеровой. Дочь известного татарского педагога, инспектора народных училищ Казанской губернии, она после окончания казанской Мариинской гимназии, а затем юридического отделения Высших женских курсов в Санкт-Петербурге в 1913 г. уехала учиться в Германию. С началом мировой войны она как российская подданная была выслана из страны, среди высланных оказался и известный впоследствии экономист Яков Маркович Букшпан. Сара Ахмерова вышла за него замуж, по возвращении в Казань брак был оформлен официально. Правда, жениху для этого пришлось перейти из иудаизма в мусульманство. Через несколько лет после замужества, уже при советской власти, когда Букшпаны жили в Москве, духовные поиски привели Сару Шагбазгиреевну к принятию католичества, причем она крестила и всех своих детей (Личный архив Динары Аскарловны Шейх-Али. Тетрадь «Ахмеровы». Копия рукописи любезно предоставлена автору профессором Б.Ф. Султанбековым). Ситуация осложнялась, если избранником татарки становился православный – как известно, переход из православия в ислам властями империи не поощрялся и даже преследовался. В этом случае татарка должна была принять православие и родившиеся в браке дети автоматически становились православными. Пример обхода этих правил – брак известного казанского историка, краеведа и педагога М.Н. Пинегина. Бывший одно время директором Татарской учительской школы и друживший со многими татарами и их семьями Пинегин связал свою судьбу (был совершен мусульманский брачный обряд – никах) с представительницей татарского рода Алкиных. Но поскольку брак православного Пинегина и мусульманки Алкиной не мог быть зарегистрирован официально, то их дети были записаны в официальных документах как дети не самого Пинегина, а брата его жены (см.: там же).

абыстай и все сопровождавшие ее (среди которых были и русские) уселись на стульях вдоль стен; возле Аминэ и Хаят образовался кружок русской молодежи: студенты, офицеры, чиновники». Но вот с ними пожелал познакомиться молодой татарин и через знакомого русского вручает карточку Рахиме-абыстай – ««Гали Мухаметович Арсланов, студент Московского университета», – прочитала та по складам и подняла глаза на Николая Ивановича. – Он что, мусульманин? – спросила она, словно это не было ясно из карточки. – Да. – В таком случае скажите, что это невозможно»¹. Так же весьма «избирательно» действовало предписание закрывать лицо от мужчин: татарка должна была на улице непременно закрыть лицо или отвернуться, если встречала мужчину-соплеменника, но при встречах с русским мужчиной (нетатарином) могла этого не делать.

В таком же парадоксальном положении оказывался юноша-татарин: он практически совершенно не знал девушек-татарок, кроме собственных сестер, зато многие общались с русскими девушками² и так вовлекались в досуговый круг русского городского общества.

Таким образом, часто у молодых татарских супругов (которые нередко в день совершения свадебного обряда видели друг друга впервые) – и у мужа, и у жены – мог быть опыт досуговых практик русского городского общества. Разумеется, это был раздельный опыт. Однако в своем семейном кругу он не воспроизводился, там воспроизводились традиционные формы досуга, доминировавшим среди которых оставалось гостевание.

Важным местом коммуникации различных досуговых культур была молодежная, особенно студенческая, среда. Студенты университета и других высших школ, число которых насчитывалось в Казани середины XIX – начала XX вв. от нескольких сотен до нескольких тысяч человек, тем не менее весьма значительно «украшали» и расцветивали досуговую жизнь города. По своему социальному, сословному, национально-конфессиональному происхождению, материальному по-

¹ См.: *Амирхан Ф.* Избранное. Рассказы и повести. М., 1975. С. 55, 265–267.

² Рассказывая о своих первых свиданиях с девушкой на берегу озера Кабан у Ботанического сада, о влюбленности, герой рассказа Ф. Амирхана «Счастливые минуты» подчеркивает, что это была именно русская девушка: «В те времена наши первые Али были русские девушки. Ибо тогда любить татарских девушек строго запрещалось, разрешалось только жениться на них, делать их третьей женой, обрезать им косы и таскать за волосы». См.: *Амирхан Ф.* Избранное. Рассказы и повести. С. 90, 97.

ложению они принадлежали к разным досуговым группам. В конце XIX в. среди студентов Казанского университета 50,1% составляли сыновья дворян и чиновников, 28,4% – сыновья мещан и разночинцев, 8,3% – выходцы из духовенства, 8,3% – сыновья почетных граждан и купцов, 4,5% – крестьяне, остальные – иностранцы¹. По вероисповеданию большинство принадлежало к христианам, в основном к православным, – 81,5%, но также к католикам и лютеранам. Иудеи составляли 8,3%, мусульмане – 1,5%². Однако наряду с этим все они принадлежали и к специфической досуговой группе – студенчеству с собственной структурой и традициями досуга, многообразно и эклектично сплавлявшими элементы многих культур и субкультур (российской и западноевропейской, средневековой и современной, религиозной и светской, военной и гражданской)³. И эта многопринадлежность позволяла им довольно свободно вращаться и чувствовать себя в самых разных досуговых пространствах в разных частях города – от блестящих залов Дворянского собрания и Городского театра до низкопробных притонов городских окраин. Они легко воспринимали различные досуговые формы, в том числе и «чужие». При этом принадлежность к студенческой досуговой культуре зачастую оказывалась сильнее тех традиций, в которых они воспитывались. Например, 14 из находившихся тогда 24 студентов Татарской учительской школы (все 17–20-летние татары-мусульмане), несмотря на все запреты своего руководства, не говоря уже о религиозных запретах, «по бывшим в прежние годы примерам» встречали новый 1893 г. веселой студенческой пьянкой, пением песен и плясками⁴. А студенты Духовной академии – вслед за студентами университета – стали производить беспорядки во время и после спектаклей в городском театре – хлопали любимым артистам, шикали и освистывали нелюбимых, пререкаясь при этом с полицией. Полиция с удивлением констатировала в феврале 1898 г., что впервые

¹ См.: История Казанского университета. Казань, 2004. С. 190.

² См.: там же. С. 195.

³ См.: Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005.

⁴ Хорошо погуляв, выломав окна и побив стекла, они заперлись в здании школы. Полиции пришлось проникнуть в школу, призвав на помощь пожарных. 14 «новогодних гуляк» были арестованы, 8 из них исключены из школы. См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9121.

так дерзко вели себя и являлись руководителями беспорядка студенты Духовной академии¹.

Как это ни странно, но городские и губернские власти невольно способствовали этому «межкультурному диалогу». Городские и губернские чиновники, нередко в прошлом сами бывшие студентами университетов (в том числе и Казанского), очень снисходительно относились к часто далеко не безобидным студенческим забавам. Их терпимость к студенческим выходкам просто достойна изумления. Характерен рапорт 1898 г. казанского полицмейстера губернатору о беспорядках, произведенных студентами Казанского университета и Ветеринарного института в ночь с 5 на 6 ноября 1898 г. (традиционный праздник – годовщина основания университета). Полицмейстер бесстрастно докладывал, что вечером группы студентов в несколько десятков человек отправились отмечать событие в известные казанские рестораны. Но наученные горьким опытом прошлых лет «содержатели сих заведений из опасений беспорядков заблагорассудили закрыть свои заведения и категорически отказались открывать их в этот вечер». Тогда студенты отправились к квартире попечителя округа у городского театра и стали петь песни у него под окнами. Прибывший полицмейстер обещал им распорядиться впустить их в одну из гостиниц, если они будут вести себя спокойно. Однако по дороге к указанной полицмейстером гостинице студенты начали кричать и петь, и испуганный ресторатор закрыл заведение. Обиженные студенты, предварительно выбив стекла в ресторане и разбив фонарь над входом, снова направились к театру и, вызвав (!) полицмейстера, просили его «пустить их куда-либо “попьянствовать”». Полицмейстер, снова войдя в положение студентов, отправляет пристава испросить согласие другого содержателя ресторана. Студенты остаются ждать и, как сообщает полицмейстер, «перед театром... особого шума не производили, но говорили громко, пили водку прямо из бутылок, передавая друг другу, высказывали неудовольствие на полицию за то, что будто бы она воспретила торговлю в трактирах». Наконец, обруганная студентами казанская полиция нашла ресторан при гостинице, куда согласились принять гуляк. Собравшись там в количестве около 150 человек, они начали «пьянство, пение, пляску; сами студенты брали водку из-за стойки и, наконец, стали бить посуду, сломали столы и стулья». Содержатель вызвал полицию. Прибывший

¹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11294. Л. 1об., 2об.

отряд из 75 полицейских также проявил безграничное терпение и понимание по отношению к вывалившимся из трактира буянам. Окружив студентов, они долго уговаривали их разойтись. Между делом, кроме криков, оскорблений и насмешек в свой адрес, один из городских получил палкой по голове, а затем был укушен нетрезвым студентом. Наконец, уставшие напраздновавшиеся студенты разошлись по домам, а «упорствовавшие» одиннадцать забияк были забраны в часть, но после удостоверения их личностей прибывшим студенческим инспектором были тоже отпущены (в результате был исключен из университета лишь один буян, ранее выгнанный из Московского университета, а остальные отделались выговором¹). Полицейский удовлетворенно констатировал, что в 4 утра в городе уже было спокойно².

Это снисходительное отношение к студенческим забавам отчасти разделяли и горожане, несмотря на все беспокойство, которое им доставляли гуляки-студенты. Попечитель Казанского учебного округа в послании к губернатору 31 декабря 1898 г. озабоченно сообщал: «Большая часть общества смотрит, к глубокому сожалению, на нарушение студенчеством общественной тишины и порядка неправильно. Вследствие этого тяжкий, подрывающий силы духа и тела молодежи недуг нетрезвости, воспитываемый прямо или косвенно семьей и обществом, составляет предмет постоянной усиленной борьбы с ним учебного начальства...»³.

В то же время такое отношение вызывало возмущение центральных властей. Они требовали наказывать студентов как представителей конкретной социально-сословной группы, каждой из которой надлежало знать, как и где себя вести в часы досуга. В конфиденциальном послании из канцелярии министра внутренних дел казанскому губернатору М.К. Нарышкину в феврале 1866 г. по вопросу о безобразиях, произведенных студентами в театре в дни масленицы, порицая местную власть за послабления студентам, подчеркивалось: «Лица сии в глазах полиции должны быть, как и прочие жители города, дворянами, сыновьями купцов, мещан и прочих, и факт, что они посещают лекции университета, нисколько не может быть основанием или поводом к снисходительности, напротив того, относительно

¹ Среди отделавшихся выговором студентов был и будущий отец известного советского писателя Льва Кассиля – Абрам Гершонович Кассиль.

² Л. 2–3об.

³ См.: там же. Л. 24об.–25.

студентов, как лиц более образованных, должно действовать строже, чем относительно других жителей того же города»¹.

Важными точками коммуникации являлись также ситуации конфликта по поводу досуга (его времени, пространства, форм, содержания и пр.), в которые вступали представители различных городских досуговых групп. Конфликт мог носить и игровой характер, как, например, традиционные кулачные бои между русскими и татарами на льду озера Кабан. Эти бои происходили по строгим установленным правилам, строго по возрастным группам. Правда, игровой характер не исключал получение вполне реальных увечий. Эта форма досуга стала одной из излюбленных среди низших городских слоев, причем как русских, так и татар. То есть стала формой совместного проведения досуга! Лучшие бойцы были известны буквально всем жителям города и вызывали восхищение вне зависимости от их национальной принадлежности. Официальные запреты кулачных боев не смогли уничтожить эту досуговую форму. Она дожила до 1930-х гг. К тому времени группы бойцов «русские» и «татары» уже были весьма условны, поскольку исчезло деление городского пространства по национальному признаку.

В конфликтную ситуацию могли быть вовлечены целые группы горожан, а в ее разрешение – городские, губернские и даже центральные власти. Так, начиная с 1880-х гг. в Казани то разгорался, то затухал, набирая вновь силу, конфликт групповых интересов, связанный с определением времени обязательного отдыха торговослужащих².

Не меньший интерес вызывают частные бытовые конфликты. Они были связаны чаще всего с ситуациями непонимания или неуважения традиций представителей разных досуговых групп, живших бок о бок. Бытовые конфликты и ссоры из-за того, что соседи не всегда учитывали особенности досугово-праздничной культуры друг друга, случались особенно в среде низших городских слоев. Курьезные случаи иногда становились предметом газетных публикаций: так в 1902 г. газета «Казанский телеграф» рассказала о ссоре двух соседей – татарина Латыпова и русского Чеснокова. Два соседа мирно беседовали, но когда Чесноков предложил Латыпову закурить, тот возмущенно отказался, по-

¹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 393. Л. 14–14об.

² См. о нем: *Мальшева С.* Еженедельные праздники, дни господские и царские: время отдыха российского горожанина второй половины XIX – начала XX вв. // *Ab Imperio.* Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2009. № 2. С. 225–266.

сколькx шел мусульманский пост – урара. Чесноков, в свою очередь, обиделся, сочтя отказ неуважением к нему, поскольку прежде сосед с благодарностью принимал предложение, и на этой почве разгорелась ссора¹. Однако эти конфликты скорее свидетельствуют о тесном сосуществовании культур, чем об их противостоянии. Латыпову даже не приходило в голову, что сосед мог не знать о его религиозном посте и связанными с ним ограничениями. Действительно, жители разных национальностей и конфессий, как правило, были хорошо осведомлены о досугово-праздничных событиях своих соседей – представителей иных наций и религий. Этому способствовали как довольно тесные повседневные коммуникации, так и упомянутые регулярные публикации в прессе, освещавшие праздничные мероприятия представителей других народов и конфессий.

Еще один важный момент коммуникации досуговых культур второй половины XIX – начала XX в. – это заимствование средними и низшими слоями населения города традиций досуга, которые ранее были свойственны в основном высшим классам, дворянству. Это подражание проявлялось в создании специальных досуговых учреждений – клубов (в подражание Дворянскому собранию), в продлении времени ежедневного досуга за счет ночных часов (купеческие загулы в ресторанах, рабочие ночные пирушки на специально снятой квартире), в восприятии ряда форм досуга.

Итак, одно из главных свойств развития досуговых культур различных городских слоев этого периода – это диалогичность. Представители различных городских культур вели диалог по поводу времени своего отдыха, стремились увеличить и урегулировать его, сравнивая его параметры с временем отдыха других слоев. В ходе этого диалога культур трансформировались привычное досуговое пространство и его границы. Шло активное проникновение в чужие досуговые пространства, они гомогенизировались. Диалог шел и по поводу форм досуга, бурно обсуждалась их приемлемость, приличие и пр. Результатом диалога культур в сфере отдыха стали постепенное снятие многих ограничений и самоограничений, демократизация этой сферы, сближение структур досуга различных групп и слоев провинциального города. Конечно, это сближение не было абсолютным, но в качестве тенденции к началу XX в. оно становится зримым даже в таких разных городских группах, как татары-мусульмане и русские-православные.

¹ См.: Казанский телеграф. 1902. 12 января.

3.7. Национально-региональный компонент как важный элемент государственного механизма сохранения и развития языкового многообразия (пример Республики Татарстан) (А.И. Хамидуллина)

Введение национально-регионального компонента государственного образовательного стандарта в образовательный процесс в 1992 г. основывалось на идее обучения и воспитания граждан, обладающих двумя важными качествами:

- 1) конкурентоспособностью в общероссийском масштабе, так как содержание федерального компонента строго регламентировано;
- 2) знаниями социально-экономических, политических, исторических, культурных особенностей своего региона, которые впоследствии будут применены в их профессиональной деятельности на благо региона.

Однако введение и реализация национально-регионального компонента (НРК) вызывали в татарстанском обществе неоднозначную оценку, так как наиболее зримым изменением стало введение в учебную программу дисциплины по изучению татарского языка и литературы.

Необходимо отметить, что судебные разбирательства, так или иначе связанные с реализацией НРК, носят прецедентный характер. Наибольшую огласку получил судебный иск гражданина С.И. Хапугина, поданный им в интересах несовершеннолетнего сына. Предметом рассмотрения по данному делу явились нормативные положения Закона «О языках народов Республики Татарстан» и Закона Республики Татарстан «Об образовании», согласно которому татарский и русский языки как государственные языки республики в образовательных учреждениях изучаются в равных объемах.

По мнению гражданина С.И. Хапугина, поскольку положения Закона о языках Республики Татарстан «обязывают учащихся общеобразовательных учебных заведений с русским языком обучения изучать татарский язык в большом объеме, то для них ограничивается возможность углубленного изучения иных предметов учебного плана, а также освоения дисциплин по выбору (факультативно)¹.

¹ Постановление Конституционного суда РФ №16-П от 16.11.2004 по делу о проверке конституционности положений п. 2 ст. 10 Закона РТ «О языках народов РТ», части второй ст. 9 Закона РТ «О государственных языках РТ и других языках в РТ», п. 2 ст. 6 Закона РТ «Об образовании» и п. 6 ст. 3 Закона РФ

Однако, основываясь на тексте указанного закона о языках, соблюдение права граждан Татарстана становится очевидным. Вследствие этого Конституционным судом РФ в удовлетворении искового заявления гражданину было отказано.

Реализация НРК в части изучения татарского языка и литературы не препятствует прохождению итоговой аттестации и получению образования более высокого уровня для русскоязычного населения. В то же время в неравной ситуации оказываются дети, чьи родители выбрали для них воспитание и обучение в национальных дошкольных и средних общеобразовательных учреждениях.

В 2009 г. обратилась в суд мать ученицы одного из татарских лицеев Казани гражданка Камалова с иском о признании недействительным пункта положения о порядке сдачи ЕГЭ, в котором говорится, что «государственная (итоговая) аттестация по всем общеобразовательным предметам, проводится на русском языке». Родители ученицы полагали, что таким образом ограничиваются права граждан России сдавать экзамены на своем родном языке. Кроме того, дети, обучающиеся на татарском языке, ставятся на ЕГЭ в неравное положение по сравнению с учениками русскоязычных школ. Ответчиком по данному делу выступало Министерство образования и науки РФ. Верховный суд России отказал в удовлетворении иска¹.

На наш взгляд, судебная практика по данному вопросу не отражает негативное восприятие населением поликультурного и полилингвального образования, а скорее демонстрирует существующие проблемы в политике, законодательстве и правоприменении. В первом случае искомое заявление является результатом политики, проводимой еще в советский период, когда социальная успешность не зависела от знания татарского языка. Для изменения сформировавшегося представления об узости социального применения татарского языка потребуются еще долгое время, тщательный анализ имеющегося опыта и продуманная политика.

Второй приведенный случай из судебной практики демонстрирует существующие противоречия в законодательстве и незрелость преобразований в образовательной сфере. Крепкие позиции, занятые поликуль-

«О языках народов РФ» в связи с жалобой гражданина С.И. Хапугина и запросами Государственного Совета РТ и Верховного Суда РТ // Консультант Плюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. М., 2007.

¹ Определение Верховного суда РФ № КАС09-295 от 2.07.2009 // Консультант Плюс: справочно-правовая система.

турным образованием благодаря законодательно закреплённому в государственном образовательном стандарте национально-региональному компоненту, были изменены с 1 января 2008 г. (вступил в силу № 309-ФЗ от 01.12.2007). Были внесены изменения в Закон Российской Федерации «Об образовании», исключив национально-региональный компонент из федерального образовательного стандарта.

Отдельные представители государственной власти не разделяют обеспокоенность относительно произошедших в законодательстве изменений, так как образовательным органам региона и руководству каждой школы в частности предоставляется право на формирование собственной образовательной программы. Дополнительные часы, предметы, специализацию каждая школа будет выбирать для себя сама. Тем не менее существует серьёзная угроза для полилингвального и поликультурного образования, так как при разработке государственных образовательных стандартов и образовательных программ их авторы ориентируются прежде всего на законодательство. Таким образом, велика вероятность, что в будущем изучение национальных языков и культуры будет основываться только на энтузиазме общественных организаций.

Несмотря на имеющиеся судебные прецеденты, полевые исследования свидетельствуют как о существовании нерешённых проблем, так и о положительных результатах реализуемого национально-регионального компонента в общеобразовательных школах Татарстана и высокой доли граждан, которые выражают позитивную оценку перспективы реализации билингвального и полилингвального образования. По результатам опроса, проведённого этнографической группой Казанского университета, положительно к системе полилингвального образования относятся более 70%, безразлично – 5%, отрицательно – в единичных случаях. С точки зрения этнической принадлежности респондентов данные опроса не выявили существенных отличий¹.

Анализируя ситуацию, в которой находится татарский язык, определяя предпосылки и результаты прошедших лет, одним из экспертов, работающим как в среднем общеобразовательном, так и в высшем учебном заведении, была дана такая характеристика: «В 1980-х татарским детям урок татарского языка ставили «нулевым» (т.е. до 8.00) или седьмым по счёту уроком. И такие занятия детьми

¹ Проблемы и перспективы поликультурного (полилингвального) образования в дошкольных и средних образовательных учреждениях Татарстана: руководитель этносоциол. опроса Т.А. Титова. Опрос проводился в 2009 г.

зачастую воспринимались как наказание. И в то время татарский язык еще не был обязательным к изучению предметом, поэтому посещение было добровольным, по желанию детей. И учебников еще не было». Как отмечают эксперты, сейчас очевидны позитивные изменения как в качестве подготовки и реализации образовательных программ и образовательного процесса, так и в восприятии изучения татарского языка гражданами РТ.

Система образования является важным инструментом реализации языковой политики, в частности ее национально-региональный компонент. Результаты проведенного исследования на тему поликультурного образования в дошкольных и средних образовательных учреждениях Татарстана показали высокую степень ориентации на изучение так называемых «языков глобализации» (в первую очередь, английского). Согласно эмпирическим данным каждый второй респондент обобщенной выборочной совокупности считает необходимым усилить подготовку детей в школе по иностранном языке, треть опрошенных склоняется к тому, что особый акцент в подготовке детей необходимо ставить на изучение русского языка, и лишь каждый шестой ответил, что необходимо усилить подготовку по татарскому языку¹. Это, на наш взгляд, является тенденцией не регионального, а общероссийского масштаба и обусловлено прагматическими интересами. Выявлено, что в настоящее время существует проблема качества преподавания русского и татарского языков, что является одним из главных условий низкого уровня интереса к изучению последнего со стороны русскоязычного населения.

Стремление к паритетному использованию татарского и русского языков нашло выражение в дублировании ряда законодательных и нормативно-правовых актов, печатных изданий и т.д. на татарском языке и во введении изучения татарского языка в средних общеобразовательных учреждениях. Однако для функционального двуязычия недостаточно декларирования тех или иных положений. В числе первоочередных мер, принятие которых может способствовать расширению социальных функций татарского языка на современном этапе, респонденты отдали предпочтение следующим позициям: необходимо улучшить уровень подготовки преподавателей татарского языка; ввести систему полилингвального обучения начиная с дошкольного образования; повысить качество учебных пособий по татарскому

¹ Проблемы и перспективы поликультурного (полилингвального) образования...

языку. Показательно, что при анализе ответов респондентов русской и татарской национальности указанные варианты получили большую поддержку в обеих группах.

Таким образом, представленные единичные случаи исковых заявлений, касающихся реализации национально-регионального компонента в Республике Татарстан, на наш взгляд, являются иллюстрацией следующих тезисов:

1) проводимая в советский период языковая политика на современном этапе трансформировалась из идеи «интернационализма» в приоритет конкурентоспособности;

2) положения нормативно-правовых актов и федеральных государственных стандартов ставят под угрозу гарантию реализации права обучения на родном языке не русскоязычного населения;

3) эмпирические данные свидетельствуют о позитивных изменениях в восприятии национально-регионального компонента как части образовательной программы и успешной реализации проводимой политики в Татарстане, что говорит о необходимости корректировки вводимых стандартов третьего поколения.

3.8. Мир как аксиологическое основание правового механизма разрешения социальных конфликтов (Ю.Ю. Ветютнев)

Ценность – это качество, в силу которого предмет или явление становится объектом социальных устремлений. В повседневной общественной практике ценности наглядно проявляются в ситуациях выбора, когда от субъекта требуется отдать предпочтение тому или иному варианту поведения. Именно ценностные ориентации людей, участвующих в правовой жизни, дают ей энергию развития.

Одно из присущих праву аксиологических противоречий хорошо выражено в словах Р. Иеринга: «Цель права – мир, средство для этого – борьба»¹. Будучи результатом столкновения различных социальных сил, часто отстаивающих противоположные интересы и ценности, право всегда отражает этот конфликт в своем содержании – либо в виде компромисса, при котором ничьи притязания не реализованы в полном

¹ *Иеринг Р. фон.* Борьба за право // *Иеринг Р. фон.* Избранные труды. СПб., 2006. Т. I. С. 24.

объеме, либо в виде полного подавления одних социальных групп другими; в обоих случаях возникает эффект неудовлетворенности.

Если вся культура представляет собой систему инструментов для жизнеобеспечения и удовлетворения базовых потребностей человека, то ее исходной и первичной задачей становится создание общей среды обитания, в которой было бы возможным сосуществование людей. Такая среда вовсе не является чем-то само собой разумеющимся, она требует постоянно возобновляемых коллективных усилий, и все остальные культурные механизмы функционируют лишь при том условии, что уже существует и поддерживается это пространство, свободное от бесконтрольного насилия.

Данте Алигьери писал в своем трактате «Монархия»: «Дело, свойственное всему человеческому роду, взятому в целом, заключается в том, чтобы переводить всегда в акт всю потенцию «возможного интеллекта», прежде всего ради познания, и, во-вторых, расширяя область познания, применять его на практике. И поскольку в целом происходит то же, что и в части, и поскольку случается, что в отдельном человеке, когда он сидит и пребывает в покое, благоразумие и мудрость его совершенствуются, очевидно, что и род человеческий, будучи в состоянии покоя и ничем не возмутимого мира, обладает наибольшей свободой и легкостью совершать свойственное ему дело... Из того, что было разъяснено, становится очевидным, с помощью чего род человеческий лучше, или, вернее, лучше всего другого, достигает того, что ему собственно надлежит делать. А следовательно, было найдено и наиболее подходящее средство, которое приводит к тому, с чем все наши дела соотносятся как со своею последнею целью, – всеобщий мир»¹.

Согласно Гуго Гроцию, источником естественного права является сама разумная природа человека, а именно «стремление к спокойному и руководимому собственным разумом общению человека с себе подобными...»². Именно из этого качества прямо выводятся конкретные предписания естественного права, а именно: воздержание от чужого имущества, возвращение полученной чужой вещи и возмещение извлеченной из нее выгоды, обязанность соблюдения обещаний, возмещение ущерба, воздаяние заслуженного наказания. Таким образом, базовой правовой ценностью для Гроция является общение, понимаемое не как коммуникация между отдельными лично-

¹ Данте А. Монархия. М., 1999. С. 27–28.

² Там же. С.46.

стями, а как создание общей среды спокойствия, иначе говоря, как *сосуществование*.

Эта линия в несколько измененном виде была продолжена Гоббсом и Спинозой, которые рассматривают позитивное (государственное) право уже не как развитие естественного (природного) права, а скорее как способ борьбы с ним. Например, согласно учению Спинозы, по праву природы все люди являются врагами, а главное назначение государственных (гражданских) законов – сдерживание этой вражды и избавление от страха, что требует подчиняться государству даже в тех случаях, когда его предписания кажутся неразумными («если человеку, руководящемуся разумом, приходится иногда по приказу государства, делать то, что, как он считает, противоречит разуму, то этот ущерб с избытком возмещается тем добром, которое он черпает в гражданском состоянии»¹).

Совершенно аналогичен этому ход мыслей Т. Гоббса: естественное право дает человеку свободу использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т.е. собственной жизни. Но ценность естественного права, строго говоря, невысока, потому что на нем может базироваться только естественное состояние, иначе говоря, «война всех против всех», вызванная недоверием и соперничеством. Естественное право не в состоянии положить конец этой войне, поэтому оно должно быть дополнено и ограничено законами. Согласно теории Гоббса, «гражданский и естественный законы не различные виды, а различные части закона, из которых одна (писаная часть) называется гражданским, другая (неписаная) – естественным. Впрочем, естественное право, т.е. естественная свобода человека, может быть урезано и ограничено гражданским законом; более того, такое ограничение является естественной целью издания законов, так как иначе не может быть никакого мира»². Искать мира и следовать ему – именно таково предписание первого и основного естественного закона³.

Таким образом, главным объектом устремлений, то есть центральной правовой ценностью, в учениях Гоббса и Спинозы является *мир*. Это вполне соответствует потребностям эпохи буржуазных ре-

¹ Спиноза Б. Политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 302.

² Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 207.

³ См.: там же.

волюций, связанных с неконтролируемым ростом насилия. Естественно, общество находится в поиске гарантийного механизма, который позволил бы снизить градус насилия, и разочарование в религии порождает надежду на упорядочивающее действие права.

Юридические тексты могут содержать прямое указание на мир и солидарность в качестве правовых ценностей. Пример такого рода находим в средневековом памятнике – так называемом Декрете Хлотаря: «В целях соблюдения мира повелеваем, чтобы во главе отрядов ставились выборные сотники и чтобы их верностью и тщанием охранялся вышеназванный мир. И дабы с помощью божией, между нами, родными братьями, была нерушимая дружба (постановили), чтобы сотники имели право преследовать вора и идти по следам в провинциях и того, и другого государства»¹. Упоминание о «нерушимой дружбе», могущее показаться излишним, становится в данном случае обоснованием конкретных юридически значимых властных решений; «дружба», противостоящая вражде, обозначает не что иное, как социальную солидарность.

Действующая Конституция Российской Федерации начинается со следующих слов: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие... принимаем Конституцию Российской Федерации».

Усилия, направленные на сохранение и укрепление этой ценности, удостоиваются высших государственных наград: орден «За заслуги перед Отечеством» вручается в числе прочего за особо выдающиеся заслуги, связанные с «укреплением мира, дружбы и сотрудничества между народами»; орденом Дружбы награждаются граждане «за большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества наций и народностей... за особо плодотворную деятельность по сближению и взаимообогащению культур наций и народностей, укреплению мира и дружественных отношений между государствами» (Статут ордена Дружбы).

Мир можно охарактеризовать как состояние, свободное от войны. Однако при таком чисто отрицательном определении не будет дано указания на существо явления, а лишь на те свойства, которые у него отсутствуют. Поэтому следует определить, что присутствует, а не отсутствует в состоянии мира.

¹ Договор о соблюдении мира государей Хильдеберта и Хлотаря – королей франков // Там же. С. 25.

Родовым понятием для мира и войны является взаимодействие. Поскольку в состоянии войны стороны взаимодействуют путем борьбы и соперничества, то можно заключить, что для мира свойственна противоположная форма, а именно сотрудничество – совместная деятельность, при которой действия субъектов направлены не друг против друга, а в пользу какого-то общего дела. Однако мир, как представляется, возможен и в пассивной форме, когда стороны не кооперируются и ничего вместе не создают, но лишь хранят нейтралитет в отношении друг друга.

Впрочем, всегда остается нечто, что участники мирного взаимодействия выстраивают совместными усилиями, а именно их коммуникация. При отсутствии коммуникации, то есть информационно-смыслового обмена, наступает либо война (с ее примечательной особенностью – прекращением прежних дипломатических или партнерских отношений), либо обоюдный бойкот – полное отсутствие каких-либо отношений, как мирных, так и воинственных.

Мирное состояние требует известной согласованности, равновесия, единения в поступках и побуждениях. Разумеется, мир в рамках человеческого сообщества не является абсолютным, он имеет свои уровни и пороги, однако в целом он считается всеми нормальным и естественным, принимается в качестве отправной точки для любых оценок и планов. Обратное состояние, связанное с отсутствием этой минимальной умиротворенности и построенное на всеобщей открытой враждебности, знакомо современному человеку лишь фрагментарно; оно актуализируется во всевозможных экстремальных социальных ситуациях (стихийные бедствия, революционные события, войны и т.п.), когда ослабевает действие привычных социальных механизмов. Однако Т. Гоббс, описывая этот режим вражды, именно ему присваивает титул «естественное состояние», причем оно даже не может считаться обществом в собственном смысле слова: «Все, что характерно для времени войны, когда каждый является врагом каждого, характерно также для того времени, когда люди живут без всякой другой гарантии безопасности, кроме той, которую им дают их собственная физическая сила и изобретательность. В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы, нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность

насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна»¹.

Современные исследователи не отвергают этой гипотезы, хотя и описывают соответствующее положение дел в несколько иных терминах, например в качестве «жертвенного кризиса». Согласно концепции Р. Жирара, вся система культурных механизмов предназначена главным образом для того, чтобы предотвратить наступление жертвенного кризиса, при котором вырывается наружу и распространяется тотальное беспорядочное насилие: «Стоит стереться жертвенному различию, различию между чистым и нечистым, как вслед за ним стираются и все прочие различия. Перед нами единый процесс победоносного шествия взаимного насилия»².

В условиях распада социальной целостности, неизбежно сопровождаемого вспышкой насилия, гибнут все культурные ценности и достижения. Поэтому поддержание мира и единства оказывается наиболее важной, хотя зачастую и скрытой, миссией культуры. Угроза единству должна распознаваться как наиболее страшная и устраняться любой ценой.

Погашение агрессии или хотя бы ее снижение до социально допустимого уровня возможно лишь при условии, что все члены данного сообщества подчиняются некоторым общим образцам поведения. Разумеется, речь идет не о полном совпадении их представлений о должном и сущем, а всего лишь о наличии солидарности, то есть единого смыслового контекста, в котором протекает совместная деятельность.

Солидарность представляет собой такое качество социальной коммуникации, при котором ее участники сознательно или интуитивно разделяют некоторые установки, стандарты поведения и коллективные ценности в той мере, в какой это позволяет им действовать сообща.

Если война – это взаимодействие насильственное, основанное на взаимном подавлении и вытеснении, вплоть до уничтожения, то есть полного лишения ресурсов, то мир, по контрасту, – это отношения взаимного признания. Мир означают, что участники отношений считаются с существованием друг друга и готовы продолжать общение на основе уважения каждым жизненного пространства своего контрагента.

Если война возможна путем молчаливого нанесения ударов, то мир всегда требует организованной речевой среды. Мир – это посто-

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. С. 96.

² Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000. С. 64.

янное согласование, уточнение чужих и своих интересов, поиск равновесия между ними, обсуждение совместных планов. Взаимное признание нуждается в регулярном словесном подтверждении. Роль права в мирном процессе – предоставление соответствующих речевых форм и средств для его поддержания, что достигается благодаря свойству права устанавливать границы в пространстве и времени. Это позволяет в переговорном порядке распределять территориальные и иные ресурсы, придавая им режим общего или индивидуального пользования, а также назначать точное время действия этих решений – на бессрочной основе или в течение строго определенного периода. Сообщество решает задачу обеспечения мирной жизни путем отгораживания от внешней агрессивной среды. Собственно, именно этот принцип – введение точных границ – в свое время привел к необходимости перехода от обычного (устного) права к письменным формам.

Свойственная праву пониженная эмоциональность также может выступать одной из гарантий мира, показывая, что он опирается не на сиюминутные переживания сторон, а на стабильное волеизъявление (впрочем, именно для мирных соглашений и деклараций часто бывает характерен повышенный эмоциональный фон, что может, соответственно, свидетельствовать об их ненадежности).

Тот факт, что мир является базовой правовой ценностью, вытекает из природы права как текстуального порядка, охраняющего социальную целостность и солидарность. Мир и солидарность неотделимы друг от друга: насилие разрушает связи между людьми, а распад единства неизбежно ведет к агрессии. Сложное устройство всей системы правовых ценностей, включающей свободу, справедливость, равенство, истину и т.п., предполагает наличие между ними достаточно устойчивого баланса, который в состоянии войны теряется. Война означает сжимание правового поля и вынужденный ценностный аскетизм. Полнота реализации правовых ценностей возможна только в мирных условиях.

Многие из правовых форм специально рассчитаны на достижение и поддержание мира. В особенности это относится, например, к такой правовой форме, как договор. В отличие от закона с его односторонним воздействием договор, даже независимо от его содержания, является символом перехода двух и более субъектов к сотрудничеству или его продолжению посредством согласия в отношении прав, обязанностей и ответственности друг друга. Здесь присутствуют признаки мирного со-

стояния в его развитом виде – совместная деятельность, создание речевой среды, демонстрация обоюдного признания субъектности.

Ценность мира проявляется и в такой правовой форме, как состязательная судебная процедура. Однако в данном случае эта ценность защищается путем моделирования борьбы. Происходит перенос потенциального насилия в словесную область.

«По отношению к проблематике насилия и справедливости, – указывает П. Рикер, – изначальная функция судебного процесса состоит в том, чтобы переносить конфликты с уровня насилия на уровень языка и дискурса... На мой взгляд, не подлежит сомнению, что процедурные правила судебного процесса сами собой способствуют продвижению справедливости (правосудия) в ущерб духу мести. И происходит этой в той мере, в какой судебный процесс образует дискурсивные рамки, подходящие для мирного арбитража конфликтов. И как раз неоспоримая заслуга установления процедурных правил состоит в том, что они позволяют судебному процессу как особому институту переносить конфликты из сферы насилия в сферу языка и речи»¹. В сфере судопроизводства опасность конфликта минимизируется и наличествуют готовые формы перехода к мирному взаимодействию, основной из которых, как явствует из самого названия, выступает «мировое соглашение».

Остается прояснить, каким же образом культивирование ценности мира может сочетаться с существованием такого явления, как право войны. Действительно, наличие правил, регулирующих ведение боевых действий, причем исторически длительное, так или иначе означает легализацию войны, ее допущение в качестве правомерного поведения. Это связано с тем, что само право, часто будучи универсальным по замыслу, изначально было локальным по сфере действия и обеспечивало мир внутри сообществ, но не при их столкновении. Появление «права войны» отражало и тот факт, что юридически защищаются и иные ценности, кроме мира, в том числе и чисто политические. Например, в качестве оправдания войн часто используются ссылка на такую ценность, как справедливость; такова позиция И.К. Блюнчли: «Даже и в этой страстной борьбе проявляется в полной силе чувство справедливости, присущее человеку. Государство берется за оружие лишь затем, чтобы защитить поруганную справедливость, хотя часто превратно понимаемую. Уверенность в правоте своего дела придает силу и могущество

¹ Рикер П. Справедливое. М., 2005. С. 264, 265–266.

даже слабому, сознание же несправедливости способно вселить страх и робость в сильного»¹. Чаще всего «право войны» допускало ведение войн оборонительных или освободительных, т.е. завоевание мира и свободы. Кроме того, нормы «права войны» всегда строились так, что сдерживали произвол воюющих сторон, что с учетом крайне ограниченных возможностей самого права в международных отношениях можно рассматривать как стремление к миру.

До настоящего времени в законодательстве отсутствует общеправовой принцип, способствующий избежанию социальных конфликтов; именно такую функцию мог бы выполнять принцип социального партнерства.

Думается, что социальное партнерство – это принцип общественной и правовой жизни, в соответствии с которым социальное взаимодействие должно осуществляться на бесконфликтной основе, путем совместного принятия решений по вопросам общего значения с целью наиболее полного удовлетворения интересов субъектов.

Начав свое существование в сфере трудового права, принцип социального партнерства имеет все основания расширить свое действие на большую часть всех общественных отношений, в т.ч. хозяйственно-экономические, семейные, политические, административные, включая взаимодействие между федеральными и региональными властями, и т.д. Это означало бы, что все субъекты правоотношений обязаны осуществлять свою деятельность с учетом чужих интересов, в режиме сотрудничества, что во всех случаях разрешение социальных и юридических конфликтов должно происходить на упреждающей основе, то есть путем профилактики, использования переговорных механизмов и других средств компромисса.

3.9. Необходимость и пределы государственно-правового воздействия на конфликт в условиях кризисных ситуаций (А.А. Фомин)

Переходный этап развития любого общества, и российское здесь не является исключением, предполагает разбалансированность многих, если не большинства, общественных отношений. Социально-

¹ Цит. по: *Казанский П.Е.* Введение в курс международного права. Одесса, 1901. С. 185–186.

экономическая и общественно-политическая ситуация довольно часто выходит из-под контроля властных структур, появляются остро конфликтные противоречия. Как следствие, использование органами государственной власти Российской Федерации правовых средств обеспечения безопасности выступает одним из важных элементов правовой политики, способствующим разрешению внутренних и международных конфликтов. В нашей стране с ее перманентным общественным кризисом любая даже незначительная проблема представляет собой серьезную угрозу безопасности личности, общества и государства, создает предпосылки для возникновения различного рода кризисных ситуаций.

На современном этапе общественного развития потребность в безопасности обеспечивается прежде всего правовыми средствами, отражая тенденцию повышения статуса права и его роли в жизни общества, зависимость субъектов от объема и качества правового регулирования. С помощью права регламентируются критерии безопасности и их пороговые значения, вырабатывается комплекс мер и механизмов безопасности в сферах экономики, внешней и внутренней политики, общественной безопасности и правопорядка, обороны и иных сферах. Актуальность исследования института правовых средств обеспечения безопасности в кризисных ситуациях объясняется, во-первых, неослабевающими процессами дестабилизации общественно-политической жизни в современной России, нарастающей волной экстремизма и национализма, активизацией оппозиционных настроений в российском обществе; во-вторых, необходимостью разрешения возникающих конфликтов интересов в рамках «правового поля»; в-третьих, отсутствием как в науке, так и в юридической практике однозначной позиции в отношении допустимости использования средств обеспечения безопасности, точных критериев для разграничения того, что входит в предмет правового регулирования в условиях кризисных ситуаций, а что должно трактоваться как злоупотребление властными полномочиями.

Хотя противоречия и конфликты на нынешнем этапе развития общества являются во многом закономерными и неизбежными, в условиях социального и идеологического плюрализма, становления демократии они не фатальны. Подобный подход обуславливает необходимость более глубокого и основательного познания специфики выполняемых задач и сферы действия средств обеспечения безопасности, образующих механизм обеспечения безопасности в кризисных

ситуациях, определения их социального назначения и роли в процессах государственной и общественной жизни, в механизме правового регулирования всей системы общественных взаимосвязей. Реальная безопасность может быть обеспечена лишь при сбалансированном использовании всего арсенала имеющихся в распоряжении государства правовых средств. Причем оптимальный эффект достигается тогда, когда все используемые средства и методы правового воздействия объединяются в единую, целостную систему – государственно-правовой механизм обеспечения безопасности.

Кризисную ситуацию можно определить как внешне неожиданную, внезапно возникающую обстановку, характеризующуюся неопределенностью, остроконфликтностью, значительными социально-экономическими и политическими последствиями, угрожающую суверенитету и основам конституционного строя государства, жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности государственных институтов, требующую принятия экстренных, чрезвычайных организационно-правовых мер по ее устранению. «В жизни государства бывают такие моменты, – писал Н.М. Коркунов, – когда дело идет о сохранении его целостности и независимости, когда от данной минуты зависит самое бытие государства. В этих случаях недостаточно бывает общих полицейских мер и государство должно прибегнуть к исключительным мерам охраны, обуславливающим собою временные ограничения гражданской свободы»¹.

Кризисные ситуации нарушают, взрывают сложившееся течение жизни, порождают непредсказуемые, нестандартные условия, в рамках которых обычные механизмы управления и законодательные нормы оказываются неадекватными, неспособными обеспечить быстрое и четкое преодоление кризиса, нормализацию обстановки. При таких обстоятельствах должны применяться правовые средства, специально разработанные для прогнозирования, предупреждения, регулирования и ликвидации кризисных ситуаций. Управление в условиях кризисных ситуаций сопряжено со значительными трудностями и требует решительных, порой жестких, но обязательно регламентированных правом мер. Отсутствие эффективных правовых механизмов приводит к несвоевременным и ошибочным решениям, чрезмерным разрушениям и социальной напряженности в обществе, в целом осложняет возврат к нормальной жизни. Поэтому кризисные ситуации,

¹ См.: Российское полицейское (административное) право: конец XIX – начало XX в.: хрестоматия: сост. Ю.Н. Стариков. Воронеж, 1999. С. 283.

сколь бы внезапными и трагическими они ни были, требуют постоянного мониторинга источников угроз, их природы и причин возникновения, непрерывного правового осмысления и выработки путей и средств, которые помогали бы их предотвращать, а если все же они возникнут, то преодолевать, причем наиболее быстрым и эффективным образом. Речь идет об оптимизации накопленного правоприменительного опыта разрешения социальных конфликтов, выстраивании новой схемы взаимоотношений государства и личности, совершенствовании действующих правоположений и т.д.

Кризисные ситуации представляют собой очень пеструю картину, и их трудно привести к единому шаблону, поскольку в их основании лежат разные причины. Объективная необходимость в использовании правовых средств обеспечения безопасности обусловлена широкой палитрой предпосылок политического, социально-экономического, правового, природного, техногенного и иного характера. В основе войн, региональных конфликтов, межнациональных осложнений лежат, как правило, политические интересы. Поводом к возникновению кризисной ситуации может послужить обострение криминогенной обстановки¹. Причины технологических катастроф кроются в ином – уровне организации и контроля за хозяйственной деятельностью².

Соответственно, кризисные ситуации имеют совершенно различную природу: политическую, этническую, технологическую, стихийно-природную и т.п., что отражается на многоаспектности их правового регулирования. Массовые беспорядки, с одной стороны, а стихийные бедствия, аварии, катастрофы – с другой, – это совершенно разные по своему характеру явления, требующие от государства далеко не одинаковых подходов: при социальных конфликтах должны преобладать меры сдерживания и принуждения, при социальных бедствиях – меры спасения и помощи. Такая постановка проблемы является необходимым фактором обеспечения законности и правопорядка, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, недопущения произвола и превышения пределов полномочий со стороны госу-

¹ См.: *Кириянов А.Ю.* Региональная безопасность в условиях современной России (общеправовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 7.

² См.: *Велиева Д.С.* Система конституционных экологических прав и обязанностей в Российской Федерации. М., 2009. С. 8; *Вершило Н.Д.* Правовая охрана окружающей среды и устойчивое развитие. Саратов, 2005. С. 5.

дарственных органов и их должностных лиц в случае возникновения кризисной ситуации.

Конституции и законодательство большинства государств мира устанавливают два режима осуществления государственной власти – нормальный (действующий в условиях спокойного течения общественной жизни) и чрезвычайный. По справедливому замечанию К. Хессе, «конституция должна быть пригодной не только для нормальных времен, но также в бедственной и критической ситуациях. Если она не проявит заблаговременно заботливость для преодоления таких ситуаций, то ответственным органам в решающий момент не останется никакой другой возможности, как действовать помимо конституции»¹. Законодательная регламентация средств обеспечения безопасности – гарантия против произвольной деятельности государственных органов при кризисных ситуациях, необходимая для поддержания их легитимности, соблюдения Конституции и международных обязательств России в области прав человека.

Отсутствие длительных демократических традиций в России, приоритет не закона, а политической и экономической целесообразности, приспособляемой к острым нуждам конкретного исторического момента, поддержка со стороны населения отдельных антикризисных мер, провозглашаемых в ряде случаев как средство обеспечения безопасности, «наведения порядка», ускорения темпов политических и социально-экономических преобразований, преодоления сопротивления этим преобразованиям консервативных сил – эти и другие факторы «воодушевляют» на проведение чрезвычайной политики всю вертикаль государственной власти. Как справедливо пишет Н.Г. Жаворонкова, «рассматривая «право чрезвычайных ситуаций» как право «экстремальное»... приостанавливающее или даже отменяющее обычные институты права, мы как в зеркале можем увидеть ту ничтожную грань, отделяющую право от бесправия, закон от беззакония»².

Еще Ш. Монтескье предупреждал об огромной степени опасности, возникающей в связи с концентрацией и использованием властных полномочий. «Чрезмерная власть, внезапно предоставленная в республике гражданину, – писал Ш. Монтескье, – образует монархию и даже больше чем монархию. В монархии законы охраняют го-

¹ Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981. С. 339.

² Жаворонкова Н.Г. Роль права в обеспечении безопасности при чрезвычайных ситуациях // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 3. С. 195.

сударственное устройство или приспособляются к нему, так что тут принцип правления сдерживает государя; в республике же гражданин, завладевший чрезвычайной властью, имеет гораздо больше возможностей злоупотребить ею, так как тут он не встречает никакого противодействия со стороны законов, не предусмотревших этого обстоятельства»¹.

Могут сказать: к чему вся эта формалистика, когда положение кризисное, требующее принятия незамедлительных, пусть и чрезвычайных мер безопасности. С точки зрения общепризнанных, в том числе и в современной России, основополагающих идей и принципов конституционализма подобные аргументы не приемлемы. Здесь не может быть ссылки на фактор внезапности. В таких вопросах не должно быть спешки, потому что эта проблема прав личности, проблема демократии и законности в стране. В государственно-правовом регулировании кризисных ситуаций нет места для субъективизма, для послабления, игнорирования Конституции и действующего законодательства. Сегодня актуально звучат слова, произнесенные почти столетие назад о том, что «не в темном и холодном каземате исключительного положения, – под солнечным светом Справедливого Закона, на чистом воздухе гражданских свобод воскреснет для новой жизни Россия»².

Отсутствие правовой регламентации мер безопасности, применяемых в условиях кризисных ситуаций, – фактор, способствующий реанимации многих трагических сюжетов отечественной истории. Это особенно важно для переходных стран, где сильны идеи тоталитаризма и имперские амбиции, слабы конституционные и демократические традиции, низка правовая культура. Под покровом защиты «безопасности» государство вновь (явно или завуалированно) может осуществить полномасштабный план подавления политической оппозиции, устранения из жизни общества демократических государственно-правовых институтов, ущемления гражданских прав и свобод в обществе. Расширительное толкование термина «безопасность» может оказаться легитимной основой для издания закона, предусматривающего ущемление гражданских прав и свобод в обществе. В этой связи наиболее остро стоит проблема определения пределов применения мер безопасности. Эта проблема вызывает волнение на протя-

¹ *Монтескье Ш.* О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 174.

² *Гессен В.М.* Исключительное положение. СПб.: Юрид. кн. кл. «Право», 1908. С. VIII.

жении всей истории развития института государственности во многих странах мира. В своей книге «О пределах государственной деятельности» решить ее пытался немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат Вильгельм Гумбольдт.

«Прежде всего, государству отказано в праве заботиться о том, что не связано с безопасностью граждан, как внешней, так и внутренней...»¹. По мнению В. Гумбольдта, государство не должно влиять на нравы и характер самой нации или стремиться изменить их в ту или иную сторону. Деятельность государства состоит в охране безопасности; она должна распространяться лишь на те действия, которые непосредственно представляют посягательство на чужое право: должна разрешать спорные вопросы, восстанавливать нарушенные права и наказывать нарушителей.

Однако нельзя определить, до каких пределов государство может «обеспечивать безопасность» граждан как от внешних угроз, так и от ущерба, который они могут нанести друг другу, пока однозначно в официальном порядке не формализовано само понятие безопасности. К сожалению, в науке и практике сложилась парадоксальная ситуация: безопасность до сих пор остается собирательным понятием, «насыщаемым» участниками общественной жизни содержанием и объемом по собственному усмотрению. Определяемая на обыденном уровне как состояние защищенности безопасность все более и более размывается на уровне идеологическом, общегосударственном, впитывая в себя все большее число «околобезопасных» проблем, обретая рыхлые очертания. Происходит смещение приоритетов и акцентов от безопасности личности в сторону безопасности государства. Угрожающей стала укоренившаяся легковесность политического использования понятия «безопасность государства и личности» в качестве универсального, чаще популистского, демагогического аргумента любой концепции, идеи, теории либо позиции.

В системе обеспечения безопасности ведущая роль выпадает на долю государства, ибо общество и породило его для регулирования наиболее важных, а следовательно, и конфликтных процессов между своими составными частями. Тем не менее нельзя забывать, что безопасность государства и безопасность общества – понятия несовпадающие, а при определенных обстоятельствах даже противоположные. Если безопасность государства можно охарактеризовать такими

¹ Гумбольдт В. О пределах государственной деятельности. М., 1998. С. 101.

параметрами, как укрепление государственной власти, экономическое могущество, территориальная целостность и нерушимость границ, то безопасность общества характеризуется социальной справедливостью, правами граждан и общества в целом во взаимоотношениях с государством, режимом законности, экономическим благополучием граждан, демократическим плюрализмом, открытостью общества.

В 1911 г. В.Д. Набоков предупреждал: «Нам, русским, знакомы понятия о «неблагонадежности», и о «лицах, вредных для общественного спокойствия», и о «вредных и порочных членах» сельских обществ; мы знаем, во что могут превратиться меры предупреждения и пресечения в отношении этих лиц, которые тем или другим учреждением признаны «опасными». И мы должны признать, что орудование понятием «опасное состояние» личности особенно опасно и нежелательно там, где приходится думать не о расширении прав административной власти, а наоборот, о введении ее в надлежащие рамки... Предоставление ей возможности объявлять человека опасным, и без тех гарантий, которые заключаются в точной и конкретной формулировке состава преступления, преступного деяния уголовным кодексом, – применять по отношению к этому «опасному» лицу весьма серьезные меры социальной защиты в виде лишения свободы, высылки и т.п. – это равносильно возведению в принцип того, что фактически является уродливым отклонением от функций правового государства»¹. Другими словами, подмена понятий государственной, общественной, личной безопасности нарушает важнейшие правовые принципы применения мер безопасности – принципы необходимости и разумности, что, в свою очередь, приводит к прямому или косвенному ущемлению прав и свобод человека и гражданина.

Появляется трудноразрешимое противоречие между естественной конфликтностью, неустойчивостью переходного периода общественного развития и легитимностью применения «жестких» мер: с одной стороны, создается возможность в русле права преодолеть те или иные конфликтные ситуации, которые не могут быть устранены нормальным конституционным путем, с другой – необходимо твердо гарантировать, чтобы концентрация власти, столь необходимая при этом, не использовалась в ущерб конституционному правопорядку, не привела к устранению из жизни общества государственно-правовых демократических институтов, чтобы ссылки на особые,

¹ *Набоков В.Д.* Об «опасном состоянии» преступника как критерии «мер защиты». СПб., 1910. С. 29–30.

чрезвычайные обстоятельства не оправдали в действительности отказ от демократического государственно-правового режима. Справедливо звучит мысль А.С. Алексеева о том, что «трудно найти учреждение, которое с большей резкостью обнаружило бы то противоречие, которое так часто существует между определяющими государственно-правовой институт формальными нормами и фактическими приемами его применения. Практика чрезвычайного-указного права служит одной из наиболее ярких иллюстраций тому, как гибки и послушны конституционные тексты, и как они сами по себе бессильны сдерживать политические притязания борющихся между собой политических факторов»¹.

Поскольку во времена серьезных потрясений невозможно обойтись без решительных и экстренных мер, законодательство правового государства, регулирующее осуществление чрезвычайных полномочий, должно предусматривать систему мер и механизмов предупреждения злоупотреблений ими в условиях кризисных ситуаций, а именно:

– законодательное ограничение пределов чрезвычайных полномочий и предоставление президенту, правительству, тому или иному конкретному государственному органу столько чрезвычайной власти, сколько действительно необходимо для защиты интересов граждан, общества и государства от угрожающей им опасности;

– детальную правовую регламентацию наиболее существенных вопросов, связанных с использованием особых (чрезвычайных) общественно-политических режимов, в том числе и на конституционном уровне;

– создание инструментов нормального функционирования законодательных органов в период действия чрезвычайного режима, обеспечение реального и всеобъемлющего парламентского контроля: законодательная власть должна в равной степени иметь право как на утверждение, так и на аннулирование в любой момент решения исполнительной власти о введении того или иного чрезвычайного режима. Законодательный контроль за актами и действиями органов чрезвычайного правления и существование особых парламентских процедур такого контроля особо важны для реализации демократии и принципа верховенства права²;

¹ Алексеев А.С. Происхождение чрезвычайного-указного права и его политическое значение. М., 1913. С. 6.

² См.: Чрезвычайные полномочия. Европейская Комиссия за демократию через право. Издание Совета Европы. 1995. С. 23–24.

– применение чрезвычайных полномочий и мер только при наличии действительно исключительных обстоятельств и в самых опасных ситуациях, угрожающих государственному или общественному строю. Среди причин, являющихся основанием для использования чрезвычайного законодательства, должны преобладать такие, которые по своему характеру представляют очевидные, объективные факты, не нуждающиеся в субъективной оценке государственного органа, наделенного правом принимать решение о введении в действие институтов особого режима. Это обстоятельство делает невозможным использование таких институтов в каких-либо иных целях, нежели обеспечение безопасности граждан, защита общественных и государственных интересов;

– закрепление конституционно-правовых гарантий того, чтобы любые отступления от обязательств, касающихся прав человека и основных свобод, в условиях кризисной ситуации оставались строго в рамках, предусмотренных международным правом, в особенности в отношении прав, от которых не может быть отступлений;

– реализацию Конституционным судом своих контрольных полномочий в решении вопросов о том, соответствует ли законодательство о безопасности в чрезвычайных ситуациях Конституции государства; соответствует ли указ о введении чрезвычайного, военного положения или иного чрезвычайного режима действующему законодательству и т.п. Конституционный суд должен обеспечить недопустимость вторжения в «абсолютные» права и свободы граждан и соблюдение принципа пропорциональности в отношении мер, ущемляющих права и свободы;

– обеспечение свободы слова и информации в условиях объявления чрезвычайных правовых режимов, чтобы общественность имела возможность обсуждать вопрос о соблюдении основных прав и свобод человека и гражданина, о правомерности действий и решений органов государственной власти и т.п.;

– мониторинг со стороны международных организаций и межгосударственных образований (в частности, ООН, ОБСЕ, Совета Европы и т.д.) за процессами реализации конституционно-правовых гарантий в условиях кризисных ситуациях.

Юристы неохотно исследуют конфликты интересов и иные особенности функционирования общественных отношений в условиях кризисной обстановки, так как не известно, как будет работать созданная модель правового регулирования на практике. Отсутствие

правовых теорий, в свою очередь, предопределяет недостаточно эффективный уровень правового воздействия в условиях реально сложившейся кризисной ситуации. Вместе с тем важным условием повышения эффективности разрешения конфликтов является степень взаимодействия и разумного сочетания применения правовых средств обеспечения безопасности с другими видами социального регулирования. Признавая необходимость и значимость правового регулирования, недопустимо, однако, переоценивать его роль в разрешении кризисных ситуаций. Использование правовых средств безопасности не всегда может привести к желаемому результату. Развитие законодательства о безопасности не должно снимать общей задачи дальнейшего поиска эффективных путей окончательного преодоления кризисной ситуации. Необходимо принятие комплекса мер – не только правовой, но и политической, экономической, социальной и иной направленности. К сожалению, и по сей день весьма распространено мнение о широких возможностях права, когда с фактом принятия того или иного акта – закона, указа и т.д. – идеалистически связываются надежды на решение многочисленных острых социальных проблем.

В обстановке переходного периода никакая страна, а тем более современная Россия, не застрахована от возникновения кризисных ситуаций. Анализ их развития, причин и последствий, официальных оценок и извлеченных уроков свидетельствует, к сожалению, об отсутствии реальных гарантий, которые могли бы предотвратить новые вспышки дестабилизации и кризиса в стране (террористические акты, массовые беспорядки, природные и техногенные катастрофы и т.п.). Налицо широкий комплекс предпосылок социально-экономического, политического, религиозного, национального, технологического характера, обуславливающих необходимость задействования в государственном управлении мер безопасности. Их правовая регламентация – это надежный механизм реализации и защиты интересов социума, позволяющий государству своевременно предотвращать возникновение и разрешать в рамках «правового поля» социальные конфликты и кризисные ситуации. Однако пользоваться такими методами государственно-правового регулирования следует крайне осторожно, потому что они имеют свойство укореняться в политической практике и давать рецидив уже в обычных условиях.

3.10. Империя как форма разрешения региональных конфликтов в России и на постсоветском пространстве (Н.И. Грачев)

Основными формами политико-территориального единства государств на протяжении всей истории человечества являлись империя, унитарное государство и федерация. Между тем в современном государствоведении обычно выделяют лишь две последние. Проблематика имперской государственности не находит необходимого освещения в отечественной юриспруденции. Имперский универсализм почему-то считается опасной принадлежностью прошлого. Империя из сложного, имеющего богатую историю политического понятия превратилась чуть ли не в бранное слово и рассматривается в большинстве случаев как форма государственности домодерного мира, на смену которой окончательно и бесповоротно пришло национальное государство унитарного и федеративного типа.

Между тем тенденции развития мировой политической системы свидетельствуют о другом. В настоящее время в условиях глобализирующегося мира происходит реновация имперской государственности, реставрация идеи империи и имперского суверенитета. О возрождении имперских традиций в новых условиях свидетельствуют проекты образования мирового государства и мирового правительства¹, глобального правления на основе деятельности сетевых структур², попытки создания однополярного мира на основе финансового, военного и геостратегического господства США, формирование мегафедеративного образования на территории современной Европы, обладающего ярко выраженными имперскими признаками³. В то время как национальные государства сползают к уровню обладания второстепенным статусом, политическая карта мира указывает на государства континентального типа, «стержневые государства», способные объединить под своей эгидой крупные географические регионы, то

¹ См.: *Явич Л.С.* О философии права на XXI век // Правоведение. 2000. № 4. С. 11-12.

² См.: *Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007.

³ См.: *Бабурин С.Н.* Мир империй: территория государства и мировой порядок. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2005. С. 671; *Каспэ С.И.* Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. С. 206.

есть создать новые имперские образования. К государствам такого типа уже сейчас можно отнести Китай. В качестве кандидатов на эту роль называют Индию, Японию, Германию и Россию, определяя их как «дремлющие», «скрытые», «раскрывающиеся» либо «обороняющиеся» империи¹.

Как свидетельствует исторический опыт, путь имперского строительства – необходимый и вполне закономерный путь существования и развития великих держав². Поэтому империя представляет собой особую, но совсем не уникальную форму государственного устройства. Это одна из самых древних и наиболее устойчивых форм политической организации общества, часто выступающей государственно-правовой оболочкой существования локальной цивилизации, представляющей собой историко-культурную общность различных наций и народов, занимающих определенный географический ареал. Именно их объединение в рамках единой культурной парадигмы делает империю универсальным государством и позволяет ей дорасти до целостной цивилизации.

Поэтому та политическая и культурная целостность, которую представляет собой империя, не может быть соединена и удержана исключительно силовыми методами. Неотъемлемыми атрибутами объединения здесь всегда являются взаимные соглашения, союзы, договоры, федерирование отдельных частей, протектораты и покровительство. Империя часто приходит к присоединяемым народам как примиритель противоречий и конфликтов. Нередко посредством войны и силы она устраняет саму возможность войны и силовых отношений из политического арсенала прежде конфликтовавших политических образований. При этом империю отличает способность представлять собственную военную силу и политическую мощь как залог мира, права и справедливости³. основополагающей идеей политической и территориальной экспансии империи является принцип включения и поглощения присоединяемых народов в имперскую государственную организацию, а не их подавления и эксплуатации. По от-

¹ См.: *Бабурин С.Н.* Указ соч. С. 671–672; *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Ладомир, 2005. С. 312, 371–375; *Хангтингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 238–280.

² См.: *Устрялов Н.В.* К вопросу о русском империализме // *Нация и империя в русской мысли XX в.* М.: ПРЕНСА, 2004. С. 256.

³ *Исаев И.А.* Топос и номос: пространства правопорядков. М.: Норма, 2007. С. 21.

ношению к ним империя обладает некоей цивилизаторской миссией (введение обычаев мира, политических, правовых, культурных и иных стандартов и т.д.), придающей имперской власти дополнительную легитимность и оправдывающую ее существование.

Естественно, что территориальное пространство империи оказывается весьма неоднородным и многообразным не только по своим этническим, религиозным, хозяйственным и другим свойствам, но и политико-правовым качествам и статусным характеристикам входящих в нее региональных частей. Империя, наряду с административно-территориальными единицами, включает в себя разностатусные этнические образования, находящиеся в разной степени политической, административной и правовой зависимости от имперской верховной власти. Поэтому ее политико-территориальное устройство основывается на своеобразном сочетании принципов федерализма, конфедерализма, самоуправления, автономии и децентрализации при стойкой тенденции к централизованному унитаризму, которая, однако, никогда не достигает своего логического завершения, оставаясь лишь парадигмальным направлением развития имперской государственности.

Империя есть высшее состояние государства, вырастающее из иерархии человеческих союзов, перерастающее свои национальные границы¹ и объединяющее под одной, единой верховной властью различные этносы и народы, государства и политико-территориальные образования. Основным политико-правовым признаком империи являются единство политического пространства и единство имперского суверенитета по отношению к внешнему миру как исключительной сферы деятельности имперского центра. Что касается многообразия статусов территорий, входящих в состав империи или находящихся в зоне ее влияния, как и степени их правовой и фактической самостоятельности, то они могут быть тем шире, чем более духовным (идейным, культурным, интеллектуальным, моральным) характером обладает объединяющий их суверенный имперский центр, чем могущественнее его уравновешивающая сила, глубинное влияние.

Все сказанное в полной мере относится к России. Россия почти изначально, с момента объединения славянских и финно-угорских племен, была потенциально имперским государством. На протяжении всей своей истории русский народ шел по пути политической и пространственной интеграции, имперостроительства и цивилизационной экспан-

¹ Смолин М.Б. Тайны русской империи. М.: Вече, 2003. С. 388–389.

сии¹. Неслучайно британский ученый и политик Х. Дж. Макиндер считал Россию главной сухопутной державой современности, которая наследует геополитическую миссию Рима, империям Александра Македонского и Чингиз-хана, называл ее «географической осью истории» и считал, что она не может не осуществлять своего геополитического предназначения независимо от различных внешних и сугубо преходящих факторов². Уже с XVI в. Российское государство начинает превращаться в империю, в которой наряду с сугубо русским по происхождению имперским ядром все больший удельный вес постепенно приобретают иные этнополитические компоненты. «В имперской России, в государственном быту, рядом с элементами коронного управления и элементами, всецело подчиненными русскому закону самоуправления, существовали в высшей степени яркие явления, граничащие с государственностью автономии отдельных местностей, входивших в состав русского государства»³. Осознание невозможности «управлять одними и теми же способами и учреждениями туркменами и великороссами, сибирскими кочевниками и кавказскими племенами, кокандцами и немцами, Финляндией и Польшей»⁴ в конечном итоге и обусловило появление элементов политической автономии в региональной и национальной политике царского правительства.

Империю никогда не бывают сугубо унитарными. И Российский император правил Финляндией как Князь Финляндский (конституционный монарх в отличие от самодержавного русского царя). Завоевание Средней Азии не привело к ликвидации Бухарского эмирата и Хивинского ханства, равно как и к отмене там традиционного исламского права. В единой и неделимой империи не существовало единого юридического пространства. На ее территории действовало немецкое балтийское право, особое законодательство для Польши, мусульманское право в Средней Азии и некоторых других регионах. За пределами юрисдикции родовых органов управления коренными народами Сибири находились лишь наиболее тяжкие преступления и ряд

¹ См.: *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999. С. 196.

² См.: *Макиндер Х.Дж.* Географическая ось истории // Классики геополитики XX в. М.: АСГ, 2003. С. 7–30.

³ *Нольде Б.Э.* Очерки русского государственного права. СПб.: Правда, 1911. С. 279–280.

⁴ *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права: в 2 т. М.: Зеркало, 2006. Т. 1: О государственном устройстве. С. 279–280.

гражданских дел, если по ним не было достигнуто приемлемое для обеих сторон решение. Не существовало и единого денежного пространства, так как Финляндия имела собственную монету. А наличие в имперской армии многочисленных регулярных частей, формируемых по этнорелигиозному и территориальному принципам, подрывало, по крайней мере, формально, идею единства вооруженных сил. Но основным признаком империи – единство политического пространства, единство имперского суверенитета, сфера верховной власти Белого царя – оставался незыблемым. За государем-императором в полном объеме сохранялась вся полнота верховной власти при решении вопросов общегосударственного значения. В то же время в целом ряде областей, интегрированных в состав российской империи, – в Прибалтике и на Украине, обширных территориях Сибири, в Бессарабии, среди северокавказских народов, в Грузии, Азербайджане, Ереванской и Нахичеванской областях, Средней Азии, Польше и Финляндии – система управления и правового регулирования сохраняла ярко выраженную местную специфику и этно-культурное происхождение, что как раз и характерно для континентальных империй.

Все это однако не создавало сущностных предпосылок для полной федерализации политико-территориальных отношений. И хотя после революции 1917 г. партия большевиков попыталась «ввести» федерацию, восстановление российской государственности в новой советской форме неизбежно повлекло за собой возрождение прежних имперских механизмов и установок – иной альтернативы не было¹. Изменилась идеология, поменялись термины, внешний облик, политико-правовая оболочка российского государства. Но суть осталась прежней – имперской, что обусловило своеобразное оригинальное сочетание конфедерализма, федерализма и автономии при устойчивой тенденции к унитаризму в организации советской государственности. Попытка федерализации политико-территориального устройства СССР, тем не менее, принесла свои плоды в виде наличия политико-территориальных форм самоуправления целого ряда наций и народов, населяющих СССР, что привело к образованию их собственной государственности. Поэтому образование и существование СССР следует рассматривать как определенный и необходимый этап в развитии Российского государства.

¹ См.: *Каспэ С.И.* Указ. соч. С. 186–187.

Национальная и региональная политика советского руководства в период становления СССР обладала в целом глубокой сущностной адекватностью той ситуации, которая сложилась в межнациональных отношениях в России в начале – середине XX в. Сталинский прагматизм в этих вопросах уточнил ленинский план федерализации и сыграл выдающуюся роль в стабилизации и развитии национальных и окраинных регионов. Сталин сумел преодолеть интернациональное отчуждение социализма от России и направить его, насколько это было возможно, в русло имперских национальных интересов. И то, что советская империя выстояла в Великой Отечественной войне, является высшей оценкой жизненности и действенности принятого курса и свидетельством его глубокой обоснованности¹.

Непонимание государственной природы России и Советского Союза как одной из форм ее имперского существования явилось одной из основных причин распада СССР и многих межнациональных и региональных конфликтов в Российской Федерации и на всем постсоветском пространстве. Как только Советский Союз продемонстрировал свою слабость, пошел на поводу у своих геополитических противников и попытался замкнуться на своих внутренних проблемах, отступив из Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Афганистана, сразу начался процесс отмежевания и близкой периферии в лице его союзных республик. Аналогичные процессы происходили и внутри Российской Федерации – раздача суверенитетов национальным республикам и административным регионам, сужение территорий, воспринимаемых как историческая Россия. Строительство новой модели государственного устройства все 1990-е гг. происходило в России в борьбе между конфедеративными, федеративными и унитарными тенденциями. В большинстве регионов, освободившихся от опеки центральной власти, сложились достаточно жесткие авторитарные или, во всяком случае, не демократические режимы². Не удавалось решить проблемы взаимодействия региональной и местной власти. Инсталляция скроенных по западным образцам моделей федерализма и местного самоуправления привела к росту сепаратизма, падению эффективности деятельности государственных органов, межнациональным конфликтам, коллизиям между различными уровнями власти.

¹ См.: Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2010. С. 363–364.

² См.: Кузьмин А.С., Мелвин Н.Дж., Нечаев В.Д. Региональные политические режимы: опыт типологизации // Полис. 2002. № 3. С. 142–155.

В результате к концу 90-х годов XX столетия Россия получила очень рыхлое государственное устройство с тенденцией к обособлению регионов в удельные княжества, превращению ее в конфедерацию или во фрагментированную систему авторитарных режимов и компрадорских образований. Федеративная формально-юридически организация государственного пространства все больше напоминала феодальную монархию, где провинциальные автократии за немногими исключениями тяготели к привычной для России самодержавности, а президент являлся лишь *primus inter pares* по отношению к региональным баронам¹. Попытка уйти от имперскости и построить новую государственность на сугубо федеративных началах все явственнее вела к дезинтеграции страны, утрате ее суверенитета, потери самостоятельности и независимости. Классическое федеративное устройство оказалось чуждым российскому правопорядку.

Реформа федеративной системы, проведенная в годы первых двух сроков президентства В.В. Путина (2000–2008 гг.), позволила сохранить и укрепить российскую государственность. В результате был создан фактически новый централизованный тип государственного устройства, сохраняющий элементы федерализма, но имеющий устойчивую тенденцию к унитарной модели организации. Усиление унитарной компоненты в территориальной организации страны оказалось совершенно необходимым условием сохранения суверенитета как неперемennого условия самого существования Российского государства и явилось основой построения новой вертикали власти. Однако, несмотря на достигнутый положительный эффект, реформа лишь воспрепятствовала дальнейшему разложению Российской государственности, но не смогла решить многие накопившиеся за последние десятилетия проблемы как внутреннего, так и внешнего характера.

В настоящее время внутри страны усиливаются антироссийские и сепаратистские настроения в ряде республик Северного Кавказа и других регионах со значительным мусульманским населением. Идет тотальная атака на Русскую православную церковь и ее роль в российском обществе. В стране действует ваххабитское подполье, проводящее террористические акты против исламских священников, являющихся сторонниками политики центральной власти. Наблюдается резкое ухудшение качества деятельности самой властной вертикали, которая в условиях возрастающей социально-экономической неста-

¹ См.: *Зубов А.Б.* Унитаризм или федерализм. К вопросу о будущей организации государственного пространства России // *Полис.* 2000. № 5. С. 32–54.

бильности перестает функционировать как единое целое, теряет управляемость, распадается на бюрократические кланы, замыкающиеся на узкокорпоративных и региональных интересах.

Во внешней политике, как и прежде, но еще в более острой форме, Россия сталкивается с силами, стремящимися к геополитической перестройке мира и бросающими вызов ее целостности и суверенитету.

Исходя из этого необходимо констатировать возможность нового, теперь уже не только юридического, но и фактического демонтажа наследия Советского Союза, дележа его территорий без участия России и без оглядки на нее. В условиях, когда рухнул социалистический проект глобализации и совершенно очевидной является невозможность ее проведения на либерально-демократических началах, на первый план в мировой политике выходят новые имперские образования с присущим их природе геополитическим мышлением. В этих условиях слабые постсоветские государства обречены¹. Это касается практически всех бывших республик СССР. На земли Украины, Белоруссии и Литвы претендует Польша, политические лидеры которой мечтают о восстановлении Речи Посполитой от Черного до Балтийского моря. Румыния уже практически подготовила почву для аннексии Молдовы. Латвия и Эстония остаются спорными территориями. Ввиду набирающих силу и мощь Турции и Ирана, на землях которых идет процесс регенерации двух исторических империй – Османской и Персидской, весьма проблематичной видится будущность закавказских республик. Среднеазиатские государства, возможно, и устоят как формально независимые политические субъекты, но в экономическом отношении они уже в настоящее время находятся в зоне китайского влияния, что в конечном счете может определить и их политическую будущность.

«Грядет век империй»², и слабые постсоветские государства вполне могут и по политической логике должны стать жертвами новых империалистических держав. При этом их судьбу вполне может разделить и Россия. В то же время пока еще возможен и другой сценарий. Спасая себя, Россия может спасти и другие евразийские народы, сохранить их национальную и цивилизованную идентичность и политическую автономию. По сути для нее это двуединая задача. Без них спастись и сохранить себя Россия также не в состоянии. Необхо-

¹ См.: *Баринов А.* Новый век империй // Регнум: информационное агентство. 2009. URL: <http://www.regnum.ru/news/1215712.html>

² Там же.

димо понимать, все, что происходит в пределах бывших советских границ, внутри цивилизационного евразийского пространства, несмотря на жесткость конфликтов и видимую необратимость изменений, происходит внутри границ бывшей Российской империи. Можно поэтому сказать, что рубежи России – это рубежи постсоветского пространства и наоборот, защищать свой суверенитет и границы России должна именно там¹.

Однако для этого российскому государству необходимо решить основополагающую задачу в области государственного строительства, а именно, найти адекватную форму государственного устройства, способную обеспечить ей территориальную целостность, внешнюю и внутреннюю безопасность и суверенитет. Сквозь призму оптимальной политико-территориальной организации следует рассматривать и политику России по отношению к бывшим республикам Советского Союза.

Несмотря на все потери и провалы своей политики, современная Россия по-прежнему остается потенциально, а в чем-то и по факту имперским государством. Отсюда вытекает необходимость освобождения политико-правового понятия империи от негативного употребления и восстановление его в отечественной юридической традиции. Необходимо также и официальное признание имперской природы России. В пользу такого признания говорят: гигантская величина российского пространства, являющаяся одной из ключевых доминант политической культуры и правовой ментальности страны; сохранение этнокультурной и этнополитической гетерогенности этого пространства; преемственность новой российской государственности по отношению к прежним, в том числе и советским имперским формам², что лишний раз было подтверждено легкостью построения новой властной вертикали, имперской по форме и назначению. В свою очередь, непонимание имперской природы может привести российскую элиту «к тому же, к чему пришла элита Союза»³.

Задачи модернизации российского общества и создания государственности, соответствующей современным условиям и тенденциям мирового политического развития, могут быть успешно реше-

¹ См.: *Ионин Л.Г.* Апдейт консерватизма. М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. С. 141–145.

² *Каспе С.И.* Конструировать федерацию-*renovatio imperii* как метод социальной инженерии // Полис. 2000. № 5. С. 62.

³ *Филиппов А.Ф.* Наблюдатель империи (империя как понятие социологии и политическая проблема) // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 1. С. 114.

ны, если опираться на соприродные культурно-историческому коду России политико-правовые формы и принципы управления. В связи с этим представляются тупиковыми как путь выстраивания абсолютно унитарного государства, ведущего к механической унификации и радикальной гомогенизации территориального устройства, так и дальнейшие попытки строительства классической федерации с экономически самодостаточными равностатусными субъектами. «Российская Федерация – нетипичная, «отклоняющаяся» от классических образцов, уникальная форма государственно-правового устройства, что требует бережного отношения к ее истории, традициям и культуре»¹. И для российской империи, и для Советского Союза были характерны разная мера (объем) политических и хозяйственных прав для различных региональных и национально-территориальных подразделений и по-разному организованное административное управление. Унификация организации региональной власти и управления, как это не покажется странным, подрывало имперскую систему, требующую не локального, а именно глобального (общегосударственного) равновесия. Содержанием имперской региональной политики является иерархическое структурирование контролируемого пространства, а не либеральная, с претензией на демократизм, федерализация территории страны с образованием равностатусных субъектов, которая для империи выступает как политически произвольное явление антигосударственного характера.

Поэтому при совершенствовании государственного устройства России необходимо опираться на принципы построения РСФСР как государства с преобладанием унитаризма и наличием национально-территориальной политической и административной автономии. Нужно признать, что национально-государственная политика советского периода велась в целом в верном направлении, в ее рамках принимались решения, способствующие устранению сложных проблем и противоречий в сфере национальных отношений. Постсоветская Россия представляет собой сложный, многослойный, объективно ассиметричный этнополитический симбиоз. Поэтому и асимметрия конституционно-правовых статусов субъектов Федерации сама по себе не дурна и не хороша. Она объективна. Но из этого следует, что нынешние принципы государственного устройства России в своей основе могут позволить достичь государственной стабильности и ус-

¹ Синюков В.Н. Российская правовая система. С. 388.

тойчивости, если, конечно, центральная власть прекратит проводить порочную политику избирательных отношений с регионами – политику односторонних преференций и ограничений, не связанных с их статусом и не диктуемых объективными условиями.

Единственной принципиальной проблемой, не имеющей пока простого правового решения «благодаря» жесткости действующей Конституции РФ, является наличие формального государственного статуса у всех субъектов Федерации, которое и создает юридические основания для регионального и особенно этнополитического сепаратизма, претензий на собственный суверенитет и т.д. Именно в направлении постепенной ликвидации этого статуса и проходила первоначально «федеративная» реформа Президента В.В. Путина, сбившись затем, однако, на путь административной централизации, подменив суть проблемы попыткой одномерной унитаризации политико-правового пространства.

Между тем именно в административной децентрализации управления регионами их постепенным переходом к местному самоуправлению, а не в изменении их статуса существовала объективная необходимость на рубеже 90-х годов XX столетия. Но политическая конъюнктура момента, стереотипы мышления по отношению к федерализму как предзаданной форме национальной и территориальной организации страны и либеральное сознание, олицетворяющее федерализм с демократией, позволили «увести» государство в сторону рафинированной федералистской утопии.

В рамках существующего законодательства по отношению к республикам необходимо проводить политику изменения их статуса, как это уже происходит с автономными округами. Но, если основной формой статуса этих округов становится административная автономия, то для республик ею должна быть автономия политическая. Политические автономии могут обладать достаточно широкими полномочиями в сфере собственного нормотворчества, учитывающего местные условия и традиции с опорой на обычное право и религиозные нормы.

Такой подход совсем не означает повсеместной «губернизации» республик. Вполне возможно сохранение каких-либо форм государственности для целого их ряда. В отношениях с республиками руководящей идеей должен стать принцип *многообразия и гибкости форм национального самоопределения*. Жесткие юридические рамки не могут заранее предусмотреть движение жизни, возможность «перерастания» народами своих статусов. Поэтому имеется необходимость

конституционного закрепления достаточно широких юридических рамок существования и развития этносов, населяющих нашу страну¹. В этой связи представляется вполне оправданным именно с имперских политических позиций спокойное отношение федеральной власти к сохранению принципа ограниченного суверенитета в конституциях двух республик (Татарстана и Чечни)², хотя с сугубо юридической, «федералистской» точки зрения данный факт может показаться противозаконным, так как входит в прямое противоречие с решениями Конституционного суда РФ 2000 г.³ На данном этапе сохранение государственного статуса следует признать целесообразным за пограничными республиками (Тыва, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия). Возможно предоставление особого статуса некоторым окраинным регионам (Калининградская область). Но это ни в коем случае не должно умалять полноту суверенных прав верховной власти при решении вопросов общегосударственного значения.

Что касается краев, областей и городов федерального значения, то решение проблемы выравнивания их фактического положения с республиками заключается совсем не в одинаковости их политико-правового статуса. Статус государственно-территориальных образований, которым они обладают сейчас, совершенно для них неорганичен и не отвечает объективным потребностям страны в гораздо более высокой степени политического единства. Очевидно, что наличие у них статуса субъектов Федерации мешает проведению полноценной административной децентрализации государственного управления, которая крайне необходима. Края и области должны иметь статус децентрализованных административных единиц с элементами местного самоуправления в лице выборных представительных органов, наделенных обширными полномочиями в бюджетно-финансовой сфере и сфере контроля за деятельностью региональной администрации. Необходимо наделение краев и областей не меньшими, чем у республик административными, социальными, финансовыми и экономическими возможностями для своего развития, а не выравнивание их статусов. Пока же издержки политического влияния субъектов Федерации по отношению к себе федеральный центр вынужден компенсировать ог-

¹ См.: *Синюков В.Н.* Указ. соч. С. 387–389.

² См.: Конституция Республики Татарстан. Ст. 1. URL: <http://www.Tatar.ru>; Конституция Чеченской Республики. Ст. 1. URL: <http://roszakon.narod.ru/>

³ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 25. Ст. 2728; 2001. № 20. Ст. 2059.

раничением их управленческой и финансовой самостоятельности, с чем во многом связана необходимость сохранения федеральных округов и института полномочных представителей президента в этих округах, несмотря на все их недостатки.

Таким образом, и рафинированная федерация, и классический унитаризм, и современный западный регионализм неорганичны для нашей страны. Ее государственное устройство не поддается описанию в этих терминах. В настоящее время идет процесс поиска собственных имманентных ей форм государственности применительно к настоящим условиям. Однако совершенно очевидно, что Россия по-прежнему не утратила своей имперской специфики. И эта специфика настоятельно требует сочетания различных принципов государственного устройства применительно к разным региональным образованиям на ее территории при полной элиминации возможностей конфедерализации страны и доминирования принципа унитаризма как общей константы своей внутренней организации.

Зато принципы федерализма, конфедерализма и протектората могут быть в полной мере задействованы при целенаправленном формировании интеграционных процессов на постсоветском (евразийском) пространстве. Их использование является важнейшим организационно-правовым инструментом возрождения и наращивания потенциала России в качестве центра притяжения сопредельных стран и народов, а также ее актуализации в качестве системообразующего элемента при образовании нового содружества наций на евразийском континенте.

Идея евразийского союза, озвученная В.В. Путиным в преддверии избирательной кампании по выборам Президента России¹, уже давно разрабатывается патриотически настроенными российскими учеными. Но в настоящее время ее реализация стала востребованной как никогда. В этом нуждается не только Россия, но и другие республики бывшего СССР. Мир, безопасность, развитие и процветание их народов возможны только в рамках евразийского вектора движения. Двадцать лет, прошедших с распада Советского Союза, показали, что эти республики не могут состояться в качестве суверенных, независимых государств и рано или поздно окажутся поглощенными более сильными державами либо окажутся в сфере их политического влияния. Поэтому Евразийский союз, созданный на базе единого тамо-

¹ См.: *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября.

женного пространства, экономического сообщества, договора о коллективной безопасности, должен будет как можно скорее эволюционировать от союза конфедеративного типа к полноценному государственно-правовому объединению с единым культурным, хозяйственным, военным, валютно-денежным, а в итоге, политическим и социальным потенциалом.

Тенденции мирового политического развития свидетельствуют, что новой формой мирного сосуществования государств и народов может быть только форма равновесия больших государственных (имперских) образований. Существенная роль и значение в «большой» (международной) политике, а также привилегии фактического суверенитета становятся монополией очень немногих макрорегиональных или мировых держав имперского типа со сложной внутренней организацией (государственным устройством), непременно концентрирующих в своих руках суверенные полномочия внешнеполитического характера. Остальные формально суверенные государства уже перестают, в сущности, быть таковыми. Они становятся фактически и юридически подконтрольными этим супердержавам, хотя и не несут пока значительного изменения своего статуса в областях внутренней организации и управления. Закономерности современного политического развития ведут к формированию больших политических миров макрорегионального или эксрегионального характера. Являются очевидными признаки того, что именно подобным новоимперским образованиям принадлежит будущее. И Россия должна быть готова к такой трансформации политической динамики в глобализирующемся мире.

3.11. Обход закона как средство разрешения конфликта¹ (В.А. Волков, В.М. Мелихов, М.В. Севостьянов)

В состав служебных понятий гражданского права все чаще вставляются термины, призванные давать новым жизненным отношениям устойчивые обозначения. В проекте изменений в части 1 ГК РФ законодатель предлагает в статью 10 ГК РФ (пределы осуществления гражданских прав) ввести понятие «обход закона»: «Не допускаются

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0955 по теме «Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития (Среднее Поволжье XIX – начала XXI вв.)».

осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, *действия в обход закона*, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)». При этом совершение действий в «обход закона» воспринимается им как одна из форм злоупотребления правом. Попытаемся разобраться, насколько это оправдано с теоретической и с практической точек зрения.

Если обратиться к самым первым истокам этого явления, то о термине «обход закона» с помощью, например, подмены субъекта права упоминал еще древнеримский юрист Ульпиан: «Если кому-то запрещено совершать что-либо от своего имени, то он не должен делать этого через подставное лицо. И поэтому, если декурион под именем другого, подставного, лица возделывает государственные имения, которые декурионам согласно законам не дозволено брать в аренду, то они у него отбираются как незаконно используемые»¹. Ульпиану также принадлежит высказывание о том, что если опекун «купил вещь подопечного через посредство подставного лица, то купля не имеет никакой силы, так как сделка не рассматривается как совершенная добросовестно»². Отличал Ульпиан в обходе закона и недобросовестную подмену предмета сделки, например, когда сенатусконсулт запрещает давать займы деньги (значит, он не касается случаев передачи займы каких-либо иных заменимых вещей (зерна, вина, масла)). «Но если имеется обход сенатусконсульта, – пишет Ульпиан, – например если дано зерно, или вино, или масло, чтобы (сын семейства), произведя отчуждения этих плодов, воспользовался (вырученными за них) деньгами, то следует прийти на помощь подвластному сыну»³.

Ульпианом также сделана попытка дать общее определение исследуемому термину: «Обход же закона бывает тогда, когда закон хотя и не желает, чтобы что-либо было совершено, однако не запрещает совершению этого и это совершается; и как отличается сказанное от задуманного, так различаются обход закона с тем, что совершено против закона»⁴. Павел, другой древнеримский юрист, в этом же рус-

¹ Дигесты Юстиана. М.: Статут, 2005. Т. VII, полутом 2. С. 415.

² Дигесты Юстиана. М.: Статут, 2004. Т. IV. С. 653.

³ Дигесты Юстиана. Т. IV. С. 293.

⁴ Там же. С. 113.

ле уточнял, что «поступает в обход закона тот, кто сохраняя слова закона, обходит его смысл»¹.

Исследователь римского права Ю. Барон в отношении обходных сделок отмечал: «Если содержанием сделки поставлено что-либо невозможное, то сделка ничтожна; то же относится к сделке, запрещенной нравственным законом; к сделке, запрещенной положительной нормою права, это начало применяться только в том случае, если норма есть *lex perfecta*; то же относится к сделкам, совершенным с целью обойти запретительный закон, т.е. основанное на ложном буквальном толковании закона устройство дела так, чтобы оно не подходило под закон, признается недействительным; поэтому если супруги для совершения (запрещенного между супругами) дарения разводятся и, совершив дарение, опять заключают брак, то дарение ничтожно»².

Итак, древнеримские юристы разделяли простое нарушение закона от имитации его соблюдения, т.е. случаи, когда недобросовестные лица, зная о запрете к совершению какого-либо действия (сделки), находят, тем не менее, такие правовые способы (формы) достижения своих целей, которые лишь выглядят легитимно, но в действительности по совокупности ряда признаков, выдающих реальную цель, могут быть квалифицированы как направленные в обход действующего запрета (правила).

С первого приближения этот термин не кажется новым и в современном праве – он часто встречается в лексиконе коллизионистов. Суть обхода закона в международном частном праве такова: субъекты отношений заранее готовятся к тому, что суду или иному правоприменителю придется применять коллизионную норму для регулирования их отношений, и с этой целью ими создается удобная «оговорка-привязка». Скажем, если в коллизионной норме содержится принцип «закон места совершения сделки», стороны заранее продумывают, в каком государстве ее лучше совершить, нормы какого суверена будут лояльнее, терпимее или пробельнее. Точно так же используются и другие коллизионные оговорки-привязки, например построенные по типу «закон места совершения юридического факта», «закон места заключения брака», «закон места совершения сделки», а в некоторых случаях даже «закон места совершения правонарушения». Использование подобных оговорок планируется с целью оказа-

¹ Дигесты Юстиана. Т. IV. С. 113.

² Барон Ю. Система римского гражданского права: пер. Л. Петражицкого. СПб., 1909. Кн. I: Общая часть. С. 139.

ния определенного материально-правового воздействия на отношения сторон, т.е. другими словами, это фактические действия сторон по созданию «искусственного» иностранного элемента¹.

В западно-европейском современном праве установлена презумпция о том, что адресат права должен с достаточной четкостью распознавать в самом законе свои обеспеченные европейским законодательством права, к которым также относится закрепленная в европейских директивах защита от обхода закона². Целый ряд стран СНГ, такие как Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, также закрепили свое отрицательное отношение к обходу закона в международном частном праве дословно одинаковой формулировкой, заимствованной из ст. 1198 модельного Гражданского кодекса для стран СНГ³: «Недействительны соглашения и иные действия участников отношений, регулируемых настоящим Кодексом, направленные на то, чтобы в обход правил настоящего раздела о подлежащем применению праве подчинить соответствующие отношения иному праву. В этом случае применяется право соответствующего государства, подлежащее применению в соответствии с настоящим разделом»⁴.

Тем не менее как в практическом, так и в теоретическом плане не прекращаются споры о месте термина «обход закона» в системе понятий гражданского права вплоть до сегодняшних дней. Что это за феномен? К какому классу относятся действия в обход закона (бездействие или сделки, договоры или поведение)? Где содержится запрет на их совершение: в духе права или в его букве, в писанных или неписанных принципах, в общих или частных запретах? В чем заключается сущность этих действий: в правомерном поле или противоправном, в притворности, мнимости, недобросовестности, злоупот-

¹ См. подр.: *Поротикова О.А.* Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Волтерс Клувер, 2008 // Гарант: справочно-правовая система.

² *Munchener Kommentar zum BGB.* 5 Aufl. § 134, Rn. 15.

³ См.: Гражданский кодекс. Модель. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств. Часть третья. Принят Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г. // Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ: приложение к информационному бюллетеню. 1996. № 10. С. 3–84.

⁴ См., напр., ст. 1097 Гражданского кодекса Белоруссии 1998 г., ст. 1088 Гражданского кодекса Казахстана 1999 г., ст. 1171 Гражданского кодекса Киргизии 1998 г., ст. 1162 Гражданского кодекса Узбекистана 1996 г. // *Международное частное право: иностранное законодательство.* М., 2000.

реблении правом или в «простом» нарушении ст. 168 ГК РФ? Нужно ли вообще вводить подобный термин в гражданский кодекс? (Ряд юристов считают его внутренне противоречивым и скорее не юридическим, а «околоюридическим».) Не станет ли он жестоким орудием в руках недобросовестных правоприменителей?

Чтобы найти ответы на поставленные вопросы, попытаемся для начала найти место термина «обход закона» в доктрине российского права.

Запрет на обход закона в российском гражданском праве появился впервые в ст. 30 ГК РСФСР 1922 г.: «Недействительна сделка, совершенная с целью, противной закону или в обход закона, а равно сделка, направленная к явному ущербу для государства». При этом статья 30 ГК РСФСР часто применялась со ссылкой на статьи 1 и 4 ГК, кладущих в основу гражданской правоспособности «социально-хозяйственное назначение» и «цель развития производительных сил страны»¹. По мнению А.Я. Кантаровича, в силу ст. 1 и 4 ГК «каждое действие, каждая сделка в области оборота, которые прямо не содействуют развитию производительных сил, могут быть опорожены как осуществляемые в противоречии с социально-хозяйственным назначением прав, вытекающих из этих действий и сделок»². М.А. Гурвич называл ст. 1 ГК «экстраординарной, грозной для всякой нормы», совершенно необоснованно подменяющей термин «социально-хозяйственное назначение», употребляемый в законе и имеющий точный смысл, термином «социально-хозяйственная целесообразность», при обсуждении которой привлекаются факты, «лежащие за пределами основной массы гражданского права вообще»³. Под этим лозунгом в жилищной сфере изымались излишки жилой площади, используемой под склад или сдававшейся внаем, т.е. не в соответствии «с общественно-хозяйственным назначением». В середине 1930-х гг. статья 1 ГК 1922 г., утратив свою классовую направленность, тем не менее полностью сохранила свое значение как норма, устанавливающая пределы осуществления субъективных прав, направленная «против тунеядцев и других антиобщественных элементов, пытающихся использовать свои права для получения нетрудовых доходов и не желающих правильно сочетать свои личные инте-

¹ Определение ГКК ВС РСФСР. 1925. Вып. II. С. 187.

² Кантарович Я.А. Имущественные права граждан СССР. Л., 1925. С. 24.

³ Гурвич М.А. Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по гражданскому кодексу РСФСР // Советское право. 1925. № 2. С. 110–111.

ресы с интересами общественными, с интересами других лиц»¹. Следует согласиться с утверждением В.Ф. Маслова о том, что применение статей 1, 4, 30 ГК 1922 г. «всегда и во всех случаях означает лишение собственника его права на имущество»².

Таким образом, хотя по своей юридической конструкции норма статьи 30 ГК РСФСР 1922 г. охватывала некоторые случаи обхода закона, на практике же использовалась как жестокий инструмент классовой борьбы, не имеющий никакого отношения к проблеме обхода закона.

В 1964 г. был принят новый ГК РСФСР³, в котором уже отсутствовала классификация противозаконных сделок, среди которых выделялись сделки в обход закона. Но вопрос о сделках в обход закона не ушел из научной дискуссии. Например, О.С. Иоффе после принятия этого кодекса указал, что из отсутствия классификации противозаконных сделок «не следует, что она утратила также теоретическое значение, и лишена какого бы то ни было практического смысла. Напротив, проводимое в теории различие между сделками этих видов позволит и на практике не забывать о том, что противозаконны не только сделки, с очевидностью нарушающие закон, но и такие, незаконность которых тщательно замаскирована или заключается в явной ущербности для интересов государства и общества»⁴.

В действующем ГК РФ 1994 г. термин «обход закона» не встречается, но в практическом плане указанный случай фрагментарно предусмотрен статьей 170 ГК РФ и квалифицируется как притворная сделка. Тем не менее «обходные» схемы все чаще становятся одной из причин использования права во вред другим участникам оборота и при этом не распознаются с точки зрения ст. 170 ГК РФ. Так, статья 93 ГК РФ не позволяет участникам общества с ограниченной ответственностью продавать свои доли, предварительно не предложив ее купить остальным участникам общества. «Поскольку нельзя продавать, рассуждает российский юрист, то можно дарить». И под видом дарения эти доли все равно отчуждаются в обход установленного правила. Здравая норма ГК, рассчитанная на защиту общества (пред-

¹ Цукерман М.И. Осуществление гражданами субъективных прав по советскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1967. С. 62.

² Маслов В.Ф. Осуществление и защита права личной собственности в СССР. М., 1961. С. 43.

³ Гражданский кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11.06.1964. В первоначальном виде опубликован: Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

⁴ Иоффе О.С., Толстой Ю.К. Новый ГК РСФСР. Л.: Из-во ЛГУ, 1965. С. 61.

приятия) в целом, практически блокирована возможностью ее обхода. Прямой нормой, направленной на предотвращение злоупотреблений в предпринимательских отношениях, является и пункт 4 статьи 575 ГК РФ, устанавливающей запрет дарения в отношениях между коммерческими организациями, а также от имени малолетних и недееспособных граждан, врачам, государственным служащим. Логика законодателя понятна: дарение – это такое действие одного лица в отношении другого, которое влечет за собой не только обязательное увеличение имущества последнего, но и одновременно соответствующее ему обязательное уменьшение имущества первого. Поэтому нельзя усмотреть элемент дарения, например, в договоре безвозмездного пользования имуществом (ссуды), так как по этому договору ссудополучатель хотя и получает имущественную выгоду, но эта выгода состоит не в фактическом увеличении его имущества, а лишь в сбережении возможного расхода, а у ссудодателя нет фактического уменьшения имущества, а имеется лишь неполучение возможного дохода. Однако, если подобная «ссуда» заключена сроком, например, на 50 лет, притом что срок использования имущества составляет максимум 20 лет, то поднимается серьезно вопрос об обходе установленных ограничений.

Итак, в современном гражданском праве обход закона – это собирательное понятие, термин, который включает в себя «обход преимущественного права», «обход правил», «обход нормы», «обход порядка», «обход установленных требований», «обход прав акционеров», «обход очереди кредиторов», «обход процедуры», «обход ограничений», «обход положений»¹ и т.д.

Из скурых юридических источников по вопросу обхода закона, тем не менее, можно выделить следующие теоретические позиции по этому феномену:

1. Действия в обход закона – это всегда вид притворных сделок.

Так полагал, например, Д.И. Мейер, который определял это деяние как уклонение от нормального порядка: «В отдельном случае за-

¹ См. подр.: Волков А.В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике (анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом).

кон запрещает известное действие; чтобы достигнуть его результатов, совершаете притворное действие, законом прямо не запрещенное»¹.

К сторонникам подобного подхода можно отнести и Г.Ф. Дормидонтова, который утверждал, что при сделках в обход закона «стороны хотят... сделки и ее последствий, имея в виду достигнуть при ее помощи практических последствий, оспариваемых законом»². При любой притворной сделке, развивал свою мысль ученый, стороны также хотят ее практических последствий, «для достижения которых хотят самой сделки и наступления тех нормальных последствий ее, которые согласны с видами симулянтов»³. Он же признавал и наличие таких случаев, при которых обходится какой-либо запрет без притворства, только в контексте правомерного поведения: «Это возможно лишь тогда, когда само законодательство дает возможность достигнуть запрещенной цели посредством действительного совершения законных действий. Например, запрещено оставлять легаты иностранцам; но можно поручить в завещании наследнику выдать иностранцу известную сумму; можно отдать вещь другому на хранение с тем, чтобы в случае смерти поклажедателя она была передана тому, кому нельзя ее оставить при помощи распоряжения на случай смерти. В этих и подобных случаях, хотя и обходится законное распоряжение, но сами по себе действия, для этого совершаемые, являются вполне законными и влекут свои нормальные последствия. Здесь можно говорить лишь о недостатках законодательства...»⁴.

К.И. Скловский, по-видимому, также приравнивает сделки в обход закона к притворным сделкам. Так, рассматривая вопрос о правомерности совершения сделок, в результате которых без применения законодательства о приватизации происходит смена государственной (муниципальной) собственности на частную, ученый пишет: «Конечно, если возник спор, суд обязан проверить, не совершена ли конкретная сделка в обход законодательства о приватизации. Если

¹ Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях // Избранные произведения по гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. С. 146.

² Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895. С. 73.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С. 74–75.

такое заявление подтвердится, то такой договор будет ничтожным в силу п. 2 ст. 170 ГК как притворная сделка»¹.

2. Обход закона – это самостоятельное правонарушение, но чаще всего совершаемое через притворные сделки.

Указанной позиции придерживается Ю.С. Гамбарова, которая, выступая противником толкования закона по букве, полагала, что в случаях совершения сделок в обход закона «буква закона остается ненарушенной и что воля сторон выражается непритворно, в смысле указания на не имеющиеся в виду юридические последствия, и не фидуциарное, в смысле реакции на несоответствие между предположенной целью и избираемым для ее осуществления средством...»².

И.Г. Ташкер, выявляя служебный характер притворной сделки, полагает, что «к числу сделок, совершенных в обход закона, практика относит любую сделку, содержание которой изложено таким образом, чтобы скрыть ее противозаконный характер... Стремясь помешать раскрытию противозаконного характера сделки, ее участники вуалируют этот характер, прикрывают свои действительные намерения притворной сделкой либо придают содержанию сделки такую форму, при которой распознавание противозаконного ее характера требует большей бдительности и усилий»³.

Таким образом, эти авторы полагают, что обход закона может совершаться не только через притворность, но и любыми другими недобросовестными действиями либо их совокупностью.

3. Обход закона – это отдельная категория действий, не связанных с притворными сделками.

Эту позицию занимал И.Б. Новицкий, который на основе анализа ст. 30 ГК РСФСР 1922 г. полагал, что «наряду со сделками, прямо нарушающими закон, в ст. 30 ГК названы сделки, совершаемые в обход закона. Сделки в обход закона на первый взгляд напоминают притворные сделки. Разница между теми и другими заключается в следующем. Притворная сделка сама по себе – сделка законная, но стороны вовсе не желают ее, и потому она не получает силы: этой

¹ Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. М.: Статут, 2004. Комментарий к ст. 217 ГК РФ. // Консультант Плюс: справочно-правовая система.

² Гамбарова Ю.С. Гражданское право. Общая часть. М.: Зерцало, 2003. С. 746.

³ Ташкер И.Г. Некоторые вопросы недействительности противозаконных сделок // Советское государство и право. 1958. № 8. С. 114.

сделкой стороны прикрывают какую-то по общему правилу незаконную сделку. Сделка в обход закона также по своему содержанию законна, причем стороны именно эту сделку и хотят совершить. Однако эта сама по себе законная сделка должна по мысли сторон привести к незаконному результату. Стороны не совершают какой-то другой сделки («прикрытия»), а само содержание сделки определяют так, чтобы обойти препятствия, которые они встречают в законе, и все-таки прийти к своей цели, хотя и не прямым путем»¹.

И.С. Перетерский, придерживаясь близкой позиции, уточнил, что «сделка признается совершенной в обход закона, когда она по своему содержанию соответствует закону, но в результате этой сделки, в ее совокупности с иными обстоятельствами, возникает положение, находящееся в несоответствии с законом... (Не следует смешивать со сделками в обход закона «прикрытую сделку», т.е. совершение незаконной сделки под видом законной; в этих случаях применяются правила, относящиеся к той сделке, которая имела в виду в действительности, – и сделка является просто противозаконной...)²».

4. *Обход закона – это самостоятельное правонарушение, происходящее не только при помощи притворных, но и фидуциарных сделок (т.е. с использованием подставных лиц или мнимых (фиктивных) сделок).*

Например, Н.Г. Вавин определяет понятие сделки, совершенной в обход закона, следующим образом: «Сделка должна считаться совершенной в обход закона, когда она имеет своей целью привести окольными путями к последствиям, которые стоят в противоречии с законом»³. В.А. Рясенцев ряд обходных сделок также относил к мнимым, т.е. фиктивным, отмечая, что сделка в обход закона «по своему содержанию не идет вразрез с законом. Непосредственная цель сделки (ее основание) ему не противоречит. Однако лицо, совершающее сделку, стремится к результату, находящемуся за пределами ее прямых юридических последствий и являющемуся противозаконным»⁴.

¹ Новицкий И.Б. Курс советского гражданского права. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 87.

² Перетерский И.С. Гражданский кодекс РСФСР: научный комментарий. М., 1929. Вып. V: Сделки, договоры. С. 18.

³ Вавин Н.Г. Ничтожные сделки (ст. 30 ГК РСФСР и УССР и последствия ее нарушения). М., 1926. С. 9–10.

⁴ Рясенцев В.А. Сделки по советскому гражданскому праву: лекции (1-я и 2-я): для студентов ВЮЗИ. М., 1951. С. 24.

Как типичный пример обхода норм закона с помощью подставных лиц в германском праве рассматриваются случаи обхода концессионной обязанности (см. например OLG Hamm, NJW 1986, 2440), когда в качестве официального владельца ресторана выступало одно лицо, а на самом деле рестораном владело и управляло другое лицо, которое не могло предъявить требуемую у него концессию. По мнению суда, рассмотревшего спор, в данном случае посреднический договор, на основе которого была совершена сделка и которой был направлен на обход концессионной обязанности, являлся ничтожным¹.

В российской современной экономической жизни «обход закона» с помощью фидуциарных сделок получил широчайшее распространение и чаще всего через покупку имущества на родственников госчиновников либо путем перевода на них результатов своей предпринимательской деятельности. Все это происходит на фоне отказа России присоединиться к Европейской конвенции о борьбе с коррупцией вследствие якобы «особого» менталитета россиян.

5. Обход закона – это самостоятельные правонарушения в форме противозаконных сделок, где притворные сделки образуют одну из их разновидностей.

Этой точки зрения придерживался О.С. Иоффе, который полагал, что сделки в обход закона, будучи противозаконными, в отличие от сделок, противных закону, «оформляются так, что они приобретают внешний облик вполне законных сделок, хотя в действительности скрывают в себе противозаконное содержание»².

«В этом смысле, – пишет далее О.С. Иоффе о притворных сделках в целях обхода закона, – они примыкают к противозаконным сделкам и практически могут рассматриваться как одна из разновидностей сделок, совершаемых в обход закона»³.

В.В. Витрянский указывает, что сделки, совершенные в обход закона, следует квалифицировать как сделки, не соответствующие требованиям закона (ст. 168 ГК РФ). В то же время ученый полагает, что в современных условиях квалификации сделки, совершенной в

¹ Вестник гражданского права. 2011. № 2, т. 11. Особенности применения в немецком гражданском праве понятия «обход закона». Комментарии по поводу предложения ввести данное понятие в ст. 10 ГК РФ (заключение Института зарубежного и международного частного права им. Макса Планка (Гамбург)). С. 271.

² Советское гражданское право (автор О.С. Иоффе). Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 226.

³ Там же. С. 226–227.

обход закона, как не соответствующей требованиям закона, мешает то, что «действующий Гражданский кодекс не знает соответствующего понятия»¹.

Ю.П. Егоров также соглашается с широкой трактовкой ст. 168 ГК РФ², распространяемой в том числе и на сделки, совершенные в обход закона, т.е. когда «сделка формально соответствует закону, но совершается в обход его»³.

Комментируя практику предъявления налоговыми органами исков к налогоплательщикам о признании сделок ничтожными как антисоциальных (по ст. 169 ГК РФ), Е.А. Суханов также указывает, что «сделки, совершенные в обход норм налогового законодательства, должны квалифицироваться как сделки, не соответствующие закону или иным правовым актам (ст. 168 ГК РФ)»⁴.

6. Обход закона – это полностью самостоятельная категория незаконных сделок, однако не связанная с традиционным институтом недействительности сделок.

Отстаивая этот подход, Н.В. Рабинович указывает, что выделение таких сделок из общей группы недействительных сделок не правильно, так как «способ действия не может служить определяющим признаком и не должен влечь за собой выделение обычных сделок в особую категорию противозаконных сделок. Решающее значение всегда имеет нарушение закона самой сделкой или достигнутым ею результатом»⁵. Отдельно автором было указано на недопустимость отождествления обходных сделок со сделками мнимыми или притворным: «Так называемые обходные сделки (которые обычно представляют собой не обход, а прямое нарушение закона) могут совершаться и не в форме притворных сделок, а притворные сделки могут не быть направлены в обход закона. Если притворные сделки прикрывают законную сделку, никакого обхода (или нарушения) закона в них не содержится; если же они прикрывают противозаконную

¹ ГК России. Проблемы. Теория Практика: сборник памяти С.А. Хохлова: отв. ред. А.Л. Маковский. М.: МЦФЭР, 1998. С. 150.

² ГК РФ (часть первая): ФЗ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 10 января 2006 г.) // Российская газета. 1994. № 238–239.

³ Егоров Ю. Недействительность противозаконных по содержанию сделок // Законность. 2004. № 6.

⁴ Суханов Е.А. Антисоциальные сделки в науке и практике // ЭЖ-Юрист. 2005. № 8.

⁵ Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960. С. 25.

сделку, это будет не обход закона, а прямое его нарушение, но не прикрывающей, а прикрываемой сделкой...»¹. То, что притворные сделки могут в качестве своего мотива иметь обход закона, говорит только о субъективной направленности участников сделки, в то время как сделка в обход закона – это объективная характеристика сделки².

В германской юридической догматике различие между обходом закона и мнимой сделкой усматривается в том, что при обходе закона целью является действительное правовое действие, в то время как мнимая сделка (§ 117 BGB) призвана лишь инсценировать действительную сделку³. В частности, сделка с обходом закона, по мнению германских правоведов, также не является мнимой сделкой, поскольку правовые последствия сделки, согласованные сторонами, и являются желаемыми⁴.

7. Обход закона – это поведение в нарушение принципа добросовестности, т.е. разновидность злоупотребления правом.

Так, В.М. Хвостов, выделяя сделки в обход закона в отдельную категорию недобросовестных действий, обосновывал свою позицию следующим: «Желая достичь цели, противной закону, стороны заключают сделку, не подходящую по букве под текст закона, но ведущую к достижению того практического результата, с которым борется закон (например, продается какая-либо вещь в кредит вместо дачи денег займа в обход *Scutum Macedonianum*, которое запрещало давать деньги займа подвластным сыновьям семейства). Такие сделки ничтожны, ибо нормы права должны применяться не по букве своей, а согласно с их целью. Здесь нет симуляции, ибо стороны действительно желали заключить ту сделку, которую заключили»⁵.

В испанском Гражданском кодексе (ст. 6 (4)) зафиксирован подход к «обходу закона» также с точки зрения злоупотребления правом: «Действия, предпринятые на основе буквального значения нормы и нацеленные на результат, который запрещен законом или противоречит ему, считаются совершенными в обход закона и не мешают надлежащему исполнению нормы, на обход которой они были направлены».

¹ Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. С. 24.

² Там же. С. 24–25.

³ Siehr K. A.a.O. S. 742.

⁴ Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: O. Palandt, J. Ellenberger (Hgs.). § 117, Rn. 1–4.

⁵ Хвостов В.М. Система римского права: учеб. М.: Спарк, 1996. С. 154.

Юрген Базедов, представитель германского права, несмотря на отсутствие этого термина в тексте ГГУ полагает, что обход закона следует рассматривать как частичный случай злоупотребления субъективным правом, подлежащий явному запрету¹.

Пункт 4 ст. 1 Проекта изменений в ГК РФ определил, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Статья 10 проекта, предназначенная развивать провозглашенный принцип добросовестности, относит обход закона в контекст общего понятия, содержащегося в термине «злоупотребление правом».

8. *Обход закона – есть правомерное действие, связанное с допустимым (в смысле нерегулируемым) усмотрением субъектов права.*

Поскольку частное право предоставляет инструменты для частных подходов, рассуждают сторонники этого подхода, то частная автономия означает, что отдельный индивид в принципе по своему усмотрению может использовать инструменты частного подхода, чтобы с их помощью достичь своих целей. При этом «окружение» закона, обход его как обход препятствия без использования обмана есть правомерное действие, за которым нужно признавать юридическое значение, обход в данном случае – следствие ошибки, недоработки законодателя, т.е. проблема законодателя². Е.Д. Суворов по этой позиции добавляет, что обход закона тем и отличается от правонарушения, что не составляет поведения, нарушающего закон: «Правило поведения при обходе закона остается ненарушенным, иначе нельзя было бы говорить об обходе»³.

Главным аргументом против отождествления обхода закона и злоупотребления правом в указанном подходе служит такое обстоятельство, как наличие вреда другим участникам общественных отношений: если стороны добровольно заключают соглашение о применении права, которое может рассматриваться как действие по обходу закона, то их поведение не приносит ущерба никому и нече-

¹ Вестник гражданского права. 2011. № 2, т. 11. Особенности применения в немецком гражданском праве понятия «обход закона»... С. 272.

² Напр.: Муранов А.И. «Обход закона» в международном частном праве: мнимость актуальности и надуманность проблем // Законодательство. 2004. № 7. С. 67–72.

³ Суворов Е.Д. Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона. М.: Издательский дом В. Ема, 2008. С. 92–93.

му, кроме самолюбия суверена, рассчитывающего, что стороны в этой ситуации будут применять его право; если лица стремятся создать юридическое лицо в другой стране, чтобы иметь меньше издержек по его учреждению, а затем и в связи с его деятельностью, хотя действовать собираются в нашей стране, это не причиняет вреда охраняемым благам и т.п.

9. *Обход закона – это частный случай правоприменительной позиции, т.е. аргументационный подход при толковании правовых норм.*

Указанный подход давно исповедуют коллизионисты. Так, в Германии сознательно отказались от установления общего запрета на обход закона в ГГУ (BGB). Такое регулирование, по мнению германского законодателя, означало бы слишком сильное вмешательство в свободу судьи в плане толкования законов и вызвало бы опасность того, что некоторые сделки были бы объявлены ничтожными, т.е. когда толкование этого понятия станет запретной формой толкования законов. Компетентное толкование закона, ориентированное на цель правовой нормы, которую пытаются обойти, аргументируют свой подход германский законодатель, в целом позволяет предотвратить попытки обхода закона. Если это возможно, то нет необходимости в самостоятельной теории обхода закона¹. Отсюда обход закона – это не особая причина для ничтожности юридического действия и не самостоятельный правовой институт, а случай применения телеологического толкования. Следовательно, это вопрос применения права, связанный с действием права и реализацией регулятивного содержания самой нормы². В тех случаях, когда телеологическое толкование не решает проблему, пробел в законе может быть заполнен с помощью института аналогии права³.

¹ *Basedow J.* A.a.O.; *Flume W.* Allgemeiner Teil des bürgerlichen Rechts. Bd. II: Das Rechtsgeschäft. 3. Aufl. Springer, 1979. § 17, 5, S. 351f.; *Medicus D.* Allgemeiner Teil des BGB. 9. Aufl. C.F. M. Rn. 660; *Bork R.* Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Gesetzbuchs. 2. Aufl. Mohr Siebeck. 2006 Rn. 1121; *Munchener Kommentar zum BGB: H. Heinrichs, W. Krüger, K. Rebmann, F.-J. Sacker (Hgs.).* 5 Aufl. C.H. Beck, 2007. § 134, Rn. 15.

² *Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch.* § 134, Rn. 28; *Munchener Kommentar zum BGB.* 5. Aufl. § 134, Rn. 15; *Teichmann A.* A.a.O. S. 761 (767); *Soergel T., Hefermehl W.* Kommentar zum BGB. 13. Aufl. Stuttgart, 1999. § 134, Rn. 37 ft.; *Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts: K. Larenz, M. Wolf.* (Hgs.). § 40, Rn. 31–32; *Siehr K.* A.a.O. S. 742; *Basedow J.* A.a.O. S. 186.

³ *Munchener Kommentar zum BGB.* 5 Aufl. § 306a, Rn. 3.

10. *Обход закона – одна из сложнейших форм злоупотребления правом (авторский подход).*

Если обратиться к словесному уяснению, то в словаре С.И. Ожегова можно найти два определения слова «обойти», относящиеся к настоящему явлению. Так, по одному определению обойти означает «пройти, огибая, окружая, минуя кого, что-нибудь». По второму определению обойти имеет значение «обмануть, перехитрить»¹. Другие словари под понятием «обойти» понимают: пройти вокруг чего-л.; обогнуть, сделать петлю; пройти стороной, миновать, не затронуть кого-т.-л.; намеренно избежать, не коснуться чего-л., намеренно найти возможность уклониться от исполнения чего-л.².

Итак, как правило, под обходом закона понимают обход какого-либо установленного, т.е. действующего конкретного запрета (например, обход закона в международном частном праве может априори применяться только там, где обходятся императивные нормы); редко встречается использование характеристики «обход закона» в отношении обязывающих либо определяющих норм закона³; при этом обход закона – это не прямое, т.е. открытое нарушение, а либо «огибание» общего неписанного запрета, либо косвенное нарушение запрета на совершение конкретных сделок (т.е. скрытое нарушение).

Выявить место обхода закона в составе гражданских правонарушений нагляднее всего в контексте доктрины о злоупотреблении правом. Поэтому необходимо обратиться не к непосредственному, а к контекстуальному (родовому) смыслу этого термина, т.е. к основным признакам злоупотребления правом.

В общем смысле злоупотребление правом является гражданским правонарушением, под которым понимается несоблюдение лицами их же юридической обязанности (не выходить за пределы осуществления гражданских прав), введенной через статью 10 ГК РФ как общей нормы права в каждое субъективное гражданское право. Следует добавить, что нарушение конкретных норм права при злоупотреблении происходит только в тех случаях, когда в них содержатся возможности для злоупотребления правом (например, лексико-грамматическая или

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

² Современный толковый словарь русского языка: гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Ноинт, 2002.

³ И.С. Перетерский. Ученым приводится пример совершения сделки с целью обойти обязанность по уплате налога.

контекстуальная ошибка). Но в большинстве случаев по существу происходит нарушение только нормы ст. 10 ГК РФ. Все «низшие» нормы в системе права становятся лишь средством для злоупотребления правом и нет смысла говорить об их нарушении, поскольку формально на «нижнем этаже» гражданского права нарушений не видно, а выявляются и квалифицируются они только через взаимодействие с системными нормами. Равным образом, и запрет на обход закона носит характер не частного правила, а отвечает за «правильность» работы всех гражданских прав и юридических обязанностей.

Запрет на злоупотребление правом, усовершенствованный в новой статье 10 ГК РФ (в проекте изменений), по сути, вытекает из качества равновестности, которое заложено в таком правовом начале, как правовое равенство участников гражданских правоотношений. Эта формула выражает нацеленность гражданского права на пропорциональность, эквивалентность, справедливость при реализации субъективных гражданских прав и исполнении юридических обязанностей. Юридическое равенство проявляется не только в независимости, неподчиненности воле субъектов гражданского права, не только в свободе усмотрения, свободе договора и неприкосновенности собственности, но прежде всего в координированности своего поведения в соответствии с правами равных друг другу субъектов (ограничиваются и гарантируются которые в том числе и через запрет на обход закона). В принципе юридического равенства заключена основная сущность гражданско-правовой системы, и через него она обретает всю свою юридическую жизнь.

Статья 10 ГК РФ как норма прямого действия «работает» только в ситуации правовой неопределенности, когда либо отсутствует соответствующая специальная норма права, регулирующая возникший казус, либо специальная действующая норма права не способна в силу своего юридического содержания (формализма, ошибок, пробелов) качественно разрешить стоящую перед ней задачу. В системе норм гражданского права статья 10 ГК РФ относится к высшей иерархии, поскольку отвечает за пресечение противосистемной эксплуатации норм права и в своем толковании базируется во многом на философских категориях «свободы», «справедливости», «равенства», «добросовестности», «разумности» и т.п. Равным образом и обход закона появляется в той ситуации, когда нет специальной императивной нормы, устанавливающей конкретный запрет, либо если последняя своим смыслом не покрывает возможные случаи ее обмана (обхода).

Поэтому, если обход закона совершается посредством притворной сделки, то квалифицировать ее как «обходную» не имеет смысла, поскольку в этом случае должна адекватно работать ст. 170 ГК РФ. Но если статья 170 ГК РФ по каким-то причинам не может применяться в конкретном случае, то при определенных признаках можно говорить и прямо об обходе закона.

Злоупотребление правом – есть всегда действие, выраженное в форме того или иного целенаправленного юридического (формального) акта. В ином случае шикану, например, ничем нельзя было бы отличить от обычного деликта, т.е. от причинения вреда (пусть и с явным намерением). Суть злоупотребления правом в форме обхода закона также образует то или иное правоосуществление в форме того или иного юридического акта (чаще всего сделки). Признак формального правопользования при любом злоупотреблении правами в общем виде проявляется через тот юридико-технический материал, содержащийся в объективном праве, посредством которого отдельно либо по совокупности злоупотребляющее лицо стремится к своим недобросовестным, узкоэгоистическим целям. Отсюда к действиям, совершаемым в обход закона, могут относиться только акты правоосуществления, правопользования, правореализации, которые хотя и являются по своему характеру формальными, т.е. внешне легальными, тем не менее недобросовестны, недействительны, незаконны по своей внутренней сути.

Нарушение установленного запрета на злоупотребление правом производится уполномоченным лицом осознанно, с наличием четкой цели и избранных для ее достижения средств. Отсюда упречность воли, в отличие от недействительности сделок, делает обход закона деянием не просто не соответствующим требованиям закона, не просто неправомерным, но всегда противоправным. Поскольку злоупотребление правом характеризуется как нарушение правового запрета и как поведение, в основе которого стоит злоупотребительный юридический (формальный) акт, то, следовательно, и обход закона относится к области неправомерных действий, направленных на достижение запрещенного результата, т.е. к гражданским правонарушениям.

Признак противоправности при обходе закона относится, несмотря на некоторые особенности этого системного запрета, к общим обязательным квалифицирующим признакам состава злоупотребительного поведения. Суд обязан при квалификации действий в качестве обхода закона установить, в чем конкретно выразились недобросовестные дей-

ствия субъекта, какая норма права была обойдена, при каких внешних обстоятельствах, и чем это конкретно подтверждается.

Итак, обход закона – это правонарушение, проявляющееся в буквальном использовании лицом норм права в ущерб их внутреннему смыслу и назначению в системе права. При этом нарушитель понимает, что он односторонне пользуется узким, ущербным толкованием нормы, намеренно оставляя за своим взором реальное, т.е. логическое, диалектическое, целевое, ценностное юридическое содержание нормы права. Подобная ситуация характеризуется недобросовестностью, нечестностью, лицемерностью управомоченного лица. Таким образом, лицо, обходящее закон, отменяет для себя общепринятое значение действующего в обществе запрета и прикрывает, маскирует эти действия своим собственным толкованием и соответствующими сделками (а иногда и целым каскадом сделок).

Поскольку обход закона всегда осуществляется лицемерно, недобросовестно, т.е. средствами права, и подобный алгоритм действий может совершаться только с прямым умыслом, то вина через призму разумности и добросовестности становится не просто формальным условием гражданско-правовой ответственности, как в обычных правонарушениях, а является необходимым признаком для квалификации действий в качестве «обходных» и на основе этого последующего отказа в защите права.

Санкция статьи 10 ГК РФ (отказ в защите права) по своему уникальна и работает на «верхнем» этаже охранительных гражданско-правовых мер: там, откуда просматривается не только созданное правовое отношение, но и ситуация, когда само конкретное правовое отношение, будучи вырванным из общего контекста гражданского права, в условиях правовой неопределенности становится средством для достижения лицом своей эгоистической, скрытой, незаконной цели. При обходе закона отказ в защите права проявляется системной охранной мерой (санкцией), то есть своеобразной защитой от злоупотреблений субъектов с помощью средств самого гражданского права. При этом проектом изменений в ГК РФ предусмотрено применение и других санкций за совершение исследуемого правонарушения. Более того, специально для обхода закона в пункте 3 ст. 10 ГК РФ делается оговорка о применении любых иных последствий, установленных кодексом (например, восстановление корпоративного контроля).

Выявив основные квалифицирующие признаки для такого явления как обход закона, необходимо выявить его сущностное отличие от других форм злоупотребления правом.

Основным источником для злоупотреблений правами (в том числе в форме обхода закона), т.е. его поражающим фактором, всегда является несовершенство норм гражданского права. Несовершенство норм гражданского права, проявляясь в своих естественных и искусственных образах, состоит из двух форм: 1) юридико-технического формализма норм гражданского права; 2) собственно несовершенства (пороки) норм гражданского права. Если первая форма является лишь косвенным источником, то пороки норм являются прямыми источниками для основной массы злоупотреблений. Но именно внутри первой формы и находится «питательная среда» для появления такого нарушения, как обход закона.

Поясним подробнее. Право само по себе неотделимо от тех внешних форм, в которых оно находит свое объективное выражение. Одной из таких форм является формализм гражданского права (законодательства). В общем социологическом плане под формализмом понимается такая отрицательная черта в обществе, как бюрократизм, предпочтение «чистой» формы перед содержанием, преклонение перед буквой закона при полном пренебрежении к его смыслу и духу, т.е. возвышение формы права в ущерб его содержанию. Но в гражданском законодательстве формализм – это его положительная черта, неотъемлемое свойство, которое внешне проявляется в общеобязательности, а внутренне – в логическом, удобном построении правового материала, который, в свою очередь, грамматически обслуживается нейтральным языком, в определенной структурной форме – юридической норме. Любая юридическая норма в той или иной степени в своей формальной основе имеет трехчленную структуру: «если – то – иначе» (гипотеза, диспозиция и санкция), а используемый для ее создания сложный юридический язык наполнен специальными понятиями, объединенными в термины, юридические конструкции, правовые режимы, подотрасли, институты и т.п. Юридические, то есть формальные, понятия отличаются от иных понятий двумя важными особенностями: определенностью (строго отделяются от других понятий) и постоянством (смысл остается неизменным и одинаковым для всех), т.е. юридические понятия должны быть точны и одинаковы для всех. Право, по существу, проявляется как бесконечный «счет поня-

тий», требующий с помощью юридической техники¹ системного, структурированного, формального подхода. Юридическая техника в современной теории права рассматривается как приемы, способы, методы, средства составления юридических документов, каждому из которых дается собственное обоснование и определение. В контексте настоящей работы юридическая техника – это совокупность специальных правил подготовки и изложения законодательного материала (формализация), делающих удобным усвоение и применение норм гражданского права.

С помощью указанных приемов производится формализация гражданского права. При этом внешний формализм гражданского законодательства проявляется, прежде всего, в общеобязательности выполнения правовых предписаний, в структурном построении правового материала (начиная от структуры нормы права и заканчивая системной иерархией гражданско-правовых актов), в месторасположении предписаний внутри закона по предмету регулирования, по степени их важности, степени абстракции и т.д. Внутренний формализм в гражданском праве выражается в сущностном назначении (специализации) норм права, в употреблении специальных юридических терминов, устоявшихся юридических понятий, удобных юридических теоретических и практических конструкциях (формул), позволяющих избежать многочисленных повторений и определений в сходных ситуациях и реально их применять в жизни. Если внешний формализм придает всем нормам права обязательную силу, то внутренний – определяет степень юридической силы каждой нормы права по отношению к другим нормам. Формализм в целом делает правовой материал доступным, удобно читаемым и одинаково понимаемым. Формализм, следовательно, – это результат объективизации, систематизации и упрощения правового материала посредством процедуры формализации.

Несмотря на то, что формализм в гражданском законодательстве – это положительное и необходимое правовое явление, но, также как и любая многоуровневая правовая субстанция, имеет свою обратную сторону – возможности для создания формальных подходов. Под формальным подходом в целях выявления обхода закона понимаются методы и способы интеллектуальных суждений субъектов граждан-

¹ Термин «юридическая техника» в научный оборот первым ввел немецкий ученый Р. Иеринг. В 1906 г. в Санкт-Петербурге была издана его книга «Юридическая техника» (Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1906.).

ского права, обосновывающих «во вне» свои злоупотребительные действия буквой (формулой) закона в ущерб его действительной сути (духу). С точки зрения злоупотребления правами (как родового понятия к обходу закона) он (формализм) используется на следующих уровнях: 1) словах и юридических терминах гражданского права; 2) юридических конструкциях гражданского права; 3) функционально-системных связях гражданского права; 4) понятийно-системных формах гражданско-правового регулирования.

При этом, если на первом уровне «игра» словами и терминами относится к разряду обычных злоупотребительных суждений, а на втором уровне «работает» основная масса злоупотребляющих субъектов в правоприменительной деятельности, то юридические функционально-системные связи и понятийно-системные формы гражданского права являются основными средствами для создания различных схем, связанных с обходом закона. Однако с теоретической точки зрения необходимо обратиться к последнему уровню формализма как к «чистому» источнику для появления такого феномена, как обход закона.

Нормируя юридические отношения, законодатель, прежде всего, классифицирует их, облакает в абстрактные типовые формы, а затем уже устанавливает конкретные правила. Эти задачи в правотворчестве решаются одновременно и с помощью общих (абстрактных) норм (широкая форма, но бедное содержание), и посредством специальных норм гражданского права (богатое конкретное содержание понятия, но узкая сфера применения)¹. Законодатель, создавая тот или иной правовой режим для конкретной группы отношений, не в состоянии установить его в самостоятельной и изолированной норме, а должен для этого создать группу норм, всесторонне регулирующих избранный тип отношений. Поэтому каждая норма, рассматриваемая изолированно, включает в себе лишь частицу мысли законодателя и раскрывается в полном смысле только тогда, когда будет рассматриваться в контексте с другими нормами, которые все вместе наиболее полно выражают мысль законодателя. Абстрагирование, классификация, структурная и отраслевая специализация и другие понятийно-системные формы правового регулирования играют значительную роль в юридической технике составления законов. Но внешняя формальность, высокая абстрактность правил, наличие общих и специ-

¹ С.С. Алексеев определяет эти формы как абстрактный и казуистический способ изложения юридических норм (Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 111).

альных норм, их систематизация и специализация и вследствие этого структурная разбросанность норм как отдельно, так и в совокупности могут служить объективными предпосылками для недобросовестных намерений обходящих законы лиц.

Именно понятийно-системные формы гражданско-правового регулирования потенциально способны быть «чистыми» средствами для обхода закона. Они, в свою очередь, классифицируются следующим образом: а) юридическая абстрактность (формальность) норм гражданского права; б) функциональная разделенность норм и их структурная позиционность внутри нормативного акта; в) внутриотраслевая специализация норм гражданского права; г) межотраслевая специализация норм права.

Так, свобода договора в общем виде изложена в ст. 421 ГК РФ. Высокая абстрактность этой нормы является самым распространенным средством для обхода действующих норм и правил. Под флагом свободы договора процветает прежде всего латентный обход закона. Связано это не с пороками ст. 421 ГК РФ (она изложена близко к идеалу) а, в первую очередь, с личными пороками лиц, ею злоупотребляющих. Однако естественный формализм, абстрактность, некоторая декларативность дают повод для частого использования ст. 421 ГК РФ в обходных схемах. Большинство противозаконных сделок заключаются именно со ссылкой на свободу договорных отношений. При этом субъекты злоупотреблений намеренно игнорируют пункт 1 ст. 422 ГК РФ, который устанавливает, что договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения. Одной из таких императивных норм является ст. 10 ГК РФ, вводящая специальные пределы правоосуществления, в том числе и в случаях заключения договора, поскольку это тоже акт правоосуществления, а не только элемент реализации праводеееспособности.

Классифицируя и частично раскрывая в качестве средств для обхода закона юридико-технический формализм гражданско-правовых норм, тем не менее мы воспринимаем их естественными издержками, от которых невозможно избавиться, поскольку они имманентно присущи любой регулирующей системе, использующей приемы формализации. Формальность и абстрактность, структурная позиционность и функциональная специализация правил регулирования – это необходимые сущностные свойства гражданско-правовой системы, которые лишь по воле злоупотребляющих лиц (надо при-

знать, высокоинтеллектуальных) эксплуатируются для создания различных, иногда многоуровневых, схем, направленных на обход действующего запрета.

Несовершенство гражданско-правовых норм и правил, в отличие от естественного формализма, составляет уже собственные пороки права. Однако это поле не является сферой «обитания» для обхода закона. Объективные грамматические недостатки, смысловые ошибки, пробелы, противоречия, системные «пробои», содержащиеся в нормах гражданского права, ведут, никто не спорит, к искажению воли законодателя. За эти ошибки отвечает сам законодатель. Преодолеваются подобные пороки либо путем внесения изменений в законодательные акты (совершенствование), либо путем официального или неофициального толкования в процессе правоприменения, а кроме того, они преодолеваются с помощью санкций статьи 10 ГК РФ в случаях недобросовестного правопользования. С этой точки зрения об обходе закона в чистом виде говорить нельзя, потому что закон (норма права) не обходится, а непосредственно используется в качестве предмета злоупотребления. При этом используется не столько сама норма права, сколько заключенные в ней или связанные с ней недостатки.

Например, по своему характеру ошибки законодателя в гражданском праве, с точки зрения злоупотреблений правами, проявляются на трех основных уровнях: 1) текстуальном (лексико-грамматические ошибки); 2) контекстуальном (ошибки мысли); 3) системном. Если с первыми двумя ошибками сложностей в понимании не возникает, то системные ошибки в гражданском праве относятся к высшей форме несовершенства гражданско-правовых норм и являются самым распространенным формальным средством злоупотреблений гражданскими правами (и в этой части ближе всего граничат с проблемой обхода закона). Подобные недостатки возникают прежде всего из-за огромной сферы регулируемых социальных отношений и вследствие этого высокой абстрактности используемых юридических понятий, смыслы которых соединить в одну понятийно-правовую сеть является трудной задачей. Они коренятся не в тексте и не в контексте конкретной нормы (группы норм), а между этими контекстами и выявляются лишь в процессе практического применения того или иного термина, юридической конструкции или правового режима в целом. Правоприменителю необходимо сопоставить и проанализировать толкуемую норму с другими отдаленными нормами или целыми правовыми режимами, или системой законодательства в

целом, в том числе и при формулировании отсылок норм друг на друга как в пределах одного закона, так и между законами и даже между отраслями права.

К системным ошибкам с точки зрения злоупотребления гражданскими правами относятся: а) высокая неопределенность принципов и общих норм гражданского права; б) наличие пробелов в гражданском правовом регулировании; в) коллизии между правовыми режимами в форме противоречий и конкуренций; г) ошибки функциональных связей (ошибочные или неясные ссылки и отсылки); д) нарушение баланса (приоритета) между законами и подзаконными актами. И тем не менее в этом поле злоупотребление правом в форме обхода закона не возникает, поскольку злоупотребляющее правом лицо, хорошо ориентируясь в этой неопределенности, непосредственно, т.е. без обхода, использует ее для реализации своей незаконной цели. Квалифицированное системное толкование норм гражданского права так же, как и при обходе закона, не входит в планы лиц, использующих системные ошибки в своих злоупотребительных целях. Но при обходе закона эксплуатируются не ошибки права, а его внешняя и внутренняя структура (построение) и возникающая в связи с этим неизбежная неопределенность (неконкретность).

Итак, существенными элементами, признаками злоупотребления правами как родового понятия для обхода закона являются: а) злоупотребления рождаются в условиях правовой неопределенности, т.е. при отсутствии либо невозможности использовать специальные, «родные» регулирующие нормы гражданского права; б) происходит недобросовестное использование в качестве средства для достижения незаконной цели того или иного гражданского (субъективного) права (обязанности), что дает правоосуществлению только форму внешней легальности; в) у нарушителя наличествует скрытая незаконная цель (т.е. действие с субъективной стороны характеризуется с прямым умыслом, намеренное, эгоистичное). *Злоупотребление гражданским правом вообще – это особый вид гражданского правонарушения, связанного с умышленным выходом управомоченного лица в ситуации правовой неопределенности за внутренние пределы (смысл, назначение) субъективного гражданского права (определяемые в том числе критериями разумности и добросовестности) для достижения своей незаконной скрытой цели с использованием формализма и недостатков гражданского права, как то: абстрактность, узость, пробелы, оговорки, ошибки, противоречия правовых норм и договорных условий и т.п.*

Поскольку в упрощенном варианте злоупотребление гражданским правом – это недобросовестное правоупотребление в условиях правовой неопределенности, то что же тогда представляет собой обход закона и чем он выделяется из общей массы злоупотреблений правами?

При злоупотреблении правом в форме обхода закона нельзя говорить о том, что субъектом злоупотребления используются пороки (ошибки), содержащиеся в нормах права, поскольку не они становятся предметом обхода. Запреты, которые реально обходятся нарушителями, в грамматическом, контекстуальном и даже системном плане сформированы с точки зрения юридической техники и цели правильно. Именно поэтому их нельзя просто использовать, а можно лишь обойти. При обходе закона эксплуатируется формализм права в его высшем понимании, т.е. когда внешне законный алгоритм юридических средств только в своей совокупности, накладываясь на конкретные фактические обстоятельства, выявляет свою истинную цель и в обратном отражении проявляется в качестве высшей формы злоупотребления правом – обходом закона. В этой сфере злоупотреблений уровень используемой правовой неопределенности наименьший, а уровень правовой изощренности злоупотребляющих правом лиц наивысший. Вот почему обход закона так сложно выявить на практике и ограничить от других форм злоупотребления правами.

Отталкиваясь от основных квалифицирующих признаков такого правонарушения как злоупотребление правом и с учетом выявленных существенных особенностей для обхода закона, синтезируем следующее определение исследуемому явлению: *обход закона – это высшая форма злоупотребления правом, связанная с недобросовестным использованием управомоченным лицом действующих понятийно-системных средств гражданского права (формализм права) и направленная на достижение, в действительности запретного результата.* Другими словами, обход закона – это намеренное формирование недобросовестными лицами одной или нескольких сделок (либо их условий) с целью избегания урегулированного нормами права воздействия на их фактические правоотношения. При этом речь может идти и о притворности, и о мнимости, и о фиктивности подобных действий, прямо не нарушающих конкретных запретных или обязывающих норм права, но в совокупности направленных на их обход.

3.12. К вопросу о групповых исках в арбитражном судопроизводстве (Е.И. Сенякина)

Проблема исков арбитражного судопроизводства всегда была и остается важной и актуальной. Она затрагивает понятие, содержание, юридическую природу и их конструкционные особенности. Многогранность регулируемых общественных отношений позволяет их классифицировать по различным видам:

- предмету и целям: на иски о признании, о присуждении и преобразовательные иски;
- объекту защиты: иски, возникающие из гражданских, административных, налоговых и иных правоотношений;
- характеру защищаемого интереса в арбитражном процессе: личные, в защиту публичных интересов, производные (косвенные), в защиту прав других лиц.

Особой разновидностью здесь являются групповые иски. Они представляют собой сравнительно новую разновидность исков для арбитражного процессуального права. В этой связи среди ученых нет единства взглядов относительно их понятия, сущности и нормативного урегулирования. Отсюда и разнообразие мнений об их юридической природе.

Обобщая имеющиеся позиции по данному вопросу, следует сказать, что групповые иски направлены на защиту большой группы лиц, персональный состав которой не известен в момент возбуждения дела¹. Появление групповых исков обусловлено развитием рыночных отношений, предпринимательской деятельности и отсутствием должной законодательной базы, в полной мере соответствующей их содержанию и сущности. Особенно это касается процессуального регулирования дел по спорам о защите прав значительного количества граждан, которое было бы соразмерно наступившим для них негативным последствиям. На практике возникают трудности, преодоление которых видится лишь в научной разработке теории группового иска.

При детальном рассмотрении данного вопроса возникает ряд проблемных моментов содержательного и конструкционного характера. Вот некоторые из них.

¹ См.: *Аболонин Г.О.* Групповые иски. М., 2001. С. 8.

Начнем с того, что в групповых исках интересы группы в суде представляет истец-представитель. Он либо выбирается участниками группы, либо сам предлагает свою кандидатуру на эту роль. В связи с чем возникает вопрос, а может ли акционер либо участник рынка ценных бумаг на достаточно профессиональном уровне отстаивать интересы большой группы лиц? Не лучше ли было бы, чтобы их интересы в суде отстаивал специально уполномоченный на то орган или юридическое лицо, например адвокат, который обладает специальными знаниями в области ведения дела по данным видам исков?

К примеру, в американском праве в таких случаях действует самовызывающийся адвокат. Следует также уточнить, как будут компенсироваться расходы на оплату адвокатов. Это будет фиксированная сумма по договоренности всех участников группового иска или же по примеру американской практики адвокат будет получать до 40% от цены иска.

Далее, в групповых исках истец-представитель работает без доверенности, и также в отличие от обычного представителя истец-представитель является участником правоотношения, его права и интересы наряду с другими истцами также затронуты предметом спора. Ко всему прочему истец-представитель представляет интересы не менее 5 участников спора, а не как в обычном представительстве: 1 представитель – 1 представляемый. Но порядок оформления полномочий представителя и порядок осуществления им полномочий всех заинтересованных лиц, присоединившихся к заявлению, законом не регламентированы. На мой взгляд, необходимо четкое законодательное определение порядка оформления документов о присоединении к заявлению, которые выступают основанием для участия в деле представителя.

Нормы АПК в своих конструкциях не содержат положений, четко регламентирующих, каким образом должны быть оповещены субъекты, чьи права были нарушены, о возможности групповой защиты их прав, а также о инициативе субъекта, намеревающегося осуществить защиту прав группы лиц. На мой взгляд, необходимо выбрать наиболее универсальное средство оповещения, скажем если персональный состав потенциальных истцов, чьи права нарушены, известен, то в соответствии с реестром акционерного общества всех акционеров можно проинформировать путем отправки им нарочным уведомлений. Если же состав не известен, то опубликовать предло-

жение о присоединении в периодическом издании, например в газете «Коммерсантъ».

Самый простой способ, наиболее пригодный именно по корпоративным спорам, – истребование информации о потенциальных членах группы от ответчика, регистратора, депозитария, которые располагают информацией о владельцах ценных бумаг, круге акционеров, которых у ОАО может быть очень много.

Важным вопросом также является внесение решения и его исполнение. Хотя в ст. 225.17 АПК РФ сделана отсылка к общим правилам вынесения решения, здесь следует иметь в виду специфику, связанную с определением размера возмещения в отношении каждого из членов группы либо принципом распределения между ними денежных средств, вырученных от продажи имущества.

Конструктивное содержание гл. 28.2 АПК РФ не содержит также особенностей утверждения мирового соглашения по групповым искам, поскольку здесь важнейший вопрос, как согласовать условия с истцовой стороны при возможно большом количестве членов группы: на основе полного консенсуса всех членов группы либо по правилам мирового соглашения в делах о несостоятельности – по большинству голосов членов группы, имеющих максимальный стоимостной объем требований.

В законодательстве также не урегулирован вопрос, связанный с отказом от иска. В рамках индивидуального спора истцу предоставлено право самостоятельно решать вопрос об отказе от иска. Суд не вправе выяснять обстоятельства такого решения, он выносит мотивированное определение по данному вопросу и прекращает производство по делу. Но в рамках группового иска речь идет уже об иске с несколькими истцами. В ряде случаев отказ от иска одного из участников группы не оказывает существенного влияния на ход дел, т.к. при соблюдении требований, предъявляемых АПК к группе лиц, исковые требования могут быть уменьшены на сумму участника отказавшегося от иска. Но здесь сразу же возникает ряд трудностей: а что если после отказа одного из участников от иска численность группы будет не соответствовать законодательным требованиям (членов группы станет менее 5)? Получается, что иски будут подаваться индивидуально?

Но применительно к нормам данной статьи здесь речь идет даже не об отказе от иска одного из участников группы, а главным образом об отказе от иска истца-представителя. Какие правовые последствия это сможет породить? Если истец-представитель отказывается от иска

и будучи лицом, которое возбудило судебное разбирательство по делу и к заявлению которого присоединились иные участники, то соответственно при выбытии из дела основного искового заявления утрачивается предмет иска и суд прекращает производство по делу. Это прекращение по общему правилу влечет утрату права на повторное обращение в суд по тому же иску с тем же основанием. И получается, что права иных участников группы остаются незащищенными и, более того, такие участники также лишаются права на судебную защиту.

Повторное возбуждение искового производства допускается лишь по вновь открывшимся обстоятельствам. Из всего вышесказанного видно, что в конструкцию действующего законодательства должны быть внесены нормы, регламентирующие этот вопрос.

Далее. Полномочия представителя могут быть прекращены по решению большинства участников группы в связи с негативными последствиями действий представителя (например, грубого нарушения предоставленных ему прав или злоупотребления ими). Как быть в этом случае суду? Прекратить производство по делу и возбудить дело по заявлению вновь созданной группы с новым представителем или продолжить производство по делу, поскольку изменения в субъектном составе связаны с выбытием одного из участников группы?

АПК связывает необходимость начинать разбирательство сначала только в случае включения в процесс нового участника. Вопрос остается открытым.

Далее. Основным предметом спора в делах о защите прав и интересов группы лиц является корпоративный спор. Но легально нормативного определения данного понятия на сегодняшний день не существует. Нормами АПК такие споры определяются посредством отнесения с ним отдельных категорий дел, которые, как правило, связаны с деятельностью юридического лица и вытекают из результатов такой деятельности. Но что именно имеет в виду законодатель под всем этим, в законе не прописано.

Далее. По существу группового иска представительным истцом является субъект, чьи права и интересы нарушены данным иском, также как и права и интересы иных участников группы. Но исходя из того, что закреплено в АПК, представители, чьи права затронуты, являются только юридическими и физическими лицами. Но существуют также органы, организации и некоторые физические лица, которые могут являться представителями группы в силу своих полномочий, притом что их права и интересы никоим образом не затронуты пред-

метом спора. К таким субъектам можно отнести правоохранительные органы, органы ФСБ, Минфин, органы прокуратуры, структурные подразделения ФАС, федеральные органы исполнительной власти по рынку ценных бумаг, ФСФР и физическое лицо, как, например, в ООО единоличный исполнительный орган общества (ст. 40 ч. 2, 3).

Далее. Круг дел, по которым предъявляются групповые иски, не является закрытым и полностью в АПК не раскрыт. Помимо корпоративных споров и споров, связанных с осуществлением деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, групповым иском могут также защищаться нарушенные права в сфере некорпоративных отношений: например групповой иск можно предъявить для компенсации ущерба от недобросовестной рекламы, причинения вреда окружающей среде. Если ответчик своими действиями нарушил права группы лиц и их требования, независимо от того, из договорных или внедоговорных обязательств оно возникло, соответствует по численности (истец-представитель плюс не менее 5 лиц) и другим критериям гл. 28.2 и гл. 4 АПК, то групповой иск подлежит рассмотрению судом.

Таковы некоторые проблемные вопросы, которые требуют дальнейшего научного осмысления и изучения.

3.13. Политико-правовая институционализация корпоративных интересов и конфликтогенность процессов их реализации: отечественный опыт (Т.К. Красильникова)

Возникновение и развитие корпоративных интересов является закономерным результатом формирования и укрепления институтов гражданского общества в современной России. Именно разнообразие конкретных условий становления и функционирования гражданского общества, специфика взаимодействия его структур и органов публичной власти определяют характер корпоративных интересов, виды корпораций, их место и роль в правовой и политической жизни, социально-экономических и социально-культурных процессах.

Корпорации составляют необходимый компонент социально-экономической и политической жизни развитых стран и являются результатом многовекового развития общества как юридически изменчивой формы обеспечения взаимоотношений властных институтов и социума. Именно формирование гражданского общества обуслови-

вадет утверждение в национальном политико-правовом пространстве системы демократических ценностей, которые не могут быть навязаны обществу государством директивно, через внедрение тех или иных заимствованных «сверху» институтов. В ином случае не будет создан механизм конструктивного взаимодействия корпораций с государственными структурами, а созданная нормативная база не будет иметь должной социальной опоры, не получит необходимого воплощения в поведении субъектов правовой и политической жизни.

Определенный вклад в становление как самих корпораций, так и корпоративной науки внесли Средние века. С позиции исторической науки термин «корпорация» позволял говорить о корпоративных объединениях различного типа, действующих в разных сферах жизни средневекового общества – в ремесле и торговле, в религиозной сфере (ордена, братства), в образовании (университеты), о разного рода территориальных объединениях (коммуны, земли) и т.д., и самое главное – о корпоративности всего средневекового общества.

Несмотря на то, что политико-правовым выражением средневекового способа производства являлись привилегии, неравное для каждого из сословий право, сословный социальный порядок в виде сословной корпоративности позволял обществу сохранять определенную независимость от государства.

Основанием социальной интеграции людей в некую новую общность – корпоративную организацию – становились однородность профессиональной деятельности, объединение людей, обладающих общностью социального положения. Именно в средневековых корпорациях появилась разветвленная система регламентации, определяющая характер отношений, возникающих как между членами профессионального сообщества, так и отношений самих сообществ с органами власти.

Ремесленные и торговые корпорации – это был тот тип организации, который существовал на протяжении многих веков. Однако была ли причиной этого гибкость данного института, его способность меняться в соответствии с изменением общества, либо он был неким пережитком Средневековья, чье существование прекратилось бы само собой, как и у всякого затянувшегося явления, если бы корпорации не оказались инструментом в руках центральной власти, воспользовавшейся ими в своих целях.

В период Нового времени ремесленные и торговые корпорации показали себя способными приспособливаться к произошедшим в

обществе переменам, в том числе на законодательном уровне. Это была возможность объединения в одной организации людей, принадлежащих к одной профессии, но обладающих разным социальным статусом: хозяев и их работников. Устойчивость и притягательность корпоративных структур были обеспечены сочетанием новых и «старых» характеристик (таких как взаимопомощь, внутреннее единство, защита общих интересов и согласованность действий и др.). Корпорации были одной из основ благоразумного консерватизма, способствуя стабильности общества и благополучию каждого человека, входившего в ремесленное или торговое сообщество.

Если главная цель корпораций в период феодализма носила некоммерческий характер и заключалась в сословно-правовой регламентации производственной, общественной и личной жизни их членов, в охране их сословных прав и привилегий, то основной целью торговых компаний, начиная с Нового времени, были, напротив, получение прибыли путем производства и обмена и распределение ее между вкладчиками.

Основным хозяйственным институтом корпорация стала именно в условиях существования индустриального общества. Именно тогда, в условиях политической свободы, обеспеченной буржуазным обществом, основой хозяйственной системы стала новая форма производственной организации – компания, или корпорация, возникшая как свободное объединение индивидов еще в недрах феодального общества. Важнейшим фактором развития корпорации в буржуазном обществе стал, в первую очередь, принцип взаимной заинтересованности ее членов друг в друге, присущий данной форме организации. Но, будучи по своему происхождению экономическим институтом, корпорация не могла не развиваться одновременно социальным и политическим институтом. Поэтому, когда она вступала в те или иные отношения с государством (эти отношения носили главным образом политический характер) или обществом (через социальные сферы деятельности корпорации), она также функционировала согласно логике «коллективного действия». Сегодня корпорации представляют наиболее мобильную часть социальной структуры общества.

В западном политико-правовом пространстве возникло такое явление, как корпоративная власть, что, по мнению ряда ведущих аналитиков, является первым шагом к становлению достаточно слабых форм демократии, в которой властные полномочия граждан передаются огромным организациям, к сожалению, с явно заниженным уровнем со-

циальной ответственности и перед государством, и перед обществом.

Сдерживать корпоративные амбиции, пресекать разного рода злоупотребления, возникающие в результате деятельности коммерческих корпораций, политических и религиозных объединений в современных условиях, в период глобализации и при сохранении демократического режима, возможно только путем создания и институционально-правового оформления технологий реализации корпоративных интересов, конечно, имеющих собственное содержание и направленность, но не идущих при этом вразрез с законными интересами государства, общества и личности.

Российской правовой и политической системе всегда были присущи противоречия в сфере соотношения публичных, корпоративных и личных интересов. Перед российским обществом всегда стоял выбор: либо капитализм – механизм удовлетворения частных интересов, либо социализм – механизм удовлетворения общественных интересов – и корпоративизм – механизм удовлетворения интересов каждого через развитие сообщества¹. Следует признать, что в России есть все предпосылки для «освоения корпоративного метода хозяйствования и способа организации всей общественной жизни»². Первые образцы такой организации хозяйства были опытом, «школой» как капитализма, так и социализма.

Следует признать, что в современном мире доминирующими тенденциями первого десятилетия XXI в. стали усиление имущественной экспансии государственной власти, обеспечение зависимости бизнеса от государственных институтов, несмотря на решение по дерегулированию экономических отношений и на дальнейшую реализацию программ по приватизации имущества. Итогом такой политики могло стать формирование модели государственного капитализма, особенностью которой в России являются: расширение сферы применения стандартных элементов государственного предпринимательства, что рассматривается как компонент обеспечения национальных интересов России; создание благоприятных условий функционирования лояльных к власти, в том числе частных, компаний, и одновременно применение репрессивных мер административного и уголовного характера в отношении тех влиятельных экономических субъек-

¹ *Геревич Г.С., Рохмистров С.Н.* Корпоративное управление: истоки становления в России. М., 2004. С. 72.

² *Иванов В.Н., Патрушев В.И.* Социальные технологии. М., 1999. С. 341.

тов, которые не вписываются в выстраиваемую модель отношений между государством и бизнесом.

Вероятным итогом такой политики может стать либо возврат к государственному капитализму начала XX в., либо к государственному социализму. В настоящее время государственно-корпоративный сектор экономики находится в неравновесном состоянии, которым пользуются чиновники в своих интересах, в связи с чем вполне можно согласиться с одним из известных в России экономистов А.Д. Радыгиным, назвавшим этот сектор «бюрократическим капитализмом»¹.

Безусловно, в России есть все предпосылки для освоения корпоративного метода хозяйствования и способа организации всей общественной жизни. «Корпоративизм – это синтез новейших достижений капиталистического и социалистического образа жизни, вбирающий в себя жизнеспособные элементы двух способов производства (и частного, и общественного)»². Одновременно «корпоративный капитализм» в России объективно закономерен. Подтверждением чему являлись возникшие в советское время мощные государственные монополии типа Газпрома, нефтяных объединений, которые при переделе собственности можно было преобразовать в капиталистические монополии, «что было просто актом политической воли: сменить руководство, выпустить акции, автоматически превращающие их владельцев в собственников акционерного имущества, переключить финансовые потоки на корпоративные и частные счета»³.

Однако в России начиная еще с реформ второй половины XIX – начала XX в. принцип корпоративизма утверждался крайне медленно, что связано было с государственно-патерналистическими принципами отечественной правовой и политической культуры.

В истории Российского государства так и не возникла гражданско-институциональная стратегия государственного строительства, в рамках которой различные социальные, религиозные и этнические группы могли выражать и отстаивать свои интересы в политическом процессе, влиять на публичную власть.

В начале XX столетия попытки структурировать российское

¹ Радыгин А.Д. Россия в 2000–2004 годах: на пути к государственному капитализму? // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 63–64.

² Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии. С. 341; Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М., 2001. С. 78.

³ Кузьмин С.А. Занятость стратегии России. М., 2001. С. 129.

общество через легализацию многопартийной системы, парламентаризм, расширение прав предпринимательских корпораций не принесли больших результатов. Большевики, придя к власти, столкнулись со слабо структурированным обществом, в котором разные социальные группы не имели реальных политико-правовых институтов представительства своих интересов, что и позволило в достаточно короткие сроки сформировать «монокорпоративное» государство.

В 90-е гг. XX в. плановая экономика, основанная на монопольном положении государственной собственности и сверхцентрализованном государственном управлении, весьма быстро замещалась рыночными экономическими отношениями, что должно было привести к многосекторной экономике, обеспечивающей правовую свободу всем участникам хозяйственной деятельности, функционирование разных субъектов национальной экономической жизни. Однако при всем том в России возобладали признаки «олигархически-корпоративной» модели, основанной на небольшом количестве крупных собственников, сумевших через институт приватизации подчинить себе не только ранее принадлежавшие государству целые отрасли народного хозяйства, но и, по сути, государственную деятельность корпоративным интересам.

В России в большей степени, чем на Западе, на характере корпоративного управления сказались недостатки в самом понимании частной собственности, тем более системы корпоративной собственности. Размытый характер собственности в России, порожденный «специфической» приватизацией, не позволил создать эффективного собственника, а создал платформу «механического конструирования» субъектов корпоративной собственности. Процессы глобализации собственности виделись лишь с привычных позиций: как ею руководить, т.к. в понимании ее с позиции старого мышления все обстояло просто: корпоративная, значит – общая, а общая, значит – ничья, что стало фундаментом провозглашения корпоративной собственности социалистической (государственной, общенародной и т.п.). Этому способствовало и то, что корпорация как форма организации производства могла быть и государственной компанией.

На данный момент в социально-политической жизни нашего государства остро стоит вопрос контроля над эффективным использованием всего имущественного фонда различных форм собственности, включая корпоративную форму, а также социально-справедливого участия всего общества в распределении дохода, полученного от произведенного валового национального продукта. Государство сего-

дня пытается решить этот вопрос с помощью преимущественно налоговых средств и института социального партнерства, пытаясь привлечь корпорации к решению общесоциальных задач.

Тем не менее современная российская социально-экономическая и политическая действительность по-прежнему такова, что корпоративные интересы чаще всего идут вразрез с интересами публичными и частными и даже выступают (что свойственно специфике переходного периода отечественной государственности) в качестве приоритетных. Это негативно отражается не только на политической и экономической стабильности, но и на процессах формирования и функционирования гражданского общества, легитимности институтов государственной и муниципальной власти.

В современных условиях государство Россия сведена, можно сказать, до роли своего рода корпорации. Когда заявляется, что для государства главное быть экономически конкурентоспособным, то это уже не совсем государство, а корпорация-государство. Быть экономически конкурентоспособным – это задача фирмы. Тем самым для государства-корпорации главная задача заключается в том, чтобы отсеять все экономически неэффективное, не создающее рыночный продукт. Отсюда реформы здравоохранения, образования, проводимые в России, направлены на резкое уменьшение проявления социальной функции государства и преследуют исключительно цель извлечение государством экономической выгоды.

В настоящее время наибольшее распространение получили два смысловых контекста понимания корпорации – социальный и политико-правовой.

Так, корпорация в социальном значении представляет собой социальную организацию, т.е. объединение индивидов в единое целое для совместного выражения своих интересов или совместного труда. Корпорация в политико-правовом значении представляет собой признаваемую законом форму объединения лиц, обладающую совокупностью необходимых признаков, определяющих ее как самостоятельного участника гражданского оборота, субъекта политической или экономической жизни: наличием у корпорации самостоятельной цели, отличной от воли каждого отдельного участника, входящего в состав корпорации; наделением участников корпорации определенными правами и принятием ими на себя определенных обязанностей в отношении как самой корпорации, так и друг друга; возникновением между участниками корпорации отношений особого рода, именуемых

корпоративными отношениями; наличием у корпорации определенной цели, интересов и потребностей, ради которых и происходит ее формирование и функционирование.

При этом термин «корпорация» должен быть применен не только к сложным хозяйственным структурам, организованным по иерархическому принципу и основанным, как правило, на акционерной собственности, но и иным объединениям корпоративного типа, а также общественным организациям, в том числе к религиозным, этнонациональным и иным образованиям. Тех же позиций придерживается ряд современных авторов (М. Антонов, И.С. Шиткина, В.С. Белых, А.Б. Шумилина и др.), которые относят к корпорациям и некоммерческие организации, созданные на основе членства. Следует признать, что включение корпоративного права в систему лишь частного права является во многом следствием весьма узкого понимания корпоративных отношений и институтов, свойственного юриспруденции еще конца XIX – начала XX в.

Общественно-политические перемены, происходящие в современной России, субъектами которых выступают общество и государство, создают условия для деятельности групп корпоративных интересов, ищущих пути влияния на процесс принятия властных решений на федеральном и региональном уровнях. Основная цель институтов представительства корпоративных интересов состоит в оказании воздействия на механизм принятия политических решений для достижения собственных целей.

Корпоративные интересы, занимающие промежуточное положение между публичными и частными интересами, конечно, имеют двойственную природу и являются весьма динамичными, что и определяет их виды, среди которых применительно к условиям современной России необходимо выделить: публичные (например, интересы территориальных муниципальных коллективов, политических партий, профсоюзов, религиозных объединений) и частные (интересы акционерных обществ и др.); политические и неполитические (профессиональные, религиозные и др.); устойчивые и переменные; легальные и криминальные и др.

После 2000 г. государственная власть стала значительно ограничивать влияние на политическую жизнь крупных предпринимательских корпораций, укрепила свои позиции и создала правовую основу для баланса публичных и групповых интересов, который, конечно же, еще не достигнут.

В условиях переходного периода российского государства не плюралистическая, а государственная модель обеспечения корпоративных интересов, основывающаяся на императивном установлении правовых ограничений функционирования корпораций со стороны институтов государственной власти, с одной стороны, позволила стабилизировать и упорядочить многообразные государственно-корпоративных и межкорпоративные отношения, с другой стороны. Такого рода государственная опека потенциально заложила основу для появления в будущем конфликтов именно между государственными институтами и отдельными коммерческими и некоммерческими корпорациями и тут же показала свою неспособность их эффективно разрешать в законодательно установленном порядке урегулирования отношений между конфликтующими сторонами, предполагающем оптимальное сочетание как ограничительных, так и стимулирующих средств, важных для реализации субъектами своих законных интересов.

Однако это только один из уровней конфликтности в этой сфере. К другим ее проявлениям следует отнести весьма быструю олигархизацию не только отечественной экономики, но и всей политической жизни, что не могло не привести не только к государственно-корпоративным, но и к межкорпоративным конфликтам. Так, возник конфликт между крупными корпорациями (например, нефтегазовыми) и малыми народами России, исторически проживающими в местах деятельности предпринимательских структур. При этом тесная же связь крупного бизнеса и властных структур не позволяла защищать этнические интересы.

Одной из причин такого положения дел следует признать то, что институты корпоративной власти и корпоративные интересы получили быструю легализацию при отсутствии необходимого для нормального развития современного государства политико-правового механизма корпоративной ответственности. Корпоративная ответственность подразумевает необходимость нормативно-правового обеспечения законопослушного бизнеса, соотнесение корпоративных интересов и потребностей с публичными интересами.

В экономической литературе понятие «корпоративные конфликты» определяется как расхождение интересов и обострение противоречий между участниками корпоративного процесса ввиду несоответствия целей, ими преследуемых. Подчеркивается, что негативный характер имеет такой конфликт, который способствует удовлетворению потребностей определенной группы участников корпоративного процес-

са, но не способствует достижению целей корпорации в целом. Известный цивилист России XIX в. профессор А.И. Каминка писал: «Вместо розни, столкновения эгоистических интересов, всегда противоположных, товарищество, в силу самого своего существа, должно выдвигать на первый план единство интересов, приучать человека видеть свою выгоду неразрывно связанной с выгодой себе подобных»¹.

Тем не менее, несмотря на единство основных целей и задач, стоящих перед субъектами юридических лиц, их достижение осуществляется в соответствии с представлениями об этом каждого из них, что порождает конфликтные ситуации.

Корпоративный конфликт как разновидность социального конфликта, возникающего в обществе, традиционно считается предметом науки социологии и юридической конфликтологии, однако в последнее время этот термин получил широкое распространение в доктрине гражданского права и начал использоваться в различных нормативно-правовых актах, регулирующих гражданско-правовые отношения. Дело все в том, что с точки зрения содержания следует выделить узкое и широкое понимание термина «корпоративный конфликт». Корпоративный конфликт в широком смысле выражается не только в гражданско-правовых, но и в иных регулируемых правом отношениях, которые могут возникнуть при конфликте корпоративных интересов (уголовно-правовых, административных), а также в общественных отношениях, на которые воздействуют другие социальные регуляторы. В этом плане понятие корпоративного конфликта является предметом исследования различных наук, в том числе социологии, юридической конфликтологии, психологии и других. Корпоративный конфликт в узком смысле ограничен рамками гражданско-правовых отношений и применением исключительно юридических средств. Под корпоративным конфликтом в узком смысле следует понимать разновидность юридического конфликта и рассматривать его как комплекс корпоративных правоотношений, сопровождающихся конфликтом интересов корпорации и ее участников. В любой корпорации существуют конфликты интересов и различия во взглядах на стратегию развития.

Кроме того, несомненно, что, по мере того как корпорация увеличивается, расширяется, становится все более склонной к бюрократической структуре управления ею, понижается эффективность ее

¹ Каминка А.И. Очерки торгового права. СПб., 1912. С. 245.

деятельности, а интересы участников (например, акционеров) и управляющих начинают расходиться.

Преодоление такого рода назревающего конфликта может осуществляться с помощью различными мер, в том числе путем участия работников в прибылях, в управлении и собственности предприятия, что во многом способствует сближению интересов субъектов собственности, труда и управления.

Участие работников в хозяйственной системе общества обеспечивает повышение эффективности производства, развитие человеческих способностей и раскрытие потенциала самого работника, обеспечивает соединение статуса, функции и дохода наемного работника и собственника в рамках одного субъекта, благодаря чему разрешается противоречие между трудом и капиталом. В условиях капиталистического способа хозяйствования идеи такого рода получили развитие в концепциях «демократизации капитала», раскрывающих различные аспекты участия работников в хозяйственной системе общества.

Объективное противоречие между субъектами положено в основу возникновения и развития любого социального столкновения. Противоречие, не получающее своевременного разрешения, нарастает и может привести к возникновению конфликта, который представляет собой, прежде всего, специфический тип взаимодействия, заключающийся в столкновении интересов субъектов общественных отношений.

Противоречие интересов субъектов корпоративных отношений является конфликтной ситуацией, причиной возникновения конфликта. В то же время одного только противоречия мало для возникновения конфликта, необходимы также воля сторон конфликта к противостоянию в отстаивании своих интересов и соответствующее поведение сторон. Тем самым корпоративный конфликт – это, прежде всего, взаимодействие субъектов корпоративных правоотношений.

Представляется, что корпоративным конфликтом можно признать основанное на коллизии прав и интересов отношение, в котором действия его субъектов сознательно направлены на реализацию взаимоисключающих целей, достижение которых обусловлено их участием в корпоративных правоотношениях.

В основе любого конфликта лежит ситуация, включающая либо противоположные цели или средства их достижения, либо несовпадение интересов оппонентов.

В различных сферах общественной жизни, и прежде всего в экономической сфере, существуют столкновения интересов их участ-

ников – крупных и мелких акционеров, акционеров и менеджеров, хозяйственного общества и инвесторов, изготовителей и потребителей. Поскольку интересы этих участников объективно различны, корпоративные конфликты неизбежны. Понимание и заблаговременный учет разнонаправленности интересов суть одна из составляющих успеха деятельности корпораций.

Социальные конфликты вообще, а корпоративные в частности, неизбежны в любой социальной структуре, они являются необходимым условием общественного развития. Весь процесс функционирования общества состоит из конфликтов и консенсусов, согласия и противоборства.

Сама структура общества с ее дифференциацией различных групп, организаций и индивидуумов представляет постоянный источник конфликтов. Что касается корпоративных конфликтов, то чем сложнее структура корпорации, тем больше между ее структурными единицами несовпадающих, а то и взаимоисключающих интересов, целей и т.п. Иногда корпоративные конфликты полезны, так как они играют роль «естественного отбора» в сфере бизнеса. Однако одновременно не следует забывать, что в период конфликтов может ухудшаться экономическое состояние предприятий, происходить массовые нарушения прав и интересов членов корпорации, даже в конфликте не участвующих. Все это вместе взятое приводит к подрыву доверия к корпоративным объединениям.

Следует полагать, что проблема существования корпоративных конфликтов заложена именно в том, что на сегодняшний день нет единой сформировавшейся концепции относительно определения правовой природы корпоративных отношений и базовых принципов, определяющих правовое регулирование их деятельности. Законодательство складывалось стихийно и шло в основном лишь по пути устранения пробелов путем конкретизации и детализации регулирования деятельности лишь таких корпораций, как акционерные общества, порядка управления ими, прав и обязанностей акционеров.

Большая часть конфликтов внутри хозяйственных объединений разрешается методами корпоративного, трудового и коммерческого права. Методами же коммерческого, финансового права должна разрешаться и основная часть внешних корпоративных конфликтов между самими объединениями, между корпорациями, государством и обществом в целом.

3.14. Проект «Классная драма» (класс-акт) как ресурс для «проигрывания» конфликта в подростковом коллективе и создания алгоритмов поведения подростка (Л.Е. Бушканец)

Категория конфликта является центральной для литературоведения при изучении поэтики драмы как рода литературы. Не только литературоведы и театроведы, но и деятели театра начинают свой анализ произведения с постижения конфликта пьесы: конфликт определяет философскую основу драмы, в центре которой лежит некая предельно заостренная проблема, которую необходимо разрешить. В произведениях этого рода изображены «люди действующие» (Аристотель) в состоянии столкновения между ними, которое развивается от завязки через точки сюжетного напряжения в процессе развития действия к кульминации, потом к развязке. Конфликт реализуется как внешний и внутренний и связан со столкновением двух сторон, каждая из которых является олицетворением той или иной социальной силы и каждая из которых несет свою правду. Драма реализуется в театральной постановке, которая всегда разыгрывается и проживается «здесь и сейчас» – за счет эмоционального проживания все это становится личным опытом зрителя.

Зритель спектакля, «проживая» конфликт, испытывает не только эстетическое удовольствие. Вообще эстетическая функция искусства – только одна из его функций. Не менее важна и функция «психологическая» (одним из проявлений которой является аристотелевский катарсис зрителя трагедии) – это расширение личного опыта реципиента за счет расширения времени и пространства личности, проживание чужого опыта и его «присвоение», понимание того, что одна, две, три и т.д. правды существуют одновременно и не отменяют друг друга. Благодаря этому картина мира личности становится полнее, сложнее.

Еще одна функция литературы, о которой часто пишут социологи искусства, – обсуждение системы ценностей определенной субкультуры, приобщение к ней. Текст литературного произведения связан со своей эпохой не механически, его связь с действительностью проявляется не в «рассказывании» о современных событиях – он зачастую бессознательно отражает фундаментальные особенности коллективных представлений и коллективных фантазий, это тексты, «символи-

чески воплощающие идеологемы современников»¹. Именно на этой основе («разговора о ценностях») строятся взаимоотношения писателя с читательской аудиторией: в каждый конкретно-исторический момент отношение к писателю определяется совпадением или конфликтом ценностей². В связи с этим интересна сама природа этих ценностей: представления о человеке и смысле жизни, надежды и мечты, «способ чувствования», а также социально-культурное значение этой внутренней жизни людей.

Психотерапевтические возможности искусства театра и драматургии как литературного рода «используются» различными направлениями психологии – в арт-терапии, в психодраме, при обращении к «методу расстановок» и пр. Но там человек выступает чаще актером, а не творцом драматического мира, эстетические задачи вообще не возникают, а по отношению к конфликту главной целью становится в связи с задачами психотерапии его разрешение, а не предельное обострение, как это необходимо в драме. В этом плане интересы психотерапии и интересы общества приходят в противоречие – личность должна осознавать значимость конфликтов, наличие неразрешимых конфликтов, особенно ценностных и пр. Потому огромный и социально значимый опыт обретает человек, приобщившийся к творчеству как автор драматического произведения, когда актуализируется социологизирующая функция искусства.

Именно на стыке литературоведения, собственно литературного творчества – драматургического – и театра родился проект «Класс-акт», прежде всего рассчитанный на подростков.

Идея проекта возникла в Великобритании в театре «Траверс» (Шотландия) и с 1990 г. успешно воплощается в шотландских школах. С 1993 г. проект стал называться Class Act – несколько тысяч детей в более чем 50 шотландских школах написали за это время почти 700 пьес. С 2001 г. он стал общенациональным, а с 2004 – интернациональным. Благодаря инновационным формам работы театра в Шотландии появилось немало талантливых молодых драматургов. Театр «Траверс» и Британский совет привезли в 2004 г. проект в Россию, и он апробирован в Тольятти, Самаре и затем в Москве. В 2007 г. театраль-

¹ Напр.: *Gameson F.* The political Unconscious Narrative as a Socially Symbolic Act. U.K.: Methuen and Co.Ltd., 1981. P. 34–42.

² *Гудков Л., Дубин Б., Страда В.* Литература и общество: введение в социологию литературы. М.: РГГУ, 1998. 80 с.; *Гудков Л., Дубин Б.* Литература как социальный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1994. 352 с.

драматургический проект «Класс Мира Россия 2007» проходил в сотрудничестве с московским театром «Современник» и шотландским театром «Траверс» при поддержке Правительства Москвы и Посольства Великобритании. В проекте приняли участие 38 подростков в возрасте 13–16 лет из школ и детских домов России (включая Северный Кавказ), Армении, Азербайджана, Узбекистана. Премьера по пьесам подростков состоялась на сцене московского театра «Современник». Руководитель театра Г.Б. Волчек лично выдала сертификаты всем юным драматургам. В проекте приняли участие звезды театра и кино: Фекла Толстая, Елена Морозова, Артур Смольянинов, Чулпан Хаматова, Гоша Куценко, Юрий Чурсин, Вячеслав Дурненков, Вадим Леванов, Михаил Дурненков, Юрий Клавдиев.

Авторы проекта не одиноки в таких поисках – мы были зрителями спектакля, созданного и осуществленного подростками под руководством режиссера в драматическом театре г. Гиссен (Германия).

Суть проекта состоит в том, что несколько подростков 14–17 лет образуют группу под руководством профессионального драматурга. Руководитель рассказывает, как пишется пьеса, как строятся характеры и конфликт и пр., затем подростки за 5–6 дней пишут мини-пьесы (10–15 минут) на свободную тему, которые затем составляют основу большого сводного спектакля, создаваемого профессиональными режиссерами и актерами. Пьесы читают и обсуждают в группе – слушая пьесу и наблюдая за реакцией, автор определяет, что в его произведении «работает», а что нет, и может исправить пьесу. Обязательным условием является то, что готовый текст ставится на сцене профессиональными режиссерами и актерами. Авторы пьес имеют право прийти на одну или несколько репетиций и высказать свои пожелания режиссеру и актерам. Для работы в проекте нужны владеющие соответствующей методикой драматургии и режиссеры.

Основной задачей проекта является дать детям «театральное образование», необходимое для того, чтобы они были профессиональными зрителями, сделать «устройство» театра и драматургии более понятным и доступным – тот, кто написал пьесу, обретают интерес к искусству театра и становится постоянным зрителем. Проект позволяет подросткам почувствовать себя группой, учит работать в коллективе: дети начинают осознавать, что их мнение уважают, что диалог возможен, что они важная часть целого. И, как следствие, многие из них обретают веру в себя и во взрослых. В проекте участвуют ученики обыкновенных общеобразовательных школ, интернатов, учреждений для детей сирот и

детей с ограниченными возможностями (изначально проект вообще был рассчитан на неблагополучных подростков, неуспевающих в школе, с заниженной самооценкой и сниженной мотивацией к участию в социальной жизни). Важно, что подростки ощущают, что участвуют в создании «общественно-ценного продукта» – с момента замысла пьесы до ее реализации на сцене и выхода сборника пьес (который раздается зрителям после показа спектакля), они на всех этапах работают с театральными профессионалами, общаются с ними на равных. Так что данный проект позволяет привлечь подростков к искусству и помогает их социальной адаптации.

Но, помимо этих двух четко осознанных создателями проекта возможностей, у него есть еще один аспект: подростки учатся видеть конфликты в обществе и искать пути их разрешения.

Отличительной особенностью подросткового мироощущения является то, что читать они любят книги, имеющие happy end, однако сами придумывают сюжеты на основе драматических или даже трагических конфликтов. Их внимание привлекают прежде всего конфликты не чисто психологические, но социальные или социально-психологические: отношения в семье, самоопределение, вера в бога и любовь, наркомания, терроризм и коррумпированность властей. Однако романтизм и трагизм в подростковых текстах носит мелодраматический оттенок, главный герой часто является alter ego автора с неподдельным чувством одиночества, непонятый обществом, глубоко страдающий и пр. Мир в этих текстах четко делится на добро и зло, причем главный герой является носителем добра, а окружающие – носителем зла.

Все это отражает черты подросткового видения мира. Исследования психологов свидетельствуют, что «в этом возрасте происходит формирование устойчивого образа Я, морального сознания, определение своего места в жизни и внутренней позиции, появление чувства своей неповторимости, индивидуальности. В то же время... в зависимости от биологических и социальных условий большая или меньшая часть подростков находится в этот период на грани между психологической нормой и патологией»: это большая склонность к реакциям протеста, мнительность, ожидание чего-то плохого, повышенная тревожность и депрессивность, неоправданное восприятие окружения как «злого» и желание этому окружению мстить, неприятие общепринятого уклада жизни, преувеличение значимости неблагоприятных обстоятельств, враждебного отношения к себе со стороны роди-

телей или преподавателей (иногда с приписыванием им злого умысла). К характерным возрастным особенностям могут быть отнесены чувство оторванности, одиночества, обостренное переживание своей индивидуальности, непохожести на других, ролевая и личностная неопределенность, тяготение к общим теориям и формулам и создание собственных теорий политики, философии, своеобразный эгоцентризм мышления, склонность принимать крайние позиции, движение от экстраверсии к относительной интроверсии¹. Все вышеперечисленное приводит к тому, что отношения с миром принимают форму неоправданно значимого конфликта, в котором правда сконцентрирована в ситуации одной из сторон.

Наш опыт работы с любительскими драматическими текстами взрослых (30–40 лет) свидетельствует, что побудительными мотивами для их творчества является то же самое мироощущение: четкое разделение мира на ангелов и демонов (которые являются чуть ли не самыми распространенными героями «любительской» литературы), перенос места действия в абстрактные миры (рай или ад), а для них самих характерно проявление инфантильных стереотипов поведения.

Показательны названия пьес: «Отдайте мое счастье», «От любви до ненависти один шаг», «Кошмарная реальность», «Деньги – это наркотик» (поскольку из-за денег люди даже внутри одной семьи могут физически уничтожить друг друга).

С особенностями мировосприятия связан и выбор сюжетов. Прежде всего, мир социально несправедлив. В пьесе «Кирпич судьбы» (автору 14 лет) депутаты присвоили деньги, выделенные на ремонт метрополитена, и однажды на одной из станций на них упал кирпич. Кирпич упал сразу на двоих, от этого они потеряли сознание в первый раз. Второй раз они упали в обморок, когда, очнувшись, поняли, что искусственное дыхание им делала бабушка, продававшая пирожки. Пьеса «Аэропорт» рассказывала о законопослушном гражданине, попавшем в сложную ситуацию, и проходимце, который с помощью денег может решить любую ситуацию. В другой пьесе котенок с помойки поселяют в квартиру с домашним жирным котом, и между ними возникает конфликт. И тогда котенок сказал: «В суде разберемся». По суду квартиру присудили котенку Пушку. Домаш-

¹ Некоторые аспекты применения ММРІ в подростковом возрасте // Психология: описания психологических тестов, тестирование онлайн, тренинги, упражнения, статьи, советы психологов. URL: <http://azps.ru/tests/4/mmpi14.html>

нему коту теперь остается только на помойку уходить – но Пушок его оставил: «Живи, посмотрим».

Герой большей части пьес одинок: например, главный герой тщетно пытается привлечь внимание родителей к своим успехам в школе, но они увлечены компьютерными играми и не обращают на сына внимания. В конце концов он запускает в компьютер вирус.

В ряде пьес действие переносится в некое прошлое, которое позволяет показать трагически напряженный мир. В пьесе «Ссора Жака и Соньера» два друга влюбляются в одну девушку, и «никому она не достается», потому что события происходят во время Французской революции. В одной из пьес действие разворачивается в XVIII – XIX вв.: помещик убил своего брата, а его жену и сына взял в прислуги. Мальчик не хочет подчиняться, тогда помещик решает от него избавиться. Мать сказала сыну «Уговорю дядьку, будешь жить – приду в белом, а приду в черном – значит, умрешь». Она приходит в белом, но помещик вешает мальчика. Перед казнью она горит сыну: «Прости, я хотела, чтобы ты умер с гордо поднятой головой».

В пьесе «Обратная связь» действие перенесено в условный мир – герои общаются с потусторонним миром¹.

В трагических ситуациях своих пьес подростки сочувствуют тем, кому, с их точки зрения, тяжелее, мечтают о торжестве добра и пр.

С точки зрения такого направления, как психологическое литературоведение (термин, введенный В.П. Беляниным), данные типы текстов по эмоционально-смысловой доминанте в основном принадлежат к типу «печальные тексты» и соотносятся с депрессивной акцентуализацией. Для них характерна амбивалентность: с одной стороны, в них проявляется восприятие мира как трагического, с другой стороны, в них есть чуткость и доброе отношение к людям. «Печальные» тексты, в основе которых лежат описанные выше типологические черты личности, лиричны по стилю, герой в них либо молод, жизнерадостен и полон надежд, но умирает в расцвете сил, либо уже стар, беден и оплакивает свою несостоявшуюся жизнь. Смысл жизни, выраженный в «печальном» тексте – его эмоционально-смысловая доминанта – состоит в том, чтобы дорожить каждым прожитым днем, любить жизнь. Вместе с тем жизнь в рамках такого мироощущения тяжела и изнурительна, поэтому смерть приходит как избавление от страдания, она сладка... ге-

¹ Мурсалиева Г. А если это Шекспир? // Новая газета. 2007. № 54, 19–22 июля; Полонская Л. Пьеса под названием Жизнь // Социальное партнерство. Москва. 2007. № 3–4.

рой «печального» текста словно надеется на мягкость, снисходительность и благосклонность читателей, просит пожалеть его, войти в его положение. Содержание произведения воспринимается как призыв о помощи... В структуре эмоционально-смысловой доминанты «печальных» текстов ключевую роль играют следующие семантические комплексы: возраст (юность/старость), богатство/нищета, радость/печаль, жизнь/смерть, сожаление, подчиненность, немота, тяжесть, вздох, запах. Радость: счастье, мир; веселье, смех, улыбка, живость, жизнелюбие, жизнерадостность; буря, вихрь, движение, действие, борьба. Молодость: детство, юность; душа; глаза, взгляд, губы, приятные запахи, яркий. Доброта: понимание, любовь, смотреть в глаза, чувствовать родственную душу; добрый, чуткий, внимательный, заботливый. Подчиненность: еле-еле, всхлипнуть, испугаться, усталость, грусть, покорно. Одиночество: один, сидеть, лежать, молчать, немой; печальный, тихий, вечность; море, океан, остров, звезды. Грусть: грустно, тоскливо, печаль, сомнения. Старость: воспоминания, холодно, одиноко; быть забытым, ненужным; нуждаться в заботе; желать смерти. Холод: холод, прохлада, осень, зима. Тяжесть: тяжелый, нелегкий, (при)давить, камень, груз. Вздох: спокойствие, усталость, дышать, дыхание, легко. Смерть: вечер, ночь, бродить; умирать/умереть, угасать, тлеть, уснуть вечным сном, сладко спать (в сырой земле, в могиле); отпевать, хоронить, кладбище, погост, плита, камень, могила, могильный холм, крест; труп, гроб, мертвец, череп»¹.

Отметим, что многие из указанных черт проявляются и в массовой культуре. Взрослые участники анализируемого проекта отмечали, что подростки часто предлагают сюжеты, которые они видят по телевизору – семейные разборки, скандалы, бандиты, и в этом проявляется влияние на них массовой культуры, «сериальность» мышления. На самом деле речь должна идти о другом – о том, что в массовой культуре, как и в любительском творчестве, проявляются одни и те же психологические особенности, опора на инфантильное сознание. Массовая литература обращена к личностям с различного вида акцентуациями, она опирается на внутренние конфликты и комплексы этой акцентуализированной личности, поддерживает их, как наркотик, в процессе чтения; убеждает в правильности существующей картины мира личности и поддерживает эскапизм как средство решения конфликтов.

¹ *Белянин В.П.* Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М.: Генезис, 2006. 320 с.

Этот опыт псевдорешения конфликтов переносится подростком (и взрослым человеком с подростковым типом сознания) в реальную жизнь и становится базой для решения многих жизненных конфликтов.

И в этом плане показательно, что сам процесс создания драмы – в которой, напомним, два участника конфликта и каждый по-своему прав – способствует преодолению односторонности в восприятии мира. Кроме того, работа под руководством профессионального драматурга, тонко ведущего начинающего драматурга в сторону «от» шаблонов массовой литературы инфантильного мышления, а также обсуждение своих и чужих пьес группой – все это позволяет преодолевать «глянцевое» мироощущение. Литература более высокого уровня, чем массовая, позволяет личности обрести иной опыт – она строится как потрясение, разрушение и перестройка картины мира.

В этом плане создание пьесы – это не просто акт творчества, это акт социально значимый, он позволяет «проиграть» конфликт в подростковом коллективе и создать новые алгоритмы поведения подростка. Интересно, например, что автор одной из пьес в рамках проекта, которая называлась «Мечь» и соответствующим образом заканчивалась, после обсуждения текста изменил финал. Осмысление конфликта средствами драматургии позволяет формировать толерантное отношение к миру, дает возможность адаптироваться в обществе, видеть правоту противоположной стороны, которая до этого воспринималась только как враждебная, то есть формирует более сложную картину мира, а значит, позволяет понимать и решать конфликты на более высоком уровне.

Безусловно, конфликты в пьесах подростков – это не только отражение психологии данного возраста, но и отражение кризисного состояния современного общества, что проявляется в повышенной «конфликтности мышления» молодых, пугающей старшее поколение. Вопросы, которые подростки задают миру (кризис семьи, власть денег, обесценивание жизни), нуждаются в осмыслении, а поставленные ими конфликты нуждаются в анализе.

В процессе создания драмы осуществляется такое явление, как экстерииоризация. Как писал исследователь психологии искусства Б.Г. Ананьев, «несмотря на огромную популярность искусства, оказалось, что психологические закономерности его исследованы совершенно недостаточно... В современной психологии есть понятие, имеющее «рабочее» значение. Это понятие «интериоризация», отражающее превращение внешнего во внутреннее, объективного в субъ-

ективное. Интериоризация характеризует линию превращения социального в индивидуальное... Но есть и другой, более активный эффект социализации – экстериоризация – превращение внутреннего во внешнее. Это вид любой творческой деятельности. ...Переход к экстериоризации происходит именно тогда, когда человек, серьезно переработав все накопленное в процессе усвоения (интериоризации), пытается создать что-то свое»¹.

Этот же эффект экстериоризации инвертированной личности важен не только для подростков, но и для части современных взрослых. Наш личный опыт работы с написанной современным бизнесменом Сергеем С. (30 лет) драмой позволил убедиться в том, что творчество позволило ему осмыслить кризис, связанный с неосознанной ситуацией утраты смысла жизни (который до этого был связан исключительно с карьерой и деньгами), а вследствие этого были преодолены конфликты в семье. Нужно честно отметить, что успешность бизнеса понизилась – автор пьесы оказался неспособен теперь к хищническому накоплению денег, но сама жизнь, по его признанию, стала глубже. Так что подобные проекты сейчас необходимы не только подросткам, но и взрослым.

Конфликт нельзя избегать, его нужно уметь проживать и решать – этот незаменимый опыт (помимо эстетического) дают проекты, подобные проекту Class-Act.

¹ *Ананьев Б.Г.* Задачи психологии искусства. Художественное творчество. Сборник. Л., 1982. С. 236–242.

4. ТЕКСТ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

4.1. Реальность конфликта в конфликте текстов: источники российской истории XX в.¹ (А.А. Сальникова)

Общепринятое сегодня понимание исторического источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности, явления культуры ориентирует исследователя на изучение всех источников той или иной эпохи как единой системы, некоего гипертекста с обязательным учетом его внутреннего структурного, содержательного и жанрового разнообразия, особых условий и форматов возникновения, бытования и существования каждого из составляющих его компонентов, а также их взаимоотношений друг с другом. В процессе своеобразного межтекстового диалога, на который в значительной степени и опирается источниковедческая исследовательская практика, тексты, конечно же, могут быть информационно непротиворечивыми (как событийно, так и оценочно), фиксируя и подтверждая одни и те же факты и сопровождая их если не одинаковыми, то схожими или близкими оценками. Однако так происходит далеко не всегда, а скорее – очень редко: текстуальная многоголосица звучит обычно не как слаженный хор, а как и без того не стройное пение, периодически нарушаемое резким диссонансом.

Чем противоречивее эпоха, тем противоречивее и порожденные ею тексты. И какие бы усилия не предпринимала власть по их унификации в соответствии с некоей установленной идеологической нормой/ненормой, эта цель по сути своей недостижима, что убедительно подтверждает весь имеющийся на сегодняшний день корпус источников с его мощным неканоническим компонентом.

Во время обострения разного рода конфликтов – социально-политических, ментально-психологических, информационно-коммуникационных, правовых и прочих, когда происходят кардинальные «сдвиги» и «сломы» в процессе развития общества и личности, в путях и способах функционирования власти и управления, в мо-

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0955 по теме «Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития (Среднее Поволжье XIX – начала XXI вв.)».

тивах, правилах и стереотипах человеческого поведения, соответственно возрастает и количество резко противоречивых, конфликтогенных текстов, созданных противоборствующими сторонами. Эти тексты могут отражать – и действительно отражают – противопологающие интересы, устремления, настроения, цели и мнения акторов конфликта, выраженные в эксплицитной или имплицитной форме, но не теряющие от этого своей остроты.

Конфликтогенный текст – это текст, обостряющий конкретную ситуацию и провоцирующий или усугубляющий конфликт. По существу, потенциально конфликтогенным является любой текст – все зависит от условий его функционирования в культуре и особенностей его герменевтического прочтения. Читатель в процессе транскрибирования и интерпретации текста может многократно увеличить степень его конфликтогенности, а может и существенно уменьшить ее. Дерридаистское понятие письма как сочетания «голоса, молчания и шумов» предполагает «расслышивание» того, о чем в тексте, как кажется, вообще умалчивается, и того, что, казалось бы, даже отвлекает от основного содержания, но, с другой стороны, создает постоянный и естественный фон нарративного изложения, причем фон, потенциально и реально информативный, включая и откровенный паралингвистический дискурс. Конфликт текстов неизбежно оборачивается конфликтом интерпретаций (П. Рикер)¹, возникающих в зависимости от специфики коммуникации авторского текста и читательского восприятия и культурного контекста, в котором эта коммуникация осуществляется. Очевидно, что интенсифицирующийся в условиях конфликтной ситуации процесс субъективации неизбежно влечет за собой усиленное «присвоение» текстов. Читатель не просто фиксирует действительно присутствующие в тексте или даже кажущиеся, мнимые репрезентации конфликта, но сознательно или подсознательно выискивает их, приписывая тексту определенную тенденцию, наделяя его определенными значениями и смыслами, субъективизируя его вплоть до бесконечности и порождая, таким образом, новые конфликтные ситуации.

С другой стороны, далеко не все противоречивые тексты реализуют свой конфликтный потенциал. Наличие противоречий в текстах лишь подтверждает неисчерпаемое богатство самой жизни и диверсификацию человеческого восприятия и способствует в конечном

¹ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.

итоге получению более достоверной, более выверенной информации о прошлом. Результативный же конфликтогенный текст обычно далек от нейтральности, он носит негативный, а часто и откровенно агрессивный характер, сознательно или бессознательно педалируя противоречивые позиции и взгляды сторон, определенно становясь на позиции одной из них в ущерб другой при определении промежуточных и окончательных целей и способов разрешения конфликта.

Степень конфликтогенности текста совершенно не зависит от его происхождения или жанровой принадлежности. Совершенно очевидно, что эскалации, скажем, социально-политического конфликта и размежеванию общества (или отмежеванию части общества) и власти может в равной степени служить как государственно-правовой акт, так и бардовская песня, как выступление политического деятеля, так и граффити на стене дома или подземного перехода. Конфликтогенный текст может быть эмоционально окрашенным, а может быть лексически очень сдержанным, что, однако, отнюдь не меняет его провокационной сути. В любом случае он оказывает сильное воздействие на читателя, выполняя сознательно или бессознательно заложенную в нем конфликтоусугубляющую функцию.

XX век в истории России был богат на конфликты, и, в первую очередь, на конфликты социально-политические, повлекшие за собой череду других. Все они нашли отражение в источниках разного происхождения, авторства, типов и видов. Но, пожалуй, наиболее богатыми на конфликтогенные источники оказались раннесоветский и постсоветский периоды, когда острая политическая борьба заставляла, а достаточная свобода слова позволяла власти и оппозиции вести ожесточенную полемику на просторах лингвистического дискурса. Удивительно, но в эту полемику оказались вовлечены и те, кого, казалось бы, трудно было там услышать, – дети и подростки, создавшие тексты такой высокой степени конфликтогенности, что в этом они ничуть не уступали взрослым, а иногда и превосходили их. Подтверждений тому множество, что может быть наглядно продемонстрировано, в частности, на примере «детских» текстов первых послереволюционных лет.

Усвоенные детьми в переломную для России эпоху 1910-х – 1920-х гг. элементы социального опыта взрослых и их собственные социокультурные практики породили особые, очень специфические «детские» нарративы с высоким конфликтогенным потенциалом, представленные теми жанрами детского вербального творчества, которые наиболее соответствовали детскому возрасту – сочинениями-

воспоминаниями, дневниковыми и альбомными записями, анкетами, школьными рукописными журналами и «летописями», письмами, рассказами, стихами, сказками и пр. Анализ этих текстов позволяет сделать вывод о том, что при всем их жанровом и содержательном многообразии, при всей социальной неоднородности, а подчас коренной противоположности происхождения, эти тексты многое объединяет. Это, прежде всего, их явная или латентная политическая заостренность, находящая выход в высокой эмоциональности и усиленной гиперболизации, пестрой революционной (или контрреволюционной) риторике, фантазийности представлений, символичности образов.

Явления трансформации детского сознания отмечались в России уже в годы первой русской революции и еще более – в период Первой мировой войны. Уход на фронт отцов и их потеря вели к так называемому «социальному вакууму», утрате патриархальных функций семьи, переориентации детей и юношества с семьи на улицу, где и происходили процессы формирования личности ребенка, его «политизация» и «освобождение» и одновременно его «озлобление» и «огрубение»¹. Одновременно, как это не покажется парадоксальным, война стала неким «тонизирующим фактором», вырвав детей из тусклой обыденности, выведя их за пределы детской, наполнив их жизнь новой энергией, остротой и свежестью ощущений. Еще более усилили эти процессы бурные события 1917 г., когда «партийность впервые заметно проникла в стены средней школы», когда «не было ни одной семьи, где не обсуждались бы политические вопросы, не оценивались бы программа и тактика борющихся партий»². Оказавшись в пределах нового, насыщенного конфликтами политического пространства, дети пытались (конечно, не без помощи взрослых) разобраться в новых для них понятиях, событиях и явлениях, по-своему интерпретируя и фиксируя их в текстах.

Впервые политические маркеры мы находим в «детских» текстах, восходящих к письменной культуре «бывших». Особенно отчетливо проявились они в эмигрантской детской нарративной традиции – воспоминаниях, автобиографиях и сочинениях детей «чужих», что во многом объяснялось самим происхождением и условиями создания этих источников. Прошлое быстро превратилось для детей-

¹ См., напр.: *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.). М., 1997. С.193.

² Р.Г. Из жизни средней школы // Вестник воспитания. 1917. № 8–9. С. 32–33.

беженцев в «утраченный рай» вместе с потерянной Родиной и обретенным эмигрантским эпилогом. Они писали о первых годах новой России из своего эмигрантского далека с отчетливо выраженной политической пристрастностью и субъективностью¹. Конфликтогенный потенциал таких текстов был чрезвычайно высок.

Что касается немногочисленных текстов, создаваемых детьми «из простых», то первоначально политические аспекты в них либо вообще отсутствовали, либо являлись весьма смутно и неясно выговоренными. Однако постепенно под влиянием «субъективизирующего» режима советские дети все чаще и чаще начинали изъясняться на языке официальной пропаганды, а в их текстах все прочнее утверждались такие характерные черты «подлинно» советского текста, как наличие образа врага и не подкрепленный объективными реалиями экзальтированный оптимизм. Это, с одной стороны, стереотипизировало и унифицировало советские детские тексты, а с другой – придавало им конфликтный, иногда и прямо агрессивный характер: «В детстве у меня много было желания учиться, но я не могла из-за своего безвыходного положения, я страшно завидовала буржуазному детству и буржуям, что они так счастливы и живут такой хорошей жизнью, а наш рабочий бедняк погибал от холода, голода и труда; трудился день и ночь и в трудах помирал... но я надеюсь, что жизнь бедняка расцветет»; «пришлось пережить всякую жизнь, в особенности при белой банде, угнетали нас, пайка не давали, все время притесняли и т.п... пришли наши товарищи, и мне стала жизнь светлая, хорошая»², «живя в нужде, отец не мог отдать меня учиться в гимназию, я же видела, как тяжело живет неграмотным, как их порабощают, ставят на самую низшую ступень... переходя же в четвертый класс, вспыхнула революция, которая избавила меня и сделала свободной»³.

При всем их многообразии основная масса детских текстов содержательно и оценочно укладывалась в довольно стабильную противопологающую, откровенно конфликтную схему: «было хорошо –

¹ Подр. об этом см.: *Сальникова А.А.* «Геенна огненная»: детское восприятие раннего советского периода // *Ab Imperio. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве.* 2002. № 3. С. 321–352.

² *Рыбников Н.А.* Автобиографии рабочих и их изучение: материалы к истории автобиографии как психологического документа. М., 1930. С. 55, 59.

³ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Ф. 22. Ед. хр. 53. Л. 4.

стало плохо» или, наоборот, «было плохо – стало хорошо»¹. Причем в первые послеоктябрьские годы безусловно доминировало первое противоположение вне зависимости от происхождения текстов. Добольшевистское прошлое представало в детских текстах «бывших/чужих» как красивая, добрая сказка, в текстах «своих» – как тяжелая, но привычная, хорошо освоенная реальность в отличие от не менее тяжелого, но такого чуждого и непонятного настоящего.

«Мы жили хорошо», – именно так начиналось большинство повествований детей «чужих». И далее: «Я теперь с радостью перебираю в памяти свои прошедшие детские годы», «тихо и мирно жилось мне, ни горя, ни беды не знала я тогда; часто вспоминается мне это последнее светлое время в России», «до 1917 года мы жили спокойно и мирно», «мое детство было тихое и счастливое». Подробные рассказы о «золотом детстве» в России являются «общим местом» практически всех детских эмигрантских воспоминаний: «У нас было собственное имение, и мы жили довольно роскошно... Наутро я просыпался всегда веселый, одевался, умывался, молился Богу и шел в столовую, где уже был накрыт стол... После чая я шел заниматься, решал несколько задач, писал две страницы чистописания и т.д. После уроков я шел гулять в большой сад; если это было летом, то я рвал большие букеты цветов и по звону колокола бежал домой. За обедом меня пичкали всякими котлетками, курицей и индейкой, и вообще всем, чем только было можно»².

Да простится нам столь пространный цитата, но никто лучше самих маленьких авторов текстов не способен был воссоздать всю прелесть такой привычной, удобной и комфортной, восхитительно спокойной, «рутинной» жизни. С приходом большевиков инерция повседневности была нарушена, причем неожиданно резко: «Утром папа, как всегда, ушел в полк, я же с мамой и братом сели пить чай. Вдруг пришел папа, страшно встревоженный, и сказал нам скорее собирать необходимые вещи и идти на вокзал, так как через несколько часов

¹ Такой тип автобиографического воспоминания психологи называют «воспоминанием о переломном событии». Структура воспоминания о таком событии строится на содержательном сопоставлении того, что было «до события» и что произошло после него, при этом само события обычно бывает погружено «не в ситуативный, а в смысловой контекст истории жизни». (См.: Нуркова В.В., Березанская Н.Б. Психология: учебк. М., 2005. С. 313).

² Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники. М., 1997. С. 35, 39, 88 и др.

город будет занят большевиками. Мы захватили с собой только один маленький чемоданчик, остальные же вещи оставили в квартире, а также накрытый стол»¹.

Такое бегство от «накрытого стола» в прямом и переносном смысле, появление все новых и новых провалов в устоявшемся обычае, завершившихся в конечном итоге окончательным разрывом с прошлым, вызывало у детей смутное чувство тревоги и неопределенности, «ощущение чего-то нового и потому страшного»². Время счастливой жизни прошло, «а после начались все ужасы, которые только писались в сказках», – пишет 12-летняя девочка. Дети с содроганием вспоминают, что было «потом», «после»: «Когда мне приходится вспоминать о прошлом, то мне становится страшно и печально», «это было тяжелое время, даже жутко вспоминать», «мне страшно вспоминать минувшее, такое свирепое и беспощадное, такое жестокое и немое», «кругом нас все изменилось, и некогда жизнь, бывшая такой светлой, переменялась и померкла»³.

Грубое, жестокое вмешательство извне разрушило тот маленький спокойный мир, о котором дети вспоминали впоследствии с такой любовью и теплом и который с такой непосредственностью они пытались вернуть. Именно такая Родина была им нужна, – новое, советское Отечество они не понимали и не принимали, и этот конфликт был практически неразрешим («Я с удовольствием бы вернулся в Россию, но не в сов-Россию, а в единую, неделимую», «я уселся на пароход без всякого труда... Многие охали, стонали, что потеряли Россию. Мне Россию было не жалко, потому что я не видел там ничего хорошего»)⁴.

Дети «из простых» вспоминали свое «добольшевицкое» детство как время тяжелого, подчас непосильного труда, страданий и лишений: «когда я родилась, то это моих родителей не обрадовало, так как они уже имели детей в достаточном количестве», «у отца было 7 человек детей – только и слышно – хлеба нет», «жизнь моя скучная и обиженная, пьяный отец бил и колотил, чем попадя», «на фабрику поступил в 12 лет, и каждый день плакал», «работаю с 10 лет по чайным и ничего

¹ Дети русской эмиграции. С. 61.

² Там же. С. 170.

³ Там же. С. 63, 64, 65, 74, 123, 152, 160, 169, 257, 327 и др.

⁴ Там же. С. 463, 473.

не понимаю»¹. Но это была «их» жизнь со всеми ее лишениями и трудностями – обычная, привычная, а в силу своей привычности и относительно их удовлетворяющая. «Погружение» в новые условия воспринималось большинством детей с неприязнью, и этот конфликт находил свое полное отражение в созданных ими текстах: «Школьная обстановка после улицы, свободной и просторной улицы, начала меня душить», «нечего было читать, и не на чем писать, да и не очень-то хотелось учиться на голодный желудок»². Сочинения детей рабочих и крестьян полны горечи и ужасов, которые принесла им «их» революция. «Я живу сейчас очень плохо, – рассказывает крестьянская девочка, – ничего нету, хлеба не вдоволь». Ей вторит сын рабочего-железнодорожника: «Дела идут все хуже и хуже, наступает холод и голод, и многие люди от этого умирают. И каждый вечер, когда ложишься спать, то благодаришь Бога, что прожил день и не умер»³. Дети советского города и деревни распевали в те годы такие частушки: «При царе, при Николашке, ели пряники, барашки. Пришел новый режим – все нежрамши лежим»; «раньше была на столах жарена телятина, а теперь сплошь да рядом тухла кобылятина»⁴.

Социальная генеалогия и история жизни детей, создавших эти тексты, существенно отличалась друг от друга. Здесь наглядно прослеживалась встреча и конфликт двух социолектов (Р. Барт) и двух типов памяти – «неграмотных низов» и «образованных верхов». С годами политическая пристрастность детей постепенно нарастала, и ситуация конфликта в описании и осмыслении прошлого, в его характеристиках и оценках становилась все более ощутимой. Практически все проводимые советскими педологами в 1920-е гг. анкетные автобиографические обследования детей были организованы по принципу «Как я жил раньше и как я живу сейчас». Суть этих временных категорий специально не оговаривалась, но была очевидна – границей между прошлым и настоящим должен был служить 1917 год. Крупномасштабное анкетное обследование школьников, проведенное к 10-

¹ *Зимилова Н.* Лицо Орехово-Зуевской рабочей аудитории // Коммунистическое просвещение. 1928. № 6. С. 43; *Рыбников Н.А.* Автобиографии рабочих и их изучение. С. 49–51.

² *Рыбников Н.А.* Автобиографии рабочих и их изучение. С. 51.

³ *Спаская Г.* Современная жизнь в детских сочинениях // Современный ребенок. М., 1923. С. 53–63.

⁴ *Соколов Ю.* Что поет и рассказывает деревня // Жизнь. 1924. № 1. С. 304.

летнему юбилею Октября и охватившее более 120 тыс. детей по 23 губерниям Советской России, показало успехи советского режима в деле воспитания лояльных субъектов-подданных¹. Почти треть детей однозначно заявила, что всем довольна, что все изменилось к лучшему: «раньше был царь, а теперь нет, и потому жизнь стала лучше» (12 лет), «теперь мне лучше, и не надо ничего изменять» (13 лет), «чтобы всегда была такая жизнь, как сейчас» (12 лет)².

Однако не эти или не только эти удовлетворенно-восторженные ответы привлекают внимание современного исследователя. Примерно 3% детей заявили, что они хотели бы «вернуть прежнюю власть», «не бороться с религией», «изгнать коммунистов», «вернуть старую школу»³. Таким образом, применяемая новой властью практика комбинации репрессий и индоктринации в процессе воспитания подрастающего поколения так и не оправдала себя до конца: дети не хотели «думать одинаково», и существующий конфликт не только между «своими» и «чужими», но и между обществом и властью отразился в советском детском гипертексте со всей полнотой. Это подтверждают, кстати, и приводимые детьми примеры «ненормативного» поведения «своих» – «плохих» большевиков, которые «живут хорошо», «много хлеба едят», «не возят тачки», которым «жить легко»⁴. Эти оценки отражали не только те настроения, которые сложились в 1920-е гг. у уставшего от войн, голодного и измученного народа, но и личные впечатления детей от встреч и общения с местными коммунистами и были порождены реальным разнообразием складывавшихся конфликтных ситуаций.

Таким образом, в результате мы имеем дело с характерными образцами так называемого «расколотого», конфликтогенного гипертекста, когда одни и те же события трактовались представителями не только различных, но и однородных социальных групп по-разному, подчас сугубо противоположно, отражая и воспроизводя ту сложную, конфликтную ситуацию, которая сложилась в самой постреволюци-

¹ Дети и Октябрьская революция: идеология советского школьника. М., 1928.

² Рыбников Н.А. Как советский школьник оценивает существующий порядок // Дети и Октябрьская революция: идеология советского школьника. С. 139–140.

³ Там же. С. 147.

⁴ Познанский Н. Революция и дети // Вестник просвещения. 1923. № 1. С. 123–125.

онной России и находила отклик как внутри нее, так и за ее пределами. Подпадая под категорию «индивидуального прошлого», эти тексты предоставляют уникальную возможность реконструкции макроистории страны через микроисторию ее маленьких граждан. Причем в каждом конкретном случае в детских источниках присутствуют и балансируют память индивидуальной жизни и память социальная. Большинство детей искренни и весьма категоричны в своих оценках, открыты в проявлениях безграничной любви или беспредельной ненависти. Ведь понятие о темной стороне добра или светлой стороне зла для них пока еще не существует.

Когда-то Ф. Ницше писал, что человек будущего – это тот, у кого окажется «самая длинная память». Дети конца 1910-х – 1920-х гг. – это взрослые последующих десятилетий. От того, что они поняли и запомнили в детстве, как восприняли и истолковали эту информацию, как сумели сохранить, воспроизвести и зафиксировать ее и передать потомкам, зависела не только степень адекватности представлений о революционной «эпохе катастроф» (И. Нарский) в России. Исследование созданных ими текстов является необходимым компонентом выявления и интерпретации истоков и сущности тех конфликтов, которым еще только предстояло возникнуть в советском и постсоветском обществе и непосредственными участниками которых этим детям в будущем суждено было стать.

4.2. Семантическое противостояние в праве.

Дискурсно-лингвистические и корпусно-прагматические подходы к юридической семантике (Фогель Фридеман)

Semantische Kämpfe im Recht. Diskurslinguistische und korpuspragmatische Zugänge zu juristischer Semantik

1. Einführung: Rechtslinguistik als Disziplin

Als noch relativ junge Teildisziplin im Kanon der Fachsprachenlinguistik hat sich im deutschsprachigen Raum seit den 1970er Jahren die Rechtslinguistik entwickelt. Ihr Gegenstand sind Fachsprache und Fachkommunikation in der Institution des Rechts, das heißt bislang vor allem Stil der Rechtssprache und Kommunikation vor Gericht (gesprächsanalytische Studien), jedoch

„nur wenig fachsprachenlinguistische Untersuchungen im engeren Sinne [...]. Eine genauere Untersuchung der speziell bei der Rechtssprache auftretenden semantischen Probleme hat in der Linguistik bislang kaum stattgefunden“ (D. Busse. 1998. S. 26).

Die Forschung der Rechtslinguistik hat sich im deutschsprachigen Raum jedoch mittlerweile geändert. Seit den siebziger Jahren haben sich zahlreiche interdisziplinäre Arbeitsgruppen konstituiert. Hierzu zählen etwa der mittlerweile inaktive Kreis des „Darmstädter Programms« (der am Festhalten am Formalismus und Rechtspositivismus scheiterte, vgl. F. Müller. 2001. S. 11), die interdisziplinäre Arbeitsgruppe Sprache des Rechts an der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften¹, das „Zentrum für Rechtslinguistik“ an der Universität Halle², eine neuere Arbeitsgruppe zu Sprache und Recht in Regensburg³ sowie die seit 30 Jahren aktive Heidelberger Gruppe der Rechtslinguistik aus WissenschaftlerInnen und PraktikerInnen aus Recht und Sprachwissenschaft⁴. Die Entwicklung der Rechtslinguistik als Disziplin zeigt sich nicht zuletzt auch in der Entwicklung von besonderen Studiengängen, wie etwa die von Juristen und Sprachwissenschaftlern gemeinsam betreuten Verbundstudiengänge „Europäische Rechtslinguistik“ an der Universität Köln⁵. In Folge des zunehmenden interdisziplinären Austausches hat sich auch das rechtslinguistische Forschungsspektrum inzwischen deutlich erweitert, wenngleich in vielen Teilbereichen nach wie vor erheblicher Forschungsbedarf besteht⁶. Zu den unterschiedlichen Untersuchungsfeldern⁷ zählen etwa Studien

¹ URL: <http://www.bbaw.de/sdr/start.html> (08.05.2013).

² URL: <http://zentrum-rechtslinguistik.de/> (08.05.2013); mit besonderem Fokus auf Verständlichkeitsaspekte der Rechtssprache.

³ URL: <http://www-spracheundrecht.uni-regensburg.de/> (08.05.2013).

⁴ URL: http://www.recht-und-sprache.de/index.htm?person_hdg.htm (08.05.2013). Erst im Frühjahr 2012 hat der emeritierte Rechtswissenschaftler Prof. Dr. Christian Lohse (Regensburg) gar eine Plattform zur bundesweiten Vernetzung der verschiedenen Arbeitskreise initiiert, um insbesondere den wissenschaftlichen Nachwuchs an der Schnittstelle von Sprache und Recht zu fördern und gemeinsame Veranstaltungen zu koordinieren.

⁵ URL: <http://sprache-und-recht.de/studium/index.html> (08.05.2013).

⁶ Der Ausdruck ‚Desiderate der Forschung‘ ist angesichts der noch kaum existierenden textlinguistischen Beschäftigung mit Rechtstexten ein Euphemismus (D. Busse 2000: 8) – An diesem Sachverhalt hat sich trotz neuerer Arbeiten grundlegend noch nicht viel verändert.

⁷ Einen Überblick bietet etwa die Bibliographie zur Rechtslinguistik von M. Nussbaumer 1997.

- zu den Spezifika juristischer (deutscher) Fach- und Institutionensprache mit der Besonderheit ihrer Überlagerung von juristischen Fach- und Gesetzesausdrücken sowie Ausdrücken aus der Gemeinsprache (vgl. B. Jeand'Heur. 1998), ferner zu Textsorten im Recht (D. Busse. 2000);
- zu juristischen Theorie, insbesondere mit Blick auf die implizite Sprachtheorie in traditionellen Rechtstheorien und -methoden (Kanones der Auslegung, subjektive versus objektive Rechtstheorie usw.; vgl. etwa F. Müller. 2008; H. Kudlich & R. Christensen. 2004);
- zur Kommunikation (Handlungsmuster, Äußerungsformen im Gespräch) vor Gericht (L. Hoffmann. 1983, 1989);
- zur Semiotik des Rechts (vgl. Th. Seibert. 1996, 1998);
- zum Problem der (schweren) Verständlichkeit von Rechtssprache vor Gericht und in der Verwaltung (vgl. I. Radtke (Hrsg.) 1981, H. Fortheringham 1981, G. Müller 1984, R. Bender 1984, K. Eichhoff-Cyrus & G. Antos (Hrsg.) 2008 u.v.a.);
- zur Mehrsprachigkeit transnationaler Rechtspraxis (vgl. F. Müller & I. Burr (Hrsg.) 2004);
- zu semantischen Kämpfen und Sprachhandlungen in Rechtsdiskursen (insb. E. Felder. 2003, 2010);
- zu Normgenese und Gesetzgebung aus rechtslinguistischer Perspektive (F. Vogel. 2011, 2012a; vgl. auch die linguistischen Redaktionen im Schweizer Parlament¹ sowie beim Bundesministerium der Justiz in der Bundesrepublik Deutschland²);
- zur korpuslinguistischen, semiautomatischen Zugängen zu juristischer Semantik (F. Vogel. 2012b; F. Vogel & R. Christensen (in Vorb.)).

Die Fülle dieser Untersuchungsfelder lässt sich jedoch nicht zu einem einheitlichen ‚Programm‘ der Rechtslinguistik zusammenfassen –: zu unterschiedlich sind die jeweiligen Prämissen im Hinblick auf die Themen Sprache, Gesellschaft und Recht. Es handelt sich eher um ein mittlerweile vielseitiges, mehr und mehr sich verdichtendes Mosaik der sprach- und rechtswissenschaftlichen Beschäftigung mit dem Komplex ›Sprache und Recht‹.

Im Folgenden werde ich zwei neuere linguistische Zugänge zu Sprache und Kommunikation im Recht umreißen, die die juristische Praxis nicht nur auf der gesprächs- oder einzeltextorientierten Mikro- oder Me-soebene, sondern vor allem auf der diskursiven, transtextuellen Makro-

¹ Unter Leitung von Markus Nussbaumer. URL: <http://www.bk.admin.ch/themen/lang/04921/index.html?lang=de> (08.05.2013).

² Unter Leitung von Stefanie Thieme. URL: <http://www.gfds.de/redaktionsstab-rechtssprache/> (08.05.2013).

bene zu beschreiben suchen. Es handelt sich zum einen um eine Variante der Diskurslinguistik zur Untersuchung semantischer Kämpfe im Recht (3), zum anderen um das von mir entwickelte Forschungsprogramm einer „juristischen Korpuspragmatik« mit Einsatz korpuslinguistischer, computergestützter Methoden (4). Beiden Ansätzen liegt eine fachsprachlich-pragmatische Auffassung von ›Rechtsarbeit als Textarbeit« zu Grunde (2).

2. Rechtsarbeit als Textarbeit¹

SprachwissenschaftlerInnen und Juristen haben gemein, dass sie mit Texten arbeiten. Der juristische Umgang mit Texten ist allerdings ein gänzlich anderer als im Alltag. Er ist geprägt und überformt von disziplinären Reglements, fachspezifisch geprägten Regeln (idealiter) zur standardisierten und verfassungsgemäßen Interpretation von Normtexten:

„Im Gegensatz zur grundsätzlich nicht normierbaren Alltagssprache oder zur Offenheit literaturwissenschaftlicher Interpretationen ist die Sprache des Rechts auf weitestgehende Verbindlichkeit, Deutlichkeit und Disziplin (zumindest) angelegt« (Jeand’Heur. 1998. S. 1287).

Die Texte, mit denen Juristen zu tun haben, sind für sie Fachtexte, die sich – allerdings entgegen ihrem eigenen Anspruch bzw. entgegen der Verfassungsvorgaben (Grundsätze der Bestimmtheit und Normenklarheit) – faktisch nur mit einem stark spezialisierten fachsprachlichen Sach- und (impliziten) Methodenwissen adäquat verstehen lassen. Dies bedarf der Präzisierung: „Fachlichkeit« meint in Anlehnung an D. Busse (1998: 40ff.) ein „hochkomplexes Netz aus praxisorientierten Wissensrahmen [...], welche die kontextuellen und damit semantischen Voraussetzungen« für die Konstitution von Rechtsbegriffen umfassen. „Fachwissen« bedeutet dabei

„(a) die Gemeinschaft der besonderen Kenntnisse in der (erwerbsmäßigen) Arbeit [...], wie man sie sich in [...] fachbezogen geltenden Lernzusammenhängen aneignet und dabei spezifische Handlungsabläufe, Umgangsgewohnheiten und Konventionen der Kommunikationspragmatik, Arbeitsverteilungen und Zuständigkeiten kennenlernt und schließlich auch selbst einsetzt. [...] Bewusstsein für Methoden und Arbeitsprozesse, für funktionierende Zusammenhänge der Tätigkeiten auf ein bestimmtes Produktionsziel hin. [...]

(b) Spezialisiertes Wissen zu einem Sachgebiet und Handlungszusammenhänge, d.h. schließlich

(c) fachbezogene[...] sprachliche[...] Kompetenz, die sich in der Kommunikationsfähigkeit-im-Fach zeigt und innerhalb der

¹ Der nachfolgende Textabsatz entspricht weitestgehend dem gleichnamigen Kapitel in F. Vogel (2012b).

Fachwissen-Gruppe – den Fachleuten [...] – Identitätsbewusstsein schafft und zwischen ihnen ein Direktverstehen der mitgeteilten (Fach-)Informationen ermöglicht.» (H. Kalverkämper. 1998. S. 14f.)

Vor diesem Raster lässt sich das juristische Fachwissen näher qualifizieren und analytisch in mindestens drei elementare Wissenssektoren aufteilen:

1. *Rechtsnormwissen bzw. ‚Faktenwissen‘*: Kenntnis von einzelnen und komplexen Rechtsbegriffen und Rechtsmaterien sowie deren fachspezifische Konstitutionsrahmen (jur. Definitionen, Dogmatik usw.); es versetzt Juristen in die Lage, die lebensweltlichen Sachverhalte des Alltags in ihrer ‚juristischen Relevanz‘ zu perspektivieren.

2. *Fachorganisations-, -hierarchie- und -ablaufwissen bzw. „Rechtsinstitute“*¹ bilden die notwendige Orientierung, um Rechtsnormwissen sowie Sprachgebrauchswissen ‚sinnvoll‘, also zweckdienlich miteinander arrangieren zu können. Es umfasst nicht nur Kenntnisse über allgemeine fachinterne Handlungsabläufe und Kommunikationssroutinen, sondern – insbesondere im Recht – auch über die internen und häufig impliziten Disziplinen (im foucaultschen Sinne) des Faches: Rechtsnormhierarchien und Autoritäten.

3. *Fachsprachwissen* schließlich ist Wissen über spezifische sprachliche Muster, mittels derer Rechtsnormwissen auf Ausdrucksebene für Juristen erkennbar und bearbeitbar (rezipierbar) wird².

Das spezialisierte Fach(sprach)wissen in der Jurisprudenz hat mindestens dreierlei Funktionen: erstens dient es dem Versuch, juristische Interpretations- als Entscheidungsarbeit valide und reliabel zu organisieren. Die juristische Sprache ist zweitens das Medium transformierter Alltagswelt, d.h. mit ihrer Hilfe reduziert der Rechtsarbeiter die alltagsweltliche Komplexität auf ‚rechtsrelevante‘, also in juristischen Kategorien verarbeitbare Ausschnitte. Drittens dient das Fachwissen sowie das Fachsprachwissen im Besonderen auch der binnendisziplinären Identität: Wer die Sprache und die ‚Denke‘ der Jurisprudenz nicht beherrscht, hat vor Gericht schlechte Karten.

All diese in der Regel für Laien nicht einsehbaren Voraussetzungen bilden den Hintergrund für sog. „Subsumtionen“. Damit ist kein rechtspo-

¹ Zum Begriff des „Rechtsinstituts“ vgl. D. Busse (1998. S. 34).

² Hierzu zählen u.a. Abkürzungen (BVerfGE, h.M. u.ä.), terminologischer Fachwortschatz, rechtssprachliche Mehrworteinheiten bzw. feststehende ‚Redewendungen‘ (wie Treu und Glauben, öffentliche Belange, gegen die guten Sitten usw.), Textaufbau- und Textsortenwissen als rechtskonstituierende Formelemente usw.

sitivistisches ‚Anwenden‘ eines objektiv oder subjektiv¹ vorgegebenen ‚Gesetzesinhalts‘ gemeint. Die juristische „Auslegung“ von Normen ist vielmehr ein komplexer Prozess der Kontextualisierung von Lebenswelt (zu beurteilender Sachverhalt, „Fall“) und Textwelt (inter- und intratextuelle Verknüpfung von Norm- und dogmatischen Texten). Lebens- und Textwelt sind dabei nicht lediglich ‚gegeben‘ und „im Sinne eines kybernetischen Informationsübertragungsmodells« im Hinblick auf ‚die‘ Norm zu „decodieren« (so aber Baden. 1977. S. 14ff.; vgl. dazu kritisch Busse. 2005). Sie ‚geben‘ dem hermeneutisch tätigen Rechtsarbeiter vielmehr sinnlich wahrnehmbare Hinweisreize („contextualization cues“, Gumperts. 1982. S. 131), die gemeinsam mit bereits bestehendem juristischen Norm(sprach)wissen in mentalen Modellen² sinnvoll gemacht werden können (H. Hörmann 1980). Rechtsnormen sind also keine absoluten Entitäten, sondern Ergebnis konstruktiver Transkriptivität³, i.e. einer fortwährenden sprachlichen „Um-, Ein- und Umschreibung“⁴ von unterschiedlichsten versprachlichten Eingangsdaten und Geltungsansprüchen. Jede Entscheidung „propft« dem „Normtext einen neuen Kontext« auf,

„welcher bei Erlass des Textes nicht vorhersehbar war. [...]

Normativität wird in der Sprache nicht vorgefunden, sondern hergestellt“ (R. Christensen & H. Kudlich. 2002)

Das Verhältnis von Sprache und juristischer Semantik ist folglich ein sozialkonstruktiver: Umstrittene Sachverhalte der Lebenswelt werden erst durch ihre sprachliche Verfasstheit konstituiert und verhandelbar. Dabei kann – wie oben bereits angedeutet – der Sachverhalt nicht eins zu eins in Sprache ‚abgebildet‘ werden, es gibt kein logisch-ontisches Abbild-Verhältnis von Sprache und Welt. Vielmehr werden die Sachverhalte von den Prozessbeteiligten in ihrem je eigenen Interesse sprachlich perspekti-

¹ Dahinter verbergen sich zwei Varianten rechtspositivistischer Erkenntnistheorien: Die sog. „subjektive Lehre« postuliert einen aus dem Text zu entnehmende Autorintention (gemeinhin: ‚der‘ Gesetzgeber); die sog. „objektive Lehre« fordert dagegen, „das Ziel könne nicht die Wiederherstellung eines vom Autor intendierten Wortsinns sein, sondern nur der dem Text immanente objektive Sinn des Gesetzes selbst.« (R. Christensen & H. Kudlich. 2002). D. Busse (1992. S. 14) hat diese Theorie treffend als „Topftheorie‘ der Kommunikation« bezeichnet.

² Zu mentalen und Kontextmodellen vgl. T: van Dijk (1999).

³ Die daraus resultierende Textverflechtung wird etwa in einer Untersuchung von D. Busse (2000. S. 7) deutlich: er zeigt, wie ein „Kommentartext zum Diebstahlparagrafen des StGB allein 350 Gerichtsurteile als Interpretationsgrundlage“ heranzieht.

⁴ Vgl. L. Jäger (2003).

viert und im Hinblick auf das Verfahren, das es zu gewinnen gilt, fachsprachlich „zubereitet« (B. Jeand’Heur. 1998. S. 1292):

„Gegenstand juristischer Überlegungen ist nicht die Lebenswirklichkeit als solche, sondern sprachlich gefasste in eine spezifische Fachterminologie übersetzte Sachverhaltsbeschreibung« (ebd.)

Die Perspektivität der sprachlichen Konstitution von Sachverhalten in der Welt lässt sich in einer konstruktivistischen Lesart des semiotischen Dreiecks von C. Ogden & I. Richards (1923) deutlich machen: Demnach sind sprachlicher Ausdruck und Sachverhalte nicht unmittelbar, sondern nur mittelbar über die durch Ausdrücke aktivierten kognitiven Konzepte (Schemata¹) ‚verknüpft‘. Je nach Wahl eines sprachlichen Ausdrucks lassen sich unterschiedliche Konzepte aktivieren und damit Perspektiven auf einen Gegenstand akzentuieren. Diesen Zusammenhang versuchen diskurslinguistische Ansätze auch für die Analyse von semantischen Kämpfen in der Domäne des Rechts fruchtbar zu machen.

3. Semantische Kämpfe im Recht

3.1. Der Ansatz der Diskurslinguistik

Die hier zu skizzierende Diskurslinguistik ist eine sprachwissenschaftliche Spielart der Diskursanalyse, wie sie sich etwa seit 15 Jahren im deutschsprachigen Raum etabliert hat. Diskurslinguisten orientieren sich dabei in erster Linie an der Theorietradition M. Foucaults (1973, 1974a, 1974b) und interessieren sich für die sprachlichen Konstitutionsmittel und Geltungsansprüche von sowie das Zusammenspiel von Akteuren, Wissen (Episteme oder Ideologien) und Macht in gesellschaftlichen Diskursen. „Diskurs“ in diskurslinguistischer Perspektive meint dabei in der Regel „die Auseinandersetzung mit einem Thema,

- das sich in Äußerungen und Texten [...] niederschlägt,
- von mehr oder weniger großen gesellschaftlichen Gruppen getragen wird,
- das Wissen und die Einstellungen dieser Gruppen zu dem betreffenden Thema sowohl spiegelt
- als auch aktiv prägt und dadurch handlungsleitend für die zukünftige Gestaltung der gesellschaftlichen Wirklichkeit in Bezug auf dieses Thema wirkt.“ (A. Gardt. 2007. S. 30)

Die Diskurslinguistik ist dabei weniger eine konsistente Theorie als vielmehr ein Bündel unterschiedlicher methodischer Ansätze (vgl. hierzu im Überblick die Beiträge in I. Warnke (Hrsg.) 2007 und J. Spitzmüller & I. Warnke (Hrsg.) 2008), die auf verschiedenen sprachlichen Ebenen

¹ Vgl. F. Bartlett (1932).

(Lexeme und Schlüsselwörter, Phrasen, Sätze, Grammatik, Bild-Text-Interaktion, Topoi usw.) von der Varianz sprachlicher Ausdrucksmuster auf die ‚dahinterliegenden‘, emittentenseitig widerstreitenden Wissensrahmen bzw. „handlungsleitenden Konzepte“ (E. Felder. 2000. S. 117) rückzuschließen suchen. Mit anderen Worten: Diskurslinguistische Studien widmen sich „semantischen Kämpfen“, wie sie sprachlich von Diskursakteuren im Ringen um Diskurshoheit und Handlungsoptionen (Herrschaft) ausgefochten werden. E. Felder (2006: 17) unterscheidet mit Bezug auf Fachdomänen drei zentrale Ebenen des semantischen Kampfes:

1. Ausdruckskonkurrenz („Benennungs- oder Bezeichnungsproblematik“): Kampf um die interessengeleitete Benennung von Sachverhalten und der Versuch, die damit verbundenen Konzepte im Diskurs durchzusetzen;

2. Konzeptualisierungskonkurrenz („Bedeutungsfixierungsversuche“): Versuch, bestimmte Wissensrahmen mittels sprachlicher Prägung von Teilaspekten (Teilbedeutungen) durchzusetzen.

3. „Sachverhaltsfixierungsversuche“: Versuch, durch Verwendung eines Fachterminus (oder eines etablierten Ausdrucks) auf einen konkreten Sachverhalt, das dahinter stehende Konzept „anzuwenden und anzupassen“.

Rechtslinguisten aus Heidelberg und Freiburg haben diskurslinguistische Methoden auf die Untersuchung von semantischen Kämpfen im Recht hin angepasst und bereits an verschiedenen Teildiskursen exemplifiziert. Ich möchte an dieser Stelle nur ein Beispiel herausgreifen.

3.2. Semantische Kämpfe im Rechtsdiskurs zur Normgenese der „Online-Durchsuchung“ (F. Vogel. 2012)¹

Von 2007 bis 2009 erregte eine besondere Regelungsinitiative von Seiten der Ermittlungsbehörden bzw. der Bundesregierung in Deutschland sowohl in Fach- und Medienkreisen als auch in bundesweit organisierten sozialen Bewegungen großes Aufsehen. Es handelte sich um die Auseinandersetzung um die sogenannte *Online-Durchsuchung*, unter Rechtslaien auch besser bekannt als *Bundestrojaner* (im Folgenden objektspr.: „OD«)². Damit

¹ Der nachfolgende Absatz orientiert sich an den komprimierten Darstellungen in F. Vogel (2011).

² Zum besseren Nachvollzug der hermeneutischen Arbeit werden die Ergebnisse in folgender Notation dokumentiert: Belege werden kursiv (Fokus auf Ausdrucksebene) gesetzt; Konzepte bzw. Attribute als Hypothesenkonzentrate der Interpretationsarbeit werden in spitze Klammern bzw. einfache Anführungszeichen gesetzt (›Innenpolitische Auseinandersetzungen‹; ‚Latenz‘ der ›Gefahr‹); Sachverhalte bzw. Referenzobjekte als induktiv-deduktiv gewonnene heuristische Analysekategorien werden in Majuskeln gesetzt (OD, EREIGNIS, AKTEURE usw.).

gemeint waren und sind ›verfassungskonforme Befugnisse sowie technische Möglichkeiten für ermittelnde Behörden, aus der Ferne und für Betroffene nicht erkenntlich digitale Daten auf informationstechnischen Systemen (z.B. Privat-PC) zu durchsuchen, intendiert oder nicht intendiert zu verändern, sicherzustellen und auszuwerten‹. Auf den ersten Blick scheint die OD also ein klarer Fall: Es geht um ein ›technisches Ermittlungsinstrument‹. – Allein: Selbst nach zwei Jahren intensiver Debatten ist bis zuletzt (im Grunde bis heute) weitestgehend unklar, was die OD denn ‚tatsächlich‘ und ‚eigentlich‘ sei. Deutlich wird der damit verbundene semantische Kampf bereits in den Anfängen der Debatte: Die OD steht im Kontext der Sicherheitsdebatten seit den Ereignissen um den 11. September 2001 in den USA und ist Teil zahlreicher weiterer Sicherheitsinstrumente zur sog. ›präventiven Gefahrenabwehr‹. Als solches wurden OD (nach Aktenlage) erstmals 2004 Gegenstand in informellen Sicherheitsgesprächen im deutschen Innenministerium unter Beteiligung insbesondere der Exekutivorgane (BfV, BND, MAD, BKA u.a.). Das Innenministerium (damals unter Leitung von Otto Schily) erachtete OD in Folge als rechtskonform auf Basis einer Dienstvorschrift (nach § 8 II BVerfSchG), die zu diesem Zweck ohne Parlamentsbeteiligung leicht abgeändert wurde. Mit Bekanntwerden dieses Vorgangs erst zwei Jahre später (2007) wurde diese Ermächtigungsgrundlage von Opposition und Medien als ‚irreführend‘ und ‚illegal‘ kritisiert, die Zulassung von OD auf Basis der Dienstvorschrift kurz darauf wieder untersagt. Die Exekutive suchte jedoch parallel und weiterhin eine (juristische) Legitimationsquelle zur Durchführung von OD und sah eine solche insbesondere in der Strafprozeßordnung (StPO): OD als ›digitale und heimliche Variante‹ der ‚klassischen‘, seit langem etablierten ›Hausdurchsuchung‹ (§§ 102 ff. StPO; u.a. daher auch das Kompositum: *Online-Durchsuchung*). So sah dies auch ein BGH-Ermittlungsrichter¹, der mit seiner Entscheidung die öffentliche Legitimation schaffen sollte, OD technisch zu entwickeln und hierfür Bundeshaushaltsmittel bereit zu stellen. Ein großer Teil der Rechtswissenschaften, die Medien, ein weiterer Ermittlungsrichter sowie schließlich der 3. Strafsenat des BGH² sahen dies anders und sprachen (letzterer mit durchschlagendem deklarativem Akt) von einem ›neuen Eingriffsinstrument‹, für das es bislang keine Gesetzesgrundlage gebe (OD als *Ausforschung*, *Ausspähung*, *Verdeckter Eingriff* usw.). Ohne hier auf die weitere Genese eingehen zu können: Die Auseinandersetzungen um OD schlugen sich in unterschiedlichsten Arbeitskontexten bis hin zum Bundesverfassungsgericht nieder; am 01.01.2009 trat erstmals eine Bundesbefugnis

¹ BGH, 3 BGs 31/2006 vom 21.02.2006.

² BGH StB 18/06.

für den *Verdeckte[n] Eingriff in informationstechnische Systeme* als §20k BKAG¹ in Kraft. F. Vogel (2012) untersucht in seiner Studie, mit welchen sprachlichen Mitteln die verschiedenen Akteure (BEFÜRWORDER versus GEGNER der Neuregelung in Medien, Parlament, Gerichten usw.) ihre Sicht auf die Norm der OD oder die tangierten Grundrechte bzw. Grundrechtseingriffe dominant zu setzen versuchen. Die damit verbundenen semantischen Kämpfe lassen sich an den beiden folgenden komprimierten Beispielen illustrieren:

a) Die *Online-Durchsuchung* bei BEFÜRWORDERN

Die BEFÜRWORDER (vor allem konservative Politiker, Juristen und Medien) konstituieren OD zunächst in einer LEBENSWELT der ›allgegenwärtigen, akut-latenten terroristischen Anschlagsgefahr durch technologisch hochgerüstete Terroristen‹. Im Fokus steht dabei vor allem eine präsupponierte und in der Regel passivisch-deagentivierte ‚Latenz‘ der ›Gefahr‹ (*angespannte Sicherheitslage, diese Gefahrenlage*), die durch Attribute des ‚heimlichen‘ (Fahnenwort: *konspirativ*), Temporalphrasen (*kann jeden Tag vorkommen; nicht mehr ob, sondern wann und wo*), ‚Zielrohr‘-Metaphorik (*im Fadenkreuz des Terrorismus, im Visier der Terroristen, Terrorismus ist im Herzen Europas angekommen*) und durch immer wiederkehrende Verweise auf lokale und internationale Terrorereignisse ‚konkretisiert‘ wird. – Gegen diese Gefahr sei die OD das ›geeignete, erforderliche und angemessene Eingriffsinstrument‹, das ‚absolut kontrolliert und folgenlos einsetzbar‘ sei: Ausdrücke wie *Online-Durchsuchung, Online-Ermittlung, Ermittlungsmethode, Online-Fahndung, Fahndungsinstrument, Fahndung via Internet, Remote Forensic Software* sollen Konzepte der ›legitimen Kriminalitätsbekämpfung‹ und zugleich eine gewisse ‚Sterilität‘ und ‚Objektivität‘ aktivieren. Dies wird insbesondere auch durch konzentrierte Nominalisierungen und Passivkonstruktionen des TECHNISCHEN ABLAUFES von OD deutlich (*wird Zugriff genommen; indem dem Beschuldigten ein Computerprogramm zugespielt wird, Trojaner werden heimlich versandt, zum Zwecke der Durchsicht [...] übertragen* usw.).

Flankiert wird diese Argumentation von verschiedenen Topoi, wie etwa dem ›Verantwortlichkeits‹-Topos (*In einer sich verändernden Welt [...] wäre es geradezu fahrlässig und verantwortungslos, in der Sicherheitspolitik statisch zu bleiben*), dem ›Bedürfnis‹-Topos (*Jeder Bürger möchte Sicherheit im Inneren. Das ist ein Grundbedürfnis.*) oder – geradezu pedantisch – dem ›Schritt-halten‹-Topos:

¹ Bundeskriminalamtsgesetz.

Ausgangslage [...] Die polizeilichen Aktions- und Reaktionsmöglichkeiten zur Bekämpfung des islamistischen Terrorismus sind gerade auch mit Blick auf die technischen Mittel und Methoden zur Prävention und Sachaufklärung auszubauen. Insbesondere die Anschläge in Madrid und London, aber auch die aktuell verhinderten Angriffe gegen Flugzeuge in Großbritannien sowie die versuchten terroristischen Anschläge auf Regionalzüge in Koblenz und Dortmund manifestieren die Nutzung moderner Informations- und Kommunikationsmedien durch islamistische Terroristen zur Anschlagsvorbereitung, Tatdurchführung, Fluchtplanung und -realisierung. Dies untermauert das Erfordernis, seitens des Bundeskriminalamtes schritthaltend mit dem technologischen Fortschritt verstärkt technische Instrumentarien zu präventiven und repressiven Zwecken selbst zu nutzen bzw. seitens terroristischer Gewalttäter eingesetzter Instrumentarien zu orten, sicherzustellen und auszuwerten (PSIS; fvtextbt_intern10102006_1).

Eine explizite Perspektivierung der ZIELOBJEKTE, also der IT-SYSTEME (ITS), wird von BEFÜRWORTERN tendenziell gemieden. Wenn, dann werden ITS konkretisiert als ›sächliche PC‹ mit ‚Werkzeug-Charakter‘, die keines eigenen (bzw. nur marginal grundrechtlichen) Schutzes würdig seien.

b) Die Online-Durchsuchung bei GEGNERN

Bei GEGNERN von OD (vor allem Linksliberale, Datenschutz- und Verfassungsrechtler, IT-Wissenschaftler) spielen dagegen die ZIELOBJEKTE eine hervorgehobene Rolle. IT-SYSTEME seien demnach nicht mehr lediglich ‚Werkzeug‘, sondern ›Teile der menschlichen Physis‹ und ›Ausdruck der individuellen Privat- und Intimsphäre‹, die einen besonderen Grundrechtsschutz genieße bzw. erhalten müsse. Metonymisch werden IT-SYSTEME daher oft bezeichnet als *digitale Privatsphäre*, *Prothese*, *Tagebuch* usw.; der *Personalcomputer* als ›habituellem Raum der Persönlichkeitsentwicklung‹:

Der Inhalt eines Computerbildschirms gilt im täglichen Umgang als Privatsphäre: Die unaufgeforderte Betrachtung des Bildschirminhaltes eines anderen wird als ebensowenig statthaft wie der zu tiefe Blick in einen weiblichen Ausschnitt empfunden. (Gutachter Andreas Bogk vor dem BVerfG)

OD seien demnach ›unmittelbare Eingriffe in die Privat- und Intimsphäre‹, ein ›staatlich organisiertes, in seinen FOLGEN nicht kontrollierbares, moralisch verwerfliches bis kriminelles Eindringen in Bereiche, die der Kenntnisnahme entzogen sein sollen‹:

Bundestrojaner, staatlich lizenzierte Hacker / staatliches Hacken / polizeiliche Hackerangriffe, Ausspähung / Ausspähen / Ausforschen / Ausschnüffeln / ausspionieren in / von Computern, Spionage, Anzapferei / Schnüffelei usw.

Die meisten dieser Ausdrücke werden gemeinsprachlich gebraucht; einzelne jedoch werden in der Kommunikation von Juristen (z.B. im Bundestag) auch implizit fachterminologisch eingesetzt: Der alltagssprachlich anmutende Ausdruck *Ausspähung* etwa meint nicht nur ›illegitimes Erlangen von bzw. illegitimer Zugang zu Informationen‹, sondern verweist unter Juristen auch auf einen normtextuellen (Gesetzes-)Hintergrund, nämlich die Androhung von Freiheits- oder Geldstrafen nach §§ 202a bzw. 202c StGB (letzterer in den Medien auch bekannt als *Hackerparagraph*).

Die von Befürwortern konstituierte ‚bedrohte‘ LEBENSWELT weisen Gegner schließlich als ‚zweckmäßige‘ *Bedrohungsszenarien* zurück und warnen vor *gläsernem Bürger* und *totalem Sicherheits- oder Überwachungsstaat*, in dem die Privatsphäre des Einzelnen aufgegeben werde. In Legislative und Medien wird dabei vor allem der damalige Innenminister (oder auch provozierend: [als] *Verfassungsminister* [untragbar]) Wolfgang Schäuble in Wort und Bild (zahlreiche Karikaturen) zum Gegenstand der Kritik. Er gilt als ‚eigentliche‘ treibende Kraft zur Einführung von OD, der nicht ‚sachlich‘, sondern ‚emotional‘ agiere (*Schäubles Liebling, Eifer Schäubles, Hardliner, Sheriff, Terror-Jäger; Kontrollwut und [...] Überwachungswahn; Terrorhysteriker* usw.).

An den Beispielen wird deutlich, wie von der Divergenz akteursspezifischer Sprachverwendung auf die damit verbundenen semantischen Kämpfe, handlungsleitenden Konzepte und Ideologeme rückgeschlossen werden kann. Es zeigt sich auch, dass die ‚Welt der Online-Durchsuchung‘ ebenso wie juristische Normen stark von ihrer sprachlichen Zubereitung und damit Perspektivierung abhängen.

4. Juristische Korpuspragmatik: Korpuslinguistische Zugänge zur juristischen Dogmatik

4.1. Der Ansatz der juristischen Korpuspragmatik

Eine computergestützte bzw. korpuslinguistische Erweiterung des diskurslinguistischen Erkenntnisinteresses zur Untersuchung von semantischen Kämpfen in Rechtsdiskursen zeigen die exemplifizierenden Studien in F. Vogel (2012b), F. Vogel (im Druck) und F. Vogel & R. Christensen (in Vorb.) unter dem Stichwort ‚juristische Korpuspragmatik‘. Unter ‚Korpuspragmatik‘ verstehe ich mit E. Felder, M. Müller und F. Vogel (2012)

„einen linguistischen Untersuchungsansatz, der in digital aufbereiteten Korpora das Wechselverhältnis zwischen sprachlichen Mitteln einerseits und Kontextfaktoren andererseits erforscht und dabei eine Typik von Form-Funktions-Korrelationen herauszuarbeiten beabsichtigt. Solche Kontextfaktoren betreffen potentiell die Dimensionen Handlung, Gesellschaft und Kognition. Die Analyse bedient sich insbesondere einer Kombination qualitativer und quantitativer Verfahren“ (E. Felder, M. Müller & F. Vogel 2012. S. 4f.).

Eine „juristische“ Korpuspragmatik erweitert diesen Untersuchungsansatz und sucht korpus-, diskurs- und medienlinguistische Paradigmen, Methoden und Algorithmen mit den Spezifika juristischer

Text(fach)arbeit und Interessen zu verbinden. Unter Einsatz von computerlinguistischer Software (vgl. dazu im Überblick L. Lemnitzer & H. Zinsmeister 2006) zielt eine juristische Korpuspragmatik auf die semiautomatische Analyse von transtextuellen, rekurrenten Sprachmustern in Großtextkorpora (mehrere tausend Texte) als Indices für semantische Kämpfe im Rechtsdiskurs bzw. für Sedimente juristischer Norm-Dogmatik.

Unter „rekurrenten Sprachmustern» verstehe ich sprachliche Sachverhaltszuschreibungen unterschiedlicher Größe auf der Ausdrucksebene, die in bestimmten Sprachausschnitten überzufällig häufig auftreten und daher als „typisch“ für diese gelten können (vgl. N. Bubenhofer 2008: 408ff.). Typikalität in diesem Sinne lässt sich auch als rekurrente Ko(n)textualisierung von Sprachphänomenen beschreiben. Damit ist gemeint,

- dass sprachliche Phänomene in (Rechts-)Diskursen iterativ in Verbindung mit anderen Sprachphänomenen auftreten, damit ‚kohäsiv‘ korrelieren (Kotexte) und dadurch kohärenzbildend stereotypisieren;

- dass diese kotextuellen Muster in den spezifischen Sprachkontexten der Juristen (im Sinne des oben beschriebenen Fach(sprach)wissens) als Kontextualisierungshinweise zur Verfügung stehen und damit

- potentiell rekursiv wissenskonstitutiv sind in dem Sinne, dass sie stereotype Fachkonzepte bilden bzw. abrufen können.

Sprachmuster in diesem Sinne können in unterschiedlichster Form auftreten, etwa als:

- hochfrequente einzelne Ausdrücke (qualitativ auch als Schlag- und Leitwörter analysierbar);

- einzelne Ausdrücke im Verbund von Mehrworteinheiten (MWE) bzw. Syntagmen wie explizite Zuschreibungen (X-AKTEUR(E) *ist/sind*

Y-ATTRIBUT), feststehende Redewendungen oder usuelle Wortverbindungen (z.B. *Ohren putzen/waschen* vs. *Zähne putzen/*waschen*), Formeln (*im Namen des Volkes*) u.v.a.;

- grammatische Muster wie [best. Art.] + *Würde des Menschen*, Nominalstil oder häufige Konnektoren, sowie schließlich auch

- komplexe Kontextmuster bzw. Kookkurrenznetze als statistisch signifikantes, gemeinsames Auftreten von einzelnen Ausdrücken innerhalb eines bestimmten Ausdrucksintervalls (z.B. *Menschenwürde* [+3 Wörter] *Sozialstaatsprinzip*).

Dabei sollen die quantitativen Analysen von Sprachmustern nicht für sich alleine stehen, denn bloße Frequenzangaben sagen noch nichts über juristische Textarbeit aus (juristische Normen lassen sich nicht ‚berechnen‘). Die quantitativen Verfahren dienen vielmehr der Ergänzung und Korrektur qualitativer, im Wesentlichen auf Introspektion¹ basierender Verfahren und Hypothesen, wie sie in der bisherigen Diskurs- und Rechtslinguistik etabliert und erprobt sind. Nicht zuletzt trägt ein solcher korpusbasierter, quantitativ-gestützter Zugang auch der immer weiter zunehmenden Menge an juristischen Texten in Folge fortschreitender Verrechtlichung der Lebenswelt² sowie der ‚Digitalisierung‘ des Rechts (Hypertextualität) Rechnung. Im Folgenden sei dieser Ansatz kurz (ausführlich in F. Vogel 2012b) am Beispiel einer Analyse zur Dogmatik des Artikel 1 Abs. 1 Grundgesetz, der *Würde des Menschen*, illustriert.

4.2. Die Würde des Menschen (Art. 1 Abs. 1 GG) aus korpuspragmatischer Perspektive³

Das leitende Erkenntnisinteresse der Untersuchung lässt sich in 2 Fragen zusammenfassen: (a) In welchen (ausdrucksseitigen) rekurrenten sprachlichen Formationen treten die in Art. 1 Abs. 1 GG festgeschriebenen Ausdrücke *Würde [des Menschen]* bzw. *Menschenwürde* im Korpus auf? Und: (b) Inwiefern lassen die damit eruierten sprachlichen Muster eine kontextuelle Konkretisierung des diskursiven Gebrauchs zu und damit auf

¹ Die Methodik von Diskurs- und Rechtslinguistik sind für den deutschsprachigen Raum überwiegend qualitativ orientiert. Kritiker bemängeln dabei jedoch (zu Recht) eine mangelnde Objektivierbarkeit der Untersuchungsergebnisse zum einen auf Grund (zu) kleiner Untersuchungskorpora, zum anderen auf Grund der intuitiven Zugangsweise ohne Berücksichtigung von Mengenverhältnissen (Einordnung von Belegen vor dem Hintergrund einer wohl definierten Grundgesamtheit bzw. Stichprobe).

² Häufig und einseitig als „Gesetzesflut“ kritisiert.

³ Der nachfolgende Absatz ist ein Wiederabdruck eines Kapitels aus F. Vogel & R. Christensen (in Vorb.) und geht zurück auf die ausführliche Studie in F. Vogel (2012b).

die makrosystematische ‚Bedeutung‘ bzw. diskursive Sedimentierung dieses ersten Grundrechts schließen?

Der Untersuchung zugrunde liegt ein Textkorpus aus allen 4238 Entscheidungen des Bundesverfassungsgerichts aus dem Zeitraum von 1998 bis zum 15.06.2010¹. Das Korpus umfasst damit rund 8,45 Millionen ungefilterte (‚originale‘) fortlaufende Wortformen (Token). Um bei Anwendung automatischer Suchroutinen und Berechnung von Kotextmustern sämtliche Flexionsformen berücksichtigen zu können, wurde das Korpus mit Hilfe des „TreeTagger« (Part-of-Speech-Tagger)² lemmatisiert und Wortart-annotiert. Analysen und Berechnungen erfolgten mit der Software AntConc³.

Die Analyse setzt semasiologisch⁴ an diejenigen Ausdrücken an, die im Grundgesetz (Normtext), wenn nicht die entscheidende, so zumindest eine referentielle Basis für Konkretisierungen dessen dienen, was Juristen mit *Würde* oder *Menschenwürde* bezeichnen⁵. Um diese Ausdrücke in ihrem ambigen wie invarianten Gebrauch sichtbar zu machen, wurde systematisch die sprachliche Umgebung zu den beiden Ausgangsausdrücken durchsucht, sortiert und kategorisiert. Genauer: Es wurden mittels Kookkurrenz- und Clusteranalysen statistisch signifikante Kookkurrenzpartner, Komposita sowie Mehrworteinheiten zu *Würde* bzw. *Menschenwürde* ermittelt und mittels gezielter Suchanfragen, KWIC- und Volltextanalyse konkretisiert und nach ähnlichen Ko(n)texten gruppiert. Hierzu einige Illustrationen:

(a) Kookkurrenzpartner (Auswahl an Autosemantika, d.h. ‚Inhaltswörtern‘), also Ausdrücke, die in einem bestimmten Kotextintervall statistisch signifikant häufig zusammen mit den Ausdrücken *Würde* oder *Menschenwürde* (im Untersuchungskorpus) auftreten:

¹ Die Texte wurden automatisch mit Hilfe eines sog. Webspiders aus dem Onlinearchiv des BVerfG heruntergeladen und für die weitere Transformation in ein Unicode-basiertes (html-scriptsprachenfreies) txt-Format übertragen.

² URL: <http://www.ims.uni-stuttgart.de/projekte/corplex/TreeTagger/> (28.12.2011).

³ URL: <http://www.antlab.sci.waseda.ac.jp/> (02.05.2012) – Inzwischen hat Friedemann Vogel eine eigene, speziell für linguistische Diskurs- und Imageanalysen konzipierte Software entwickelt und für die wissenschaftliche Nutzung kostenlos zur Verfügung gestellt (vgl. URL: <http://www.lda-toolkit.friedemann-vogel.de>, 02.05.2012).

⁴ Das heißt perspektivisch vom Ausdruck zu seinen konkreten Bedeutungen im Kotext.

⁵ Der damit referierte ‚Gegenstand‘ wird im Folgenden (kategorisch) als WÜRDE formalisiert.

Abs, Art, GG, BVerfGE, Schutz, verletzen, Beschwerdeführer, Verletzung, Mensch, Grundrecht, Opfer, Persönlichkeitsrecht, verfassungsrechtlich, Person, Recht, Angriff, Satz, Achtung, Persönlichkeit, Gewalt, Weise, Meinungsfreiheit, alle, allgemein, schützen, Staat, öffentlich, Bundesverfassungsgericht, stellen, StGB, Entscheidung, staatlich, Beschluss, ob, frei, Äußerung, Frage, jed, Grundsatz, Senat, Gericht, sozial, Anspruch, Abwägung, Grundgesetz, Fall, Freiheit, verstoßen, absolut, Verstoß, kommen, Voraussetzung, unantastbar, Verurteilte, jedoch, annehmen, bestehen, Verbindung, Achtungsanspruch, nationalsozialistisch, Beschwerdeführerin, menschlich, Leben, Kernbereich, Rechtsprechung, grundsätzlich usw.

(b) Komposita, die die Zeichenkette *Würde* beinhalten: *Menschenwürde, Menschenwürdegarantie, Menschenwürdegehalt, Menschenwürdeverletzung, Menschenwürdeverstoß* u.a.

(c) Sortierte KWIC (= Keyword in Kontext)-Analysen:

indet. Damit wird letztlich dem aus der **Menschenwürde** **abzuleitenden Gebot**, dass über die Rechte
n Bundesgerichtshof, nach der diese die **Menschenwürde** **AIDS-kranker Menschen** verletzt, erscheint
res Charakters als Meinungsäußerung die **Menschenwürde** **Aidskranker. Bindende Vorgaben** des Bundesv
abe, worin sowohl ein Verstoß gegen die **Menschenwürde** **als auch** gegen das Verbot des Art. 104 Abs
gibt ihm die Achtung und den Schutz der **Menschenwürde** **als des tragenden** Konstitutionsprinzips un
rechen (vgl. BVerfGE 1, 97 <104>). Die **Menschenwürde** **als Fundament** aller Grundrechte ist mit ke
ts- und der Landgerichte stehen mit der **Menschenwürde** **als oberstem Wert** des Grundgesetzes und tr
rücksichtigt. 16 aa) (1) Mit der **Menschenwürde** **als oberstem Wert** des Grundgesetzes kommt
ndlegend verkannt. 12 (1) Mit der **Menschenwürde** **als oberstem Wert** des Grundgesetzes und tr
ngen. Auch Art. 1 Abs. 1 GG schütze die **Menschenwürde** **als obersten Verfassungswert** des Grundgese
n sich die Äußerung als Angriff auf die **Menschenwürde**, **als Schmähkritik** oder als Formalbeleidigung
Beurteilung verkennt die Reichweite der **Menschenwürde** **als Schranke** der Meinungsfreiheit im Wettb
schliche Leben ist die vitale Basis der **Menschenwürde** **als tragendem Konstitutionsprinzip** und obe
nwürde eines anderen antastet. Denn die **Menschenwürde** **als Wurzel** aller Grundrechte ist mit keine
tlichen Frieden zu stören, weil sie die **Menschenwürde** **anderer dadurch angreife**, dass zum Hass ge
rdeführer hätten Schriften, welche die **Menschenwürde** **anderer dadurch angriffen**, dass Teile der l

(d) Cluster bzw. statistisch häufige Mehrworteinheiten, die die Zeichenkette *Würde* bzw. *Menschenwürde* beinhalten (Auswahl):

f	Cluster / Mehrworteinheit
55	<i>Würde des Menschen</i>
49	<i>Schutz der Menschenwürde</i>
44	<i>Verletzung der Menschenwürde</i>
39	<i>auf die Menschenwürde</i>
37	<i>Würde der Opfer</i>
36	<i>menschenwürdigen Existenzminimums</i>
30	<i>eines menschenwürdigen Existenzminimums</i>
29	<i>gegen die Menschenwürde</i>
26	<i>Angriff auf die Menschenwürde</i>
26	<i>Die Menschenwürde</i>

22	<i>eine Verletzung der Menschenwürde</i>
17	<i>Achtung der Menschenwürde</i>
16	<i>Bürgerrecht und Menschenwürde</i>
16	<i>der Würde der Opfer</i>
16	<i>für ein menschenwürdiges Dasein</i>
14	<i>Menschenwürde e.V</i>
13	<i>Mindestvoraussetzungen für ein menschenwürdiges</i>
12	<i>Garantie der Menschenwürde</i>
12	<i>Gewährleistung eines menschenwürdigen Existenzminimums</i>

Das Ergebnis der Studie ist für Juristen keine Überraschung, sondern Inhalt des verfassungsrechtlichen Examenswissens:

- *Würde* erscheint in zahlreichen, fest gefügten sprachlichen Mustern, die das, was WÜRDE ist oder sein soll, wie folgt konkretisieren:
- WÜRDE wird als etwas ›Abstraktes‹, negativ über die ›Art und Umfang ihrer konkreten, einzelfallbezogenen Verletzung von bestimmten Akteuren (›Träger von WÜRDE‹) konstituiert als *Antwort auf eine Geschichte gewordene Bedrohung und Zerstörung der Menschenwürde* (NS-Zeit) (= Diskursiver Boden);
- WÜRDE ›hat man nicht‹, WÜRDE wird einem im Falle der Verletzung vom Gericht über die Konkretisierung der Verletzung selbst erst zugeschrieben;
- WÜRDE wird im verfassungsrechtlichen Dogma verhandelt als ›letztmögliche Quelle für normative Legitimität‹ in einem als ganzheitlich gedachten Rechtssystem, das heißt, der Verweis auf die *Menschenwürde* dient als größtmöglicher Geltungsanspruch (Topos) widerstreitender Akteure;
- WÜRDE ist apologetischer *Wert* (schon erkennbar im bestimmten Artikel: *die Menschenwürde*, der ›lebenden wie toten Menschen‹ zukommt, ›weil sie kognitiv bewusste und im sozialen Kollektiv (bzw. kollektiven Gedächtnis) integrierte Menschen sind oder waren‹;
- WÜRDE ist ›etwas, das ›staatlich vor X = Gefahr geschützt werden muss‹ (Perspektive des Imperativs) und
- WÜRDE ist ›Anspruch des Individuums gegenüber dem Kollektiv‹ (Perspektive des individuellen Anspruchs);
- In den einzelnen Fallkonstellationen scheint WÜRDE schließlich so etwas zu sein wie ›körperlich-physische sowie (mit großen Abstrichen) geistig-psychische Integrität des Betroffenen‹.

Wenngleich die Ergebnisse ‚nichts neues‘ zeigen mögen, sie zeigen, dass korpuspragmatische, auf der semiautomatischen Strukturierung von Massendaten basierende Analysen einen geeigneten, nachvollziehbaren und transparenten Zugriff auf Rechtssprache und juristische Dogmatik erlauben.

5. Fazit

Der vorliegende Beitrag versucht, schlaglichtartig die Rechtslinguistik im deutschsprachigen Raum sowie im Besonderen zwei neuere Ansätze innerhalb dieser noch recht jungen Teildisziplin der Sprachwissenschaft zur Untersuchung von semantischen Kämpfen im Recht zu umreißen. Dabei wird deutlich, dass die Konzeptualisierung der Rechtsarbeit als institutionalisierte Textarbeit ein spannendes und fruchtbares Forschungsfeld für Linguisten *und* Rechtswissenschaftler darstellt. Nichtsdestotrotz steht die rechtslinguistische Forschung in diesem Bereich erst noch am Anfang, nicht zuletzt auch auf Grund der unterschiedlichen Sprachen, die Linguisten und Juristen sprechen. Die interdisziplinäre Zusammenarbeit von Rechts- und Sprachwissenschaftlern ist jedoch unabdingbar, wenn einerseits linguistische Studien nicht gänzlich an der ‚Denke‘ der Juristen vorbei gehen, und andererseits die juristische Textarbeit (etwa in der Gesetzgebung) infolge unzeitgemäßer Annahmen über ‚die‘ Sprache nicht realistische Verbesserungen übersehen sollen.

Schließlich sei gerade an dieser Stelle nicht verschwiegen, dass (rechtssprach-)kulturvergleichende Studien zu semantischen Kämpfen noch gänzlich offen sind. Auch wenn damit die interdisziplinäre Problematik um einen weiteren Komplexitätsgrad – nämlich den der interkulturellen Verständigung – erweitert wird, so versprechen derartige Projekte weithin Einsichten in die kulturspezifischen Perspektivitätsprozeduren juristischer Textarbeit.

4.3. Лингвоэкологический аспект конфликтной коммуникации¹ (С.С. Тахтарова)

Феномен конфликта всегда занимал особое место в предметной сфере различных научных областей – социологии, психологии, педа-

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0955 по теме «Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития (Среднее Поволжье XIX – начала XXI вв.)».

гогики, права и лингвистики, что нашло свое отражение в формировании специальных направлений в рамках отдельных научных парадигм – психологической¹, юридической², этнокультурной³, педагогической⁴. Антропоцентризм лингвистической науки последних лет обусловил растущий интерес исследователей к изучению коммуникативного поведения *homo loquens* в ситуациях конфликта. Разнообразии форм речевого поведения в процессе разрешения vs эскалации конфликта, эмоциональная составляющая конфликтной ситуации, взаимоотношения участников конфликтного дискурса, а также стратегический аспект конфликтного дискурсивного поведения говорящего субъекта – вот только некоторые ключевые аспекты анализируемого феномена, изучаемые в социалингвистике⁵, психолингвистике⁶, прагматике и лингвокультурологии⁷, юрислингвистике⁸. Активное развитие исследований, посвященных изучению коммуникативного поведения личности в ситуации конфликта, закономерно привело к формированию отдельной научной парадигмы – лингвистиче-

¹ *Гришина Н.В.* Психология межличностного конфликта: автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб: Изд-во СПбГУ, 1995.; *Шейнов В.П.* Психология обмана и мошенничеств. М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2001. 512 с.

² *Дмитриев А.В., Кудрявцев С.В., Кудрявцев В.Н.* Введение в общую теорию конфликтов: юридическая конфликтология. М.: ИНИОН РАН, 1993. Ч. 1. 212 с.

³ *Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология. Самара: Русский лицей, 1994. 94 с.

⁴ *Белкин А.С., Жаворонков В.Д., Зимина И.С.* Конфликтология – наука о гармонии. Екатеринбург: Глаголь, 1995. 88 с.

⁵ *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. М: Аспект-пресс, 2000. 207 с.; *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.; *Крысин Л.П.* Социальный аспект владения языком // Социальная психолингвистика: хрестоматия: сост. К.Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2007. С. 96–124 и др.

⁶ *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001. 304 с.; *Щербинина Ю.В.* Вербальная агрессия. М.: КомКнига, 2006. 360 с. и др.

⁷ *Иссерс О.С.* Речевое воздействие: учеб. пособие. М.: Флинта, 2009. 224 с.; *Мулькеева В.О.* Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 190 с.; *Третьякова В.С.* Конфликт как феномен языка и речи // Известия Уральского государственного университета: электронный научный журнал. 2003. № 27. URL: <http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0027> и др.

⁸ *Голев Н.Д.* Взаимодействие естественного и юридического языка как базовая проблема юрислингвистики. – URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z09.html>; *Кара-Мурза Е.С.* Лингвоправовой конфликт как объект исследования в лингвоконфликтологии // Юрислингвистика-Х. Лингвоконфликтология и юриспруденция. Барнаул, 2010. С. 123–135 и др.

ской конфликтологии, рассматривающей конфликт как противостояние двух и более коммуникантов, связанных в едином коммуникативном событии, обусловленное разными факторами: психическими, социальными и этическими и т.д. – и реализуемое в различных дискурсивных практиках¹.

По справедливому замечанию Н.Д. Голева, «любой коммуникативный акт потенциально конфликтен, любое высказывание хранит в себе потенциал непонимания, недопонимания, «не так понимания», двусмысленного понимания... Можно сказать, что язык существует среди многого прочего и для того, чтобы создавать конфликты»², ср.:

– *Позовите, пожалуйста, Эсфирь, – попросила я.*

– *Не могу, – ответил человек и закашлял.*

– *Когда она вернется?*

– *Кха-кха... – неслось из мобильного. – Ой, боже, нет сил!*

Фирочка ушла.

– *Это я поняла. Во сколько ей лучше перезвонить?*

– *Боже... Фира ушла! Навсегда!*

– *Куда? – растерялась я. – Можете дать адрес?*

– *Отстаньте! – заорал то ли мужской, то ли женский голос. –*

Ушла! Совсем! Навсегда! (Донцова).

В приведенном диалоге конфликт возникает из-за того, что собеседники по-разному интерпретируют глагол «ушла» – один использует его в качестве эфемистической замены слову «умерла», а другой понимает его буквально, продолжая настойчиво выяснять, где можно найти интересующую ее личность, что ведет к непониманию, и, как следствие, к конфликту.

Потенциальная конфликтогенность языка, обусловленная прежде всего различиями в «прагматике говорящего» и «прагматике слушающего», лежит в основе возникновения спонтанной и немотивированной конфликтности, которую следует отличать от конфликтов интенциональных, планируемых, в ходе которых одна из сторон активно и сознательно совершает речевые действия в ущерб другой. Со-

¹ Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии (на материале рассказов В.М. Шукшина)// Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000; Третьякова В.С.; Белоус Н.А. Структурно-семантические аспекты конфликтного дискурса в коммуникативном пространстве. Москва: ИЯ РАН, УлГУ, 2007. 246 с. и др.

² Голев Н.Д. Взаимодействие естественного и юридического языка как базовая проблема юрислингвистики. С. 33.

гласно В.С. Третьяковой, конфликт подразумевает столкновение сторон, состояние противоборства партнеров в процессе общения по поводу несовпадающих интересов, мнений, коммуникативных намерений, которые выявляются в ситуации общения. Коммуникативный конфликт имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться соответствующими языковыми/речевыми средствами¹.

Как отмечает К.Ф. Седов, в основе коммуникативного конфликта обычно лежит стремление одного (или обоих) участника общения снять психологическое напряжение за счет собеседника. Такого рода разрядке (выпусканию паров) предшествует чувство фрустрации – психологический дискомфорт, возникающий при невозможности добиться какой-либо цели². Подобные речевые действия говорящего субъекта определяют речевое поведение адресата, который, понимая, что указанные речевые действия направлены против его интересов, предпринимает ответные речевые действия подобного рода, выражая отношение к предмету речи или собеседнику. По мнению И.И. Гулаковой, коммуникативный конфликт – это ситуация, в которой имеет место столкновение коммуникативных целей, проявляющееся в речевом противодействии коммуникантов друг другу³. Таким образом, несмотря на многообразие существующих трактовок коммуникативного конфликта, большинство их авторов едины в том, что причина возникновения конфликта в коммуникации лежит в расхождении коммуникативных целей собеседников, в нежелании одного или обоих коммуникативных партнеров учитывать интересы собеседника в процессе общения, эгоцентрическая вербализация своих интенций. Пути выхода из создавшейся конфликтной ситуации могут быть как конструктивными, направленными на такое урегулирование конфликта, при котором коммуникативный имидж и интересы обоих собеседников будут сохранены и учтены, так и деструктивными, нацеленными на дальнейшую эскалацию конфликта. В соответствии с макростратегией коммуникативного поведения в ситуации конфликта

¹ Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения: дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2003 301 с.

² Седов К.Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии. 2002. URL: <http://www.dialog-1.ru/materials/archive.asp?id=7379&y=2002&vol=6077>

³ Гулакова И.И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004. 153 с.

каждый из интерактантов выбирает конкретные коммуникативные тактики, напр.:

– *То, что вы делаете, противоречит всем законам: и божеским, и человеческим. Я не сторонница крайних мер, вы знаете, и если вы дадите мне слово, что останетесь, я никому ничего не расскажу.*

– *Да что вы можете рассказать, Нат Пинкертон в юбке! Чем вы мне угрожаете? Думаете, я вас боюсь?* (Малинина).

Здесь расхождения в ценностных доминантах собеседников, в понимании допустимого и недопустимого в своих поступках приводит к возникновению конфликта, в котором один из коммуникантов прибегает к тактике угрозы, а другой – к ответному нападению. Обе тактики являются в данном случае деструктивными, что ведет к дальнейшей эскалации конфликта.

Следует отметить, что интенциональная конфликтность дискурсивного поведения одного из коммуникантов может быть как явной, так и имплицитной, непрямой. Имплицитная конфликтность лежит в основе иронии, напр.:

– *Постель для Оли очень много значила. Если мужчина в этом плане ей не подходил, она связь обрывала. Ну а коли под одеялом все в порядке, начинала изучать душу и кошелек партнера.*

– *Да, – хмыкнула я. – Совсем не похожа на шлюху!*

– *Конечно, – не заметила моей язвительности собеседница. – Олечка никогда не брала за любовь деньги* (Донцова).

Ю.Б. Борев определяет иронию, вызванную, как правило, раздражением, недовольством личностью собеседника, как одну из форм «особой эмоциональной критики, при которой за положительной оценкой скрыта острая насмешка»¹. Таким образом, ироническое представление сообщаемого не смягчает критическую оценочность, а скорее усиливает ее, подчеркивая превосходство говорящего над адресатом.

В работах, посвященных анализу коммуникативных конфликтов, отмечается, что в сознании носителя языка речевой конфликт существует как определенная фреймовая структура, включающая обязательные компоненты: участников конфликта; противоречия (во взглядах, интересах, точках зрения, мнениях, оценках, ценностных представлениях, целях и т. п.) у коммуникантов; причину-повод; ущерб; временную и пространственную протяженность (О.Н. Матвеева, В.С. Третьякова, Н.А. Белоус и др.). Однако, как справедливо

¹ Борев Ю.Б. О комическом. М.: Искусство, 1957. С. 28.

отмечает В.С. Третьякова, несмотря на стереотипность и предсказуемость развития коммуникативного события, заданного фреймовым сценарием конфликта, конкретные речевые действия говорящего не являются стандартными, однотипными. В конфликтном поведении особенно ярко проявляется своеобразие языковой личности. Как известно, социальные и индивидуальные свойства личности формируют определенный устойчивый стиль коммуникативного поведения в конфликтных ситуациях, который характерен для того или иного типа личности. С позиций психолингвистического подхода стиль общения определяется как индивидуальная стабильная форма коммуникативного поведения человека, проявляющаяся в различных условиях взаимодействия, как в деловых, так и в личных отношениях, что находит свое отражение в избираемых приемах психологического влияния на людей, в методах разрешения межличностных и деловых конфликтов¹. Сформированный устойчивый индивидуальный стиль, во многом определяемый природными особенностями личности и реализуемый используемыми ею вербальными и невербальными средствами общения, свидетельствует об уровне коммуникативной компетенции говорящего субъекта.

Особый интерес для анализа стиля речевого поведения в межличностных отношениях имеет работа немецкого психолога К. Хорни, в основе которой лежит следующий тезис: человек прибегает к разным защитным стратегиям в обществе для достижения чувства безопасности и снижения тревоги. Каждой такой стратегии сопутствует определенная основная ориентация в отношениях с другими людьми: стремление к людям, или уступчивый тип; стремление отделиться от людей, или обособленный тип; агрессивное стремление, или враждебный тип². Все стратегии речевого поведения говорящего субъекта обслуживаются специфическими тактиками взаимодействия с партнером и формируют специфические черты стиля общения, придавая ему личностно-ценностный смысл.

Согласно И.Н. Борисовой, тип коммуникативной координации, обусловленный двумя основными факторами – типом взаимодействия иллокутивных намерений коммуникантов в процессе общения и характером модальных реакций в рамках интеракции, включающих

¹ Куницына, В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение: учеб. для вузов. СПб.: Питер, 2001. С. 422.

² Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. СПб.: Лань, 1997. 240 с.

тональность общения, тип оценочности и пр., определяет модус интегративности текста диалога, а именно его межличностную коммуникативную модальность. Автором предлагаются следующие типы коммуникативной координации: консенсность (согласие, гармоничность, иллокутивная и модальная согласованность), конформность (иллокутивная согласованность при модально-тональной нейтральности и незаинтересованности и пассивности одного из партнеров), полемичность (иллокутивная согласованность и сохранение нейтральной модальности при различии мнений) и конфликтность (рассогласованность, противоречивость, способная доходить до столкновения иллокутивных намерений и модальных реакций)¹.

В исследовании С.А. Сухих и В.В. Зеленской предлагаются 2 вида коммуникативной координации речевого поведения в зависимости от установки говорящего на или от партнера по общению – кооперативный либо конфликтный соответственно².

Таким образом, развитие коммуникативно обусловленных сценариев (даже в рамках заданного жанра) разнообразно: от гармоничного, кооперативного до дисгармоничного, конфликтного. Выбор того или иного варианта сценария зависит от типа личности участников конфликта, их коммуникативного опыта, коммуникативной компетенции, коммуникативных установок, коммуникативных предпочтений. Речевое поведение в конфликтном дискурсе характеризуется разнообразием форм, обусловленным спецификой норм и правил дискурсивной деятельности коммуникантов, однако в основе данного разнообразия лежат в большинстве случаев два основных вида стратегий, регулирующих речевое поведение коммуникантов, – кооперативные и конфронтационные. К конфронтационным стратегиям традиционно относят инвективную, стратегии агрессии, насилия, дискредитации, подчинения, принуждения, разоблачения и др. Для их реализации используются конфронтационные тактики угрозы, запугивания, упрёка, обвинения, издевки, колкости, оскорбления, провокации и др.

Несмотря на то, что кооперативность общения является несомненной коммуникативной ценностью, и, как совершенно справедливо отмечает Л. Кастлер, любой здравомыслящий участник

¹ Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 166–168.

² Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар: Изд-во Кубанск. гос. ун-та, 1998. С. 78.

коммуникации старается избежать рисков в общении¹, многими исследователями отмечается рост агрессивности, конфликтности во взаимоотношениях людей, тесно связанные с нарушением языковых, этических и коммуникативных норм в общении. В этой связи все большее значение приобретают исследования, посвященные изучению нормативных аспектов коммуникативного поведения. Как отмечает А.П. Сквородников, процесс этизации общественного сознания со всей очевидностью показал необходимость включения в понятие среды обитания человека культурно-исторических ценностей, что, в свою очередь, привело не только к расширению значения слова «экология» – «экология культуры», «экология истории», «экология нравственности», «экология мышления», «экология слова», «экология языка» и т.п., но и к возникновению новых научных направлений – социальной экологии, палеоэкологии, лингвистической экологии и др.²

Лингвистическая экология, или эколингвистика, как одно из наиболее перспективных научных направлений современного языкознания, объединившее в себе социальное (соотношение социальных и языковых структур в процессе развития мышления на разных ступенях этногенеза), психологическое (проблемы речевого воздействия) и философское (проявление в языке предельно общих свойств и закономерностей развития общества и познания) направления в лингвистике, изучает взаимодействие между языком, человеком как языковой личностью и окружающей средой³. Особое внимание в лингвоэкологических исследованиях уделяется как влиянию внешней среды через человека и социум на язык, так и влиянию языка на нравственный и духовный уровень общества. Язык при этом рассматривается как неотъемлемый компонент цепи взаимоотношений между человеком, обществом и природой, а функционирование и развитие языка представляются как особая экосистема.

Для сохранения и эффективного функционирования языковой экосистемы особое значение приобретает соблюдение не только

¹ *Кастлер Л.* Негативная и позитивная вежливость: различные стратегии речевого взаимодействия // *Агрессия в языке и речи: сб. науч. ст.* М.: Изд-во РГГУ, 2004. С. 9.

² *Сквородников А.П.* Лингвистическая экология: проблемы становления // *Филологические науки.* М.: Высшая школа, 1996, Вып. 6. С. 5.

³ *Кислицына Н.Н.* Эколингвистика – новое направление в языкознании. URL: <http://www.crimea.edu/tnu/magazine/culture/culture37/part1/zip/kislitsina.zip>

языковых, но и речевых, коммуникативных норм в общении. Интеракция, построенная в соответствии с принятыми в обществе нормами общения, определяется как «экологичная», направленная на кооперативное, унисонное протекание коммуникативного контакта.

К примерам «неэкологичного» использования языка традиционно относят неуместное и неправильное использование иноязычных слов, использование иностранных слов с неправильным референтом, стилистические нарушения, бюрократизацию языка и речи (экспансия канцелярского стиля), наплыв заимствований (преимущественно англицизмов), жаргонизацию и вульгаризацию речевого общения, легализацию сквернословия и др. Так, «неэкологичным» является использование первыми лицами государства в публичных выступлениях сниженной, инвективной лексики, ср.:

*«Все разговоры о том, что она свернута или у нас денег на это не хватает, – это все **брехня**: денег на поддержку села в бюджете заложено достаточно»* (выступление премьер-министра Д.А. Медведева на церемонии вручения государственных наград работникам агропромышленного комплекса).

Однако спектр лингвоэкологической проблематики является, по нашему мнению, более широким и не ограничивается вышеперечисленными примерами «неэкологического» употребления языковых единиц. Исходя из того, что коммуникативная среда обитания говорящего субъекта также подвержена влиянию Другого, диалогична по своей сути, такие факты нарушения коммуникативного мира *homo loquens*, как нанесение обид, оскорблений, пренебрежение, использование негативных оценок, неуважительное отношение, грубость и другие конфликтогенные формы речевого поведения, а также пути и средства их предотвращения или смягчения с необходимостью должны включаться в сферу исследовательских интересов этой новой научной парадигмы, расширяя интралингвальный аспект лингвоэкологических исследований.

К основным параметрам экологичной коммуникации можно отнести доброжелательность, стремление партнеров по коммуникации избегать негативных оценок личности собеседника, создание и сохранение общей позитивной, доброжелательной тональности общения, в обеспечении которых особую роль наряду с такими коммуникативными категориями, как вежливость, речевой этикет, играет категория коммуникативной толерантности.

Проблема толерантности возникает, как правило, в ситуациях конфликта, расхождения мнений, ценностных установок. Толерантность, определяемая как ценностная ментальная установка на терпимость к мнениям, убеждениям и формам поведения другого человека, предполагает наличие в сознании носителей языка правил толерантного поведения в общении, толерантной установки, базой которой является сформированность концепта *толерантность* в коммуникативном сознании говорящего субъекта¹. И.А. Стернин, анализируя концепт *толерантность* в русском языковом сознании, отмечает, что данный концепт находится пока в процессе становления в русской концептосфере, поэтому не имеет очерченной структуры и не может считаться общеизвестным и тем более общенациональным в отличие от английской лингвокультуры. Английское коммуникативное поведение свидетельствует, по мнению ученого, о сформированности категории толерантности, поддерживаемой большинством доминант английского коммуникативного стиля². В то же время толерантность относится, согласно И.А. Стернину, к ведущим чертам русского коммуникативного идеала. «Русское коммуникативное сознание ищет идеал в толерантном собеседнике, в таком, который выполнял бы роль внимательного, вежливого слушателя»³.

В исследованиях, посвященных анализу феномена толерантности, признается тесная связь толерантности и вежливости. Например, Н.И. Формановская отмечает, что и толерантность, и вежливость определяются как моральное качество человека, уважительно относящегося к другому, интериоризованное личностью в процессе его социализации. При этом толерантность, по мнению автора, заключается в запрете делать другому плохо, а основной постулат вежливости – делай другому хорошо⁴. В работе, посвященной анализу вежливости и толерантности как коммуникативных механизмов смягчения агрессивности в общении, Н.И. Формановская развивает эту идею, подчеркивая, что уважение в вежливости – это признание другого достойным, обладающим

¹ Стернин И.А. Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2003. С. 331.

² Там же. С. 334–339.

³ Стернин И.А. Русский коммуникативный идеал и толерантность. 2000. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book 2000/html_204/3-5.html

⁴ Формановская Н.И. Ритуалы вежливости и толерантность // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. С. 360.

высокими качествами, а в толерантности – признание равнодостоинством человека других убеждений, религии, цвета кожи и т.п.¹ Следует особо отметить, что самым действенным в толерантном речевом поведении является, по мнению Н.И. Формановской, умолчание – не замечай, не любопытствуй, не оскорбляй, не обижай и т.д., которое, как отмечалось выше, включается также и в парадигму эвфемистических средств смягчения. Тем самым толерантность входит в сознание и поведение, в том числе и коммуникативное, человека как механизм торможения, запрет делать другому плохо словом и делом².

Способность говорящего понять собеседника и предвосхитить его возможную реакцию определяется в психолингвистике и коммуникативистике термином «коммуникативная эмпатия», предполагающим не только идентификацию себя с собеседником, но и сопереживание ему³. Необходимость ориентировки в собеседнике непосредственно сводится к тому, как отмечает Я. Яноушка в своей работе «Социальная коммуникация», что инициатор общения строит свое общение в расчете на определенную реакцию со стороны партнера. Чтобы предвидеть эту реакцию, он должен, наряду с антиципацией содержания своего сообщения, антиципировать: а) отношение (установку) собеседника в отношении этого содержания; б) отношение (установку) в отношении себя; в) психологический эффект, который сообщение может оказать на собеседника⁴.

Феномен эмпатии в процессе межличностного общения играет особую роль в процессе установления причин, побуждающих говорящих прибегать к смягчению, которое детерминировано стремлением адресанта избежать возможных конфликтов в коммуникации, что самым непосредственным образом связано с предвосхищением возможной реакции адресата на потенциально конфликтогенные речевые действия. Вышеназванные факторы антиципации отношения собеседника к содержанию, самому говорящему и возможной психологической реакции адресата на высказывание учитываются говорящим в процессе отбора языковых и речевых средств в ситуациях возможных коммуникативных рисков, напр.:

¹ Формановская Н.И. Вежливость и толерантность как коммуникативные механизмы снижения речевой агрессии // Агрессия в языке и речи: сб. науч. ст.: ред. И.А. Шаронова. М.: РГГУ, 2004. С. 212.

² Там же. С. 214.

³ Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл, 1997. С. 200.

⁴ Цит. по: Леонтьев А.А. Психология общения. С. 200.

– *Что это такое?*

– *Препараты, которые должны быть у каждой женщины... ну... скажем так... не слишком юного возраста. Мы же понимаем, что мы не юные девицы!*

– *Понимаем, – согласилась Нина (Устинова).*

В данном диалоге одна из героинь романа Т. Устиновой, Ирина Петровна, рекомендует собеседнице использовать средства по уходу за кожей, которые особенно актуальны для женщин их возраста. Так как упоминание о возрасте является, согласно правилам этикета, проявлением бестактности и может задеть собеседницу, автор использует митигативные средства, а именно – литотную конструкцию *не слишком юного возраста*, рефлексив *скажем так*, предполагающий совместное авторство данной формулировки. Кроме того, Ирина Петровна подчеркивает также свою принадлежность к данной группе женщин, достигая тем самым эффекта вовлеченности адресата в свою личную зону, и использует инклюзивную формулировку *мы же понимаем*, что должно способствовать созданию необходимой доверительности общения. Стремление Ирины Петровны смягчить свою формулировку и правильно подобрать слова подтверждает также прием хезитации. Ответная реплика Нины, демонстрирующая согласие последней с предложением Ирины Петровны, подтверждает правильность выбранной адресантом стратегии и использованных средств.

В этой связи представляется совершенно справедливым утверждение А.А. Леонтьева о том, что ориентировка в личности собеседника является необходимым компонентом всякого целенаправленного общения, если оно не носит полностью формализованного характера¹.

Таким образом, несмотря на то, что конфликты вообще и коммуникативные конфликты в частности сопровождают нашу жизнь и неизбежны в процессе общения, поведение говорящего субъекта в конфликтных ситуациях могут с особой наглядностью продемонстрировать уровень коммуникативной компетенции последнего, его способность к эмпатии, а также сформированность его лингвоэкологической компетенции и конфликтологической культуры. Все это в целом проявляется в выборе кооперативных или конфронтационных стратегий и тактик, в экологичности vs неэкологичности коммуника-

¹ Леонтьев А.А. Психология общения. С. 203.

тивного поведения интерактантов, их умения или неумения минимизировать деструктивные последствия конфликтов, смягчить их негативные стороны, используя различные коммуникативные средства конструктивного урегулирования конфликта.

4.4. Методологический конфликт в герменевтике (Д.С. Ягудина)

Герменевтика традиционно противопоставляется методам познания в естественных науках на том основании, что она не признает единственной истины, а предполагает наличие множественности интерпретаций. Как пишет Ф. Шлейермахер, «всеобщей герменевтике трудно указать ее место... герменевтику можно мыслить только в связи с искусством, то есть философски, ...специальная герменевтика и по роду, и по языку есть только сумма наблюдений и не удовлетворяет ни одному научному требованию»¹.

Сегодня герменевтика является методологической базой для всего спектра гуманитарных наук. Тем не менее с определением и описанием самого понятия герменевтики имеются трудности ввиду его многослойности и неоднородности. «Герменевтика как искусство понимания еще не существует в общей форме, но только как множество специальных герменевтик»².

Кроме того, следует различить такие два подхода к герменевтике, как интуитивный и рефлексивный. Признает различные понимания герменевтики и П. Рикер. В своей монографии «Конфликт интерпретаций» он разделяет герменевтическую традицию на два парадигмальных подхода. Первый опирается на принцип «разоблачительного толкования», а второй – на принцип «подготовки для лучшего понимания»³. Иначе говоря, внутри общей гуманитарной герменевтической традиции сложилось несколько «частных» герменевтик, которые используют различные методологические базы, преследуют различные цели. Следовательно, возникают условия для появления конфликта интерпретаций внутри герменевтической традиции. Это конфликт способов интерпретации. Это когнитивный конфликт.

¹ Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004. С. 41–42.

² Там же. С. 41.

³ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2008. С. 104.

Каковы причины возникновения этого когнитивного конфликта? Одна из них – различие содержания таких понятий, как «понимание» и «истолкование» («интерпретация»). Понимание, согласно Г. Гадамеру, возникает не только в сфере рациональной рефлексии, оно относится к деятельности всего человеческого интеллекта. Можно сказать, что оно подобно художественному творчеству и состоит из двух частей – *непосредственного понимания* и *истолкования*¹. Непосредственное понимание связано с интуитивным постижением предмета – это «схватывание» его как целого. Интерпретация же, или истолкование, – это вторичный, оформляющий рациональный компонент, он связан с перекодировкой, переводом высказывания на другой язык. П. Рикер также различает интуитивное и рефлексивное понимание. Таким образом, понятия интерпретации и понимания (в узком смысле) разделяются по признаку рациональности/интуитивности.

Сторонники рефлексивной герменевтики говорят о рефлексии как об усилении, направленном на то, чтобы постичь его *ego cogito* сквозь призму его объектов, творений, актов, ибо позиция его выражается именно в его актах, ее следует опосредовать и объективировать. Сторонники интуитивной герменевтики – В. Дильтей и Г. Ноль – придерживаются того мнения, что жизнь дана человеку только в переживании, понимании и историческом постижении, смыслы разворачиваются только в жизни человека и в его истории². Они предлагают специфические методы понимания духовно-душевных опытов: биографический метод, принципы вживания, эмпатии, автобиографической интроспекции.

Итак, интуитивное понимание и рефлексивная интерпретация различны. Но является ли первичное интуитивное понимание герменевтикой? Возможно ли это безрефлексивно-интуитивное понимание, и является ли оно пониманием в строгом смысле слова или же это лишь некое чувство текста?

При восприятии текста на известном нам языке действительно возникает автоматическое понимание, которое происходит благодаря паттернам восприятия текста. Эти схемы восприятия и осмысления информации переходят из коллективной памяти в индивидуальную с помощью воспитания и обучения³. Если текст в целом соответствует

¹ Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 262–263.

² Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. СПб., 2004. С. 99.

³ Макаров А.И. Феномен надиндивидуальной памяти (образы – концепты – рефлексия). Волгоград., 2009. С. 49–50.

ситуации и не представляет собой чего-то неожиданного, не содержит новых слов или нетипичного их употребления, то он воспринимается безрефлексивно на основании прошлого опыта и языкового узуса. Тем не менее нельзя утверждать, что каждый человек постоянно занимается герменевтикой текста, хотя большую часть времени находится в речевом пространстве. Герменевтика появляется лишь тогда, когда появляется рефлексия, в том числе и над первичным интуитивным пониманием.

Таким образом, на наш взгляд, следует различать *первичное понимание* текста читателем, которое не является герменевтикой (так как оно не рефлексивно) и *истолкование*, или интерпретацию, которая требует техники толкования, т.е. является техникой и методом.

Следующим критерием для типологизации герменевтических подходов являются различные цели интерпретаций, связанные с принципиальным доверием/недоверием к тексту. Знаки языка символически, и поэтому необходим поиск в тексте скрытых за символической оболочкой смыслов слов. Это общая для двух подходов идея. Различие лежит в области признания/непризнания онтологической укорененности истинного слоя смыслов текста, открывающейся – пусть и бесконечно долго – истины. В христианской экзегетической традиции, откуда вышла герменевтика Нового времени, признается наличие в тексте Библии и текстах мира как второй священной книги некоего Смысла смыслов или истинного Слова¹. Эта установка на подготовку для лучшего понимания связана с доверием к тексту, признанием в нем наличия истинных смыслов при условии знания символических кодов, с помощью которых эти смыслы можно эксплицировать, отделив буквальное значение от символического.

Вторая установка – это установка на разоблачение, связанная с недоверием к автору и желанием вскрыть за буквальным смыслом тайные его мотивы и интенции. Так, П. Рикер, приводя в качестве примеров фрейдистскую и телеологическую интерпретации, обозначает следующие цели герменевтической работы – «разоблачение» текста, подготовку его для лучшего понимания. Как мы уже отметили, в любом случае признается необходимость поиска в тексте скрытых за символической оболочкой смыслов слов.

Эксплицирование глубинных смыслов происходит в так называемых «странных местах» текста. «Странные места» – это слова или

¹ Рабинович В.Л. Урок Августина: жизнь – текст // Августин Аврелий. Исповедь. Абельяр П. История моих бедствий. М., 1992. С. 229–258.

словосочетания в тексте, которые вызывают непонимание и к которым интерпретатор может задать вопрос. Поскольку, как мы выяснили выше, интерпретация обязательно включает в себя рефлексивную работу, при проведении интерпретации важным становится абстрагирование от первичного интуитивного понимания и создания ситуации непонимания. Непонимание в данном контексте является обязательным условием, необходимым для включения рефлексивного мышления, потому что до тех пор, пока у интерпретатора не возникает непонимания, он находится на стадии интуитивного понимания текста, а следовательно, к интерпретации он еще не приступил.

При поиске «странных мест» важно максимально абстрагироваться от мысли о понятности текста, при этом особое внимание уделяется текстовым фрагментам, которые выделяются на общем фоне. «Странные места» могут обнаружиться и на лингвистическом уровне (непонятное слово или необычное сочетание слов, синтаксическая конструкция, тропы или фигуры), и на смысловом (факты и идеи, о которых повествуется в тексте). При определении «странного места» к нему задается вопрос на прояснение, в ответ на который могут быть сформулирована гипотеза и дана интерпретация данного отрезка текста.

Таким образом, интерпретация текста начинается с вопроса, порожденного непониманием, которое можно было бы назвать «научным непониманием» или «рефлексивным непониманием» (в отличие от интуитивного непонимания по аналогии с пониманием). Оно является частью герменевтического метода и ведет к созданию гипотезы, интерпретирующей часть текста. Следует сказать, что «странным местом» может стать любая часть текста, и подобным методом задавания вопросов на прояснение можно истолковать каждое слово, однако выбор его, как правило, происходит в зависимости от целей и личного опыта интерпретатора. То есть «научное непонимание» может быть сконструировано специально для любой части текста, если это необходимо для целей герменевта, но может опираться и на первичное интуитивное непонимание.

Если взять за основу первую установку – веру в существование истинного смыслового слоя текста, то эксплицирование происходит через анализ социальных и культурных установок автора. Поскольку социальное и культурное пространство обладает не физическими характеристиками, а существует в смысловом мире, то для стороннего наблюдателя оно является невидимым, но может восприниматься опосредованно через поведение или тексты, в основе которых лежат социаль-

ные и культурные установки, конструирующие такие пространства. Например, для носителей мифов социальное и культурное пространство в физическом мире проявляется только через интересубъективные взаимодействия, которые в отличие от физических объектов не существуют в физическом пространстве и времени. В этих проявлениях существуют узнаваемые элементы, через которые интересубъективное становится реальностью в физическом пространстве и времени. Тексты, в которых эти проявления можно найти, как правило, в мифологических культурах являются закрытыми, так как в них содержится некое сакральное знание, и для расшифровки данного знания необходимо знание символических кодов, которыми сторонний наблюдатель не обладает. Подобные узнаваемые носителями мифа элементы, включенные в культурные ритуалы, являются знаками, наделены смыслом и лежат на границе физического и субъективного пространства. Оставаясь частью физического пространства (в данном случае текста), которое может быть воспринято сторонним наблюдателем, они частично располагаются в субъективном пространстве. Поэтому любые элементы физического пространства (текста) могут быть восприняты как знаки по ассоциации с другими переживаемыми знаками и их смыслами. Сторонним же наблюдателем они могут быть не распознаны вовсе или же восприняты как странное темное место.

Примером подобного явления из области художественных текстов является фантазмагоричность «петербургских текстов». «Петербургский текст» представляет собой комплекс литературно-художественных текстов, написанных в XIX – XX вв., «некий синтетический свертхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели»¹, представляющий собой структурное, семантическое и стилистическое единство. «Петербургский текст» транслирует «петербургский миф». Именно и только через него совершается прорыв в сферу символического и провиденциального. Фантазмагоричность петербургского текста заключается в описании странных событий, которые, однако, не могут быть трактованы как фантастические, а должны быть подвергнуты символическому толкованию. К ним относятся восприятие обыденных событий при измененных состояниях сознания (сны, видения, мороки, иллюзии и т.п.). Фантазмагория находится где-то между мистическим и бытовым, реальным и фантастическим.

¹ *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М., 1995. С. 275.

Прием символического толкования фантазмагорических сюжетов опирается на предположение о возможности наличия в тексте некоего мифологического смысла, исходящего от носителя мифологического сознания (в данном случае – от носителя некоего «петербургского мифологического сознания»). Для носителей мифа все фантастическое, невероятное, фантазмагорическое является не выдумкой и даже не художественной условностью, но некой мистической пробивкой к высшим слоям реальности, объясняющей видимую сторону мира и вскрывающей невидимый «телесными очами» механизмы мироустройства. Эти нелепые и невозможные с точки зрения стороннего наблюдателя происшествия распознаются носителями мифа как знаки, организующие культурное пространство.

Однако если подойти к таким «странным местам» в тексте, как, например, фантазмагоричность, со второй установкой – на разоблачение без пресуппозиции о наличии сакрального смысла и некоего символического кода, можно прийти к совершенно иной интерпретации.

Итак, мы рассмотрели конфликт интерпретаций герменевтических принципов, установок герменевтов. Однако этим он не исчерпывается. Еще один предмет спора герменевтов – идея т.н. «правильной интерпретации». Существует понятие «правильной» интерпретации, которое предполагает, что какое-то одно истолкование имеет преимущество над другими. Конечно, речь идет об относительной правильности. Мысль о правильной интерпретации, имеющей абсолютное преимущество перед другими и, следовательно, единственной, может быть отклонена, так как сама природа языка изначально является символической и ведет к неотъемлемому появлению полисемии. Ситуация, когда одно и то же слово в языке имеет несколько значений, является нормой. Однако для нормального функционирования языка необходимо фильтровать эти значения, делать между ними выбор. Подобным фильтром в языковой реальности служит речь. Идеальная речь организована таким образом, что все «лишние» значения слова в данном контексте отсеиваются, оставляя один «правильный». На практике это происходит далеко не всегда, и нередко полисемия проникает из языка в речь.

Следующим фильтром смыслов является личный опыт читателя. Как справедливо замечает П. Рикер, интерпретация находится на стыке лингвистического и нелингвистического, языка и жизненного

опыта¹. Таким образом, та многозначность, которая, несмотря на первичные речевые фильтры, проникает в текст, может быть сведена на нет в рамках конкретного дискурса или жизненного опыта.

Следовательно, о «правильной» интерпретации мы можем говорить только как об интерпретации, которая имеет относительное преимущество перед остальными в том или ином контексте (дискурсе). Остается сказать о распространенной пресуппозиции ученых-литературоведов, что «правильная» интерпретация – это «то, как думал автор», то есть изначальное понимание автором своего текста и те смыслы, которые он в него закладывал. На наш взгляд, совершенно не важно, в каком контексте был написан тот или иной текст, и понимание автора (даже если его можно восстановить) никоим образом не получает абсолютного преимущества перед всеми остальными толкованиями, а только относительное – в контексте, к примеру, биографического или творческо-генетического метода.

Таким образом, конфликт интерпретаций, предполагающий борьбу интерпретаций за преимущество и статус «правильной», носит локальный дискурсивный характер и происходит при смешении различных контекстов. Для людей, находящихся в непересекающихся контекстах (к примеру, носителей разных языков), конфликт интерпретаций не возникает. Не возникнет он и для находящихся внутри единого контекста (насколько таковой возможен, ибо всегда есть некоторые различия в личном опыте и образе мышления). К примеру, христианская и фрейдистская интерпретации литературного произведения могут быть опубликованы в одной книге, как принадлежащие к разным дискурсам. С точки зрения культурологии они одинаково ценны, и для культуролога не вступают в борьбу. Но внутри одного из этих двух дискурсов обязательно есть «правильная» интерпретация и «неправильная» для самих носителей этих дискурсивных практик. Здесь мы видим, что конфликт интерпретаций является примером борьбы за место в иерархии, за статусное преимущество.

Итак, герменевтика представляет собой арену борьбы атакующих друг друга проектов. В каком же пространстве происходит эта борьба?

В нашем представлении, место конфликта интерпретаций находится исключительно в речевом пространстве (во внутренней или внешней речи) в отличие, скажем, от конфликта социального, местом которого является социальное пространство, или территори-

¹ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. С. 106.

ально-политического, располагающегося в пространстве геополитическом. Конфликт интерпретаций появляется только тогда, когда у интерпретации есть субъект и когда он сталкивается с другим субъектом в пространстве речи. Эти субъекты разнятся в зависимости от типа пространства.

Следует сказать, что существуют различные мнения по поводу того, что является причиной конфликта интерпретаций. Так, П. Рикер считает, что причина не в структуре двойного смысла и полисемии, но в способе его раскрытия и целях обнаружения¹. Однако, опираясь на опыт структуралистской интерпретации художественных текстов модернизма и постмодернизма, а также на работы М.М. Бахтина и М. Липовецкого, следует сказать, что возможно целенаправленное конструирование текста таким образом, чтобы вызвать две и более противоречащих друг другу интерпретаций у читателя.

Одним из первых примеров подобных конструкций являются романы Ф.М. Достоевского. Согласно М.М. Бахтину, их диалогическая природа заключается в том, что в тексте не происходит трансляция какой-то единой идеологии (например, идеологии автора). В романах сталкиваются несколько идеологических систем, принадлежащих различным сознаниям героев. В самой структуре романа не заложено преимущество ни для одной из них, то есть автор не говорит, какая из них «правильная» и имеет преимущество, для него они одинаково ценны. И вместо попытки выяснить, «что думал автор», читателю приходится делать самостоятельный выбор, какой интерпретации отдать преимущество.

В литературе постмодернизма структура текстов приобретает еще более «конфликтный» характер вплоть до того, когда каждое слово подбирается таким образом, чтобы максимально нивелировать речевой фильтр и, следовательно, дать возможность для максимального количества интерпретаций. Трудности интерпретации подобных текстов ведут за собой проблематичность, а порой и невозможность их перевода на другие языки. Примером может служить текст романа Дж. Джойса «Поминки по Финнегану». Конфликт интерпретаций зависит не только от интерпретатора, но и от автора и структуры текста, хотя в традиционной герменевтике, как правило, принято уделять внимание восприятию текста и его декодированию, нежели написанию и кодировке.

¹ См.: Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. С. 107.

Таким образом, конфликт интерпретаций происходит, когда в речевом пространстве сталкиваются два и более субъекта интерпретаций, претендующих на то, чтобы их интерпретация имела некое относительное преимущество в том или ином контексте. Причиной подобного конфликта могут стать такие явления, как различные цели, пресуппозиции и методы субъектов, внутридискурсивная борьба за место в иерархии. Кроме того, конфликту интерпретаций способствуют сама природа языка и символическая природа языкового знака, а также сама структура текста. Мы выделяем особый тип конфликта интерпретаций – методологический конфликт, связанный с методологическим расслоением герменевтики. Выделение подобного типа конфликта позволяет взглянуть на понятие конфликта интерпретаций с новой стороны – не как на конфликт результатов рефлексивного осмысления текстов, но как на столкновение процессов истолкования и субъектов интерпретации, их целей и, следовательно, ценностей.

4.5. Цветовая визуализация конфликта в юридическом тексте как способ предотвращения социального конфликта¹ **(В.А. Летяев, Г.Г. Егоров)**

Цвет как ресурс эмоционального воздействия используется человеком очень давно. Еще в первобытные времена люди наделяли цвет свойствами, имеющими символическое значение, в том числе использовали его как ресурс преобразования конфликта через сакральную сферу. Помимо этого, цвет – «одна из категорий познания мира, которая находится наравне с другими категориями, как пространство, время, движение, а также является одним из ключевых культурных концептов. У каждого народа с древнейших времен цвет являлся одним из средств осмысления мира. Он служил обозначением наиболее важного в природе и наиболее ценного в человеке. Будучи одной из древнейших категорий познания, цвета приобрели символическое значение»². Именно в сакральной архетипической сфере конфликт «перерождался» и инверсировался в позитивное русло. Помимо этого, цвет применялся и в противоположных целях – как ресурс детонации конфликта, его преобразования в знамя конфликта. Маркированность эмоциональной сферы цветом исследована в работах С.Л. Рубинштейна, М. Люшера, Ж. Агостона, И. Догеля, Е.П. Кожевникова, М. Сент-Джорджа, В. Уолтона, Р. Франсэ и др.³

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0955 по теме «Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития (Среднее Поволжье XIX – начала XXI вв.)», и является переработанной частью авторского текста, включенного в монографию: Летяев В.А., Егоров Г.Г. Коррупциогенные угрозы в нормативных актах субъекта Федерации (Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011), изданной при поддержке РГНФ и администрации Волгоградской области, проект № 10-03-2031 а/В.

² *Бакеева Д.А.* Символика цвета в разнообразных культурах мира: мифологический этап // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20), ч. II. С. 30–33. См. также: *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: ОГИЗ, 1937. 518 с.; *Тэрнер В.И.* Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.; *Фролов Б.А.* Предыстория символа // Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 86–128.

³ См.: *Бабайцев А.В.* Политический символизм цвета // Известия ВГПУ. 2007. № 3. С. 56.

Цветовая маркированность широко используется в разных сферах общественной жизни и сейчас. Красная и Белая армии в период Гражданской войны в России, «Оранжевая революция», белый цвет протестного движения в России второй половины 2011–2012 гг. – символы общественных умонастроений начала XX и начала XXI вв. и т.д.¹

Одной из задач учрежденного в Киеве международного правозащитного движения «Мир без нацизма» является создание международной системы «раннего предупреждения» – мониторинга и профилактики возникновения и распространения нацистских идей и действий. Председатель Совета движения, российский политик, член Совета Федерации Борис Шпигель, отметил, что «...движение будет внимательно отслеживать динамику развития угрозы неонацизма в той или иной стране, и, возможно, для оперативного реагирования мы введем систему рейтинга, присваивая каждой стране определенный цветовой уровень угрозы, подобно тому, как обозначаются уровни террористической опасности в ряде стран мира». Подобная карта мира будет, по мнению организаторов, наглядным индикатором угрозы распространения «коричневой» опасности².

Цветовая визуализация используется как в правотворческой, так и в правоприменительной деятельности. Упомянем только несколько сфер общественных отношений, в которых право выступает в качестве регулятора. Это сфера «права человека и цвет кожи», «цвет в дорожных знаках», «теневое право». В США в водительских удостоверениях рядом с фото содержатся физические характеристики предъявителя: цвет глаз и кожи. Существуют юридически регламентированные профессиональные ограничения для врачей, водителей, моряков, летчиков страдающих дальтонизмом (в России, Турции, Румынии водительские права лицам, имеющим дальтонизм не выдаются).

С целью предотвращения угрозы причинения вреда здоровью человека введена цветовая маркировка товарных знаков с соответствующим правовым регулированием. Так, согласно пункту 3 статьи 1484 ГК РФ никто не вправе использовать без разрешения правообладателя сходные с его товарным знаком обозначения в отношении товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, или однородных товаров, если в результате такого использования возникнет вероятность смешения. Критерии определения сходства обозначений ус-

¹ См. подр.: *Кобылинский В.В.* Цвет оппозиции в палитре СМИ // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 2. 2007. С. 211–213.

² URL: <http://jewish-info.ru/>(дата обращения: 25.11.2012).

тановлены Правилами составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания, утвержденными Приказом Роспатента от 05.03.03 № 32 (далее – Правила). При оценке сходства комбинированных обозначений сопоставляются в том числе словесные и изобразительные элементы по признакам, регламентированным пунктами 14.4.2.2, 14.4.2.3, 14.4.2.4 Правил, а также устанавливается значимость положения, занимаемого тождественным или сходным элементом. Между тем в юридической литературе проблематика цветовой визуализации права не исследована, хотя и имеет значительный потенциал в части усиления правовых средств воздействия на регулирование общественных отношений.

А.Д. Бирючевский, В.А. Спиридонов, А.И. Жолобов, И.Е. Исхакова привлекли внимание к проблематике восприятия и оценки цвета в судебной медицине¹.

В США существует система оповещения о терактах, которая представляет собой цветовую шкалу, где каждый из пяти цветов представляет соответствующий уровень террористической опасности – от «низкого» зеленого до красного «серьезного». Подобный способ оповещения граждан о возможных терактах был введен в США после событий 11 сентября 2001 года. Так, в американских аэропортах по громкой связи объявляют цвет, которым в данный момент характеризуется уровень террористической опасности. Щиты с цветовой шкалой устанавливаются на оживленных магистралях и в людных местах. К этой системе американцы предъявляют претензии в той части, что она пугает американцев, но не учит, что делать. Подобные правила введены также в Великобритании, Франции, Израиле и Японии. Система обозначения уровней террористической угрозы была введена и в России. Такие поправки в закон «О противодействии терроризму», в соответствии с которыми в стране будет введена трехуровневая система предупреждений о террористической опасности, были внесены еще в период президентства Д.А. Медведева в мае 2012 г. Утверждены следующие уровни опасности: повышенный (его обозначат синим цветом), высокий (желтый) и критический (красный).

¹ Бирючевский А.Д., Спиридонов В.А., Жолобов А.И. и др. Проблемы восприятия и оценки цвета в судебной медицине // Проблемы экспертизы в медицине: научно-практический журнал. 2009. Т. 9, № 2/3. С. 37–39. См. также: Шишкин Е.Ю. Цифровые технологии исследования изображений как средство судебно-медицинской диагностики повреждений кожи: автореф. дис. ... докт. мед. наук. М., 2005.

Порядок установления этих уровней и введения дополнительных мер по обеспечению безопасности определен уже президентом В.В. Путиным в июне 2012 г. Таким образом, в сфере национальной безопасности России ресурс цветовой маркированности уровней угроз уже используется. И он может быть расширен на другие сферы правовой регламентации, например на сферу юридической техники, на создание качественной нормы права, через цветовую маркировку коррупциогенных угроз норме права.

Так, опыт проведения антикоррупционной экспертизы административно-правовых актов одного из субъектов Российской Федерации – Волгоградской области – привел нас к целесообразности введения для сферы информационного мониторинга коррупциогенности норм понятия «цветовая маркированность коррупциогенных угроз»¹.

Мы исходили из того обстоятельства, что визуализация коррупциогенных угроз качеству нормы права позволяет увидеть ранее не привлекавшие внимания исследователей аспекты, определить при проведении такой экспертизы «температуру» социального конфликта путем цветовой маркировки уровня угрозы качеству нормы права.

В этом плане при продвижении цветовой маркированности в сферу юриспруденции мы не одиноки. Подобный подход эффективно применяется в политологии. Как отметила А.М. Никифорова, «жизнь цвета в политике – факт современной социальной действительности. Многообразие цветовых форм, присутствующих в политическом дискурсе, объясняется необходимостью «продвигать» политический продукт»². По существу, отмечает автор, цвет как элемент визуального дискурса помогает выстраивать коммуникативную ситуацию в нужном адресанту русле³. Использование таких стереотипных визуальных маркеров («автоматизмов в мышлении») направлено для лучшего (символического, краткого и емкого) восприятия гражданским обществом результатов антикоррупционной экспертизы, способствует более активному ис-

¹ *Летяев В.А.* Цветовая маркированность коррупциогенных угроз качеству нормы права // Вестник СГАП. 2012. № 4. С. 11–16.

² *Никифорова А.М.* Политически окрашенные цвета в США // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. № 4. С. 232.

³ Там же. С. 239. См. также: *Гуревич П.С.* Стереотипы в политике. URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype14.htm> (дата обращения: 25.11.2012); *Липпман У.* Общественное мнение: пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 98; *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики: учеб. пособие. Смоленск: Изд-во Смоленского гуманитарного ун-та, 1997. С. 187.

пользованию универсального цветового потенциала архетипических стереотипов, хранящихся в общественном сознании.

Для этого был применен следующий критерий цветовой маркированности уровня коррупциогенных угроз (использовались универсальные для всех жителей Земли архетипические четыре цвета по М. Люшеру, которые представляют главные психологические потребности человека)¹:

- нормальный/незначительный – зеленый (до 10%);
- повышенный – синий (от 10% до 25%);
- высокий – желтый (от 25% до 50%);
- критический – красный (более 50%).

Введение цвета в качестве визуализации коррупциогенных угроз имело адресатом не столько правотворческие органы, сколько институты гражданского общества, которое вправе рассчитывать на эффективность борьбы с коррупцией. Считаем, что введение цветовой маркировки как инструмента визуализации впечатления от результатов антикоррупционной экспертизы такой эффективности будет способствовать. Ведь обычный гражданин не разбирается в методике определения коррупциогенности актов. Но он хочет знать какова степень коррупциогенной угрозы для него и общества от реализации принимаемого нормативного акта. Такая информированность будет отвечать его гражданским правам и подвигать власть на изменение коррупциогенных актов под влиянием общественного мнения.

По существу мы имеем здесь дело с продвижением политической рекламы для формирования правовой культуры в обществе, создания правового государства. Ведь сама реклама предназначена для того, чтобы пробудить внимание, вызвать интерес, разбудить желания, сделать предложение убедительным, повлиять на человеческое поведение. По мнению психологов 60% ее успеха зависит именно от цветового решения, которое соответствует реакции человека в зависимости от его эмоционального состояния, формирует его эмоции².

Выбор в качестве объекта нашего исследования именно Волгоградской области был связан с заинтересованностью и поддержкой такой работы со стороны администрации области, депутатского сообщества, общественных организаций и Российского гуманитарного

¹ Люшер М. Цвет вашего характера. М., 1996.

² Попова Ж.Г. Психология цвета в печатной рекламе // Маркетинг в России и за рубежом. 2000. № 4. URL: <http://www.cfin.ru/press/marketing/2000-4/12.shtml> (дата обращения: 25.11.2012).

научного фонда, в рамках проекта «Волжские земли в истории и культуре России»¹.

Волгоградская область по данным на ноябрь 2010 г. занимает в Российской Федерации 2 место по числу принятых нормативно-правовых актов органов власти в сфере борьбы с коррупцией. При этом на март 2011 г. область она уже занимала паритетное (наравне с Ростовской и Новгородской областями) 4 место². Для исследования на основании депутатского запроса нами были отобраны правовые акты, которые максимально связаны со сферой непосредственных прав граждан РФ, проживающих в Волгоградской области, и которые по общей практике для субъектов Российской Федерации подвержены влиянию коррупциогенности.

В качестве методологической основы экспертизы были использованы коррупциогенные критерии, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»³ (12 критериев). Данный перечень не является полным, его нужно расширить для более объективного анализа исследуемых актов. Как известно, количество коррупциогенных факторов, выделенных Торгово-промышленной палатой Саратовской области, составляет 25 элементов. При этом следует отметить, что некоторые критерии, выделенные Правительством РФ, в этой методике были признаны малозначительными и включены как элементы иных факторов, в частности: 1) выборочное изменение объема прав; 2) заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий; 3) злоупотребление правом заявителя органами государственной власти или органами местного самоуправления.

Отобранные нами для мониторинга акты имеют широкий интервал по времени их действия – с 1995 по 2009 гг. – и охватывают 4 ос-

¹ Мониторинг коррупциогенных угроз проводился с использованием нормативных актов одного из субъектов Федерации (Волгоградская область). Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ совместно с администрацией Волгоградской области в рамках научно-исследовательского проекта «Антикоррупционная экспертиза действующих административно-правовых актов Волгоградской области», проект № 10-03-20301 а/В.

² Данные были сформированы на основе справочной правовой компьютерной экспертной системы LEXPro (на март 2011 г.).

³ См.: Российская газета. 2010. № 46, 5 марта.

новых области правового регулирования: 1) землепользование; 2) жилищный фонд; 3) окружающую среду и природопользование; 4) градостроительство и архитектуру¹.

Всего была проведена правовая экспертиза 41 акта с учетом цветовой маркированности степени коррупциогенных угроз качеству норм права в сфере исследуемых правоотношений. Критерием интеграции цвета для оценки уровня угроз предлагается математическая зависимость количества «чистых» норм права, то есть без коррупциогенных норм, по отношению к нормам содержащим коррупциогенные факторы (рис. 1).

Процентное соотношение коррупциогенный норм

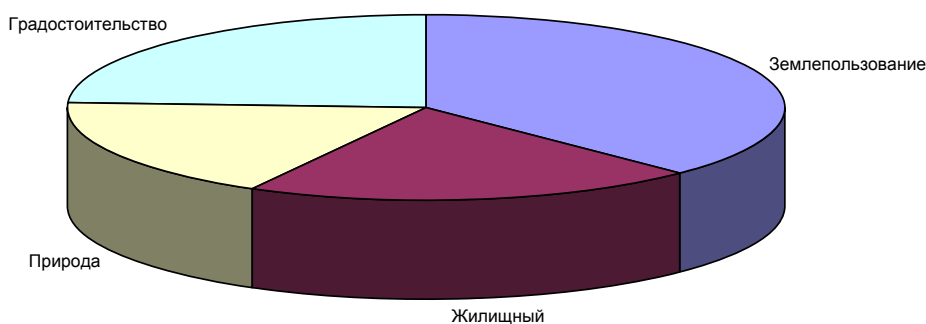

Рис. 1

В каждой из исследуемых видов правоотношений были выявлены правовые акты, содержащие невысокий уровень коррупционности (до 10%). При этом в области «Окружающей среды и природопользования» таких актов наибольшее количество, а в области правового регулирования «Жилищного фонда» оказалось наименьшее (рис. 2).

¹ См. приложение.

Зелёная степень цветовой угрозы по направлениям

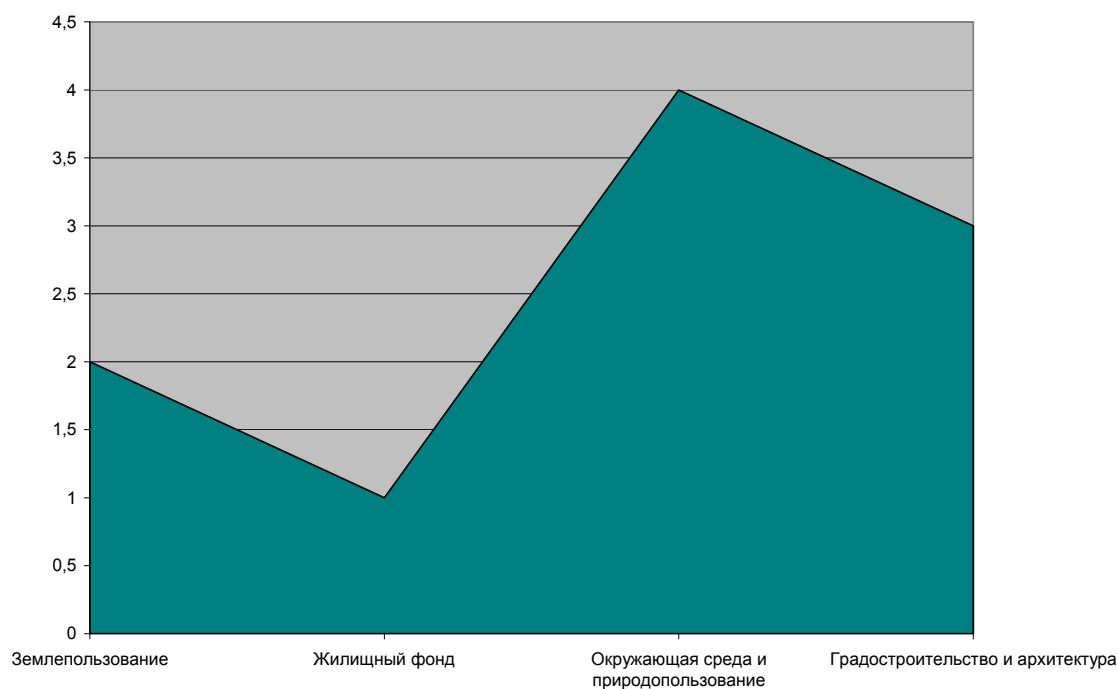

Рис. 2

При выявлении нормативных актов во второй цветовой степени угрозы (синей) в каждой исследованной сфере правоотношений были определены такие акты. При этом в области «Жилищного фонда» их наблюдается наибольшее количество, а в области регламентации «Землепользования» наименьшее (рис. 3).

Синяя степень цветовой угрозы по направлениям

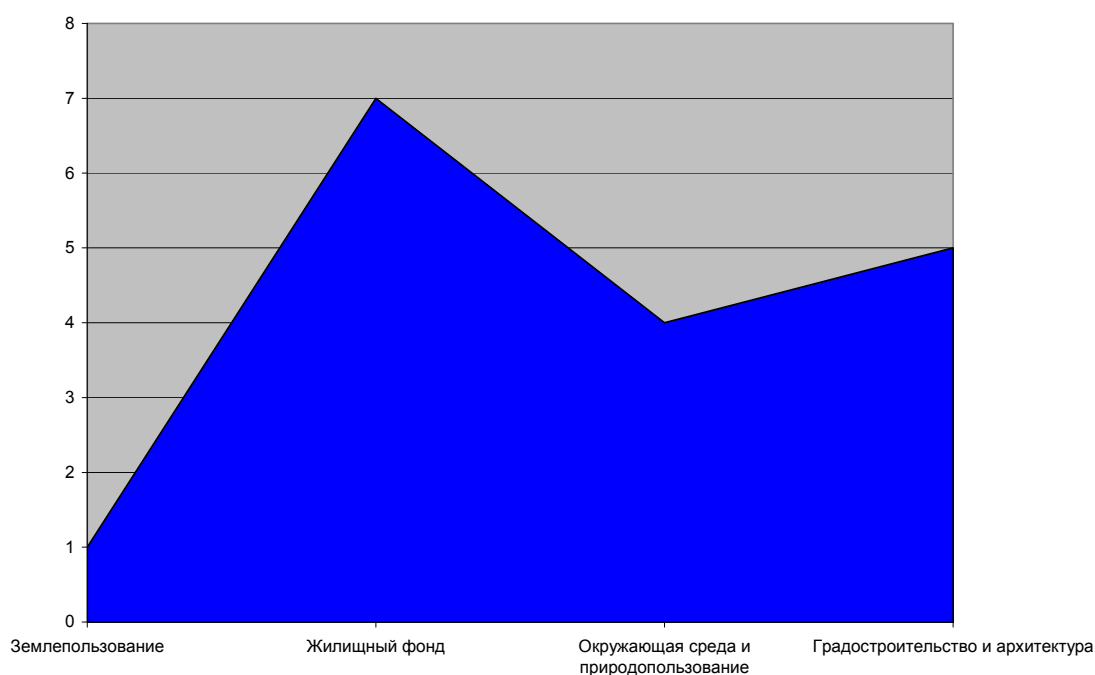

Рис. 3

Что касается наиболее опасных при реализации права цветových категорий (желтая и красная), то в зоне «высокой опасности» оказались правоотношения в следующих сферах: «Землепользование», паритетные «Жилищный фонд» и «Окружающая среда и природопользование».

Желтая степень цветовой угрозы по направлениям

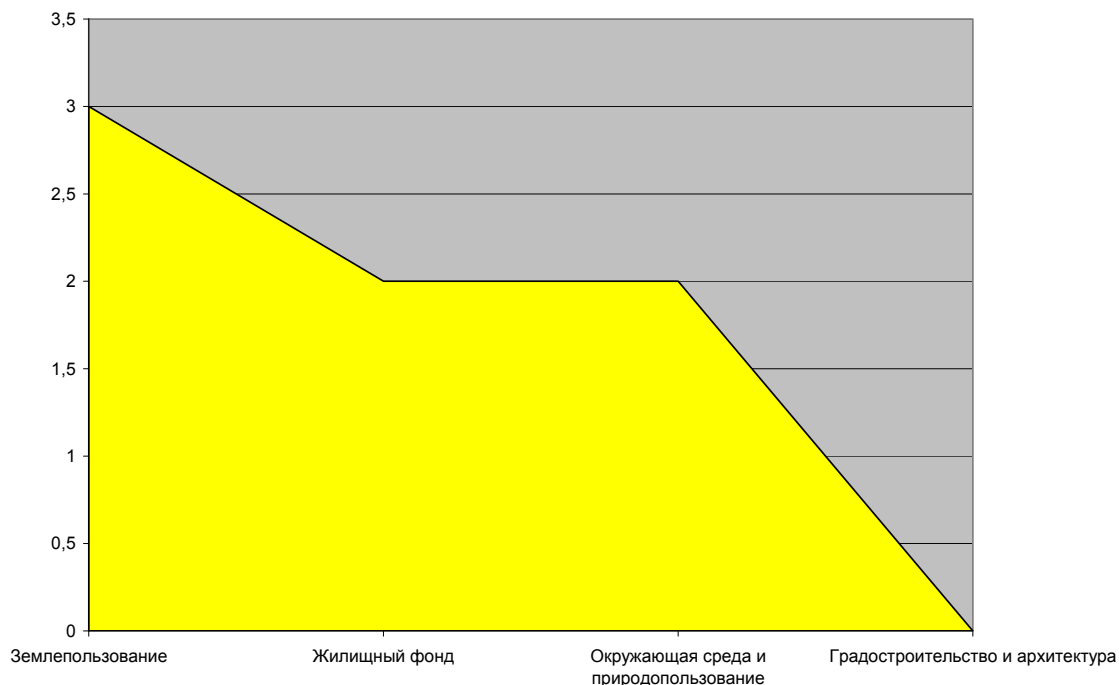

Рис. 4

Красная степень цветовой угрозы по направлениям

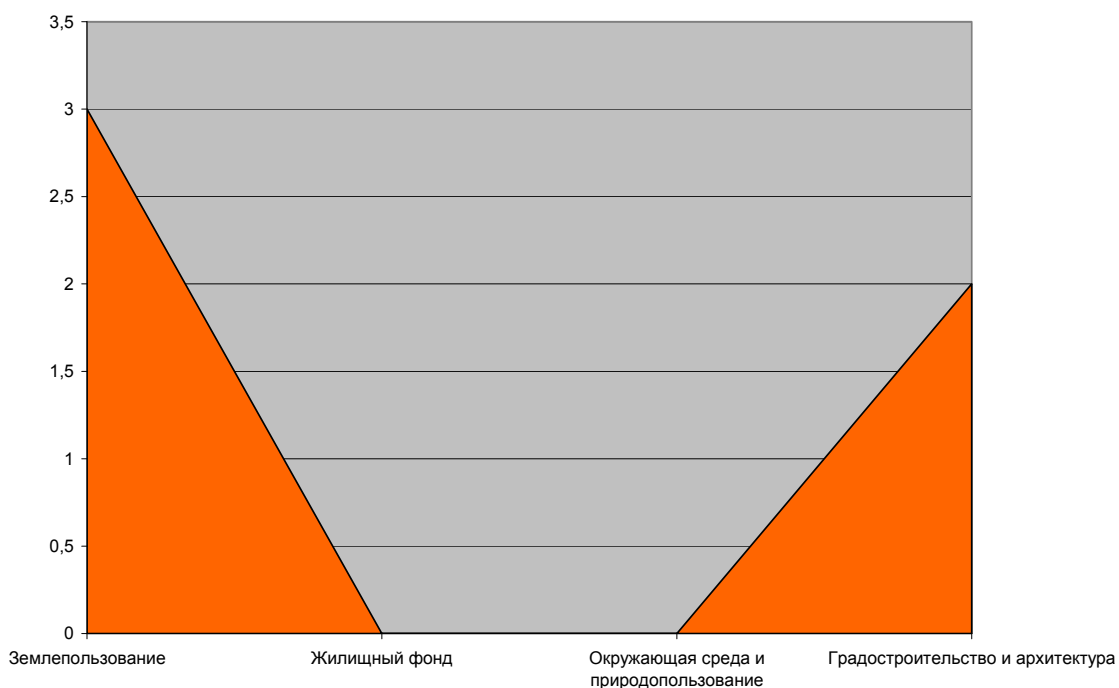

Рис. 5

Наивысшая степень коррупциогенных угроз – «Красная» (более 50%). На наш взгляд, нормы в этой сфере угроз должны быть подвергнуты полному пересмотру. Это касается сфер: «Землепользования» и «Градостроительства и архитектуры». Ни в области «Жилищного фонда», ни в области «Окружающей среды и природопользования» нами не было выявлено норм, настолько сильно подвергнутых коррупциогенным угрозам и коррупционным рискам (рис. 6).

Рис. 6

Ниже представлена объединенная диаграмма, отражающая цветовую маркированность степени коррупциогенной угрозы качеству норм права в исследованных нами сферах правовых отношений.

Общий уровень выявления коррупционных факторов по областям

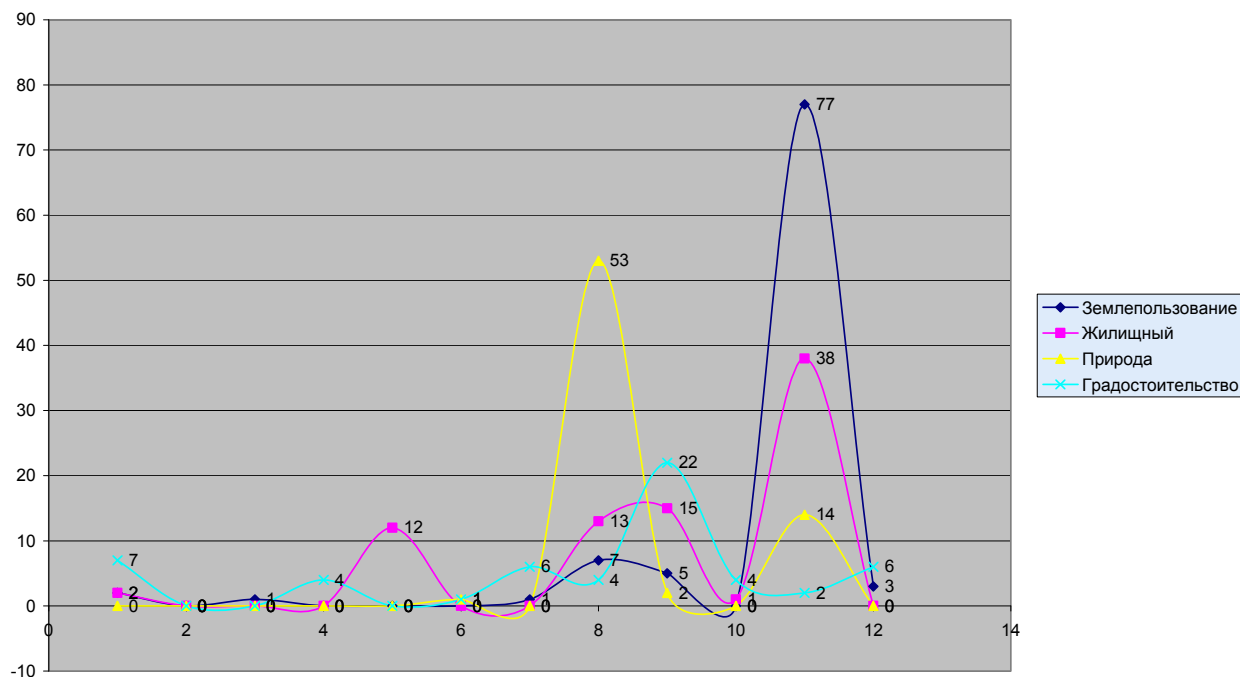

Рис. 7

На основе вышепредставленной диаграммы (рис. 7) можно сделать вывод о наличии множества сходных проблем у законодательных органов власти при формировании правовых предписаний, поскольку всплески активности по всем четырем сферам практически совпадают, различием являются лишь уровни такой активности.

Наибольшее количество коррупционных норм было выявлено по следующим коррупционным факторам/критериям:

1. Чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества – наличие бланкетных и отсылочных норм
2. Отсутствие или неполнота административных процедур
3. Отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения

При выявлении иных коррупционных критериев наблюдаются колебания в рамках отдельных видов правоотношений, что не позволяет сделать безусловный вывод о наличии данных критериев именно в большинстве исследуемых сфер правового регулирования.

Примечательно полное отсутствие в исследованных нормативных актах Волгоградской области такого коррупционного критерия, как заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий.

Рис. 8

Следует также отметить важность учета уровня реакции нормотворческих органов на коррупциогенные нормы (рис. 8). Примечательно, что чем выше степень реакции власти на присутствующие коррупциогенные нормы, тем меньшая степень коррупциогенной угрозы может быть присвоена данному акту. В Волгоградской области на текущий момент наблюдается 100% уровень реагирования в сфере «Окружающей среды и природопользования» и 50% в области «Градостроительства и архитектуры».

Приложение

Нормативно-правовые акты и методики

Методика мониторинга эффективности регионального законодательства и практики правоприменения / Торгово-промышленная палата Саратовской области. – Саратов, 2009. – URL: <http://anticorr.sartpp.ru/doc's/method2.pdf>

Временный порядок принятия решения о переводе жилых помещений в нежилые помещения и нежилых помещений в жилые помещения на территории Волгограда. Утвержден постановлением администрации Волгограда № 540 от 31 марта 2005 г.

Временный порядок согласования реконструкции нежилых помещений, находящихся в жилых и нежилых зданиях, строениях, сооружениях на территории Волгограда. Утвержден постановлением администрации Волгограда № 1789 от 29 сентября 2005 г.

Правила землепользования и застройки Городского округа – город Волжский Волгоградской области: городское Положение № 480-ВГД от 15 октября 2009 г.

Закон Волгоградской области о жилищно-коммунальном хозяйстве Волгоградской области. Принят областной Думой 18 ноября 2004 г.

Закон Волгоградской области о жилищном фонде Волгоградской области № 1591-ОД от 15 ноября 2007 г.

Закон Волгоградской области о порядке ведения органами местного самоуправления учета граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма в Волгоградской области. Принят Волгоградской областной Думой 20 октября 2005 г. (в ред. Законов Волгоградской области от 07.04.2008 № 1652-ОД, от 29.12.2008 № 1830-ОД).

Закон Волгоградской области об отборе муниципальных образований и инвестиционных проектов для участия в подпрограмме «Обеспечение земельных участков коммунальной инфраструктурой в целях жилищного строительства» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002 – 2010 гг. Принят Волгоградской областной Думой 24 мая 2007 г.

Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации на территории Волгоградской области: Закон Волгоградской области № 1908-ОД от 1 июля 2009 г.

О недропользовании на территории Волгоградской области: Закон Волгоградской области № 89-ОД от 15 ноября 1996 г.

Об обороте земель сельскохозяйственного назначения в Волгоградской области: Закон Волгоградской области № 855-ОД от 17 июля 2003 г.

Об охране окружающей среды Волго-Ахтубинской поймы: Закон Волгоградской области № 167-ОД от 17 апреля 1998 г.

О служебных наделах на территории Волгоградской области: Закон Волгоградской области № 1770-ОД от 17 ноября 2008 г.

О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую на территории Волгоградской области: Закон Волгоградской области № 1266-ОД от 28 июля 2006 г.

О предоставлении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в собственность граждан бесплатно: Закон Волгоградской области № 809-ОД от 4 апреля 2003 г.

Об использовании лесов на территории Волгоградской области: Закон Волгоградской области № 1650-ОД от 7 апреля 2008 г.

Об особо охраняемых природных территориях Волгоградской области: Закон Волгоградской области № 641-ОД от 7 декабря 2001 г.

Положение о комиссии по подготовке проекта правил землепользования и застройки городского округа город-герой Волгоград № 228 от 12 февраля 2008 г.

О Департаменте по охране окружающей среды и природных ресурсов Администрации Волгограда: положение № 33/725 от 6 июля 2006 г.

О комитете Волгоградской Областной думы по аграрной политике и природным ресурсам: положение № 2/26 от 26 марта 2009 г.

О положении о комитете по градостроительству и архитектуре Волгограда: постановление Администрации города Волгограда № 160 от 18 февраля 2004 г.

О создании службы (отдела) территориального (градостроительного) кадастра города при комитете по градостроительству и архитектуре администрации Волгограда: постановление Администрации города Волгограда № 1038 от 3 сентября 1997 г.

Об утверждении перечня должностных лиц комитета по градостроительству и архитектуре Волгограда, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 27, 29 – 37, частями 1, 3 статьи 38, статьями 39, 51 кодекса волгоградской области об административной ответственности, на территории Волгограда: постановление Администрации города Волгограда № 1841 от 30 сентября 2005 г.

Об утверждении документов, регламентирующих деятельность органов градостроительства и архитектуры Волгограда: постановление Администрации города Волгограда № 378-п от 4 мая 1995 г.

Об отмене постановлений администрации Волгограда № 470 от 25 марта 2005 г. «О муниципальном архитектурно-строительном контроле на территории Волгограда», № 1835 от 30 сентября 2005 г. «Об утверждении положения об инспекции городского архитектурно-строительного контроля Волгограда комитета по градостроительству и архитектуре Волгограда» и о внесении изменений в перечень должностных лиц комитета по градостроительству и архитектуре Волго-

града, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 27, 29 – 37, частями 1, 3 статьи 38, статьями 39, 51 Кодекса Волгоградской области об административной ответственности, на территории Волгограда: постановление Администрации города Волгограда № 789 от 5 апреля 2006 г.

Об утверждении положения о комитете природных ресурсов и охраны окружающей среды Администрации Волгоградской области: постановление главы Администрации Волгоградской области № 1693 от 10 декабря 2008 г.

О порядке выявления самовольного строительства на территории Волгоградской области: постановление главы Администрации Волгоградской области № 1370 от 12 ноября 2009 г.

Об утверждении Положения о главном управлении архитектуры и градостроительства Администрации Волгоградской области: постановление главы Администрации Волгоградской области № 166 от 20 февраля 2006 г.

О внесении изменений в положение о комитете по градостроительству и архитектуре Волгограда: постановление главы Волгограда № 227 от 12 февраля 2008 г.

Об изменении в структуре администрации Волгограда и передаче функций комитета инвестиционной политики и строительных программ администрации Волгограда комитету по градостроительству и архитектуре Волгограда и департаменту экономики и инвестиций администрации Волгограда: постановление главы г. Волгограда № 2022 от 30 августа 2007 г.

Об утверждении порядка организации работы администрации Волгограда, структурных подразделений администрации Волгограда, муниципальных учреждений Волгограда по выявлению освободившихся жилых помещений на территории городского округа город-герой Волгоград: постановление главы г. Волгограда № 1591 от 15 августа 2008 г.

Постановление об утверждении положения о государственной жилищной инспекции Волгоградской области № 376 от 3 апреля 2006 г.

Об утверждении временного порядка согласования переустройства и (или) перепланировки, реконструкции жилых помещений в жилых домах на территории Волгограда: постановление № 540 от 31 марта 2005 г.

О порядке обмена жилыми помещениями, занимаемыми гражданами по договору социального найма в муниципальном жилищном фонде Волгограда: постановление № 1220 от 7 июля 2005 г.

О градостроительном совете Волгоградской области: приказ Главного управления архитектуры и градостроительства Администрации Волгоградской области № 57 от 12 ноября 2009 г.

Об утверждении административного регламента комитета природных ресурсов и охраны окружающей среды Администрации Волгоградской области по исполнению государственной функции по выдаче разрешений на добывание объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Волгоградской области: приказ Облкомприроды № 474/02 от 4 сентября 2009 г.

Об утверждении административного регламента по исполнению комитетом природных ресурсов и охраны окружающей среды администрации Волгоградской области государственной функции по организации и проведению государственной экологической экспертизы объектов регионального уровня на территории Волгоградской области: приказ Облкомприроды № 475/02 от 4 сентября 2009 г.

Об утверждении административного регламента по исполнению комитетом природных ресурсов и охраны окружающей среды администрации Волгоградской области государственной функции по ведению регионального кадастра отходов на территории Волгоградской области: приказ Облкомприроды № 569/01 от 21 октября 2009 г.

Об утверждении административного регламента комитета природных ресурсов и охраны окружающей среды администрации Волгоградской области по исполнению государственной функции по выдаче разрешений на выбросы, сбросы вредных (загрязняющих) веществ в окружающую среду: приказ № 463/02 от 1 сентября 2009 г.

Об утверждении административного регламента по исполнению комитетом природных ресурсов и охраны окружающей среды администрации Волгоградской области государственной функции по осуществлению государственного контроля в области охраны окружающей среды (государственного экологического контроля) на объектах хозяйственной и иной деятельности, за исключением объектов, подлежащих федеральному контролю: приказ № 464/02 от 1 сентября 2009 г.

4.6. Анतिकоррупционная экспертиза и регулирование социальных конфликтов (Д.Ю. Любитенко)

Со вступлением в силу Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» антикоррупционная экспертиза стала неотъемлемой частью правотворческого процесса, осуществляемого органами государственной власти и местного самоуправления. Отправной точкой в постижении социальной природы антикоррупционной экспертизы, на наш взгляд, является ее направленность на противодействие коррупции. Следует согласиться с А.В. Кудашкиным и Т.Л. Козловым в том, что коррупции может подвержено любое лицо, обладающее дискреционными полномочиями по распределению каких-либо не принадлежащих ему благ по своему усмотрению¹. Блага (ресурсы, ценности), как известно, существуют в ограниченном количестве, и следовательно, вокруг их распределения постоянно возникают конфликты². Может ли в таком случае антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов рассматриваться как экспертиза «антиконфликтотенная»? Полагаем, что может.

Внутриличностные конфликты

Выявление коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах и проектах нормативных правовых актов, которое должно осуществляться в рамках антикоррупционной экспертизы, в первую очередь способствует устранению внутриличностных конфликтов – *конфликтов интересов правоприменителя* (здесь и далее по тексту выделено автором). Именно в легальном определении понятия «коррупциогенные факторы» раскрывается замысел законодателя, лежащий в основе идеи обязательного проведения антикоррупционной экспертизы. Коррупциогенными факторами, как предусматривает указанный выше Федеральный закон (ч. 1. ст. 1), являются «положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно ши-

¹ Кудашкин А.В., Козлов Т.Л. Еще раз о правовом понятии коррупции // Современное право. 2010. С. 3–8.

² Мазин А. Ресурсы и конфликты // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 8. С. 3–9.

рокие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции».

Будучи нацеленной на ограничение дискреции должностного лица, устранение положений нормативных правовых актов, поддающихся двоякому толкованию, антикоррупционная экспертиза, с одной стороны, снижает риски девиантного поведения правоприменителя. В этой связи можно уверенно утверждать, что правовая экспертиза в указанной части является способом регулирования конфликтов с выраженным «профилактическим действием» (направлена на устранение причин и условий, порождающих конфликты). Например, Закон Волгоградской области от 01 апреля 2004 г. № 908-ОД «О государственной поддержке руководителей и специалистов сельскохозяйственных организаций Волгоградской области»¹ до внесения в него изменений Законом Волгоградской области от 21 ноября 2008 г. № 1780-ОД² предусматривал выплату из бюджета Волгоградской области ежемесячных доплат молодым специалистам сельскохозяйственных организаций, имеющим высшее профессиональное образование, в размере, который не был однозначно определен – до трех минимальных размеров оплаты труда. Размер указанных доплат определялся уполномоченным органом (ст. 8 указанного закона), то есть полностью зависел от усмотрения соответствующих должностных лиц и мог породить многочисленные конфликты между правоприменителем и получателем указанных благ.

Сталкиваясь с конкретными коррупционными проявлениями или их результатами в повседневной жизни, даже профессиональные юристы не всегда напрямую связывают их с коррупциогенностью или несовершенством действующих нормативных правовых актов. Однако часто именно нормативные правовые акты делают возможными данные негативные проявления. К примеру, для городов Волгоградской облас-

¹ О государственной поддержке руководителей и специалистов сельскохозяйственных организаций Волгоградской области: Закон Волгоградской области № 908-ОД от 1 апреля 2004 г. // Волгоградская правда. 2004. № 68.

² О внесении изменений в Закон Волгоградской области от 1 апреля 2004 г. № 908-ОД «О государственной поддержке руководителей и специалистов сельскохозяйственных организаций Волгоградской области»: Закон Волгоградской области № 1780-ОД от 21 ноября 2008 г. // Волгоградская правда. 2009. № 89.

ти до сих пор актуальна проблема размещения многочисленных нестационарных торговых объектов, негативно влияющих на их благоустройство и внешний облик. Рассмотрим решение Волгоградской городской Думы от 29 марта 2006 г. № 29/589 «О размещении объектов мелкорозничной торговли и услуг, гаражей для хранения спецавтотранспорта инвалидов на территории Волгограда»¹, регулирующие отношения, связанные с размещением нестационарных объектов.

Названный нормативный правовой акт, как следует из его преамбулы, разработан для установления единых процедурных норм подготовки исходной разрешительной документации для указанных целей, проведения единой политики в области регулирования использования городских земель, обеспечения населения товарами и услугами, реализуемыми через мелкорозничную сеть. При этом преамбула указанного Порядка, не содержащая в соответствии с правилами юридической техники нормативных предписаний, указывает на то, что настоящей Порядок не распространяется на размещение павильонов. Налоговый кодекс Российской Федерации дает следующее определение понятию: «Павильон – строение, имеющее торговый зал и рассчитанное на одно или несколько рабочих мест». Вместе с тем, обращаясь к содержанию анализируемого Порядка, можно сделать вывод о том, что строения, сооружения, отвечающие вышеперечисленным признакам, могут подпадать под используемое в данном акте широкое понятие «мобильный объект». Согласно п. 1.1.1 Порядка «мобильный объект – сооружение комплектной поставки (контейнерного или сборно-разборного типа), конструкции которого обеспечивают возможность его перемещения, собираются в конструктивную систему на месте эксплуатации или устанавливаются в полной готовности».

Пункт 2.5 Порядка устанавливает предельные размеры отдельных видов нестационарных объектов. Однако в отношении мобильных объектов мелкорозничной торговли и услуг предельные размеры не установлены, что может способствовать возведению под видом данных объектов торговых сооружений неограниченного размера. В соответствии с пп. 2.2, 2.5 Порядка мобильные объекты на территории Волгограда размещаются в полной готовности или из крупных

¹ О размещении объектов мелкорозничной торговли и услуг, гаражей для хранения спецавтотранспорта инвалидов на территории Волгограда: решение Волгоградской городской Думы № 29/589 от 29 марта 2006 г. (в ред. от 23.12.2009 № 28/868) // Волгоградская газета. 2006. № 79; 2007. № 42; Городские вести. Царицын – Сталинград – Волгоград. 2008. № 6; 2009. № 22, 114, 146.

элементов высокой степени готовности без производства строительных работ; не являются объектами капитального строительства (зданиями, строениями, сооружениями), их строительные изменения не разрешаются. Наличие данных требований, как следует из их сути, должно обеспечивать недопустимость возведения под видом «мобильных» объектов капитального строительства. Кроме того, малые допустимые сроки временного размещения мобильных объектов (до одного года в соответствии с п. 3.9 Порядка), на первый взгляд, должны обуславливать экономическую нецелесообразность размещения объектов капитального строительства под видом мобильных объектов, поскольку истечение указанных сроков может означать необходимость их демонтажа (невозможен без ущерба для конструкции объектов капитального строительства). Так, согласно п. 3.10 Порядка за один месяц до окончания срока действия договора аренды земельного участка арендатор вправе обратиться с заявлением в администрацию района о заключении нового договора аренды земельного участка сроком до одного года при прочих равных условиях. Вместе с тем анализируемый Порядок не предусматривает процедуры подачи заявок о заключении договора аренды в отношении земельного участка, срок использования которого для размещения мобильного объекта истекает, лицом, не являющимся собственником расположенного на нем строения. В частности, из п. 3.3 Порядка следует, что «в случае подачи более одной заявки на одно и то же место, вновь внесенное в схему либо освободившееся, вопрос о размещении объекта решается межведомственной комиссией на основании результатов проведенного в установленном порядке открытого конкурса на право размещения объектов мелкорозничной торговли и услуг». Иными словами, указанная процедура продления арендных отношений прямо не предусматривает конкурсных процедур.

Таким образом, анализируемый Порядок в силу неопределенности его положений может применяться в отношении нестационарных объектов, именуемых в повседневной практике «павильонами». При недостаточности земельного контроля правила настоящего Порядка, на наш взгляд, создают предпосылки для возведения под видом мобильных объектов мелкорозничной торговли и услуг объектов капитального строительства неограниченного размера, поскольку не предъявляют требований к их максимальным размерам и обеспечивают продолжительное использование данных объектов.

Вышеизложенные положения Порядка, взятые в их неразрывном единстве, на наш взгляд, содержат коррупциогенные факторы, которые заключаются в широте дискреционных полномочий органов местного самоуправления:

– в части неопределенности условий принятия решения о проведении открытого конкурса на право размещения объектов мелкорозничной торговли и услуг (ввиду неясности формулировки «освободившееся место») – подп. «а» п. 3 нормативно закрепленной «Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»¹ (далее – Методика);

– в отказе от конкурсных (аукционных) процедур при осуществлении процедур пролонгации договоров на размещение мобильных объектов – подп. «з» п. 3 Методики.

Предположения о причинах длительного существования столь явных изъянов правового регулирования, на наш взгляд, целесообразно оставить за рамками настоящего исследования. Приведенный выше пример демонстрирует нам, что коррупционное поведение правоприменителя зачастую непосредственно «запрограммировано» нормативно-правовыми актами, лежащими в основе регулирования его деятельности. Следовательно, инициатива по устранению коррупциогенных факторов может вступить в противоречие с интересами тех лиц, для которых действующий характер правового регулирования является предпочтительным.

Таким образом, возможности антикоррупционной экспертизы далеко небезграничны. Ее проведение в отдельных случаях не ведет к полному затуханию энергии конфликта, появление которого вызвано дефектными правовыми нормами, а лишь канализирует данную энергию в иную плоскость – плоскость проведения антикоррупционной экспертизы и рассмотрения ее результатов. Как можно убедиться из вышеизложенного правового обоснования, антикоррупционной экспертизе должны подвергаться не только отдельно взятые фрагменты, но и

¹ Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Утв. Постановлением Правительства РФ № 96 от 26.02.2010 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2010. № 10. Ст. 1084.

правовой текст в целом. Правовой анализ, осуществляемый в рамках антикоррупционной экспертизы, может представлять собой довольно сложное, тщательное исследование, что ограничивает круг субъектов, которые могут дать квалифицированную оценку результатов ее проведения. Следует признать, что круг данных субъектов значительно уже круга лиц, вовлеченных в процесс принятия правотворческих решений, поскольку в настоящее время отсутствуют требования к юридической квалификации депутатов, членов представительных органов власти и т.д. Эксперт, проводящий антикоррупционную экспертизу, может столкнуться с непониманием результатов антикоррупционной экспертизы тем лицом (или лицами), от которого зависит принятие решения, выражающего согласие или несогласие с данными результатами. Это может привести к внутреннему конфликту у самого эксперта – между возложенными на него обязанностями и желанием скрыть те коррупциогенные факторы, устранение которых он видит маловероятным или невозможным по причинам возможного противодействия лиц, заинтересованных в сохранении действующего характера правового регулирования, или неуверенности в квалифицированной оценке проведенного им исследования ввиду его сложности.

Межличностные конфликты

При неоднократном применении нормативно закрепленной Методики проведения антикоррупционной экспертизы можно обнаружить телеологическую связь между антикоррупционной экспертизой и теми задачами, которые являются исходными для юристов и заключаются в подготовке проектов нормативных правовых актов надлежащего качества. К числу таких задач относится необходимость ограничения в нормативных актах излишней дискреции правоприменителя, придания правовым нормам свойств определенности, исключения из содержания правовых текстов неясных и двусмысленных выражений и т.д. Как известно, уже в античность имелись представления о том, что законы должны иметь для всех одинаковый смысл¹, то есть обладать свойством правовой определенности. В этой связи само по себе внедрение антикоррупционной экспертизы в правотворческую сферу, на наш взгляд, не вводит принципиально новых требований к качеству правовых текстов, поскольку к ним и так предъявляются уже известные доктринальные требования юридической науки

¹ См.: *Рехтина И.В.* Правовая определенность (*res judicata*) в истории права Древнего Рима // *История государства и права.* 2011. № 22. С. 43–47.

(представления о процессуальных гарантиях реализации прав граждан, правила юридической техники и т.д.). Однако проведение антикоррупционной экспертизы актуализирует, возводит данные требования в новый, более высокий ранг¹, в том числе за счет осознания участниками правотворческого процесса негативных последствий их игнорирования, которое может привести к созданию условий (так называемых «лазеек») для коррупционных проявлений со стороны недобросовестных правоприменителей. В этой связи отчасти согласимся с мнением Н.А. Лопашенко и С.В. Матковского, которые небезосновательно считают антикоррупционную экспертизу разновидностью экспертизы криминологической².

Антикоррупционная экспертиза может побуждать законодателя к своевременной корректировке нормативной правовой базы. Обратимся к следующему примеру. Ранее действовавшая редакция Закона Волгоградской области от 17 ноября 2004 г. № 957-ОД «О максимальном размере общей площади земельных участков для ведения личного подсобного хозяйства на территории Волгоградской области»³ содержала требование о максимальном размере общей площади земельных участков, которые могут находиться одновременно на праве собственности и (или) ином праве у граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, в том числе в зависимости от расположения земельных участков относительно «*черты поселений*». Однако словосочетание «в черте поселения» в федеральном законодательстве, действовавшем на момент принятия указанного закона Волгоградской области, ранее корреспондировала по своему содержанию понятию «*в границах населенного пункта*» в его современном значении.

¹ В отличие от Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утв. Постановлением Правительства РФ № 96 от 26.02.2010, доктринальные требования к качеству текстов нормативных правовых актов и их проектов до настоящего времени на федеральном уровне нормативно не закреплены.

² Лопашенко Н.А. Криминологическая политика // Российская правовая политика: курс лекций: под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Норма, 2003. С. 388; Матковский С.В. Правовая природа антикоррупционной экспертизы // Российский следователь. 2008. № 24. С. 27–30.

³ О максимальном размере общей площади земельных участков для ведения личного подсобного хозяйства на территории Волгоградской области: Закон Волгоградской области № 957-ОД от 17.11.2004 // Волгоградская правда. 2004. № 227.

Так, исходя из содержания п. 1 ст. 4 Федерального закона № 112-ФЗ от 7 июля 2003 г. «О личном подсобном хозяйстве» для ведения личного подсобного хозяйства могут использоваться земельный участок в границах населенного пункта (приусадебный земельный участок) и земельный участок за пределами границ населенного пункта (полевой земельный участок). Землями населенных пунктов в силу п. 1 ст. 83 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) признаются земли, используемые и предназначенные для застройки и развития населенных пунктов. В соответствии со ст. 7 ЗК РФ земли населенных пунктов являются самостоятельной категорией земель наряду с иными категориями земель (земли сельскохозяйственного назначения, земли лесного фонда, земли водного фонда и т.д.). Согласно п. 2 ст. 83 ЗК РФ границы городских, сельских населенных пунктов отделяют земли населенных пунктов от земель иных категорий. Иным по своему значению в настоящее время является понятие «поселение». Со вступлением в силу Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» понятие «поселение» приобрело свое современное значение – общего, родового понятия для различных видов муниципальных образований (сельские поселения и городские поселения в составе муниципальных районов и городские округа – согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона).

Границы поселения как муниципального образования, как правило, шире границ населенного пункта. Так, к примеру, в соответствии с понятийным аппаратом п. 1 ст. 2 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ сельским поселением признается один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (поселков, сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов). В соответствии с подпунктом 4 п. 1 ст. 11 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ требования и условия, связанные с установлением и изменением границ муниципальных образований включают в том числе условие о том, что в состав территории поселения могут входить земли независимо от форм собственности и целевого назначения.

Следовательно, анализ современного федерального законодательства позволяет утверждать, что Закон Волгоградской области от 17 ноября 2004 г. № 957-ОД (на момент его принятия) предполагал установление особого максимального общего размера земельных участков для ведения личного подсобного хозяйства для земельных

участков, находящихся именно в границах населенных пунктов. Поскольку на территории Волгоградской области фактически отсутствуют межселенные территории (территории, не вошедшие в границы какого-либо из городских или сельских поселений), действовавшая на момент проведения экспертизы норма статьи 1 Закона Волгоградской области от 17 ноября 2004 г. № 957-ОД о максимальном размере общей площади земельных участков в контексте понятийного аппарата современного федерального законодательства была абсурдна по своему смыслу. Она предполагала установление особого максимального размера общей площади для земельных участков, находящихся в черте поселений (0,5 га), в условиях фактического отсутствия земель вне этой черты, в отношении которых должен распространяться общий максимальный размер (5,5 га).

Указанное положение по своей сути являлось коррупциогенным фактором, который заключался в юридико-лингвистической неопределенности – употреблении двусмысленных терминов (подпункт «в» пункта 4 Методики). Неопределенность данного положения могла повлечь возникновение конфликтов, вызванных избирательным применением недобросовестными правоприменителями различных максимальных размеров общей площади для земельных участков, находящихся *в черте поселений* (0,5 га или 5,5 га), при принятии решения о предоставлении земельных участков.

Антикоррупционная экспертиза чаще всего не обнаруживает в правовых текстах нового в сравнении с тем, что может быть обычно выявлено в рамках тщательно проведенной юридической экспертизы (включающей анализ данных текстов на предмет соответствия требованиям юридической техники, анализ правовых последствий принятия нормативного акта и т.д.), но, как результат, особым образом маркирует выявленные дефекты нормативных актов и их проектов. Напомним, что появление таких маркеров имеет определенное юридическое значение. В частности, согласно п. 1 ч. 1 и ч. 3 ст. 4 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе...» выявленные в нормативных правовых актах (проектах нормативных правовых актов) коррупциогенные факторы отражаются в требовании прокурора об изменении нормативного правового акта или в обращении прокурора в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством Российской Федерации; такое требование подлежит обязательному рассмотрению соответствующими органом, организацией или должностным лицом и учитывается в установленном порядке ор-

ганом, организацией или должностным лицом, которые издали этот акт, в соответствии с их компетенцией.

Рассматривая антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов в качестве одного из основных направлений профилактики коррупции (ст. 6 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции») и придавая ей немалое значение, законодатель между тем формирует вокруг данной экспертизы конфликтогенные поле.

Участники правотворческого процесса нередко выражают свое несогласие с результатами антикоррупционной экспертизы. С одной стороны, это может быть связано с нежеланием, а иногда и неспособностью заинтересованного ведомства устранить коррупциогенные факторы, выявленные в подготовленном им проекте нормативного правового акта. К примеру, коррупциогенные факторы, заключающиеся в отсутствии или неполноте административных процедур – отсутствии порядка совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) определенных действий либо одного из элементов такого порядка (подп. «ж» п. 3 Методики), могут быть устранены только при условии включения автором в проект нормативного правового акта комплекса норм, в наиболее полном виде регулирующих осуществление соответствующей функции.

Такой коррупциогенный фактор, по нашему мнению, содержит находящийся на рассмотрении в Волгоградской областной Думе проект закона Волгоградской области № 155-2012з «О внесении изменений в Закон Волгоградской области от 12 декабря 2007 г. № 1591-ОД «О жилищном фонде Волгоградской области»¹. Данный законопроект предусматривает дополнение закона положениями, устанавливающими возможность нахождения в собственности Волгоградской области жилищного фонда коммерческого использования, а также положениями, регулирующими порядок предоставления жилых помещений жилищного фонда коммерческого использования.

Федеральное законодательство не регулирует отношения, связанные с порядком принятия решений органами государственной

¹ См.: О внесении изменений в Закон Волгоградской области № 1591-ОД от 12 декабря 2007 г. «О жилищном фонде Волгоградской области»: проект закона Волгоградской области № 155-2012з // Волгоградская областная Дума. URL: http://volgoduma.ru/images/stories/files/docs/155_2012z.doc (дата обращения: 15.10.2012).

власти субъектов РФ о предоставлении жилых помещений из жилищного фонда коммерческого использования. Очевидно, что исходя из конституционного принципа равенства граждан перед законом, данный порядок должен обеспечивать недискриминационный, равный доступ граждан к получению соответствующей государственной услуги. Однако из содержания законопроекта не ясен механизм, критерии принятия уполномоченным органом или организацией соответствующих решений. Указанные положения законопроекта только предусматривают норму, согласно которой порядок и условия принятия уполномоченным государственным органом решения о предоставлении жилых помещений социального использования должны определяться подзаконным правовым актом.

Стремление органов исполнительной власти «замкнуть» на себе не только правоприменительные, но и правотворческие функции в одной и той же сфере, как предусматривает вышеприведенный законопроект, нельзя назвать редким явлением. Как правило, такое стремление можно обнаружить во многих проектах нормативных правовых актов, которые разрабатываются органами исполнительной власти. Такие проекты изобилуют бланкетными нормами, во многих случаях отсылающими правоприменителя к подзаконным нормативным правовым актам. Ограничение парламентского контроля за установленной сферой деятельности, установление правил, удобных и необременительных прежде всего для себя, – наиболее очевидные мотивы внесения подобных правотворческих инициатив органами исполнительной власти.

Нередко появление положения, являющегося коррупциогенным фактором, в том или ином проекте нормативного правового акта, к примеру регионального уровня, может быть вызвано неудачной попыткой его автора (разработчика) преодолеть несовершенство или коллизии вышестоящего по отношению к нему федерального законодательства. В качестве примера можно привести ранее находившийся на рассмотрении Волгоградской областной Думы проект закона Волгоградской области № 113-2010з «О внесении изменения в статью 4 Закона Волгоградской области от 28.07.2006 № 1266-ОД ”О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую на территории Волгоградской области“».

В соответствии с пунктом 1 части 2 статьи 2 Федерального закона от 21 декабря 2004г. № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» (далее – Федеральный закон

№ 172-ФЗ) органами государственной власти субъектов Российской Федерации в отношении земель сельскохозяйственного назначения за исключением земель, находящихся в собственности Российской Федерации, устанавливаются содержание ходатайства о переводе земель из одной категории в другую и состав прилагаемых к нему документов. Согласно части 2 статьи 7 Федерального закона № 172-ФЗ перевод земель сельскохозяйственных угодий или земельных участков в составе таких земель из земель сельскохозяйственного назначения, кадастровая стоимость которых на пятьдесят и более процентов превышает средний уровень кадастровой стоимости по муниципальному району (городскому округу), и особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий, указанных в пункте 4 статьи 79 Земельного кодекса Российской Федерации, в другую категорию по общему правилу не допускается.

На основании указанных требований законодательства разработчик законопроекта – профильный орган исполнительной власти Волгоградской области – при рассмотрении соответствующих ходатайств о переводе должен осуществлять сравнение кадастровой стоимости намечаемых к переводу земельных участков со средним уровнем кадастровой стоимости по муниципальному району, на территории которого находятся земельный участок.

Ссылаясь на то обстоятельство, что кадастровая стоимость (включая индивидуальные характеристики земельных участков) определена в отношении не всех земельных участков сельскохозяйственного назначения, а также особый порядок определения кадастровой стоимости вновь образованных земельных участков, разработчик законопроекта утверждал о необходимости дополнения перечня документов, которые должны быть приложены заинтересованным лицом к ходатайству о переводе, отчетом оценщика или юридического лица, имеющего право на заключение договора об оценке. В отчете должна быть определена кадастровая стоимость земельного участка.

По сути, законопроектом предлагалось возложить бремя организации (финансирования) работ по кадастровой оценке земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения на подателей соответствующих ходатайств о переводе земель. Предлагаемая правовая новелла в системной связи с нормами действующего земельного законодательства не поддавалась иному истолкованию, поскольку сведения о кадастровой стоимости земельного участка в форме отчета оценщика из государственного кадастра недвижимости

уполномоченным органом не предоставляются (пункт 2 статьи 14 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости»).

Однако из норм федерального законодательства вытекает иное правовое регулирование, согласно которому обеспечение организации кадастровой оценки земельных участков возложено на органы государственной власти. При этом коллизия норм федерального законодательства, которая заключается в запрете принятия решений о переводе земельных участков в зависимости от их индивидуально определенной кадастровой стоимости, при отсутствии до настоящего времени сведений о таковой в государственном кадастре объектов недвижимости не могла и не может быть разрешена на уровне регионального законодательства посредством возложения бремени организации (финансирования) работ по кадастровой оценке земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения на подателей соответствующих ходатайств о переводе земель при отсутствии должных к тому правовых оснований на уровне федерального законодательства.

Таким образом, установление положения, дефектного по своей правовой природе, с позиций применения Методики (подп. «а» п. 4 Методики – установление неопределенных, трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам и организациям) может быть продиктовано ведомственными интересами. Данные интересы могут вступать в конфликт с интересами граждан и органа власти, в компетенцию которого входит правовое регулирование соответствующих общественных отношений.

Как и любая другая человеческая деятельность, заключение, подготовленное по результатам антикоррупционной экспертизы, может содержать ошибочные выводы. К примеру, в феврале 2011 г. в Волгоградскую областную Думу поступало требование прокурора Волгоградской области об изменении Закона Волгоградской области от 28.04.2008г. № 1667-ОД «О порядке подготовки и принятия решений о включении земельных участков в границы населенных пунктов либо об исключении земельных участков из границ населенных пунктов и об установлении или об изменении видов разрешенного использования земельных участков на территории Волгоградской области»¹. Постановлением № 41/1531 от 17 марта 2011 г. Волгоград-

¹ Требование прокурора Волгоградской области № 86-29-2011 от 08.02.2011 об изменении Закона Волгоградской области № 1667-ОД от 28.04.2008 «О порядке подготовки и принятия решений о включении земель-

ская областная Дума не согласилась с требованием прокурора Волгоградской области в связи с отсутствием правовых оснований для удовлетворения указанного требования.

Как утверждалось в указанном требовании, п. 12 ст. 2 Закона Волгоградской области от 28.04.2008 № 1667-ОД содержит коррупционный фактор, заключающийся в установлении для правоприменителя необоснованно широких пределов усмотрения. В частности, согласно названному законоположению уполномоченный орган государственной власти Волгоградской области может отказать в принятии решения о включении земельного участка в границы населенного пункта либо об исключении земельного участка из границ населенного пункта в случаях, перечисленных в данной структурной единице законодательного акта.

Выводы Прокуратура Волгоградской области основаны на применении подп. «б» п. 3 Методики (определение в нормативном правовом акте компетенции по формуле «вправе» – диспозитивное установление возможности совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций).

Однако использование в п. 12 ст. 2 Закона Волгоградской области от 28.04.2008 № 1667-ОД формулировки «может отказать», то есть диспозитивное установление возможности совершения уполномоченным органом государственной власти Волгоградской области действий (принятия решений) в отношении граждан и организаций, не является коррупционным фактором, что обусловлено нижеследующим.

Из преамбулы Закона Волгоградской области от 28.04.2008 № 1667-ОД следует, что настоящий закон принят в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2004 г. № 191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации». Сопоставление содержания Закона Волгоградской области от 28.04.2008 № 1667-ОД и Федерального закона, на основании которого он принят, позволяет говорить о том, что п. 12 ст. 2 названного областного законодательного акта представляет собой дословное воспроизведение п. 20 ст. 4.1 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 191-ФЗ.

ных участков в границы населенных пунктов либо об исключении земельных участков из границ населенных пунктов и об установлении или об изменении видов разрешенного использования земельных участков на территории Волгоградской области» // Текущий архив Волгоградской областной Думы.

В частности, п. 20 ст. 4.1 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 191-ФЗ наделяет исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации именно той широтой полномочий, какой уполномоченный орган государственной власти Волгоградской области наделен в соответствующем областном законе. Согласно указанному положению Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 191-ФЗ исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации в отдельных случаях, названных в соответствующей структурной единице законодательного акта, может отказать в принятии решения о включении земельного участка в границу населенного пункта либо об исключении земельного участка из границ населенного пункта.

Следовательно, изменение формулировки «может отказать» в п. 12 ст. 2 Закона Волгоградской области от 28.04.2008 № 1667-ОД не представляется необходимым и возможным. Такое изменение в определении пределов усмотрения уполномоченного органа государственной власти Волгоградской области при принятии им соответствующих решений повлечет появление в Законе Волгоградской области от 28.04.2008 № 1667-ОД противоречия федеральному законодательству. Во избежание указанных ошибок при подготовке заключения по результатам антикоррупционной экспертизы, как обоснованно отмечает А.В. Филатова, в обязательном порядке должна осуществляться проверка соответствия исследуемого документа действующим нормативным правовым актам большей юридической силы¹.

Вышеприведенный пример, помимо прочего, показывает нам, что проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов не может быть основано только лишь на буквальном толковании Методики и во всяком случае должно учитывать правовой контекст, в котором существуют (будут существовать) исследуемые нормы.

В соответствии с подп. «з» п. 3 Методики коррупциогенным фактором, устанавливающим для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, является отказ от конкурсных (аукционных) процедур – закрепление административного порядка предоставления права (блага). Однако отказ от конкурсных процедур в отдельных случаях не может быть признано коррупцио-

¹ См.: *Филатова А.В.* Роль экспертизы в формировании антикоррупционной политики // *Безопасность бизнеса.* 2010. № 1. С. 28–32.

генным фактором, поскольку иной порядок предоставления соответствующих благ противоречил бы целям их предоставления.

В частности, согласно п. 2 ст. 28 Земельного кодекса Российской Федерации предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в собственность граждан и юридических лиц по общему правилу осуществляется за плату. Вместе с тем в п. 2 ст. 28 ЗК РФ федеральный законодатель предусмотрел исключение из этого правила, согласно которому предоставление земельных участков в собственность граждан и юридических лиц может осуществляться бесплатно в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

Так, в рамках вышеприведенного правила в настоящее время установлены следующие случаи бесплатного предоставления земельных участков на федеральном уровне. В соответствии с ч. 4 ст. 5 Закона РФ от 15.01.1993 № 4301-1 «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы», ч. 4 ст. 3 Федерального закона от 09.01.1997 № 5-ФЗ «О предоставлении социальных гарантий Героям Социалистического Труда и полным кавалерам ордена Трудовой Славы» указанные в названии данных законодательных актов лица имеют право на бесплатное получение земельных участков в собственность.

В настоящее время на территории Волгоградской области принят и действует Закон Волгоградской области от 4 апреля 2003 г. № 809-ОД «О предоставлении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в собственность граждан бесплатно»¹. Настоящий закон принят в соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации и устанавливает случаи предоставления в собственность граждан бесплатно земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, на территории Волгоградской области дополнительно к случаям, установленным законодательством Российской Федерации. Процедура предоставления земельных участков в собственность граждан бесплатно осуществляется вне конкурсных процедур, однако такой порядок распределения указанных

¹ О предоставлении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в собственность граждан бесплатно: Закон Волгоградской области от 4 апреля 2003 г. № 809-ОД // Волгоградская правда. 2003. № 65.

благ не только соответствует целям законодателя, но и действующему федеральному законодательству. Данный вывод нашел свое подтверждение в определении Верховного суда Российской Федерации от 14 марта 2007 г. по делу № 73-Г07-2, которое находится в представленных разработчиком проекта закона материалах. Согласно названному определению суд признал ошибочными, не основанными на законе доводы заявителя о том, что предоставление земельных участков для жилищного строительства осуществляется только на возмездной основе и соответственно подтвердил возможность предоставления земельных участков для указанных целей без проведения торгов (аукционов, конкурсов).

Одной из распространенных причин появления разногласий, связанных с результатами антикоррупционной экспертизы, является то, что коррупциогенные факторы зачастую представляют собой положения, носящие оценочный характер. К примеру, представленный в мае 2012 г. в Волгоградскую областную Думу проект закона Волгоградской области «О дополнительных мерах социальной поддержки граждан, имеющих почетное звание «Заслуженный работник Российской Федерации»¹ предполагал установление мер социальной поддержки в виде ежемесячного пособия в размере 1000 рублей гражданам, имеющим почетное звание «Заслуженный работник Российской Федерации». В статье 2 законопроекта содержалось положение, содержащее категорию оценочного характера «многолетний и добросовестный труд» как одно из условий получения соответствующих мер социальной поддержки, что в соответствии подп. «в» п. 4 Методики относится к числу факторов коррупциогенного характера (юридико-лингвистическая неопределенность).

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что возможности антикоррупционной экспертизы ограничены рядом факторов. Ее проведение в отдельных случаях не ведет к полному урегулированию конфликта, порожденного дефектом правовых норм или положений проектов нормативных правовых актов, а лишь канализирует энергию данного конфликта в иную плоскость – плоскость проведения антикоррупционной экспертизы и рассмотрения

¹ Проект закона Волгоградской области «О дополнительных мерах социальной поддержки граждан, имеющих почетное звание «Заслуженный работник Российской Федерации», прилагаемый к обращению Николаевской районной Думы № вн 15-28/3788 от 29.05.2012 // Текущий архив Волгоградской областной Думы.

ее результатов. В этой связи антикоррупционная экспертиза объединяет в себе черты, характеризующие ее и как средство институционализации конфликтов, и одновременно как явление, само порождающее конфликты, которые могут носить внутриличностный и межличностный характер.

4.7. Ограничение усмотрения в праве как способ предупреждения социальных конфликтов (А.А. Никитин)

Различные социально-нормативные системы – мораль, религия и право – призваны предупреждать общественные противоречия или определять механизм урегулирования уже возникших социальных конфликтов. Вместе с тем несовершенство техники создания таких регулятивных систем или сознательное отступление от ее требований влечет к тому, что некоторые социальные нормы становятся не преградой, а источником социальных противоречий. Подобные негативные проявления присущи всем социальным нормам: религиозным, моральным и, в первую очередь, правовым.

Нормы права в зависимости от их разновидности с той или иной степенью определенности закрепляют модель желательного для общества и государства правового поведения различных субъектов. При этом, как правило, правовая норма допускает при ее реализации определенную степень усмотрения со стороны соответствующих субъектов (правоприменителей, лиц, соблюдающих или использующих право). Усмотрение – явление органически присущее праву как важнейшему регулятору общественных отношений, придающее праву необходимую «гибкость» – возможность сохранять адекватность изменяющимся общественным отношениям, на регулирование которых направлены соответствующие правовые нормы. В этом качестве усмотрение в праве, бесспорно, явление положительное, обладающее значительным потенциалом по предупреждению социальных конфликтов в правовой сфере или по урегулированию уже возникших. Однако усмотрение в праве должно существовать в определенных пределах. В противном случае правовые нормы перестанут осуществлять регулятивную функцию и станут источником социальных конфликтов, а усмотрение перерастет в произвол.

В этой связи изучение пределов усмотрения в праве представляет особый интерес.

Особое значение проблеме пределов усмотрения в праве придает и тот факт, что усмотрение на обыденном уровне воспринимается зачастую как произвол (или возможность произвола) со стороны лиц, наделенных властными полномочиями. Соответственно установление границ усмотрения в правовых предписаниях рассматривается обществом как меры ограничения возможностей произвола со стороны лиц, обладающих определенной властью. Как правильно отмечает Е.Г. Лукьянова, еще в Древней Греции люди осознали предпочтительность общего закона перед произволом властвующих¹. Поэтому изучение пределов правового усмотрения – это вопрос, не теряющий своей актуальности.

В современном русском языке слово «пределы» достаточно широко распространено и имеет несколько значений. В кратком толковом словаре русского языка для иностранцев предлагается два наиболее распространенных значения:

1. Последняя, крайняя степень чего-нибудь;
2. Территория чего-нибудь².

Существуют и другие значения слова «пределы»:

- край, страна (устаревшее).
- граница, черта, разделяющая между собою земли, государства, рубеж³.

Используется данный термин и в официальных юридических текстах, например ст. 10 Гражданского кодекса РФ «Пределы осуществления гражданских прав», ст. 252 «Пределы судебного разбирательства», ст. 360 «Пределы рассмотрения уголовного дела судом апелляционной или кассационной инстанции» и ст. 410 «Пределы прав суда надзорной инстанции» Уголовно-процессуального кодекса РФ и др. Анализ статей нормативно-правовых актов позволяет сделать вывод, что, говоря о пределах, законодатель устанавливает границы, рамки и ограничения реализации прав и полномочий, сферу действия правовых нормы. Кроме того, граница, которую определяют правовые пределы, – это, как правило, черта, проходящая между правовым и внеправовым (пределы правоотношений) или законным и незаконным.

¹ См.: Лукьянова Е.Г. Строгость закона следует предпочесть обманчивой мягкости усмотрения // Правоведение. 2009. № 3. С. 16.

² См.: Краткий толковый словарь русского языка (для иностранцев): под ред. В.В. Розановой. М.: Русский язык, 1978. С. 135.

³ См.: Ефремова Т.Ф. Толково-словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 187.

Исходя из этого следует различать два аспекта пределов правового усмотрения: во-первых, это пределы, отграничивающие юридическое усмотрение от других видов усмотрения; во-вторых, пределы, определяющие правомерность усмотрения в праве.

В первом случае пределами усмотрения в праве будут являться выделенные ранее характеристики данного явления, прежде всего такие, как:

– усмотрение возможно на основании действующих правовых норм (хотя следует повторить, что для субъективно-поведенческого уровня правового усмотрения очень сложно четко выделить конкретную норму права, лежащую в его основе);

– осуществление усмотрения по вопросам, урегулированным правом. Так, предпринимательская деятельность представляет собой достаточно обширное поле для усмотрения, причем как для правового, так и для внеправового. Выбор лица, желающего осуществлять предпринимательскую деятельность, организационно-правовой формы – усмотрение правовое, а решение вопроса об ассортименте производимой продукции (производство булочек с начинкой или без начинки, а если с начинкой, то с какой именно), как правило, усмотрение внеправовое;

– объективная сторона усмотрения должна представлять собой правовое поведение, влекущее или способное повлечь правовые последствия именно по тому вопросу, по которому реализовано право на усмотрение;

– наличие интеллектуально-волевого компонента у субъекта права, реализующего юридическое усмотрение. Несомненно, что отсутствие какого-либо принуждения и отсутствие нарушений мыслительной деятельности важны при принятии любого и внеправового усмотрения, но для усмотрения в праве отсутствие или нарушение данного компонента влечет наступление юридических последствий.

Таким образом, *пределы правового усмотрения, с первой точки зрения, – это границы, отделяющие усмотрение в праве от иных видов внеправового социального усмотрения.*

Исследование второго аспекта пределов правового усмотрения является более сложной задачей, так как в этом случае пределы должны разграничивать усмотрение на законное и противозаконное, требующее соответствующей реакции со стороны государства.

В данном контексте правоведами изучались вопросы, связанные с пределами правоприменительного и судебного усмотрения. В результате было предложено несколько определений пределов усмотрения.

Так, А.А. Березин отмечает, что «пределы правоприменительного усмотрения представляют собой установленные посредством особого правового инструментария границы, в рамках которых субъект правоприменения на основе комплексного анализа обстоятельств юридического дела уполномочен вынести оптимальное решение с точки зрения принципов законности, справедливости и целесообразности»¹.

К.П. Ермакова, исследуя судебное усмотрение, указывает, что его пределами следует считать необходимые ограничения, гарантирующие применение данного института, в части обеспечения правомерности и целесообразности принимаемого судом решения².

В приведенных определениях следует обратить внимание на то, что позиция авторов относительно пределов усмотрения сходна в части указания на правомерность (законность) и целесообразность принимаемого решения, которые должны обеспечивать пределы усмотрения. Представляется, что в определении пределов юридического усмотрения как общеправового явления первостепенное значение среди двух указанных качеств должно принадлежать обеспечению законности усмотрения, поскольку целесообразность является требованием к правовому поведению, применимым не для всех субъектов, реализующих правовое усмотрение.

Правомерность же является универсальным пределом правового усмотрения, применимым для всех его уровней и видов. В зависимости от способа определения данных пределов их можно разделить на две группы: *внутренние* и *внешние* пределы усмотрения в праве. Данные группы во многом созвучны со способами правового регулирования (общедозволительным и разрешительным) и лежащими в их основе принципами.

Внутренние пределы усмотрения в праве представляют собой содержащиеся в правовых нормах правомерные варианты решения правовых вопросов и соответствующего поведения. Следовательно, выбор субъектом, осуществляющим усмотрение, одного из предложенных вариантов является правомерным, а совершение действий,

¹ Березин А.А. Пределы правоприменительного усмотрения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. С. 8.

² См.: Ермакова К.П. Пределы судебного усмотрения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 8 – 9.

нормами права не предусмотренных, – это противоправное поведение и выход за установленные пределы усмотрения. Установление внутренних пределов усмотрения в праве характерно для разрешительного типа правового регулирования и соответствует формуле «запрещено все, кроме того, что прямо разрешено правовой нормой».

Внутренние пределы фактически отсутствуют для субъективно-поведенческого уровня усмотрения, они в большей степени присущи абсолютно-определенному и относительно-определенному виду нормативного уровня усмотрения.

Внешние пределы правового усмотрения устанавливают модели запрещенного правового поведения, закрепляя юридическую ответственность за их выбор, а все иные варианты правового поведения – правомерны. Определение внешних пределов усмотрения в праве соответствует общедозволительному типу правового регулирования и лежащему в его основе принципу «разрешено все, что прямо не запрещено законом».

Внешние пределы характерны для субъективно-поведенческого уровня усмотрения и для свободно-вариативного вида нормативного уровня усмотрения в праве. Для базисного (общего) уровня в равной степени возможно существование как внешних, так и внутренних пределов.

Анализируя отдельно пределы нормативного уровня правового усмотрения представляется необходимым разделить их на две группы: *количественные* и *качественные* пределы.

Количественные пределы усмотрения в праве определяют те вопросы, по которым в соответствии с волей законодателя действующие нормативно-правовые акты допускают усмотрение субъекта права. Это границы, внутри которых находится вся совокупность правовых вопросов, решаемых по усмотрению, и эти границы могут либо сужаться, вынося некоторые вопросы за пределы правового усмотрения и формулируя в соответствующей правовой норме безальтернативную модель правового поведения, требуемую от субъекта; либо расширяться, компенсируя усмотрением консервативный характер объективного права по отношению к регулируемым им общественным отношениям. В качестве примера уменьшения количественных пределов усмотрения можно привести норму ч. 2 ст. 12.9 Кодекса

Российской Федерации об административных правонарушениях¹, в соответствии с действующей редакцией которой превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину от 20 до 40 километров в час влечет наложение административного штрафа в размере 300 рублей. В редакции от 1 декабря 2007 г. указанная норма предусматривала усмотрение правоприменителя в отношении выбора административного наказания, так как устанавливала за данное правонарушение штраф в размере от 100 до 200 рублей.

Качественные пределы усмотрения в праве дают ответ не на вопрос о возможности разрешения правового казуса на основании усмотрения субъекта права, а отвечают на вопрос, какое поведение субъекта, выражающее его правовое усмотрение, является правомерным, допустимым и желательным, а какое противоправным и наказуемым.

Предложенное разделение пределов усмотрения на количественные и качественные носит теоретический (условный) характер. На практике при оценке конкретного поведения субъекта, являющегося выражением его усмотрения, с позиции соблюдения или нарушения пределов усмотрения обязательно учитываются и количественные, и качественные пределы, рассматриваемые как единая система, а нарушение и первого, и второго вида оценивается одинаково как правонарушение.

Механизм оценки усмотрения в праве с точки зрения соблюдения пределов схематично можно описать следующим образом:

а) *объект оценки* – определенное правовое поведение субъекта, выражающее принятое им решение по конкретному правовому вопросу;

б) *первая стадия* – выясняется, допускает ли действующее право возможность решения субъектом данного вопроса на основании усмотрения, или лицо должно было совершить иные действия, прямо определенные в правовой норме. Если усмотрение допускается, то процесс оценки переходит ко второй стадии, если не допускается, поведение субъекта, не соответствующее требуемой от него правовой нормой, – противоправно;

в) *вторая стадия* – выясняется, соответствует ли правовое поведение субъекта закрепленным в правовых нормах моделям (при существовании внутренних пределов) или наоборот – не соответст-

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30 декабря 2001 г. (в ред. от 28 июля 2012 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

вует ли поведение субъекта запрещенным моделям поведения (внешние пределы).

Таким образом, оценка правового усмотрения с точки зрения правомерности его внешнего выражения возможно только при совместном использовании количественных и качественных пределов усмотрения.

Полагаем, что также необходимо различать пределы усмотрения в праве на *правовые, морально-правовые* и *внеправовые*.

Правовые пределы усмотрения в праве – это границы правомерности выбранного варианта поведения, установленные с использованием комплекса существующих юридических средств, например посредством: совершенствования предписаний правовых норм путем их конкретизации; официального толкования правовых норм; повышения правовой культуры субъектов права, прежде всего правоприменителей, и др.

Морально-правовые (нравственно-правовые) пределы усмотрения в праве представляют собой границы возможного правового поведения субъекта, сформированные на основе нравственных требований, закрепленных в праве. Требования норм морали бесспорно должны оказывать и оказывают влияние на выбор субъектом варианта правового поведения, на его усмотрение. Однако выделять исключительно нравственные или моральные пределы правового усмотрения не следует, поскольку выбранную модель правового поведения субъекта необходимо оценивать с точки зрения правомерности, а безнравственное поведение будет еще и противоправным только тогда, когда моральные нормы включены в правовые. Например, требования такой нравственной категории, как справедливость, могут иметь как исключительно моральный, так и правовой характер. В частности, ст. 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ в качестве одного из требований к приговору указывает его справедливость. В соответствии со ст. 299 УПК РФ один из вопросов, подлежащих разрешению при постановлении приговора, назначение наказания подсудимому в соответствии с санкцией статьи особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, которые зачастую носят альтернативный или относительно-определенный характер и предполагают назначение подсудимому наказания по судебскому ус-

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (в ред. от 28 июля 2012 г.) № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

мотрению. Согласно статьям 379 и 383 УПК РФ одним из оснований отмены приговора в кассационном порядке является несправедливость приговора, выразившаяся, в частности, в назначении наказания, несоответствующего тяжести преступления, личности осужденного, либо наказания, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части УК РФ, но по своему виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезвычайной мягкости, так и вследствие чрезвычайной суровости. В этом случае, справедливость включена в качестве требования в предписание нормы права, нарушение которого влечет за собой необходимость признания соответствующего судебного усмотрения неправомерным. Следовательно, в данной ситуации справедливость выступает в качестве предела правового усмотрения, применяемого совместно с нормативно закрепленными пределами.

Возможна и обратная ситуация, когда справедливость пределом правового усмотрения являться не будет. Например, в Саратове в октябре 2010 года при реализации Указа Президента Российской Федерации, касающегося обеспечения жильем ветеранов Великой Отечественной войны¹, ветеран отказался от предложенной ему по результатам жеребьевки квартиры в связи с тем, что она находится в отдаленном районе и на 14 этаже². Данное обстоятельство обращает внимание на несколько вопросов: справедливо ли то, что для ветеранов Великой Отечественной войны закупаются или строятся квартиры, расположенные на 14 этаже дома с учетом присущих новостройкам в России проблем с лифтами; справедливо ли то, что эта квартира, от которой отказался один субъект, имеющий право на получение жилья от государства, с учетом целевого назначения данного имущества будет передана областным министерством строительства другому субъекту, обладающему аналогичным правом (возможно, другому ветерану)? То есть сомнения в справедливости сложившейся ситуации присутствуют, но они при условии соблюдения министерством строительства Саратовской области правил, установленных нормативно-правовыми актами, не влияют на правомерность усмотрения мини-

¹ См.: Об обеспечении жильем ветеранов Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов: Указ Президента Российской Федерации № 714 от 7 мая 2008 г. (ред. от 9 января 2010 г.) // СЗ РФ. 2008. № 19. Ст. 2126.

² См.: Наша Версия: сайт газеты. URL: <http://nversia.ru/news/8495.html> (дата обращения: 10.01.2011).

стерских чиновников, а значит, и справедливость в данном случае пределом правового усмотрения не является.

Аналогично следует оценивать требования нравственности в отношении субъективно-поведенческого усмотрения в праве. К субъекту, допускающему безнравственное поведение, могут применяться только меры морального воздействия, если подобное поведение не образует состава правонарушения. Например, статья 20.21 КоАП РФ¹ предусматривает административную ответственность за появление в общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность. В этом случае для субъективно-поведенческого усмотрения индивида нормы общественной нравственности являются пределом, указывающим на недопустимость выбора некоторых моделей правового поведения.

Внеправовые пределы усмотрения в праве – это политические, экономические, социальные и иные внеправовые условия, ограничивающие свободу выбора субъектом права варианта правового поведения. Существование внеправовых пределов для юридического усмотрения обусловлено такой его чертой, как интеллектуально-волевой характер. Но деятельность субъекта права, его усмотрение осуществляются не в вакууме и не в исключительно правовой среде, а в действительности, представляющей собой сложное переплетение экономических, политических, правовых, социальных сфер. Это означает, что далеко не всегда закрепление в правовых предписаниях норм права альтернативных моделей поведения предоставляет субъекту *реальную* свободу выбора. Так, в советский период истории России, особенно в годы гражданской и Великой Отечественной войн, на решения судей и иных правоприменительных органов оказывало определяющее влияние не столько право, сколько партийные установки.

Также следует отметить, что любые внеправовые условия играют двоякую роль в отношении правового усмотрения. Они могут являться пределами усмотрения в том случае, если определенное внеправовое условие «жестко» детерминирует усмотрение субъекта, либо факторами, мотивирующими правовое усмотрение субъекта. Вторым вариантом возможен тогда, когда интересы субъекта, осуществляющего усмотрение, лежат в определенной сфере общественных отношений. Это касается, в первую очередь, экономических факторов,

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. (в ред. от 28 июля 2012 г.) № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

например при принятии государственным служащим конкретного решения исходя из имеющихся у него бизнес интересов.

Исходя из рассмотренных характеристик отдельных видов пределов усмотрения в праве можно предложить следующую дефиницию. *Пределы правового усмотрения представляют собой правовые, морально-правовые и внеправовые (экономические, политические, социальные и др.) границы, в рамках которых действующее право допускает усмотрение, а выбранная и реализуемая субъектом права модель правового поведения будет являться правомерной.*

Определив понятие пределов усмотрения в праве и выявив существование не только правовых и морально-правовых, но и внеправовых границ правового усмотрения, представляется необходимым отдельно исследовать наиболее значимые виды существующих юридических пределов.

Первым наиболее общим пределом правового усмотрения, существующим в правовой системе, являются *законность и правопорядок*. Законность представляет одну из центральных категорий правовой науки, отличающуюся многогранностью и сложностью. Соответственно этому существует и множество трактовок данного понятия¹. Сложившаяся в науке традиционная дефиниция определяет законность как точное и последовательное соблюдение всеми органами, организациями, учреждениями, должностными лицами и гражданами действующих в стране законов и основанных на них подзаконных актов, а также метод, принцип и элемент демократического политического режима формирования и функционирования правового государства и гражданского общества².

Органически связанной с категорией законности является категория правопорядка. Правовой порядок – состояние общественной жизни, упорядоченная совокупность (система) правовых отношений,

¹ См. напр.: *Кудрявцев В.Н.* О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3; *Кудрявцев В.Н.* Законность: содержание и современное состояние // Журнал российского права. 1998. № 1; *Лисюткин А.Б.* К понятию законности // Правоведение. 1993. № 5 и др.

² См.: *Байтин М.И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М.: Право и государство, 2005. С. 340 – 344; *Он же.* К уточнению понятия законности // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 3. С. 12; *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учеб. М.: Юристъ, 2003. С. 411.

основанная на точном претворении законов в жизнь¹. Два названных выше понятия «законность» и «правопорядок» находятся в неразрывной связи между собой и соотносятся как причина и следствие, средство и цель. Если в обществе есть законность, следовательно, есть и правопорядок и, наоборот, состояние упорядоченности общественных отношений на основе норм права; состояние правового порядка подтверждает четкое, точное и последовательное соблюдение всеми субъектами права действующих законов, т.е. наличие законности.

Законность и правовой порядок относятся к числу внешних универсальных правовых пределов, распространяющихся на все три уровня и на все виды правового усмотрения. Данные пределы предполагают недопустимость выбора и реализации субъектом права модели поведения, нарушающей предписания действующих в государстве правовых норм и приводящей к нарушению состояния упорядоченности правовых отношений в обществе.

Отнесение законности и правопорядка к внешним пределам усмотрения в праве обусловлено тем, что законность подразумевает, что правовое поведение субъекта, основанное на усмотрении, будет соответствовать требованиям всей совокупности действующих правовых норм, а не только той нормы, которая является основанием данного усмотрения. Следует отметить приоритетность законности и правопорядка в определении правомерности юридического усмотрения, поскольку возможны ситуации, когда усмотрение субъекта будет правомерным с точки зрения нормы-основания, но будет нарушать принцип законности и сложившийся правовой порядок (например, злоупотребление правом).

Универсальность названного предела обусловлена тем, что он применим к любому виду правового усмотрения: конкретно-нормативному и компетенционному; судебному, законодательному и правореализационному; абсолютно-определенному и свободно-вариативному и др.

Вторым правовым пределом юридического усмотрения являются *нормативно закрепленные границы* выбора субъектом права варианта поведения. Данный предел распространяется, в первую очередь, на нормативный уровень правового усмотрения, но затрагивает и субъективно-поведенческий. Рассматриваемый предел усмотрения

¹ См.: Борисов В.В. Правопорядок советского общества и пути его укрепления // Вопросы теории государства и права: сб. статей: под ред. М.И. Байтина, В.В. Борисова. Саратов, 1971. Вып. 2. С. 52.

носит комплексный характер, то есть состоит из разнообразных закрепляемых в правовых нормах установлений, ограничивающих усмотрение субъекта при разрешении правового казуса. К разновидностям нормативно закрепляемых пределов усмотрения в праве необходимо относить:

1. *Принципы права*, закрепленные в соответствующей разновидности исходных (учредительных) норм – в нормах-принципах. Принципы права могут быть разделены на общеправовые, межотраслевые, отраслевые, и исходя из этого определяется место в системе права норм, их закрепляющих¹. Нормы-принципы служат ориентирами для совершенствования законодательства, определяя наиболее важные группы общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании. Однако, как справедливо отмечал профессор М.И. Байтин, в определенных случаях закрепленные в законодательстве принципы права могут выступать в качестве нормативной основы решения юридического дела и обеспечивать правильное правоприменение².

2. *Нормы-цели*. Данные правовые нормы в зависимости от степени глобальности устанавливаемых ими целей могут быть разделены на несколько уровней:

– конституционные нормы-цели определяют цели, стоящие перед всем обществом и государством. К таким нормам можно отнести ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации, провозглашающую, что Россия является демократическим федеративным правовым государством, или ч. 1 ст. 8 Конституции, закрепляющую, что в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности;

– отраслевые целеустановочные нормы, определяющие назначение, цели и задачи соответствующей правовой отрасли. Например, ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ провозглашает назначение уголовного судопроизводства в России;

– специальные нормы-цели устанавливают цели и задачи отдельных правовых институтов или определенных видов деятельности государственных органов или должностных лиц. Так, в соответствии со ст.

¹ См.: Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3.

² См.: Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правописание на грани двух веков). С. 243.

1 закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ оперативно-розыскная деятельность осуществляется в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

В отношении норм-принципов и норм-целей следует подчеркнуть, что они являются достаточно универсальными внешними пределами правового усмотрения, поскольку ограничивают свободу выбора субъектом права модели правового поведения тогда, когда в других правовых предписаниях такого ограничения не содержится. Если обратиться к деятельности оперативно-розыскных органов, то особенности стоящих перед ними задач по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также специфика осуществляемых для их решения мероприятий таковы, что именно такой критерий, как соответствие установленным законом целям, позволяет отграничивать действия, связанные с выполнением должностных обязанностей, от противоправных действий.

3. *Закрытые (исчерпывающие) перечни* возможных вариантов решения или действия субъекта конкретного правоотношения. Например, в соответствии со ст. 97 УПК РФ дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, закрепленных ст. 98 УПК РФ, в которой содержится исчерпывающий перечень мер уголовно-процессуального пресечения, предусмотренных действующим законодательством.

4. Прямо выраженные *запреты* определенного поведения. Так, согласно ст. 10 ГК РФ не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу. То есть из всей совокупности возможных моделей правового поведения субъекта гражданских правоотношений при осуществлении субъективных прав этой нормой исключаются те варианты, которые хотя с формальной точки зрения не являются противоправными (преступлением, административным правонарушением), но целью их является причинение вреда другому лицу.

5. *Сервитуты*. Они ограничивают собственника земельного участка в выборе таких вариантов реализации субъективного права, в

¹ См.: Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон № 144-ФЗ от 12 августа 1995 г. (в ред. от 10 июля 2012 г.) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

результате которых он создаст препятствия для прохода или проезда на соседний земельный участок, прокладки и эксплуатации линий электропередач, связи трубопроводов и т.п.

6. *Уточнения*, определяющие границы содержащихся в нормах права оценочных категорий. Уточнения могут рассматриваться как часть содержания одного из элементов правовой нормы. Как правило, такие уточнения приводятся в примечаниях к статьям нормативно-правового акта. Например, примечание к статье 158 УК РФ в п. 2 указывает, что «значительный ущерб гражданину» применительно к статьям главы 21 Уголовного кодекса РФ определяется исходя из его имущественного положения, но не может составлять менее 2500 рублей (установлены нижние границы оценочной категории). В пункте 4 примечания разъясняется, что «крупным размером» признается стоимость имущества, превышающая 250 тысяч рублей, а «особо крупным» – превышающая 1 миллион рублей¹.

Помимо примечаний, следующих непосредственно за статьей нормативно-правового акта, подобные уточнения могут содержаться и в положениях других нормативно-правовых актов. В этом случае такие уточнения следует расценивать не как часть содержания самой правовой нормы, а как самостоятельную норму права, являющуюся специальной по отношению к общей, разъясняемой норме. Достаточно распространено закрепление разъяснений по применению норм закона в подзаконных нормативно-правовых актах. Например, при осуществлении прокурорского надзора прокурор вправе применить такое средство реагирования, как предостережение о недопустимости нарушения закона (п. 2 ст. 22 и ст. 25.1 федерального закона «О прокуратуре РФ»²). Однако статья 25.1 закона «О прокуратуре РФ», регламентирующая применение предостережения о недопустимости нарушения закона, весьма лаконична и не разрешает всех вопросов, которые могут возникать у правоприменителя в связи с вынесением указанного акта. В этой связи Генеральный прокурор Российской Фе-

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13 июня 1996 г. (в ред. от 28 июля 2012 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² См.: О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон № 2202-1 от 17 января 1992 г. (в ред. от 21 ноября 2011 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.

дерации издал Указание¹, более детально регулирующее применение предостережения о недопустимости нарушения закона.

Данные уточнения, являющиеся нормативно закрепленными пределами правового усмотрения и содержащиеся в правовых нормах, следует отличать от разъяснений, толкующих правовую норму. В первом случае речь идет о создании новых специальных норм права, во втором – новые правовые нормы не создаются. В первом случае производится конкретизация, которая способствует тому, чтобы одно и то же явление регулировалось целой системой правовых норм², во втором – толкование.

7. *Исключение*, то есть содержащееся в предписании правовой нормы указания на определенные фактические обстоятельства, при наличии которых право на усмотрение ограничивается в связи с необходимостью для субъекта принять прямо определенное решение либо выбрать решение из меньшего количества вариантов. Примером такого исключения из общего правила можно назвать ч. 4 ст. 12.15 КоАП³, предусматривающую ответственность за выезд в нарушении правил дорожного движения на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления. Санкция данной нормы допускает судебное усмотрение при назначении административного наказания: лишения права управления транспортными средствами на срок от 4 до 6 месяцев. Однако, если данное нарушение будет зафиксировано работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи, то усмотрения при назначении административного наказания уже не будет, так как для данной ситуации оно определено точно – это административный штраф в размере 5 тысяч рублей.

¹ См.: О применении предостережения о недопустимости нарушения закона: указание Генерального прокурора РФ № 39/7 от 6 июля 1999 г. (с изм., внесенными приказом Генерального прокурора РФ от 16 октября 2000 г. № 134) // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генпрокуратуры РФ. М., 2004. Т. 1.

² См.: *Сенякин И.Н.* Специальные нормы советского права: под ред. М.И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987. С. 20.

³ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. (в ред. от 28 июля 2012 г.) № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Рассмотренные 7 нормативно закрепленных пределов правового усмотрения могут действовать как в комплексе, так и по отдельности.

Отдельной третьей разновидностью пределов правового усмотрения являются *коллизионные нормы* и *правила преодоления пробелов* в праве. Правовые коллизии, то есть расхождения между отдельными правовыми актами, регулирующими одну сферу общественных отношений, или нормами одного правового акта, а также пробелы – отсутствие правовых норм, регулирующих спорные социальные отношения, являются предпосылками для возникновения и существования юридического усмотрения. Следовательно, устранение названных негативных явлений будет ограничивать и возникшее по их «вине» усмотрение.

Коллизионные нормы, как и некоторые правила преодоления пробелов в праве, закреплены в действующих нормативно-правовых актах. Например, ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, закрепляющая приоритет положений, содержащихся в международных договорах Российской Федерации, над правилами, предусмотренными законами России, по своему смыслу является одной из коллизионных норм. В отношении преодоления пробелов в праве нормативно, как правило, закрепляются положения о применении аналогии закона и аналогии права. Эти положения, в частности, содержатся в ст. 6 Гражданского кодекса РФ¹. Однако данная разновидность правовых пределов юридического усмотрения является самостоятельной и не может быть в полной мере отнесена к группе нормативно закрепленных. Это объясняется тем, что хотя коллизионные нормы в последнее время достаточно активно развиваются и существуют даже предложения о придании коллизионному праву статуса самостоятельной отрасли², наряду с ними для преодоления юридических коллизий в правоприменительной практике используются правила, разработанные правовой наукой и еще не нашедшие нормативного закрепления. Такие правила могут иметь официальные и неофициальные источники: официальные содержатся в актах официального толкования права, обязательных для всех правоприменителей или для определенной группы правоприменительных органов; неофициальные содержатся в научной и учебной юридической литературе. То же касается и поло-

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. (в ред. от 6 декабря 2011 г. с изм. от 27 июня 2012 г.) № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² См. напр.: *Тихомиров Ю.А.* Юридическая коллизия. М., 1994; *Он же.* О коллизионном праве // Журнал российского права. 1997. № 2.

жений о применении аналогии закона и аналогии права для преодоления пробелов действующего законодательства.

Четвертым видом правовых пределов усмотрения в праве являются *компетенционные пределы*. Данный вид пределов распространяется на нормативный уровень усмотрения, реализуемый, в первую очередь, в сфере судебной и иной правоприменительной деятельности. Суть данного вида ограничений состоит в дуалистическом характере полномочий, предоставленных действующим законодательством судебным или иным правоприменительным органам и должностным лицам. Дуализм должностных полномочий в том, что они зачастую сочетают в себе субъективное право с юридической обязанностью. В качестве примера следует привести полномочия прокурора при поступлении к нему от следователя уголовного дела с обвинительным заключением, закрепленные в ч. 1 ст. 221 УПК РФ. В соответствии с названной нормой прокурор рассматривает поступившее от следователя уголовное дело с обвинительным заключением и в течение 10 суток принимает по нему одно из следующих решений:

- об утверждении обвинительного заключения и о направлении уголовного дела в суд;
- о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия;
- о направлении уголовного дела вышестоящему прокурору для утверждения обвинительного заключения, если оно подсудно вышестоящему суду¹.

В данном случае полномочие прокурора представляет собой право-обязанность, поскольку он *обязан* рассмотреть поступившее к нему уголовное дело в определенный законом срок и *обязан* принять по нему одно из решений, но в зависимости от материалов поступившего уголовного дела прокурор *вправе* выбрать один вариант решения из трех, закрепленных в законе.

Аналогично следует расценивать и предоставленное ч. 3 ст. 22 закона «О прокуратуре РФ» полномочие прокурора своим постановлением освобождать лиц, незаконно подвергнутых административному за-

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (в ред. от 28 июля 2012 г.) № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

держанию на основании решений несудебных органов¹. Генеральный прокурор в своем приказе требует от подчиненных ему прокуроров решительно пресекать факты незаконного применения к гражданам административного задержания и активнее использовать предоставленное ст. 22 закона «О прокуратуре РФ» *право* освобождать своим постановлением лиц, необоснованно подвергнутых административному задержанию на основании решений несудебных органов². В этом случае одна плоскость общественных отношений представлена должностной обязанностью прокурора выявить гражданина, незаконно и необоснованно подвергнутого административному задержанию на основании решения несудебного органа, и освободить его, вынеся об этом соответствующее постановление. Другая – это правовые отношения прокурора и органа, допустившего незаконное задержание гражданина, в которых праву прокурора вынести постановление об освобождении гражданина противопоставлена юридическая обязанность указанного органа исполнить данное постановление прокурора.

Такой дуалистический характер полномочий, входящих в компетенцию органов применяющих право, ограничивает возможности их усмотрения.

Компетенционные пределы усмотрения в праве тесно связаны с таким видом нормативно закрепленных пределов, как закрытый (исчерпывающий) перечень, поскольку именно они чаще используются при законодательном регламентировании полномочий правоприменительных органов. Необходимо отметить, что закрытые (исчерпывающие) перечни могут являться составной частью компетенционных пределов. Однако существует важное отличие: при наличии исключительно такого предела, как закрытый (исчерпывающий) перечень вариантов поведения, субъект *вправе* выбрать одну из предусмотренных моделей поведения, но может и полностью отказаться от предлагаемых вариантов; а в случае с компетенционными пределами – субъект *обязан* выбрать один из вариантов решения.

¹ См.: О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон № 2202-1 от 17 января 1992 г. (в ред. от 21 ноября 2011 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.

² См.: Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: приказ Генерального прокурора РФ № 195 от 7 декабря 2007 г. (в ред. от 10 февраля 2012 г.) // Законность. 2008. № 3.

Пятым видом правовых пределов юридического усмотрения является *толкование* норм права. Толкование как предел распространяется, прежде всего, на виды нормативного уровня правового усмотрения. В первую очередь, в качестве пределов усмотрения в праве выступают различные подвиды официального толкования. Огромная роль в ограничении правового усмотрения принадлежит судебному толкованию правовых норм, даваемому Конституционным судом Российской Федерации, Верховным судом Российской Федерации и Высшим Арбитражным судом Российской Федерации. Так, согласно ч. 5 ст. 79 закона «О Конституционном суде Российской Федерации» позиция Конституционного суда РФ относительно того, соответствует ли Конституции Российской Федерации смысл нормативного правового акта или его отдельного положения, придаваемый им правоприменительной практикой, выраженная в постановлении Конституционного суда РФ, подлежит учету правоприменительными органами с момента вступления в силу соответствующего постановления¹.

Таким образом, при применении правовых предписаний, в том числе и тех, которые предусматривают усмотрение, органы и должностные лица связаны позицией Конституционного суда РФ, разъясняющей, как следует применять норму права, чтобы правоприменительная практика соответствовала требованиям Конституции РФ.

Аналогично следует оценивать разъяснения, даваемые судам и арбитражным судам Верховным судом РФ (ст. 126 Конституции РФ) и Высшим Арбитражным судом РФ (ст. 127 Конституции РФ) соответственно. Как правило, разъяснения, касающиеся правильного применения действующего законодательства, и анализ типичных ошибок, допускаемых судами при разрешении дел, содержатся в постановлениях пленумов указанных судебных органов.

Шестой вид пределов усмотрения в праве – это *устоявшиеся типовые решения, складывающиеся в юридической практике*. Прежде всего, как пределы правового усмотрения следует расценивать правоприменительную и судебную практику. В данном контексте юридическую практику целесообразно разделить на положительную (эффективную и складывающуюся в точном соответствии с буквой и «духом» закона) и негативную (реализация правовых предписаний искажает их смысл, заложенный законодателем, а результаты не соответствуют целям право-

¹ См.: О Конституционном суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ от 21 июля 1994 г. (в ред. от 28 декабря 2010 г.) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

вого регулирования). Соответственно положительная практика демонстрирует примеры решений, которые следует принимать в схожих ситуациях, а негативная – модели поведения, от которых необходимо воздерживаться. С целью обеспечения того, чтобы типовые решения формировались на основе положительной практики в судебных и иных правоприменительных органах регулярно проводится обобщение и анализ деятельности данных органов за определенный период времени, и их результаты официально публикуются или рассылаются для ознакомления работников внутри ведомства.

Указанные типовые решения, сформировавшиеся в рамках юридической практики, являются ориентирами для правового усмотрения субъектов права, прежде всего тех, которые осуществляют правоприменительную деятельность. Естественно, что выбор субъектами таких моделей правового поведения, которые исходя из существующей практики являются заведомо неэффективными или противоправными, резко сократится.

Представляется, что рассмотренные правовые, морально-правовые и внеправовые пределы усмотрения в праве являются основными средствами для построения эффективной системы, ограничивающей реализацию усмотрения в праве и обеспечивающей предупреждение социально-правовых конфликтов, связанных с усмотрением.

ANMERKUNGEN

Kapitel I. Sozialer Konflikt im Spiegel verschiedener Ansätze

1. *Wie effektiv ist die Kombination von interdisziplinären Praktiken für die Institutionalisierung des Konflikts?* **(V. Letyav)**

Die Existenz der verschiedenen Ansätze zur Lösung des Konflikts bedeutet nicht, dass einer von ihnen optimal ist. Sie stellen eine Ressource an Variabilität dar oder bieten verschiedene Etappen der Auflösung von sozialen Konflikten. Offensichtlich ist der Mangel an der Erarbeitung von Technologie der normativen Konfliktsinstitutionalisierung oder, in einigen Fällen, dessen Minderung. Wichtig ist auch die Diskussion über die Grenzen der Konfliktsinstitutionalisierung innerhalb eines einheitlichen Rechtsrahmens. Allein normativ-rechtliche Regulatoren sind nicht immer optimal für die Lösung sozialer Probleme. "Der Rechtseinsatz" in der Konfliktlösung ist dann optimal, wenn keine anderen rechtlich-semiotischen Ressourcen wirksam sind, wenn mora-ethische, psychologische und andere Regulierungsmittel nicht funktionieren. Allerdings ist auch die Kombination von Regulatoren möglich, um ein positives Ergebnis zu erzielen. Aus unserer Sicht ermöglicht die Verwendung des runden Tisches-Formats mit der Beteiligung von Vertretern aus verschiedenen wissenschaftlichen Bereichen, bei der eine Konvergenz der wissenschaftlichen Positionen stattfindet, ermöglicht die Vorstellungen von der Grenzen, der Angemessenheit und der Notwendigkeit des sozialen Konflikts für die Entwicklung der Öffentlichkeitsarbeit zu optimieren. Interdisziplinäres Diskussionsformat zeigt seine Nützlichkeit vor allem in jenen Fällen, in denen solche "großen" wissenschaftlichen Probleme für eine lange Zeit nur im Rahmen von fachspezifischen Forschungen analysiert wurden. Dies führt häufig zu der Lokalisation der Schlussfolgerungen und die Schaffung von Regulatoren im Rahmen der normativen Systemen, die von jedem einzelnen Wissenschaftszweig untersucht werden. Inzwischen ist der Konflikt selbst individuell und erfordert für seine Lösung eben durch den Einsatz von integrierten Werkzeugen verschiedener normativ-semiotischer Systemen. Interdisziplinäre Praktiken überwinden natürlich entwickelnder Ansatzspezialisierung und erweitern das Arsenal solcher Regulatoren. Die Ergebnisse dieser Forschung lassen uns der Fruchtbarkeit der vorgeschlagenen Methodik glauben, bestätigen unsere Vermutung, dass diese Praktiken auch in der Zukunft nachgefragt sein werden.

2. "Zu Begriffen "sozialer Konflikt" und "kulturell-historische Krise" (M. Junusowa)

Der Beitrag "Zu Begriffen" sozialer Konflikt" und "kulturell-historische Krise" ist der Analyse von Bedeutung (Denotation) dieser Konzepte im Kontext der philosophischen, soziologischen, kulturellen und historischen Diskurse der Modern-Ära gewidmet.

Im einleitenden Teil der Arbeit werden die wichtigsten (in diesem Kontext) konzeptionelle Einschätzungen der Begriffe "soziale Konflikte", "sozialer Widerspruch", "Kontroverse als Antinomie" betrachtet. Aufbauend auf der Denotation dieser höchst widersprüchlichen (in den philosophischen, soziologischen, kulturellen und historischen Hinsichten) konzeptionellen Schätzungen, stellt der Autor die Frage nach der Möglichkeit von historischer Typologie der sozialen Konflikte und kulturell-historischer Krisen. Der Autor beschreibt die Notwendigkeit (und zugleich die Problematik) der Aussonderung der sogenannten "konstruktiven" Konflikte, "plus-Konflikte" und destruktiven Konflikte, d.h. im ersten Fall zur sozialen Konvergenz, in der zweiten – zur sozialen Zerstörung führenden.

Darüber hinaus wird in der Arbeit die Frage nach dem aktuellen Trend zur umstrittenen "eindimensionale" Interpretation von sozialem Konflikt als solche gestellt, reduziertem in Übereinstimmung mit der historischen Situation der Wende des 21. Jahrhundert. Der Autor analysiert die wachsende Bedeutung der Beobachtung der Korrelationsbeziehung zwischen dem Wesen der sozialen Konflikte, ihrer Realisierungsform und Lösungsmethoden heutzutage (wenn auf der einen Seite, in der postmodernen Situation die sozialen und zwischenstaatlichen Konflikte paradoxerweise in religiöser Form "verpackt" werden, auf der anderen Seite die Gesamtzahl der "künstlichen" Konflikte zunimmt, nicht ohne die Massenmedienbeteiligung provoziert).

3. Gewissenhafte, entwickelnde Konkurrenz: von Rivalität zur Zusammenarbeit (I.V. Kuryscheva)

Zu allen Zeiten waren die Menschen in Konkurrenzverhältnissen einbezogen, die oft zu schweren und anhaltenden, und manchmal unlösbaren Konflikten führten. Das Konkurrenz-Konzept wird in der inländischen

psychologischen Literatur als – eine der wichtigsten Formen der zwischenmenschlichen Beziehungen betrachtet, die durch das Erreichen der individuellen und kollektiven Ziele, Interessen in einer Konfrontation mit den anderen für die gleichen Ziele und Interessen kämpfenden Personen oder Gruppen gelöst werden kann.

Die Forscher sondern das semantische Feld des Konzepts der "Konkurrenz" ab und betrachten es als einen sozialen Wert, der zum Fortschritt der ganzen Gesellschaft beiträgt. Jedoch ist es darauf zu achten, dass es notwendig ist, die negativen Auswirkungen der Konkurrenz zu mindern, die ihren Ausdruck in einer unberechtigten Verteilung der Menschen in armen und reichen findet, im Verzicht auf gegenseitige Hilfe, wodurch Antagonismus zwischen den Rivalen entsteht. Dafür ist es wünschenswert, der Konkurrenz einen zivilisierten Charakter und humanistische Orientierung zu geben.

In diesem Artikel nehmen wir für Grundlage eine Definition des sozialen Konfliktes als eine der wichtigsten Konfliktarten, dessen Subjekte als Elemente der sozialen Gemeinschaft (Individuen, soziale Gruppen, Staat) auftreten; Konflikte, die in verschiedenen Bereichen entstehen, auf verschiedenen Ebenen der sozialen Beziehungen. Neben diesem Konfliktsbegriff werden bedeutungsähnliche, aber in Bezug auf Inhalt nicht identische Termini der Feindschaft und Rivalität verwendet.

Zwischen Konkurrenz und Konflikt existiert ein deutlicher Unterschied. Sowohl Konkurrenz, als auch Konflikt sind Formen des Kampfes. Konkurrenz ist dabei kontinuierlicher und unpersönlich, während Konflikt – befristet und persönlich. Teilung der Konkurrenz auf gewissenhafte und ungewissenhafte hat rechtliche und ethische Implikationen. Die Funktionierung aller Unternehmen, Organisationen und Institutionen in Übereinstimmung mit den Kriterien der Ehrlichkeit und Integrität in den Geschäftspraktiken hat sowohl eine formelle als auch informelle Basis. Deshalb setzt die Konkurrenz Zusammenarbeit, Respekt für gemeinsame Vereinbarungen, Bürgerrechte, ethischen und moralischen Grundsätzen im Konkurrenzkampf heraus, selbst wenn es paradoxal klingt, um die Konkurrenzfähigkeit zu erhöhen.

Fortgeschrittene Denker glauben daran, dass eine neue Ära in der Geschichte der Menschheit beginnt – die Ära der Transformation egoistisch orientierten wirtschaftlichen Menschen materieller Zivilisation im geistigen Menschen. Geistigkeit, das geistige Leben ist entscheidend und bildet die Grundlage für das Leben eines Menschen, die ihm ermöglichen, konstruktive Beziehungen sowohl mit den Partnern, als auch mit den Konkurrenten in allen schwierigen und unerwarteten Situationen zwischenmenschlicher Kommunikation und Interaktion zu bauen, Verantwortung und guten Willen zu

zeigen, der Strategie der gewissenhaften, entwickelnden Konkurrenz und gegenseitig vorteilhafte Zusammenarbeit zu folgen.

***Konfliktlösung als Grundlage für die Lösung der sozialen im
Recht innewohnenden Interessenwidersprüche
(E.Yu. Malikov)***

Im Abschnitt untersuchen wir die subjektiv-objektiven Struktur des Konflikts, der abhängig von den Interessen der verschiedenen gesellschaftlichen Subjekten gebildet wird, was ermöglicht, die Zusammenwirkung von internen und externen Faktoren bei der Entstehung und Entwicklung des Konflikts zu verfolgen, und die Grundmittel und -wege zu seiner Minimierung und (oder) Beseitigung zu entwickeln.

Es werden die Ursachen von Konflikten in Bezug auf Rechts (fehlende gesetzliche Regelung dieser oder anderer rechtlichen Beziehungen, Konflikte, Mangel in der Regulierung, etc.) identifiziert. Es wird die Rolle des Rechts bei der Schaffung von Bedingungen betrachtet, die die Nivellierung des Interessenkonflikts der verschiedenen Subjekte und deren Gruppen gibt, eine tragfähige Basis für die fortschreitende Entwicklung der Gesellschaft zu schaffen.

Analysiert wird der Einfluss von Interessen auf die Bildung der Normen des objektiven Rechts und die Umsetzung des subjektiven Rechts, und die Fähigkeit des Rechts, die Bildung von einigen Interessen zu fördern und von anderen zu verhindern, dadurch Konflikte zu vermeiden. Es werden auch die Probleme der Nicht-Umsetzung seines eigenen Interesses zu Lasten der anderen Subjekte in Rechtsverhältnissen betrachtet, der Beziehungen zwischen privatem und öffentlichem Interesse. Die Lösung dieser Probleme verhindert die Entstehung von Rechts- und Interessenkonflikten, was zur Förderung einer nachhaltigen Entwicklung der Gesellschaft führt.

Wir untersuchen die objektiven und subjektiven Faktoren, die die Entstehung des rechtlichen Konflikts beeinflussen. Es werden verschiedene Faktoren der wirtschaftlichen, politischen, sozialen und kulturellen Natur objektiv betrachtet. Subjektiv werden die Widersprüche der zu realisierenden Interesse betrachtet, die durch Rechtssystem verursacht sind; die Prozesse der Bürgeridentifikation, Bewusstmachung der Zugehörigkeit zu den sozialen, ethnischen, religiösen und anderen gesellschaftlichen Gruppen, die Verständnis von eigenem Platz im sozialen System, die Divergenz der Menschen (ihre Gruppen und Vereinigungen) im Grundwerten, in den

Einschätzungen von Ereignissen und in anderen subjektiv bedeutenden Vorstellungen über die Rechtsphänomene; widersprüchliche Deutungen der Rechtsnormen etc.

Untersucht werden die rechtlichen Instrumente (Einschränkungen, Grenzen, Stimuli, etc.), deren Verwendung rechtliche Konflikte lösen könnte.

Kapitel II. Soziale Dramaturgie und ihre Akteure

Aktor als die aktive Seite, die den Verlauf des sozialen Konflikts je nach seinen Interessen schafft und beeinflusst (T.V. Derjugina)

In Abschnitt werden der soziale Konflikt durch das Prisma der Interaktion der Akteure, die Rolle des Aktors bei der Schaffung, Entwicklung und Minimierung und (oder) Lösung des Konfliktes analysiert. Es werden die Beziehung zwischen den Interessen des Aktors und den Ursachen des Konflikts festgelegt. Es werden die Begriffe des Aktors betrachtet, die von verschiedenen Sozialwissenschaften (Politikwissenschaft, Soziologie, etc.) vorgeschlagen wurden- sowohl die spezifischen Charakteristika des Aktors des Konflikts.

Wir untersuchen die objektiven und subjektiven Ursachen des Konflikts. Es wird die Analyse von Interessen als eine Hauptquelle von Konflikten durchgeführt. Es wird das Problem der Reflexion und Bewusstmachung von Aktor seiner Interessen oder der Interessen einer gesellschaftlichen Gruppe, die er vertritt, analysiert, sowie Bewusstmachung des Vorhandenseins gegensätzlicher Interessen, bei denen die Parteien bereit sind, in Konflikt zu treten. Die Rolle der legitimen und illegitimen Interessen in der Entwicklung des Konflikts wird beschrieben.

Es wird gezeigt, wie die Motivation des Aktors die Entstehung, die Entwicklung und die Unterdrückung von Konflikten beeinflusst. Abhängig von der Motivation des Subjektes wird zwischen Interessenkonflikt und kognitivem Konflikt unterschiedet. Es werden auch die internen und externen Faktoren analysiert, die die Wahl des Verfahrens für die Realisierung dieser Interessen beeinflussen.

Es wird die Grundform erforscht, in der psychologischer Mechanismus des Konflikts realisiert wird – Opposition. Es werden objektive und subjektive Ursachen des Verhaltens des Subjekts im Konflikt beschrieben.

Die Subjekte des rechtlichen Konflikts werden festgelegt. Die Korrelation der Begriffe "Konfliktpartei" und "Aktor" wird betrachtet.

Analysiert werden die Strategien der Aktors in Konfliktsituationen (Anpassung, Vermeidung, Kompromiss, Wettbewerb, Zusammenarbeit). Es kommt zur Schlussfolgerung über die positive Rolle des Aktors im Konflikt, die auf der Suche nach Rechtsmitteln zur Beseitigung möglicher sozialer Konflikte gerichtet ist, auf die Wahrung der Ordnung in der Gesellschaft, Stabilität und Nachhaltigkeit des sozialen Systems.

2. Das Bild des Feindes in den territorialen Konflikten: methodische Aspekte (A. Makarov)

Der Autor stellt die Frage über den ontologischen Status des Konflikts, und löst sie durch die Analyse der empirischen und pragmatischen Konflikttheorie. Das Phänomen des territorialen Konflikts wird in dieser Forschung von einem phänomenologischen Standpunkt aus betrachtet.

Analysiert wird das Bild des Feindes im territorialen Konflikt vom Standpunkt der philosophischen Anthropologie. Die vorgeschlagene Hypothese der Konfliktlösung besteht im Folgenden: in der menschlichen Gesellschaft, die den Wert der friedlichen Lösung von Grenzstreitigkeiten unterstützt, kann und sollte Aggression in einen territorialen Konflikt umgewandelt werden, und diese Art von Konflikt – in territorialen Streit – territorialer Streit – in die rechtliche und politische territoriale Diskussion der Argumente von Konfliktparteien, die entweder zu einem Kompromiss oder zur Konfliktminderung führt. All diese Phasen – Aggression, territoriale Konflikte, territoriale Streitigkeiten, Diskussion über die Argumente der Parteien und die Entscheidung – werden von einem Feindbild begleitet, die sich von Stufe zu Stufe ändert. Das Feindbild ist funktionell notwendig für die Konfliktparteien, für politische und ethische Phantasie, um Verhaltensmotive zu schaffen. Ziele der vorgeschlagenen Forschung: die wichtigsten Konzepte dieses Schemas (durch begriffliche Grenzen zwischen ihnen) zu klären – territorialer Konflikt, territorialer Streit, eine Typologie von Feindbildern zu entwickeln und die funktional-semantischen Relationen zwischen den Bildern vom Anderen-Fremden und dem Konzept "unser Territorium" festzustellen.

3. Traditioneller und "nicht-traditioneller" Islam in der Wolga-Ural-Region: Diskussion und Argumentation im modernen religiösen Diskurs (L. Almasova)

In vielen Ländern ist das Problem der Beziehung zwischen den verschiedenen religiösen Kulturen sehr akut. Inzwischen entsteht der Konflikt nicht nur im Rahmen von zwei verschiedenen religiösen Traditionen, sondern auch unter den Anhängern der gleichen Religion, wie die Auseinandersetzung zwischen Katholiken und Protestanten in Nordirland, die Alawiten und Sunniten in Syrien, und jetzt kann diese Liste, leider auch durch die Wolga-Ural-Region erweitert werden.

Feldstudien, die 2009-2012 durchgeführt wurden, zeigten, dass man in Tatarstan und Baschkortostan heutzutage über zwei wichtigsten entgegengesetzten Richtungen in der islamischen Ummah sprechen kann: Hanafi, Verteidiger der lokalen Islamstraditionen (darunter auch der Sufi Erbe) und die Salafisten – Anhänger der nicht-traditionellen Formen des Islam in der Region. Die Haupteinwände beider Richtungen – den Sufi- und Hanafi Traditionalisten, auf der einen Seite, auf der anderen – die Salafisten – können in vier Gruppen unterteilt werden. a) dogmatische Widersprüche, b) die Unterschiede in den Fiqh-Ansätzen, c) die rituellen Unterschiede, und d) ethische Inkonsistenz.

Es scheint, dass der Dogmas- und Fiqh-Bereich ein spezieller abstrakter theologischer Diskurs ist, aber im modernen Islam, eigentlich wie auch Jahrhunderte früher, bekommt er eine klare politische Färbung, weil er bestimmt, auf welche Richtung und dementsprechend auf welches Land sich die Gläubigen orientieren werden, oder zu welchem Machtszentrum dieses oder jenes Territorium gehört.

Es ist zu bemerken, dass die traditionalistische Richtung mehr am Leben in einer multikulturellen Gesellschaft angepasst ist, während der aus Ländern mit muslimischer Mehrheit importierte Salafismus, zu Kompromissen und Akzeptanz der Vielfalt religiöser Diskurse weniger fähig ist. Dennoch meinen wir, dass die Diskreditierungsversuche und den Mangel an Dialog mit dem gemäßigten Flügel von Salafismus vom offiziellen Klerus und von den russischen Behörden kann nur zu mehr Konfrontation und den Übergang von den Anhängern des Salafismus zu radikaleren Formen des religiösen Glaubens führen.

**4. Gerichtliches Ermittlungsverfahren als Quelle
der Forschung des Konflikts zwischen Macht und Gesellschaft
in der tatarischen autonomen sozialistischen Sowjetrepublik
in den späten 1930er – anfang der 1940er Jahre und Probleme
seines Gebrauchs
(E. Krivonozhkina, I. Hanipova)**

Im Beitrag geht es um einen Versuch, den Konflikt zwischen der Gesellschaft und der Macht auf der Grundlage der gerichtlichen Untersuchungen zu erforschen, die in den Archiven der Republik Tatarstan bewahren sind. Die Autoren analysieren die Hauptursachen für solche Fälle, ihre Spezifik als historische Quelle.

Der Großteil dieser Fälle wurde nach dem Artikel "konterrevolutionärer Aktivitäten" eingeleitet. Die Autoren argumentieren, dass die Struktur und der Inhalt der oben genannten Quellen eine Vorstellung über die Art und Weise des Lebens und Denkens der Sowjetbürger in den späten 1930er – Anfang 1940 Jahren geben, über die Stereotypen in der Gesellschaft, die Widersprüche zwischen Staat und Gesellschaft.

Als Folge schlossen die Autoren, dass die Schwierigkeit bei der Arbeit mit dieser Quellenart in der richtigen Interpretation und in der Entwicklung von Techniken für die Arbeit damit besteht. Dies sollte das Ergebnis der gemeinsamen Bemühungen von Spezialisten sein, die solche Dokumente in ihrer Praxis verwenden.

**5. Unterschiede in den sozialen Interessen als Ursache
für Konflikte (am Beispiel des sozio-politischen Kampfes
in Argos V–IV Jahrhundert v.Chr.)
(E.A. Venediktova)**

Die Geschichte ist voll mit solchen Beispielen. Keine Ausnahme ist die Geschichte von Argos (griechischen Polis). So haben in Argos, nach der Schlacht bei Sepee, die zur Vernichtung eines großen Teils der Bevölkerung geführt hat, die wichtigsten sozio-politischen Prozesse begonnen, die das Machtverhältnis in der Politik zugunsten der erst ungleichberechtigten Bevölkerung widerspiegelt haben. Mit der Schwächung der Herrschaft der Dorer in Argos begann ein unumkehrbarer Prozess der demokratischen Veränderungen, die das Gesicht des demokratischen Polises V-IV Jahrhundert geformt haben. BC Diese demokratischen Reformen konnten direkt mit dem

Ausbau der Bürgerrechte auf früher unterprivilegierten Bevölkerung des Argostales durch die Politik von Sinoykizm verbenden werden.

Die Widerspiegelung der demokratischen Tendenzen in Argos war die Verabschiedung des Gesetzes über die Ächtungsexil, das zu einem wichtigen Werkzeug in den Händen der Demos gegen jegliche Ansprüche auf Obermächteroberung wurde, aber zunächst eine antiaristokratische Orientierung hatte (Arist. Pol V. 2 5 p 1303b; ...Schol Aristoph. Equ. 851). Allerdings gibt es keine konkreten Beweise für die eigentliche Anwendung des Gesetzes (auch Ostraka wurden nicht gefunden). Eine direkte Folge der Demokratisierung des politischen Systems von Argos wurde auch eine Verschlechterung der sozialen Beziehungen, die von oligarchischen Revolutionen begleitet wurde.

Kapitel III. Einsatz vom normativen System bei der Regelung der sozialen Interessen: Funktion und Disfunktion des normativen Systems

1. Die Rolle der Rechtsstrukturen bei der Beseitigung von Unausgewogenheit der normativ-rechtlichen Akten (I. Senjakin)

Im Beitrag wird festgestellt, dass die Gesetzgebung der Russischen Föderation ein riesiger normativ-rechtlicher Bereich ist, in dem verschiedene Arten von Inkonsistenzen, Widersprüchen und Ungenauigkeiten vorkommen. Verdoppelung und mangelnde Koordination von Rechtsnormen verursacht ein solches Phänomen als legislative Unausgewogenheit. Der Autor begründet die internen und externen Ausdrucksformen vom gesetzgebender Unausgewogenheit, vertikale und horizontale Erscheinungsformen, zeigt Besonderheiten legislativer Unausgewogenheit. Sie kann sektoral und sektorenübergreifend, national und regional, das Unausgewogenheit des Inhalts der Rechtsinstitutionen, etc. sein.

Im Beitrag werden auch die Ursachen der legislativen Unausgewogenheit betrachtet: Föderalismus russischer Gesetzgebung, Probleme im Verhältnis von föderaler und regionaler Gesetzgebung, ihre übermäßige Differenzierung, unzureichende Rechtstechnik, etc. Es wird die Definition der gesetzgebenden Unausgewogenheit gegeben.

Der Autor zeigt die Mittel und Wege zur Beseitigung von legislativer Unausgewogenheit, eine von denen ist die rechtliche Konstruktion. Die Konstruktion eines Rechtsakts hat viele Dimensionen: Auf der einen Seite

können wir über die Gestaltung der Inhaltsstruktur von normativen Akten sprechen, auf der anderen Seite, über die Gestaltung der sprachlichen Struktur dieser Akten. Bei der Erstellung der Rechtsaktenkonstruktion werden solche Struktureinheiten verwendet, wie Präambel, Anmerkung, Anlage, Fußnote.

Der Beitrag stellt ihre Bedeutung, Zweck, Arten und Auswirkungen auf die Ausgewogenheit der Gesetzgebung dar, erklärt, dass die Forschung von normativ-rechtlichen Akten in Bezug auf ihr Strukturbesonderheiten eine wichtige Rolle bei der Bewältigung des Unausgewogenheit der Rechtsetzungs- und Rechtsanwendungstätigkeit spielt.

2. Religiöse Ausbildung in multi-ethno-konfessioneller Umwelt als Faktor für eine nachhaltige Gesellschaftsentwicklung (R. Nabiev)

Im Beitrag wird die Bedeutung der religiösen Ausbildung für nachhaltige Entwicklung der Gesellschaft, die Wege zur Erhöhung ihrer Rolle in der Entwicklung interkultureller Toleranz und des Dialogs gezeigt. Es werden die wichtigsten Möglichkeiten bestimmt, um die Qualität und Effektivität der religiösen Ausbildung zu erhöhen, die im rechtlichen Bereich verläuft. Darunter sind: die Entwicklung einheitlicher Curricula, die Versorgung der Bildungsinstitutionen mit den Lehrmitteln und an die lokalen Traditionen angepassten Lehrkräften, die Verbesserung der Zusammenarbeit zwischen staatlichen und religiösen Institutionen im Bildungsbereich usw. Die Erweiterung der sozialen Basis der nachhaltigen Gesellschaftsentwicklung passiert auch durch die Bildung von toleranten interreligiösen Beziehungen, einschließlich im Bildungsbereich durch konkrete Techniken und Praktiken in Bildung und Erziehung.

Es wird das Problem des Religionsunterrichtes in einer säkularen Schule in multi-ethno-konfessioneller Umwelt betrachtet, die Berücksichtigung der Interessen der verschiedenen Gruppen verlangt. Religiöse Harmonie und Atmosphäre von gegenseitigem Respekt basiert auf der Grundlage von Traditionen, historischer Gedächtnis und ausgewogener wissenschaftlich begründeter Politik.

3. Einführung der Konfliktforschung in Hochschul-Curricula der sozialwissenschaftlichen Fachrichtungen (Philosophie, Recht, Geschichte, Ethnologie, Politikwissenschaft, Soziologie) (O. Sinizyn)

Der menschliche Intellekt, der moralischen Regulatoren zugrunde liegt, spielt eine entscheidende Rolle für das Überleben der menschlichen Zivilisation. Einer derer Werte ist die Fähigkeit, ein System von Konfliktvorbeugung und -lösung zu schaffen. Aber diese Fähigkeit ist nicht spontan, sondern ist das Ergebnis von gezielten bildungserziehenden und pädagogischen Auswirkungen, vor allem auf die jüngere Generation.

Das ist unmittelbar mit den Kompetenzen der auszubildenden Absolventen der Hochschulinstitutionen verbunden, und sollte einen besonderen Platz in den Lehrplänen der Geisteswissenschaften einnehmen. Zur Umsetzung dieser Aufgaben schließen alle russischen Bildungsprogramme des Hochschulbereichs im Sozialwissenschaftenblock (Philosophie, Recht, Geschichte, Soziologie, Politikwissenschaft, Ethnologie) bei den Disziplinen des professionellen Bereichs potentiell das erforderliche fachspezifische Material ein. Aber dies ist nur ein formal-pragmatischen Ansatz zur Lösung des Problems. Selbst die expressivsten Szenen aus dem politischen Leben, der historischen Realität oder juristischer Analyse der menschlichen Interaktion nur fragmentarischen veranschaulichen angesammelte historische Erfahrungen der Verhütung und Lösung von Konflikten.

Ausgehend davon, wird die Notwendigkeit der Einbeziehung in die existierenden Lehrpläne der neuen Bildungsstandards im variablen Teil humanitäres, soziales und wirtschaftliches Blocks, in der Struktur des Bachelor-Grundbildungsprogramms solche Disziplinen wie "Einführung in die Konfliktwissenschaft", "Geschichte der Konfliktwissenschaft", "Philosophie von Konflikt und Frieden", "allgemeine Konfliktwissenschaft", "Technologie der Konfliktlösung und Friedenskonsolidierung", "Einführung in die Geschichte und Theorie der Konfliktlösungsinstitutionen". Konkretere Disziplinenliste hängt von der Art des Bildungsprogramms für die Sozialwissenschaften und der Verfügbarkeit von Spezialisten ab.

Man meint, dass der Kurs "allgemeine Konfliktwissenschaft" derzeit am besten geeignet ist. Der Autor bietet einen Modell-Lehrplan dieser Disziplin, eine kurze Beschreibung des Inhalts und methodische Empfehlungen zu den bewährten erfolgreich eingesetzten Bildungs-Technologien.

4. Kulturelle Erbe von Tatarstan – im Mittelpunkt einer multikulturellen und multireligiösen Region (R.R. Khairutdinov)

Das alte Land von Tatarstan ist seit jeher für den Geist der Kreativität und Zusammenarbeit berühmt, dem umfassenden und organischen Dialog der Kulturen und Zivilisationen, mit dem Wunsch, zwischen-ethnische und zwischenkonfessionelle Harmonie zu erreichen.

Die historischen, architektonischen und Erinnerungsdenkmäler von Tatarstan verbinden kulturelle Errungenschaften der Völker der Republik. Unter ihnen – die national-kulturelle Erbe unseres Landes Kasaner Kreml, der in die UNESCO-Liste des Weltkulturerbes eingetragen wurde, die Stadt Elabuga, Baudenkmäler von Sviyazhsk, archäologische Stätten des Biliarsker Schutzgebiets und das älteste noch in der Republik bestehende Historische Museum von Bolgar, das gleichzeitig in sich beide einzigartigen Denkmäler der bulgarischen Architektur und die kulturelle Schicht mit der archäologischen Funde vereinigt, die das Leben der Wolga-Kama-Region seit der Antike widerspiegelt.

Sie sind vor Jahrhunderten an der Kreuzung der beiden großen Zivilisationen entstanden und haben in sich ihre wichtigsten Merkmale organisch angenommen, wurden zu einer kulturellen, wirtschaftlichen und politischen Brücke zwischen Europa und Asien. All dies bildete ein einzigartiges kulturelles und ethno-konfessionelles Bild der Region, in dem sich die tatarischen, russischen und anderen nationalen Traditionen verflochten, die muslimischen und christlichen kulturellen Zusammenhänge widerspiegeln.

Die Erbschaft ist ein wichtiges Instrument für die Förderung dieser Ziele, das Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft verbindet. Kultur, einschließlich des Tourismus, ist die Grundlage für die Entwicklung, aber auch ein Mittel für eine offene intellektuelle, emotionale, moralische und geistige Existenz. Kulturelles Erbe ist einer der Schlüssel zum Verstehen anderer Menschen, weil es zum ununterbrochenen Dialog zwischen Zivilisationen und Kulturen beiträgt.

5. Mediation als Konfliktlösungsmethode (P. Melnitschenko)

Aus der Sicht der Konfliktwissenschaft ist die Menschheit eine Arena des Kampfes, auf der einander Völker, Nationen, soziale Gruppen, Staaten und im Endeffekt der Mensch sich selbst widerstehen. Eine der Aufgaben der Konfliktwissenschaft besteht darin, Methoden der Konfliktlösung zu entwickeln. Leider war die Konfliktwissenschaft erfolgreicher bei der Konfliktbeschreibung und -klassifizierung (theoretischer Teil), als in der Entwicklung von Werkzeugen, die in der Praxis eingesetzt werden könnten. Erst im letzten Jahrhundert konnte die Konfliktwissenschaft zusammen mit anderen Wissenschaften ein Produkt geben, das eine praktische Anwendung hat – die Mediation.

Der Mediation, als einem Doktrin-Produkt, lag die Erfahrung der Menschheit in den letzten tausend Jahren zugrunde, in denen das staatlich-rechtliche Mittel der Konfliktlösung dominierte. Als Impulse für die Suche nach anderen Wegen zur Lösung sozialer Konflikte diente die Krise des Gerichtssystems, die Mitte des XX Jahrhunderts begann, zunächst in den dominierenden Staaten, und dann in der ganzen zivilisierten Welt.

Ein wichtiger Meilenstein in der Entwicklung der Mediation in Russland waren die rechtliche Abwicklung dieser Institution und als Folge, die Kurse für die professionellen Mediatoren. In solchen Kursen wurden mehrere wichtige Themen festgestellt, die die Entwicklung der Mediation in Russland beeinflussen.

Die Figur des Mediators, als Vertreter eines selbständigen Berufes. Es wurden wichtige Problembereiche identifiziert: der Grad der rechtlichen Regelung der Zulassung zum Beruf des Mediators, insbesondere Implementierung der Vertreter von einzelnen Berufen in den Mediatorberuf (Rechtsanwälte, Psychologen, Ärzte).

Das zweitwichtigste Problem bei der Konfliktlösung – Mediation – ist mit der Kompetenz des Mediators eng verbunden. Es wurde festgestellt, dass für einen professionellen Vermittler folgender Kompetenzen notwendig sind: Konfliktidentifizierung, Identifikation von Denkweisenmodus, Zielidentifizierung.

Die dritte Perspektive ist auf die einzelnen Mediationsinstitutionen gerichtet: Mediationsgeheimnis, Coaching, gesetzliche Regelung des Mediationsverfahrens.

**6. Freizeit-Praktiken der multi-ethnischen
und multikonfessionellen Stadtgemeinschaft Russlands
in der zweiten Hälfte des XIX – Anfang XX Jahrhunderte:
Konflikt und Dialog
(S. Malyschewa)**

Im Abschnitt werden am Beispiel einer multi-ethnischen und multikonfessionellen Stadtgemeinschaft von Kazan die Bedingungen beschrieben, unter denen die Prozesse der Formation und Transformation von Freizeit-Praktiken der Stadtbürger in der zweiten Hälfte des XIX-frühen XX Jahrhunderts verliefen. Es wird gezeigt, dass intensive interkulturelle Kommunikationen in diesem Bereich wegen der sozialen, nationalen, religiösen, kulturellen Heterogenität der russischen städtischen Gemeinschaft im analysierten Zeitabschnitt häufig die Form eines Konfliktes (spielerischen oder realen) annahmen. Doch diese interkulturelle Kommunikation förderte die Konvergenz der Freizeit- Praktiken von Bürgern, ihre Demokratisierung und Homogenisierung.

**7. National-regionale Komponente als ein wichtiges Element
des staatlichen Mechanismus der Erhaltung und Entwicklung
der sprachlichen Vielfalt (am Beispiel die Republik Tatarstan)
(A.I. Khamidullina)**

Die Einführung von national-regionalen Komponenten der staatlichen Bildungsstandards in den pädagogischen Prozess im Jahr 1992 führte zu einer gemischten Einschätzung in der Öffentlichkeit von Tatarstan, weil die sichtbarste Veränderung die Einführung in den Lehrplan solcher Fächer wie tatarische Sprache und Literatur war. Es ist zu bemerken, dass das Gerichtsverfahren, die in eine oder andere Weise mit der Umsetzung dieser Komponente verbunden sind, haben eine Präzedenzfallnatur. Unserer Meinung nach, widerspiegelt die Gerichtspraxis in dieser Frage keine negative öffentliche Wahrnehmung der multikulturellen und multisprachlichen Bildung von der Bevölkerung, sondern zeigt die bestehenden Probleme in Politik, Gesetzgebung und Strafverfolgung.

Analyse der aktuellen Klagen im Gerichtsverfahren, die mit der Realisierung der national-regionalen Komponente in der Republik Tatarstan verbunden sind, lässt folgende Schlussfolgerungen machen:

1) die in der sowjetischen Zeit durchgeführte Sprachenpolitik hat sich in der gegenwärtigen Phase von der Idee des "Internationalismus" in der Priorität der Wettbewerbsfähigkeit verwandelt;

2) Die Bestimmungen der normativ-rechtlichen Akten und Bundesbildungsstandards stellen eine Bedrohung für die Gewährleistung des Rechts auf muttersprachliche Ausbildung für die nicht russischsprechenden Bevölkerung;

3) empirische Daten bestätigen positive Veränderungen in der Wahrnehmung der national-regionalen Komponente als Teil des Bildungsprogramms und die erfolgreiche Umsetzung der durchgeführten Politik in Tatarstan, das für die Notwendigkeit der Korrektur der eingeführten Standards der dritten Generation spricht.

8. Die Welt als axiologischer Grund der rechtlichen Mechanismen zur Lösung sozialer Konflikte (Y.Y. Vetyutnev)

Der Artikel beschreibt eine der axiologische Fragen des Rechtes. Viele philosophische und theoretische Rechtsforschungen unterstreichen den besonderen Wert des Friedens als Ziel des Gesetzes und des Staates. Eine Reihe von Rechtsquellen enthält einen ausdrücklichen Verweis auf den Frieden als einen Wert. Die Präambel der Verfassung deklariert inneren Frieden und Harmonie zusammen mit den Rechten und Freiheiten.

Wenn der Krieg die Gewaltinteraktion ist, basierend auf gegenseitiger Unterdrückung und Verdrängung, bis zur Zerstörung, das heißt, die komplette Entzug von Ressourcen, ist der Frieden dagegen eine Beziehung der gegenseitigen Anerkennung. Frieden bedeutet, dass die Teilnehmer die Existenz des Anderen berücksichtigen und bereit sind, den Dialog auf der Grundlage der Achtung der Umwelt seines Partners fortzusetzen.

Die Rolle des Rechts im Friedensprozess – die Bereitstellung geeigneter Redeformen und –mittel für seine Aufrechthaltung. Viele Rechtsformen extra dazu dienen, den Frieden zu erreichen und zu wahren. Dies gilt vor allem, zum Beispiel, für eine solche juristische Form wie ein Vertrag. Hier gibt es Anzeichen für einen friedlichen Zustand in seiner entwickelten Form – gemeinsame Aktivitäten, die Schaffung eines Redeumfeldes, Demonstration von gegenseitigen Anerkennung von Subjektivität. Der Wert des Friedens manifestiert sich auch in einer solchen Rechtsform, wie kontradiktorischen Gerichtsverfahren.

9. Die Notwendigkeit und die Grenzen von staatlichen und rechtlichen Auswirkungen auf den Konflikt in Krisensituationen

(A. Fomin)

Im heutigen Russland mit seiner permanenten systemweiten Krise ist jedes, selbst auch kleines Problem eine ernsthafte Bedrohung für die Sicherheit des Einzelnen, der Gesellschaft und des Staates, eine Voraussetzung für die Entstehung von verschiedenen Krisensituationen. Als Folge – die Verwendung der Organe der staatlichen Macht der Russischen Föderation rechtlicher Mittel der Sicherheitsgewährleistung ist eines der wichtigsten Elemente der Rechtspolitik, was eine tiefere und gründlichere Kenntnisse der Aufgabenspezifik und des Umfangs von Sicherheitsmittel, die die rechtlichen Rahmen für die Sicherheit in Krisensituationen bilden, Bestimmung ihres sozialen Zwecks und ihrer Rolle in den Prozessen der politischen und gesellschaftlichen Lebens, im Mechanismus der gesetzlichen Regelung des gesamten Systems der sozialen Beziehungen.

Aktualität der Forschungen des staatlichen Einflusses in Krisensituationen wird begründet, erstens, durch unerbittlichen Prozess der Destabilisierung des sozialen und politischen Lebens im heutigen Russland, die wachsende Welle von Extremismus und Nationalismus, und die Intensivierung der Oppositionsstimmungen in der russischen Gesellschaft, und, zweitens, durch die Notwendigkeit, einen entstehenden Interessenkonflikt im Rahmen "rechtlichen Bereichs" zu lösen, und drittens durch das Fehlen sowohl in der Wissenschaft, als auch in der Rechtspraxis einer eindeutigen Position hinsichtlich der Zulässigkeit der Sicherheitsmittel, der genauen Kriterien für die Unterscheidung, was zum Thema der rechtlichen Regulierung in Krisensituationen gehört, und was als Machtmissbrauch gedeutet werden sollte.

Staatliche Verwaltung in Krisensituationen ist mit den bestimmten Schwierigkeiten verbunden und erfordert drastische, manchmal harte, aber immer durch Recht regulierte Maßnahmen. Mangel an wirksamen rechtlichen Mechanismen führt zu vorzeitigen und Fehlentscheidungen, übermäßige Zerstörung und sozialen Spannungen in der Gesellschaft, erschwert im Ganzen die Rückkehr zum normalen Leben. Deshalb erfordern die Krise, egal wie plötzlichen und tragischen sie sind, ein permanentes Monitoring von Bedrohungsquellen, deren Natur und Ursachen, konsequente rechtliche Überlegungen und Ausarbeitung von Wegen und Mitteln, die es ermöglichen könnten, Krisensituationen zu verhindern, und wenn sie doch entstehen, dann zu überwinden, und dafür den schnellsten

und effizientesten Weg zu finden. Es geht um eine Optimierung der gesammelten Rechtserfahrungen bei der Lösung der sozialen Konflikte, um den Aufbau eines neuen Beziehungsschemas zwischen dem Staat und dem Individuum, um die Verbesserung der bestehenden gesetzlichen Bestimmungen, etc.

Besonders akut ist das Problem der Bestimmung der Anwendungsgrenzen der rechtlichen Sicherheitsmaßnahmen in Krisensituationen. Auf der einen Seite ermöglicht ihr Einsatz, diese oder andere Interessenkonflikte zu überwinden, die durch normale verfassungsmäßige Maßnahmen nicht eliminiert werden können. Auf der anderen Seite muss man fest gewährleisten, dass die Machtkonzentration, die in diesem Fall so notwendig ist, nicht zum Nachteil der verfassungsmäßigen Rechtsstaatlichkeit eingesetzt wird, dass Verweise auf bestimmte, außergewöhnliche Umstände zur Beseitigung aus dem Gesellschaftsleben rechtliche demokratische Institutionen nicht führt.

10. Das Kaiserreich als eine Lösungsform der regionaler Konflikte in Russland und im postsowjetischen Raum (N. Gratshev)

Die Entwicklungstendenzen des politischen Weltsystems zeugen davon, dass während der Globalisierung die Renovation der Reichsstaatlichkeit, die Restaurierung der Reichsidee und der Reichssouveränität passiert. Das Reich ist eine besondere, aber nicht einzigartige Form der Regierung. Der Weg der Reichsgründung ist der notwendige und logische Entwicklungsweg der Großmächte, die zu einer globalen Zivilisation wachsen können, deren staatlich-rechtliche Form sie oft sind.

Russland wurde ursprünglich als ein kaiserlicher Staat gebaut, in deren Organisation während seines Bestehens Elemente von Konföderalismus, Föderalismus, Autonomie bei einer starken Tendenz zu zentralen Unitarismus verflochten wurden. Sowjetische Periode trotz des Versuchs der Föderalisierung des Landes hat nichts in der Natur des imperialen russischen Staates verändert. Unverständnis dieser Natur war eine der Ursachen des Zusammenbruchs der Sowjetunion und einer Reihe internationaler und regionaler Konflikte in der ehemaligen Sowjetunion, einschließlich der Russischen Föderation. Installation westlich zugeschnitten Modellen des Föderalismus und der örtlichen Selbstverwaltung hat in Russland zum Wachstum

des Separatismus, ethnische Konflikte und Konflikte zwischen verschiedenen Regierungsebenen geführt.

Die Reform des föderalen Systems, die in den 2000er Jahren von Präsident Putin durchgeführt wurde, ließ die Erhaltung und Stärkung des russischen Staates, konnte aber nicht viele Probleme, sowohl externe und interne, lösen. Externe – das sind die Bedrohung seiner Integrität und Souveränität von den geopolitischen Rivalen, ungelöste Statusfragen einer Reihe von ehemaligen sowjetischen Gebieten (Transnistrien, Südossetien, Abchasien), die expansionistischen Bestrebungen der einzelnen Staaten zu den ehemaligen Sowjetrepubliken, deren Grenzen in der Tat die Grenzen des russischen Reiches sind.

Die Lösung dieser Probleme liegt im Bereich der Erfindung und Konstruktion des optimalen Modells der staatlich territorialen Struktur, die die territoriale Integrität Russlands, innere und äußere Sicherheit und Souveränität sicherstellen könnte. Durch das Prisma dieses Modells sollte auch die russische Politik gegenüber den postsowjetischen Republiken betrachtet werden. Russland hat seine imperialen Spezifika nicht verloren. Seine Existenz als souveräner Staat erfordert die Implantation der imperialen Formen und Methoden in seine staatlichen Organisation, was erneut durch problemlose Entwicklung einer neuen Machthierarchie bestätigt wurde, imperial in Form und Zweck. Es gibt auch einen natürlichen Raum, in dem der politische Einfluss Russlands erweitert werden kann – die ehemaligen Sowjetrepubliken. Mit gezielter Entwicklung von Integrationsprozessen können hier Konföderalismus- und Föderalismus-Prinzipien einbezogen werden, die ein wichtiges organisatorisches und rechtliches Instrument zur Wiederbelebung des Potenzials und der Kapazität von Russland bei der Bildung der Eurasischen Union ist.

11. Umgehung des Gesetzes als Mittel der Konfliktlösung (V.A. Volkov, V.M. Melichov, M.V. Sevostjanov)

In dem Beitrag wird vorgeschlagen, laut dem Artikel.10 des Bürgerlichen Gesetzbuches Russlands, den Begriff der "Umgehung des Gesetzes" einzuführen, der noch im römischen Recht vorhanden war. Im russischen bürgerlichen Recht erschien dieser Begriff in der BGB RSFSR von 1922, aber mit der Verabschiedung des Zivilgesetzbuches der RSFSR im Jahr 1964 hat man auf diesen Begriff verzichtet. Im aktuellen BGB wird "Umgehung des Gesetzes" als Scheingeschäft betrachtet. Die Autoren ar-

gumentieren, dass die "Umgehung des Gesetzes" immer eine Art von vorgetäuschten Geschäften ist, es ist eine unabhängige Straftat durch Scheingeschäft. Umgehung des Gesetzes ist völlig eigenständige Kategorie von illegalen Geschäften, die aber nichts mit der traditionellen Institution der unwirksamen Geschäften zu tun hat. Umgehung des Gesetzes ist eine Art von Missbrauch des Gesetzes, eine der schwierigsten Formen. Basierend auf dem Obengenannten wird der Schluss gezogen, dass der Missbrauch des Zivilrechts in der Regel eine besondere Art von unerlaubter Handlung, die mit der gezielten Austretung der berechtigten Person verbunden ist, in der Situation der Rechtsunsicherheit über die inneren Grenzen (Sinn, Zweck) des subjektiven Zivilrechtes (die unter anderem durch die Kriterien der Angemessenheit und Treu und Glauben determiniert sind), um ihre illegalen versteckten Ziele zu erreichen, mit Hilfe von Formalismus und Mängel des Zivilrechts: Abstraktion, Fehler unterschiedlicher Art, Widersprüche des Gesetzes und Vertragsbedingungen, etc.

12. Zur Frage der Gruppenklagen im Schiedsverfahren (E. Senjakina)

Einer besondere Art von Klagen sind Gruppenklagen. Sie sind eine relativ neue Art der Ansprüche für Schiedsverfahrensrecht. Ihre Erscheinung ist durch die Entwicklung der Marktbeziehungen, Unternehmenstätigkeit und den Mangel an geeigneten rechtlichen Rahmen, der deren Inhalt völlig entsprechen würde.

Der Autor weist auf eine Reihe von Problemen im Zusammenhang mit solchen Klagen auf, macht Vorschläge zur Verbesserung des Schiedsverfahrens, die Fragen von Sammelklagen betreffen, analysiert ausländische Erfahrung in diesem Bereich.

13. Die politisch-rechtliche Institutionalisierung der korporativen Interessen und die Konflikträchtigkeit der Prozesse ihrer Realisation: die inländische Erfahrung (T.K. Krassilnikowa)

In diesem Artikel werden die unterschiedlichen Verfahrensweisen zur Erfassung des Wesens und der Bedeutung der korporativen Interessen in den historischen und doktrinären Kontexten analysiert, werden die

Rechtsformen der Institutionalisierung dieser Interessen abge sondert und analysiert, die politisch-rechtlichen und sozial-wirtschaftlichen Faktoren, die ihre Entstehung beeinflussen, festgestellt, sowie die Spezifik der Zusammenwirkung der Institute der öffentlichen Macht und der verschiedenen Unternehmen auf der Grundlage der inländischen Erfahrung. Der Autor zeigt, wie im für Russland traditionellen Modell von Machtverhältnissen, die Realisation der politisch-rechtlichen Gewährleistung der korporativen Interessen, die Bildung und die Konkurrenz von mehreren politischen, unternehmerischen, religiösen und anderen Körperschaften, die Festlegung bei den Instituten der öffentlichen Macht der Funktion des Schiedsgerichtes, die die Bilanz zwischen korporativen Strebungen und Bedürfnissen für die nachhaltige Entwicklung der Gesellschaft gewährleistet, den konflikträchtigen Charakter hat.

**14. Das Projekt "Klassenraum Drama" (class act)
als Ressource für das "Durchspielen" des Konflikts
im jugendlichen Team und Entwicklung
von Verhaltensalgorithmen des Teenagers
(L. Buschkanez)**

Kategorie des Konflikts hat eine Hauptbedeutung für die Literaturwissenschaft bei der Forschung der Dramapoetik als eine literarische Art. Dank diesem spielen die dramatischen Werken und die Theaterkunst nicht nur eine ästhetische Funktion, sondern auch eine psychotherapeutische und soziologisierende Funktion, die Aufnahme in die Diskussion über zeitgenössische Werte. Eben deshalb ist an der Kreuzung der Literatur, kreativen Schreibens – Drama – und des Theaters wurde das Projekt "Class Act" für Jugendliche geboren. Die Projektidee ist im Theater "Traverse" (Schottland) entstanden und seit 1990 wird erfolgreich in schottischen Schulen realisiert, dann wurde das Projekt in Russland durchgeführt: Teens mit einem professionellen Schriftsteller schreiben Mini-Dramen (10-15 Minuten) zu einem freien Thema, die dann die Grundlage für das weitere große Spektakel bilden, das von professionellen Regisseuren und Schauspielern geschaffen wird. Autoren des Projekts sehen es als ihr Ziel, einen "Fachpublikum" vorzubereiten und unruhigen Jugendlichen sozial anzupassen. Aus unserer Sicht ist das Projekt wichtig auch aus der Sicht dessen, das die Teilnehmer lernen, die Konflikte in der Gesellschaft sehen und die Wege für ihre Lösung suchen. In der Welt der Teenager Texte

wird die Welt klar in Gut und Böse eingeteilt, und die Hauptfigur ist ein Träger des Guten, und Umgebung – der Träger des Bösen. Und in dieser Hinsicht ist es bemerkenswert, dass der Prozess der Drama-Schaffung, – die zwei Konfliktmitglieder hat und jeder sein eigenes Recht hat – hilft, einseitige Sicht der Welt zu überwinden.

Die Wahrnehmung des Konflikts durch Dramaturgie-Mittel ermöglicht es, eine tolerante Haltung gegenüber der Welt zu schaffen, macht es möglich, der Gesellschaft anzupassen, die Wahrheit der anderen Seite zu verstehen, die bisher nur als feindlich wahrgenommen wurde, das heißt, baut ein komplexeres Weltbild. Konflikte dürfen nicht vermieden werden, man sollte in der Lage sein, sie zu durchleben und zu lösen – diese wertvolle Erfahrung (neben ästhetische) geben uns die Projekte wie Class-Act-Project.

Kapitel IV. Text und sozialer Konflikt

1. Realität des Konflikts im Konflikt der Texte: Quelle der russischen Geschichte des XX Jahrhunderts (A.A. Salnikova)

Im Beitrag wurden die Definition und das Autorsverständnis davon vorgeschlagen, was ein konfliktträchtiger Text in der Quellenforschung ist, wurden die Begriffe eines tatsächlich und potentiell konfliktträchtigen Textes differenziert, wurde die Beziehung zwischen dem Text-Konflikt und dem Interpretation-Konflikt gezeigt, wurden Faktoren festgestellt, die den Konflikt-Grad von Textquellen verstärken oder mildern. Als ein Beispiel von Konflikt-Texten wurden die "Kinder"-Texte analysiert, die in einer entscheidenden Epoche der Revolutionen von 1917 und des Bürgerkriegs in Russland erschienen.

2. Semantische Kämpfe im Recht. Diskurslinguistische und korpuspragmatische Zugänge zu juristischer Semantik (Friedemann Vogel)

Der vorliegende Beitrag umreißt Ansätze und das Erkenntnisinteresse der (deutschsprachigen) Rechtslinguistik. Im Mittelpunkt steht dabei die Einsicht, dass „Rechtsarbeit“ eine institutionalisierte und komplexe Form der juristischen „Textarbeit“ ist, bei der umstrittene Sachverhalte in der Welt erst sprachlich „zubereitet“ (Jeand’Heur 1998) und dann entschieden

werden. Rechtslinguistische Studien gehen den dabei beteiligten Versprachlichungs- und Vertextungsprozeduren nach – sowohl auf der Gesprächsebene (Mikroebene) als auch der Diskursebene (Makroebene) und unter besonderer Berücksichtigung von Laien- versus juristischem Fachwissen. Im Kontext der linguistischen Diskursanalyse illustriert der Beitrag zwei ausgewählte Zugänge zu juristischer Semantik. Das Erkenntnisinteresse dieser Untersuchungsperspektive richtet sich in Anlehnung an Foucault vor allem auf „Semantische Kämpfe“ (Felder 2006), das heißt die sprachlichen und argumentativen Verfahren, mit der widerstreitende Akteure und Gruppen versuchen, ihre Sicht der Welt dominant und im Rechtsdiskurs durchzusetzen. Am Beispiel der Normgenese der sog. „Online-Durchsuchung“, einem neuen Eingriffsinstrument der deutschen Sicherheitsbehörden seit 2009, zeigen sich bei einer qualitativen Studie (Vogel 2012) die sprachlichen Strategien von Befürwortern und Gegnern, den Sachverhalt in ihrer jeweils eigenen Perspektive zu konstituieren. Schließlich wird ein neuerer Ansatz der „Juristischen Korpuspragmatik“, d.h. computergestützte, quantitative Zugänge zu juristischer Semantik, am Beispiel der des rechtsdogmatischen Diskurses zur sog. „Menschenwürde“ (Art. 1 Abs. 1 des Deutschen Grundgesetzes) vorgestellt.

3. Sprachökologischer Aspekt der Konfliktkommunikation (S.S. Takhtarova)

Der vorliegende Beitrag ist der Analyse des sprachlichen Verhaltens der Gesprächspartner in der Konfliktsituationen gewidmet. Ausgehend von der potentiellen Konflikträchtigkeit jedes Sprechakts, die durch Unterschiede in der „Pragmatik des Sprechenden und des Hörenden“ und durch eine Reihe von anderen Faktoren verursacht wird, kann man von spontaner, unmotivierter und intentioneller, gezielter Konflikträchtigkeit der Interaktion sprechen. In den Situationen der intentionellen Kommunikationskonflikte sind die Gesprächshandlungen eines oder beider Kommunikationspartner bewusst darauf gerichtet, Schaden dem Anderen zuzufügen, bei ihm das Frustrationsgefühl hervorzurufen. In diesem Zusammenhang gewinnen die sprachökologischen Forschungen, die der Analyse des sprachlichen Ökosystems des Menschen gewidmet sind, in der letzten Zeit besonders an Bedeutung. Zu den Grundcharakteristika des „ökologischen“ Kommunikationsverhaltens von homo loquens gehören Wohlwollen, Toleranz, kommunikative Empathie, die in der Kommunikation durch bestimmte Strategien und Takti-

ken realisiert werden. Schließlich werden die sprachökologischen Aspekte der Konfliktkommunikation am Beispiel der kommunikativen Kategorie „Toleranz“ betrachtet.

4. Methodologischer Konflikt in Hermeneutik (D.S. Yagudina)

Dieser Beitrag beschreibt das Konzept des Interpretationskonflikts, den Raum, in dem er auftritt, sowie die Bedingungen und Gründe für sein Auftreten.

Als eine der Erklärungen für dieses Phänomen wird der Konflikt der Interpretationsmöglichkeiten vorgeschlagen, der aufgrund der Heterogenität der Hermeneutik entsteht, die eine Vielzahl von Methoden und Richtungen umfasst. Es geht um solche paradigmatischen Ansätze wie "Entlarven-Interpretation" und "Vorbereitung zum besseren Verständnis", die mit dem Vertrauen / Misstrauen zum Text, als auch mit der reflektierenden und intuitiven Hermeneutik verbunden sind.

Im Beitrag werden der Unterschied zwischen den Konzepten "Interpretation" und "Verstehen", die Bedeutung des mangelnden Verstehens der reflektierenden Interpretationsmethode erklärt und wird die sogenannten Methode der "komischen Orten" beschrieben

Der Text beschreibt einen Mechanismus für die Explikation symbolischen und mythologischen Bedeutungen durch "komische Orte" am Beispiel "Petersburger Textes" der russischen Literatur mit seinen Traumhaftigkeit, die zum mythologischen Denken führen kann, und daher kann symbolisch interpretiert werden. Es wird das Konzept der sogenannten "richtigen Interpretation" konzipiert und erweitert, die einen lokalen diskursiven Charakter hat. Es wird der Mechanismus der Bedeutungsfiltration durch Rede- und persönliche Erfahrungskontexte des Lesers betrachtet, sowie auch wie und warum eine Verletzung seiner Arbeit entsteht, zum Beispiel legt der Autor absichtlich mehrere Interpretationen in die Textstruktur ein. Anschließend wird der Begriff methodologischen Konflikts eingeführt und seine Bedeutung für die Hermeneutik begründet.

5. Die Farbvisualisierung des Konflikts im Gesetzestext als Mittel der Vermeidung von sozialen Konflikten (V. Letyaew, G. Egorov)

Der Farbe und ihren Fähigkeiten als Ressource emotionaler Wirkung gaben die Menschen schon in vorgeschichtlicher Zeit eine Eigenschaft, die eine symbolische Bedeutung hat, einschließlich der Verwendung als Ressource für positive Institutionalisierung des Konflikts durch den sakralen Bereich. Darüber hinaus wurde die Farbe auch als Ressource für die Konflikt-detonation, seine Umwandlung in eine Konfliktfahne verwendet. Farbige Visualisierung ist auch jetzt sowohl bei der Gesetzgebung verwendet, als auch bei der Strafverfolgung, und kann auf andere Bereiche der gesetzlichen Regelung erweitert werden – zum Beispiel auf die Qualität der Rechtsnormen, durch die farbige Markierung der Korruptionsbedrohungen.

Visualisierung der Korruptionsbedrohungen der Qualität der Rechtsnorm erlaubt bei einer solchen Expertise die "Temperatur" des sozialen Konflikts durch die farbmarkierte Bedrohungslage zu bestimmen. Dafür wird folgendes Kriterium der Farbmarkierung des Korruption-Drohungen-Grades vorgeschlagen – "normal / unbedeutend" – grün (10%), "erhöht" – blau (10% bis 25%); "hoch" – gelb (25% bis 50%), "kritisch" – rot (50%).

Die Einführung von Farbe als Visualisierung der Korruptionsdrohungen hat als Adressat nicht nur rechtsgebende Institutionen, sondern auch die Institutionen der Zivilgesellschaft.

Basierend auf der im Wolgograder Gebiet durchgeführten Forschung in der von normativen Vorschriften in den Bereichen "Landnutzung", "Wohnen", "Umwelt und natürliche Ressourcen", "Städtebau und Architektur" wurden die Schlussfolgerungen über den Korruptionsbedrohungsgrad der Qualität von Rechtsnormen in den untersuchten Akten gemacht. Es wurde die Methodik der Farbmarkierung der Grad von Korruptionsbedrohungen für die Qualität des Gesetzes vorgeschlagen. Auf der Grundlage der vorgeschlagenen Methodik wurde die Dynamik von Faktoren entsprechend dem Gegenstand der rechtlichen Regulierung und zeitlichen Kriterien gezeigt.

6. Antikorruptionsexpertise und Regulierung von sozialen Konflikten **(D. Ljubitenko)**

Der Ausgangspunkt für das Verständnis der sozialen Natur der Anti-Korruptionsexpertise von Rechtsakten und deren Entwürfe, ist, nach der Meinung des Autors dieses Beitrags, der Fokus dieser Expertise auf die Bekämpfung der Korruption. Korruption kann jede Person mit Entscheidungsbefugnis über die Verteilung der Güter nach eigenem Ermessen unterziehen, die ihm nicht gehören. Da es Güter in begrenzter Anzahl gibt, entstehen rund um ihre Verteilung ständig Konflikte. In dieser Hinsicht kann die Anti-Korruptionsexpertise von Rechtsakten und ihrer Entwürfe als "Antikonfliktexpertise" betrachtet werden.

Identifizierung von Korruptionsfaktoren in den Rechtsakten und -entwürfen, die im Rahmen der Anti-Korruptionsexpertise durchgeführt werden sollte, hilft vor allem intrapersonale Konflikte zu beseitigen – Interessenkonflikte der Rechtsverwender. Da die Antikorruptionsexpertise auf die Begrenzung des Spielraums des offiziellen Person gezielt ist, reduziert sie die Risiken von deviantem Verhalten und ist ein Weg der Bewältigung von Konflikten mit dem ausdrücklichen "vorbeugenden Effekt".

Oft hat der Experte mit einem mangelnden Verständnis über die Ergebnisse der Anti-Korruptionsexpertise von der Person, die Entscheidung trägt, die Ergebnisse der Expertise zu akzeptieren oder abzulehnen. Dies kann zum internen Konflikt bei dem Experten selbst führen – zwischen den ihm zugewiesenen Aufgaben und dem Wunsch, die Korruptionsfaktoren zu verschweigen, deren Beseitigung er für unwahrscheinlich oder unmöglich hält.

Umsetzung der Anti-Korruptionsexpertise in den Gesetzgebungsbereich, meiner Meinung nach, führt zu keinen grundlegend neuen Qualitätsanforderungen an den Gesetzestexten. Allerdings erhebt eine Anti-Korruptionsexpertise diese Anforderungen auf ein höheres Niveau. Die Teilnehmer der Rechtsetzungsverfahren haben oft Einwände zu den Ergebnissen der Anti-Korruptionsexpertise, was zu Konflikten führt. Diese Konflikte können aus verschiedenen Gründen entstehen, einschließlich dem Wunsch der Exekutive nicht nur Rechtsverwendung- sondern auch Gesetzgebungsfunktion auf sich zu "schließen", einem gescheiterten Versuch des Rechtsaktentwurfsautors, die Mängel und Konflikte des Rechtes zu überwinden. Darüber hinaus können die auf den Ergebnissen

der Anti-Korruptionsexpertise basierenden Schlussfolgerungenfalsch sein und damit auch zu Konflikten führen.

7. Ermessensbeschränkung im Recht als einen Weg zur Vermeidung der sozialen Konflikte (A. Nikitin)

Kapitel widmet sich dem Studium des Ermessensspielraums im Recht gewidmet. Ermessen ist mehrdeutig, aber organisch dem Recht gehörendes Phänomen. Die Vorbeugung und Lösung von gesellschaftlichen Widersprüchen und sozialen Konflikte im Rahmen der gesetzlichen Bestimmungen kann das Rechtsermessen sowohl positiv als auch negativ bewirken. Es wird gemeint, dass für die möglichst vollständige Realisierung der regulatorischen und Schutzfunktionen des Gesetzes notwendig ist, den optimalen Grad des "Ermessensvorhandenseins im Gesetz" zu bestimmen, und das ist beim richtigen, integrierten Einsatz verschiedener Ermessensgrenzen möglich. Das Papier definiert den Begriff des Ermessensspielraums im Gesetz, ihre Klassifizierung. Es wird vorgeschlagen, die rechtlichen, moralisch-rechtlichen und extrarechtlichen Ermessensgrenzen im Gesetz abzusondern, interne und externe, quantitative und qualitative Grenzen. Eine kurze Beschreibung dieser Grenzarten im Rechtssystem wird angeführt.

ФОТОРЕПОРТАЖ С КОНФЕРЕНЦИИ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алмазова Лейла Ильдусовна	кандидат философских наук, старший научный сотрудник Отдела истории общественной мысли и исламоведения Института истории Академии наук Республики Татарстан
Бушканец Лия Ефимовна	кандидат филологических наук, доцент Института филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета
Венидиктова Елена Александровна	кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета
Ветютнев Юрий Юрьевич	кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
Волков Александр Викторович	доктор юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Волжского гуманитарного института (филиала) Волгоградского государственного университета
Грачев Николай Иванович	доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградского государственного университета
Дерюгина Татьяна Викторовна	доктор юридических наук, доцент декан юридического факультета Волгоградского института экономики, социологии и права
Егоров Геннадий Геннадьевич	кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Волжского гуманитарного института (филиала) Волгоградского государственного университета
Красильникова Татьяна Константиновна	кандидат юридических наук, доцент кафедры истории, политических и правовых учений Волжского гуманитарного института (филиала) Волгоградского государственного университета

Кривоножкина Екатерина Геннадьевна	кандидат исторических наук, заместитель директора по образовательной деятельности Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета
Курышева (Черемисова) Ирина Валерьяновна	доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии Волгоградской государственной академии физической культуры
Летяев Валерий Алексеевич	доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной деятельности Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета
Любитенко Дмитрий Юрьевич	кандидат юридических наук, начальник отдела правовой экспертизы Правового управления аппарата Волгоградской областной Думы
Макаров Андрей Иванович	доктор философских наук, профессор кафедры философии Волгоградского государственного университета
Маликов Евгений Юрьевич	кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Волгоградского института экономики, социологии и права председатель Волгоградского регионального отделения «Ассоциации юристов России»
Мальшева Светлана Юрьевна	доктор исторических наук, профессор кафедры историографии, источниковедения и методов исторического исследования Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета
Мелихов Виктор Михайлович	кандидат юридических наук, профессор заведующий кафедрой гражданского права и процесса Волжского гуманитарного института (филиала) Волгоградского государственного университета

Мельниченко Роман Григорьевич	кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
Набиев Ринат Ахматгалиевич	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политической истории Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета
Никитин Александр Александрович	кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия и прокурорского надзора Саратовской государственной юридической академии
Сальникова Алла Аркадьевна	доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой историографии, источниковедения и методов исторического исследования Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета
Севостьянов Максим Владимирович	кандидат юридических наук, декан юридического факультета Волжского гуманитарного института (филиала) Волгоградского государственного университета
Сенякин Иван Николаевич	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный редактор журнала “Вестник Саратовской государственной юридической академии”
Сенякина Елена Ивановна	ассистент кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии
Синицын Олег Владимирович	доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением исторического образования Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета
Тахтарова Светлана Салаватовна	доктор филологических наук, заведующая кафедрой сравнительного изучения национальных культур и межкультурной коммуникации Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета

Фогель Фридеман	профессор университета Фрайбурга, Федеративная Республика Германия
Фомин Алексей Александрович	доктор юридических наук, профессор Пензенского государственного университета
Хайрутднов Рамиль Рашидович	кандидат исторических наук, доцент, директор Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета, заведующий кафедрой отечественной истории
Хамидуллина Аделя Ильмировна	кандидат исторических наук, ассистент кафедры археологии и этнологии Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета
Ханипова Ильнара Ильдусовна	кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Академии наук Республики Татарстан
Юнусова Махаббат Гумеровна	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета
Ягудина Дина Сергеевна	аспирант Волгоградского государственного университета

INFORMATIONEN ZU DEN AUTOREN

Almasova L.I.	Dr.phil. Institut für Geschichte der Wissenschaftsakademie Tatarstan
Buschkanez L.E.	Dr.phil. Kasaner föderale Universität
Venediktova E.A.	Kasaner föderale Universität
Vetyutnev Y.Y.	Dr.iur. Wolgograder Filiale der Akademie für Volkswirtschaft und Staatsdienst Russlands
Volkov V.A.	Prof.Dr.iur.habil. Institut für Geisteswissenschaften der staatlichen Universität Wolgograd
Grachev N.I.	Prof.Dr.iur.habil. staatliche Universität zu Wolgograd .
Derjugina T.V.	Prof.Dr.iur.habil. Institut für Wirtschaft, Soziologie und Recht zu Wolgograd
Egorov G.G.	Dr.iur. Institut für Geisteswissenschaften der staatlichen Universität Wolgograd
Krasilnikova T.A.	Dr.iur. Institut für Geisteswissenschaften der staatlichen Universität Wolgograd
Krivonozhkina E.G.	Dr.phil. Kasaner föderale Universität
Kuryscheva I.V.	Prof.Dr.phil.habil. Wolgograder staatliche Akademie für Sport
Letyaev V.A.	Prof. Dr.iur. habil. Kasaner föderale Universität
Lyubitenko D.Y.	Dr.iur. Wolgograder Gebietsduma
Makarov A.I.	Prof.Dr.phil.habil. Staatliche Universität Wolgograd
Malikov E.Yu.	Prof. Dr. iur. Institut für Wirtschaft, Soziologie und Recht zu Wolgograd, Vorsitzender Wolgograder regionaler Abteilung der Juristen-Assoziation Russlands.
Malyscheva S.Y.	Prof.Dr.phil.habil. Kasaner föderale Universität
Melichov V.M.	Prof.Dr.iur. Institut für Geisteswissenschaften der staatlichen Universität Wolgograd

Melnichenko R.G.	Dr.iur. Wolgograder Filiale der Akademie für Volkswirtschaft und Staatsdienst Russlands
Nabiev R.A.	Prof.Dr.phil.habil. Kasaner föderale Universität
Nikitin A.	Dr.iur. Staatliche Akademie für Recht zu Saratov
Salnikova A.A.	Prof.Dr.phil.habil. Kasaner föderale Universität
Sevostjanov M.V.	Dr.jur. Institut für Geisteswissenschaften der staatlichen Universität Wolgograd
Senyakin I.N.	Prof. Dr.iur.habil. Staatliche Akademie für Recht zu Saratov
Senyakina E.I.	Staatliche Akademie für Recht zu Saratov
Sinizin O.V.	Prof.Dr.phil.habil. Kasaner föderale Universität
Takhtarova S.S.	Prof.Dr.phil.habil. Kasaner föderale Universität
Vogel Friedemann	Jun.Prof.Dr. Universität Freiburg
Fomin A.A.	Prof.Dr.iur.habil. staatliche Universität zu Pensa
Khairutdinov R.R.	Prof.Dr.phil. Kasaner föderale Universität
Khamidullina A.I.	Dr.phil. Kasaner föderale Universität
Khanipova I.I.	Dr.phil. Institut für Geschichte der Wissenschaftsakademie Tatarstan
Yunusova M.G.	Dr.phil. Kasaner föderale Universität
Yagudina D.S.	Staatliche Universität zu Wolgograd

**СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В РАЗЛИЧНЫХ
НОРМАТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ**

Sozialer Konflikt in verschiedenen normativ-semiotischen Systemen

Корректурa и верстка
Л.Ш. Давлетшиной

Дизайн обложки
М.А. Ахметова

Подписано в печать 12.12.2012 г.
Бумага офсетная. Печать ризографическая
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 23,83
Уч.-изд. л. 22,85. Тираж 500 экз. Заказ 49/7

Казанский университет

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 292-65-60